Л. М. Кулишеръ.

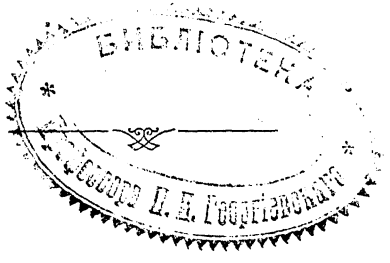
ОЧЕРКИ

ИЗЪ

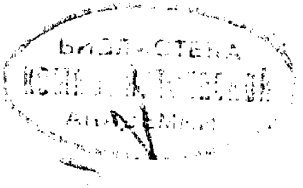
ИСТОРІИ ФОРМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

въ Западной Европѣ съ XIII до XVIII ст.

въ связи съ изученіемъ вопроса о характерѣ прибыли
въ промышленности этого періода



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Г. Розена (А. Е. Ландау). Театральная площ., 2.
1906.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Предисловіе.		3
Отдѣлъ I.	Цеховое ремесло въ XIII—XV ст.	5
	I. Идеализація средневѣковыхъ цеховъ.—Zunftzwang	5
	II. Устраненіе иногородней конкуренціи. Разграниченіе сферы дѣятельности отдѣльныхъ цеховъ	17
	III. Постановленія, стѣсняющія доступъ въ цехъ. Требованія относительно вновь вступающихъ въ Германіи	27
	IV. Позорящія занятія, вступительные взносы въ Германіи	32
	V. Требованія, предъявляемыя къ ученику и мастеру, во Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи	42
	VI. Пробная работа, угощеніе мастеровъ, обладаніе имуществомъ, замкнутые цехи въ различныхъ странахъ	49
	VII. Наслѣдственность профессій въ средневѣковыхъ цехахъ	59
Отдѣлъ II.	Отношеніе цеховыхъ ремесленниковъ къ потребителямъ и къ подмастерьямъ (установленіе цѣнъ и положеніе подмастерьевъ—рабочихъ) и характеръ ихъ прибыли	67
	I. Таксы, установленныя цехами, и таксы, изданныя городскими властями	67
	II. Составленіе таксъ на съѣстные припасы и вычисленіе расходовъ продавца	75
	III. Значеніе установленныхъ городами таксъ	85
	IV. Прибыль, извлекаемая цеховымъ ремесленникомъ изъ обмѣна	92
	V. Прибыль, извлекаемая цеховымъ ремесленникомъ изъ труда учениковъ и подмастерьевъ	101
	VI. Образованіе постояннаго рабочаго класса цеховыхъ подмастерьевъ	113
Отдѣлъ III.	Возникновеніе и развитіе домашней или кустарной промышленности, примущ. въ XVI—XVIII ст.	123
	I. Переходъ отъ замкнутаго городского хозяйства къ территоріальному хозяйству	123
	II. Появленіе конкурренціи въ торговлѣ и вліяніе ея на цѣны	139

III. Возникновеніе кустарной промышленности 147
IV. Образованіе класса скупщиковъ—капиталистовъ. . 156
V. Рабочій классъ 173
VI. Взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими 192
VII. Мѣропріятія государства съ цѣлью пониженія заработной платы 204
VIII. Уменьшеніе заработной платы въ XVI — XVIII ст. и положеніе рабочихъ въ эту эпоху 217
Отдѣлъ IV. Централизованныя мануфактуры, ихъ возникновеніе, характеръ и значеніе. — Ученіе Адама Смита. 232
I. Централизованныя мануфактуры, устроенныя иностранцами 232
II. Мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ 244
III. Мануфактуры, возникшія изъ болѣе раннихъ формъ производства 254
IV. Раздѣленіе труда на мануфактурахъ какъ источникъ прибыли съ капитала 264
V. Ученіе о цѣнности у Адама Смита 274
VI. Уровень заработной платы и прибыли по ученію Адама Смита 281

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1899, 1900 и 1903 гг. авторомъ было помѣщено въ Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik нѣсколько статей подъ общимъ названіемъ „Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses“, въ которыхъ разсматривалось развитіе прибыли съ капитала въ связи съ исторіей торговли и промышленности въ Западной Европѣ. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ, именно тѣ, которые касались промышленности средневѣковаго періода и XVI—XVIII ст., авторъ и рѣшилъ подвергнуть дальнѣйшей обработкѣ и представить на судъ русской науки. Развитіе формъ промышленности въ послѣднее время обратило на себя особенное вниманіе экономической науки, и изученіе ихъ несомнѣнно представляетъ весьма значительный интересъ для пониманія экономической эволюціи народовъ.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи авторъ однако не задавался вовсе цѣлью дать полную картину развитія формъ промышленности, а имѣлъ въ виду лишь выяснить характеръ господствующихъ формъ промышленности въ періодъ XIII—XVIII ст. Поэтому ни формы промышленности предшествующаго періода, ни работа на заказъ (Lohnwerk по терминологіи Бюхера) въ позднѣйшее средневѣковье, ни, наконецъ, ремесло въ XVI—XVIII ст. не нашли себѣ мѣста въ этой работѣ. Наиболѣе подробно авторъ останавливался на спорныхъ вопросахъ исторіи промышленности, стараясь выяснить ихъ на основаніи фактическаго матеріала и приходя во многихъ случаяхъ къ выводамъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которые являются господствующими въ современной экономической литературѣ. Таковы напр., отдѣлы, трактующіе о характерѣ цехового ремесла въ средніе вѣка и объ отношеніи мастеровъ къ вновь вступающимъ въ цехъ (условія допущенія въ цехъ) и къ потребителямъ (установленіе цѣнъ), таковы и главы, разсматривающія степень распространенія домашней или кустарной системы производ-

ства въ XVI—XVIII ст. Съ другой стороны, авторъ старался пролить свѣтъ и на такіе мало изслѣдованные вопросы, какъ характеръ таксъ, устанавливаемыхъ городскими властями въ средніе вѣка, и способъ ихъ составленія, или происхожденіе централизованныхъ мануфактуръ въ XVII—XVIII ст., ихъ виды и значеніе.

Обращая далѣе, особое вниманіе на выясненіе вопроса объ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими и о положеніи рабочихъ при различныхъ системахъ производства, авторъ тѣмъ самымъ разсчитывалъ пролить свѣтъ и на нѣкоторыя весьма важныя проблемы теоретической экономіи, на вопросы объ установленіи заработной платы въ различные періоды, о соотношеніи между рыночной цѣной и трудовой цѣнностью въ средніе вѣка и въ XVI—XVIII ст., въ особенности же о томъ, изъ какого источника и по какой причинѣ получается прибыль съ капитала. Не удовлетворяясь различными существующими рѣшеніями проблемы прибыли [1]) и находя, что ихъ основной недостатокъ заключается въ томъ, что они имѣютъ въ виду лишь хозяйственную жизнь при господствѣ свободной конкурренціи, крупнаго производства и (формально) свободнаго рабочаго договора, авторъ старался установить характеръ прибыли съ капитала въ предыдущія эпохи хозяйственной жизни, именно опредѣлить, откуда и почему получалась прибыль въ промышленности XIII—XVIII ст. Этимъ онъ полагалъ дать матеріалъ для построенія универсальной теоріи прибыли, охватывающей всю экономическую жизнь въ ея цѣломъ, а не одинъ лишь XIX вѣкъ, и различающей различные фазисы въ развитіи прибыли съ капитала, какъ они различаются въ формахъ промышленности и другихъ институтахъ хозяйственной жизни.

---

[1]) Теоріи прибыли см. у Boehm-Bawerk'a. Kapital und Kapitalzins особ. т. I. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. 2. Aufl. Innsbruck. 1900.

Отдѣлъ I.

Цеховое ремесло въ XIII—XV ст.

I.

Марксъ относилъ средневѣковый періодъ къ эпохѣ докапиталистическаго или феодальнаго хозяйства, къ эпохѣ производства для собственнаго потребленія; исторія капитала начинается со времени возникновенія міровой торговли и міроваго рынка въ XVI вѣкѣ [1]). Въ періодизаціи Гильдебранда средневѣковый періодъ составляетъ эпоху натуральнаго хозяйства въ противоположность денежному (и кредитному) хозяйству послѣдующихъ вѣковъ [2]). Однако и та и другая періодизація разсматриваетъ средневѣковый періодъ, какъ одно цѣлое, не проводитъ границы между различными эпохами его. Бюхеръ едва ли не впервые подчеркнулъ необходимость такого разграниченія періодовъ ранняго средневѣковья и позднѣйшаго средневѣковья, начиная съ XII—XIII ст. Въ противоположность замкнутому домашнему строю предшествующихъ столѣтій, онъ называетъ эту позднѣйшую эпоху періодомъ городского хозяйства [3]).

Эта новая классификація Бюхера оказалась весьма удачной, и въ то время, какъ характеристика, данная имъ хозяйственной жизни древняго міра въ качествѣ эпохи само-

---

[1]) Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. 1873. p. 128. „Хотя капиталистическое производство—говоритъ Марксъ далѣе (стр. 744)—появляется уже въ XIV и XV ст. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у Средиземнаго моря, тѣмъ не менѣе эра капитализма начинается лишь съ XVI вѣка".

[2]) Hildebrand. Natural-Geld-und Kreditwirtschaft. Jahrbücher für Nationaloekon. 1864. Его же. Die Entwicklungsstufen der Geldwirtschaft. Jahrb. für Nationaloekon. 1876. Этой же періодизаціи придерживается Conrad. Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. T. I. 3. Aufl. § 41.

[3]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. 1898. p. 57 и сл.

довлѣющаго домашняго хозяйства, вызвала возраженія съ разныхъ сторонъ [1]) (хотя нашла и себѣ послѣдователей) [2]), въ отношеніи средневѣковаго періода она была признана вполнѣ правильной. Правда, и въ позднѣйшее средневѣковье огромное большинство населенія жило въ селахъ, а не въ городахъ и находилось въ условіяхъ домашняго или натуральнаго хозяйства, а не городского, характеризующагося непосредственными мѣновыми сношеніями между производителемъ и потребителемъ. Однако пульсъ хозяйственной жизни бился все-таки въ городахъ, а не въ феодальныхъ помѣстьяхъ и между городами и селеніями установилась довольно прочная связь, въ которой первые были господствующимъ, а вторые зависимымъ элементомъ, наконецъ подъ вліяніемъ городовъ, замкнутое домашнее хозяйство крестьянъ, а еще болѣе помѣщиковъ уже успѣло прорваться во многихъ частяхъ. По своимъ размѣрамъ и численности населенія средневѣковые города были весьма невелики и даже крупные торгово-промышленные центры насчитывали рѣдко болѣе 10 тысячъ населенія [3]). Но и небольшіе на нынѣшній масштабъ города

---

[1]) Противниками Бюхера являются: Eduard Meyer. Wirtsch. Entwick. des Altertums. Jahrb. für Nationaloekon. III. F. B. IX. Poehlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. 1901. Beloch. Jahrb. für Nationaloekon. III. F. B. XVIII. Wilcken. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. 1899. М. И. Ростовцевъ. Рус. Мысль. Мартъ 1900 г. Gummerus. Der röm. Gutsbetrieb als wirtsch. Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. 1906.

[2]) На сторонѣ Бюхера стоятъ: Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. 1900. Max Weber. Die sozialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur. Die Warheit. B. VI. И. М. Гревсъ. Очерки землевладѣлія въ древн. Римѣ. Т. I. 1899. Hartmann. Zeitschr. für Sozial-u. Wirtschaftsgesch. B. IV. Grupp. Kulturgeschichte der röm. Kaiserzeit. B. I. 1903. Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique. 1906.

[3]) Для Англіи, на основаніи poll-tax 1377 г., получается, что существовало всего 10 городовъ съ населеніемъ въ 5 тыс. и болѣе (изъ нихъ одинъ Лондонъ въ 35 тыс., Іоркъ въ 11 тыс., 4 города отъ $9^1/_2$ до 6 тыс. и 4 города въ 5 тыс.), всѣ же остальные имѣли менѣе 5 тысячъ. (Inama-Sternegg, Bevölkerungswesen. Handwört. der Staatswiss. 2. Aufl. B. II. p. 666). Точно также въ Германіи (и въ другихъ странахъ, поскольку существуютъ болѣе или менѣе точныя вычисленія, ср. о способахъ вычисленія населенія въ средневѣк. городахъ Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV. und XV. Jahrh. B. I. 1886 Allgemeiner Teil) находимъ въ средніе вѣка лишь въ видѣ исключенія.

могли играть въ тѣ времена весьма важную роль какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Намъ извѣстны случаи, когда города съ 5 тыс. населеніемъ принимали участіе въ цѣломъ рядѣ войнъ и политическихъ союзовъ, вступали между собою въ различнаго рода соглашенія [1]). И точно также при ремесленномъ способѣ производства, при которомъ товары изготовляются для мѣстнаго, а не для отдаленнаго рынка, и небольшой городъ могъ сосредоточивать въ своихъ стѣнахъ самые разнообразные промыслы [2]) и обнаруживать весьма оживленную хозяйственную дѣятельность, являться важнымъ центромъ для обслуживаемаго имъ округа.

И вопросъ относительно господства въ XIII—XV ст. самостоятельнаго ремесла, производящаго при помощи небольшого капитала въ видѣ принадлежащихъ мастеру матеріаловъ и инструментовъ, можетъ считаться въ настоящее время установленнымъ. Бюхеръ только подтвердилъ своими изслѣдованіями то, что было указано еще ранѣе, новизной отличается лишь его взглядъ въ отношеніи предшествующихъ столѣтій средневѣковаго періода, когда—по его мнѣнію—существовала менѣе развитая форма производства—Lohnwerk (мастеръ давалъ только свой трудъ, матеріалъ же, а отчасти и орудія

города въ 20 тыс. жителей, каковы: Нюрнбергъ, Страсбургъ, Ульмъ, Любекъ, къ нимъ приближается и Аугсбургъ съ 18 тыс. населенія; остальные крупные города имѣли всего 9—10 тыс., какъ напр. Франкфуртъ, Ростокъ, Цюрихъ, Базель, Ипръ, Реймсъ, а такіе города, какъ Фрейбургъ (въ Швейцаріи), Равенсбургъ, Гейдельбергъ, Мейнцъ, Фрейбергъ (Саксон.) не болѣе 5 тыс. и даже 4 тыс.: Дрезденъ, Лейпцигъ, Нердлингенъ и др. (Inama-Sternegg. Deut. Wirtschaftsgesch. B. III. T. I. p. 425. Bücher. Bevölk. v. Frankf. p. 66. 196 и сл. Pirenne. Les dénombrements de la population d' Ypre au XV siècle. Viert. für Soz. u. Wirtschaftsgesch. B. I. p. 10. Reisner. Die Einwohnerzahl deutscher Städte in früheren Jahrhunderten. 1902. Schoenberg. Finanzverhältnisse des Stadt Basel im XIV. u. XV Jahrh. 1879. p. 510 и сл. Buomberger. Bevölkerungs-und Vermögensverhältnisse der Stadt und Landschaft Freiburg um die Mitte des 15. Jahrh. 1900. Eulenburg въ Zeitschr. für Soz. u Wirtschaftsgesch. B. III. Nuglisch въ Zeitschr. für Sozialwiss. B. IX. (Wirtschaftl. Leistungsfähigk. deut. Städte im Mitt).

[1]) См. Inama-Sternegg. B. III. T. I. p. 26.

[2]) См. напр. ремесла Франкфурта (Bücher. Bevölk. von Frankf. p. 141 и сл. 215 и сл.), Ипра (Pirenne l. c.), Базеля (Schoenberg, ук. соч.).

производства принадлежали заказчику-потребителю) [1]), теорія вызвавшая впрочемъ различныя возраженія [2]). Но контроверза заключается лишь въ томъ, можетъ ли быть рѣчь о существованіи такого періода господства работы на заказъ, и не имѣемъ ли мы уже въ раннее средневѣковье рядомъ обѣ формы производства — Lohnwerk и Preiswerk (или Handwerk), ибо и Бюхеръ не отрицаетъ того, что и въ послѣднія столѣтія средневѣковаго періода рядомъ съ Preiswerk продолжала существовать и работать на заказъ [3]).

Однако и Бюхеръ, столь критически относящійся къ общепринятымъ въ наукѣ взглядамъ и теоріямъ, не коснулся цѣлаго ряда другихъ весьма существенныхъ проблемъ исторіи средневѣковаго хозяйства, въ частности промышленной жизни, именно проблемъ, связанныхъ съ вопросами цеховой организаціи средневѣковаго ремесла, повторяя въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ давно установившіеся, но недостаточно провѣренные взгляды. Мы постараемся заполнить этотъ пробѣлъ на основаніи того фактическаго матеріала, который даютъ цеховые статуты.

По весьма распространенному въ наукѣ взгляду, средневѣковый ремесленникъ не пользовался монополіей въ производствѣ и не стремился къ обогащенію, почему цехи въ эту эпоху имѣли въ виду и интересы потребителей, покупающихъ производимые цехомъ товары, съ одной стороны, и нужды подмастерьевъ и учениковъ, работающихъ у мастера, съ другой стороны; мастера же довольствовались одной, хотя и достаточной для удовлетворенія ихъ потреб-

---

[1]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 141 и сл. Gewerbe въ Handwört. der Staatswiss. 2. Aufl. B. IV.

[2]) См. напр. Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland. Zeitschr. für Sozial—u. Wirtschaftsgesch. B. V. Sombart. Der moderne Kapitalismus. 1902. B. II. p. 94. Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle. 1904. p. 179—182. См. также М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. III. 1903. Стр. 112 и сл. Наоборотъ, Ochenkowski. Englands wirtsch. Entwick. im Ausgang des Mitt. 1879. (p. 53—54) еще задолго до Бюхера указывалъ на то, что англійскій ремесленникъ первоначально обрабатывалъ матеріалъ, доставляемый ему потребителемъ.

[3]) Bücher. Entst. p. 147—148. Въ томъ же смыслѣ высказываются противники его, отрицающіе періодъ господства работы на заказъ (см. предыдущ. прим.).

ностей, платой за ихъ собственный трудъ. Стремленіе къ монополіи, погоня за наживой, а слѣдовательно, и сокращеніе количества мастеровъ, пользующихся правомъ производства, и повышеніе цѣнъ на производимые товары, а равно пониженіе заработной платы подмастерьевъ—всѣ эти отрицательныя стороны цехового быта появились, по господствующему ученію, лишь въ періодъ новаго времени; средневѣковые цехи ничего общаго съ цехами послѣдующаго періода не имѣютъ, составляя полную противоположность имъ. Періодъ расцвѣта цеховой организаціи необходимо строго отличать отъ періода упадка, первый совпадаетъ съ послѣдними столѣтіями средневѣковья, второй относится къ новому времени, начинающемуся съ XVI вѣка.

Эту теорію, проводящую рѣзкую границу между средневѣковой цеховой организаціей и цехами послѣдующихъ столѣтій, выставилъ впервые Шенбергъ; въ противоположность Машеру и другимъ, предшествующимъ ему изслѣдователямъ исторіи цехового строя, Шенбергъ отрицаетъ существованіе стремленія къ обогащенію у средневѣковаго ремесленника. Каждый разъ—говоритъ Шенбергъ—повторяется это смѣшеніе двухъ столь различныхъ фазисовъ въ исторіи цеховой организаціи, упускаютъ изъ виду, что одинаковая внѣшняя форма заключаетъ въ себѣ въ разные періоды совершенно различный духъ... Для нѣмецкихъ цеховыхъ мастеровъ, этихъ гражданъ, составившихъ едва ли не наиболѣе блестящую страницу въ исторіи Германіи, безграничное стремленіе къ накопленію богатствъ, идущее за предѣлы необходимыхъ потребностей, не было еще тѣмъ идоломъ, передъ которымъ люди преклоняются, ибо исходя изъ естественныхъ правъ человѣка, они требовали для себя свободы и равенства. Какъ въ области политическихъ вопросовъ, такъ и въ экономическомъ быту они ставили общее благо выше личныхъ интересовъ; трудъ былъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей природѣ—выраженіемъ личности, онъ долженъ былъ быть поэтому такимъ же чистымъ и незапятнаннымъ“ [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказывается и Гирке. „Говоря о

[1]) Schönberg. Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. IX. p. 3. 51.

цехахъ,—читаемъ у него—мы имѣемъ обыкновенно въ виду тѣ печальные остатки ихъ, которые сохранились въ 19-мъ вѣкѣ, или представляемъ ихъ себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ эпоху упадка въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ, когда они, подобно другимъ, сохранившимся отъ прежнихъ временъ корпораціямъ, только и помышляли о всевозможныхъ исключительныхъ привилегіяхъ и монополіяхъ, о собственныхъ мелкихъ интересахъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ эту болѣе позднюю эпоху цехи представляютъ не болѣе какъ каррикатуру на то, чѣмъ они были въ эпоху расцвѣта цеховой жизни въ средніе вѣка, что они не имѣютъ ничего, кромѣ внѣшней формы и названія, общаго съ тѣми цехами, которые создали грандіозную организацію труда, какой свѣтъ не видѣлъ ни до того, ни впослѣдствіи, которые впервые въ исторіи добились признанія права на трудъ и почета труду“ [1]).

Прежняя организація ремесла въ Германіи—говоритъ Шталь—совершенно не похожа на тотъ институтъ, который образовался съ теченіемъ времени. Если послѣдній не представляетъ собою ничего отраднаго, и даже нѣтъ основанія ближе изучать его, такъ какъ онъ является не болѣе, какъ періодомъ дряхлости, то прежняя организація, наоборотъ, должна вызвать къ себѣ живѣйшій интересъ [2]).

И Брентано говоритъ о „величественныхъ, поистинѣ благородныхъ чертахъ“, обнаруживающихся въ статутахъ средневѣковыхъ ремеслъ, въ отличіе отъ послѣдующаго періода ихъ жизни. Однако—добавляетъ онъ—едва была достигнута вершина, какъ уже стали замѣчаться хотя и слабые, но все таки уже зачатки приближающагося упадка, превращенія прежнихъ постановленій въ каррикатуру на нихъ. Этотъ періодъ упадка наступаетъ уже въ 14-мъ вѣкѣ [3]).

Читая эти строки въ сочиненіи Брентано, необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Во-1-хъ, образованіе цеховъ

---

[1]) Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Berlin. 1868. p. 358—359.

[2]) Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874. p. 15.

[3]) Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. Leipzig. 1871. B. I. p. 46, 58—59.

[4]) См. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. т. II. Москва. 1903. стр. 99—111.

относится къ XII и XIII ст. До XIII вѣка почти не существовало цеховой автономіи. Во-2-хъ, цеховые статуты представляютъ собою ничто иное, какъ записи нормъ обычнаго права, существовавшихъ задолго до ихъ закрѣпленія на пергаментѣ. Только при возникновеніи спора изъ за какого либо обычая, послѣдній превращался въ законъ, вносился въ цеховой уставъ [1]). Поэтому, если мы находимъ институты, свидѣтельствующіе о стремленіи цеховъ къ монополизаціи промышленности, уже въ 14-мъ вѣкѣ, что признаетъ и Брентано, то есть всѣ основанія предполагать, что они существовали въ дѣйствительности, какъ нормы обычнаго права, по крайней мѣрѣ, за сто лѣтъ до того, и возникли, если не одновременно съ образованіемъ цеховъ, то во всякомъ случаѣ, немногимъ позже.

Подобное дѣленіе цеховой исторіи на два періода: средневѣковый—идеальный и періодъ XVI—XIX ст.—эпоха паденія, мы можемъ найти почти у всѣхъ нѣмецкихъ писателей, у однихъ въ болѣе, у другихъ въ менѣе рѣзко выраженной формѣ; къ первымъ относится напр. Стида, Лау, Бодеманъ, Зомбартъ, хотя у послѣдняго это дѣленіе основано на другомъ принципѣ, ко вторымъ — Шмоллеръ, Бюхеръ, Экертъ, Шанцъ. Даже Беловъ, высказавшій оригинальные взгляды по различнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи ремесла [2]), въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ присоединяется къ нимъ [3]). Противъ этой гипотезы выступилъ лишь Эйленбургъ, присоединившійся къ высказанному мною въ „Jahrbücher für Nationaloekonomie“ мнѣнію [4]).

У англійскихъ и французскихъ историковъ - экономистовъ мы не находимъ подобной идеализаціи средневѣковаго цеховаго строя. Такъ, Кеннингэмъ указываетъ на то, что англійскія ремесленныя корпораціи состояли изъ

[1]) См. объ этомъ въ приводимыхъ ниже сборникахъ цеховыхъ уставовъ.

[2]) См. Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. (Historische Zeitschrift. 1887. B. 58) и другую статью по тому же вопросу въ Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. V.

[3]) См. его новѣйшую статью: Die Entstehung des modernen Kapitalismus. Historische Zeitschrift. N. F. B. IV. 1903. p. 444.

[4]) Jahrbücher. III F. B. 19. 1900. Eulenburg. Drei Jahrhunderte städtischen Gewerbewesens. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. II. 1904. p. 269.

избранной кучки лицъ въ каждомъ ремеслѣ, что въ нихъ господствовалъ духъ монополіи, и прибавляетъ, что „старый городской строй былъ несомнѣнно идеализированъ до нелѣпыхъ размѣровъ“ [1]).

Левассеръ признаетъ, что и въ статутахъ XIII вѣка обнаруживается духъ монополіи. Какъ онъ указываетъ, иначе и быть не могло, разъ цеховые статуты составлялись самими мастерами: „тамъ, гдѣ дѣло касается политики, а еще болѣе, гдѣ рѣчь идетъ объ экономическихъ интересахъ, классы эгоистичны; имѣя возможность издавать законы, они руководствуются собственной выгодой и тѣ случаи, гдѣ они изъ своей власти не извлекаютъ пользы, представляютъ исключеніе [2]). По мнѣнію Де-Мареса, едва корпоративная организація ремеслъ достигла своего полнаго развитія, какъ мастера стали эгоистично эксплоатировать то монопольное положеніе, которымъ они пользовались. Они стали бороться не только съ иногородней конкурренціей, но и со своими же учениками, преграждая послѣднимъ доступъ въ цехъ. „Чѣмъ многочисленнѣе мастера, тѣмъ многочисленнѣе лица, въ рукахъ которыхъ находится производство; не дадимъ же массѣ портить то, что хорошо лишь для немногихъ!“ [3]). Любопытное указаніе находимъ у Буассонада. Начиная съ XV вѣка,—говоритъ онъ—мастера цеховъ въ Пуату составляютъ аристократію, которая принимаетъ всевозможныя мѣры къ ограниченію доступа въ цехъ, ревниво охраняя свое монопольное положеніе. А до XV вѣка? Каковы были условія въ XIII и XIV ст.? Мы не знаемъ — отвѣчаетъ Буассонадъ; детальныя свѣдѣнія объ организаціи цеховъ въ Пуату имѣются лишь начиная съ XV вѣка [4]).

Нѣсколько ближе подходятъ къ принятому у нѣмецкихъ писателей дѣленію исторіи цеховъ на два рѣзко отличныхъ по духу періода Эшли и въ особенности Мартенъ-Сенъ-Леонъ,

---

[1]) Кеннингэмъ, т. I, стр. 298. 383. 399.

[2]) Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789. 2 éd. T. I. Paris. 1900. p. 273.

[3]) Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV-e siècle. Bruxelles. 1904. p. 73.

[4]) Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI siècle jusqu'à la Revolution. T. II. Paris. 1900. p. 78.

который старается найти тотъ золотой вѣкъ въ жизни цеховъ, когда имъ невѣдомы были эгоистичныя стремленія. Впрочемъ, и Эшли, и Мартенъ признаютъ, что уже въ XIV вѣкѣ замѣтны симптомы паденія и встрѣчаются несомнѣнные признаки, свидѣтельствующіе о желаніи ограничить конкурренцію, уменьшая притокъ новыхъ членовъ, а въ XV вѣкѣ совершенно исчезаетъ либеральный духъ, уступая мѣсто всевозможнымъ стѣсненіямъ доступа въ цехъ [1]).

Необходимо, слѣдовательно, разсмотрѣть отдѣльныя требованія, которыя предъявлялись цехами при пріемѣ новыхъ членовъ, и установить, съ какого времени они появляются въ цеховыхъ статутахъ и какое вліяніе они должны были имѣть, для того, чтобы рѣшить вопросъ, пользовались-ли цеховые мастера въ средніе вѣка монопольнымъ положеніемъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рядомъ съ этими требованіями въ сферѣ цеховой жизни существовали и другіе институты, которые имѣли еще большее значеніе для созданія монопольнаго положенія цеховъ, именно институты, которыми регулировалось отношеніе цеховъ къ внѣшнему міру. Любопытно, что, расходясь во взглядахъ по другимъ вопросамъ цеховой исторіи, по вопросамъ, касающимся внутренней жизни цеховъ (требованія, которымъ долженъ удовлетворять вновь вступающій, отношенія между мастерами и подмастерьями), почти всѣ историки и экономисты сходятся въ томъ, что по отношенію къ внѣшнему міру цехи всегда занимали исключительное положеніе. Даже тѣ ученые, которые утверждаютъ, что сокращеніе числа членовъ путемъ установленія различныхъ затрудняющихъ доступъ въ цехъ требованій относится лишь къ новому времени, не отрицаютъ того, что производство и сбытъ промышленныхъ издѣлій и въ средніе вѣка (или вѣрнѣе: именно въ средніе вѣка) составляли привилегію цеховъ, причемъ каждый цехъ отмежевывалъ себѣ опредѣленную

[1]) Эшли. Экономическая исторія Англіи, стр. 334—336. Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers. Paris. 1897. p. 218. 236. Есть, наконецъ, и такіе историки-экономисты французы, которые почти всецѣло сходятся во взглядахъ съ нѣмецкими учеными, какъ напр., Girard. Histoire de l'économie sociale jusqu'à la fin du XVI siècle. 1900. p. 116 и сл., Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. Paris. 1905 г. p. 129 и сл.

область производства, недоступную для прочихъ цеховъ: это являлось необходимымъ послѣдствіемъ Zunftzwang'a [1]).

Zunftzwang состоитъ въ томъ, что исключительно лица, принятыя въ цехъ и состоящія его членами, обладаютъ правомъ на промыселъ въ данномъ городѣ: кто стоитъ внѣ цеха, не можетъ производить и сбывать свои издѣлія на городскомъ рынкѣ. „Что касается Zunftzwang'a, — говоритъ Нейбургъ—то онъ сравнительно рѣдко прямо выраженъ въ цеховыхъ статутахъ, такъ какъ уже обычай требовалъ, чтобы всякій ремесленникъ принадлежалъ къ извѣстному цеху и лишь въ исключительныхъ случаяхъ могли допускаться изъятія изъ этого правила. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое правило имѣется въ самихъ статутахъ, такъ что нѣтъ надобности заключать объ этомъ изъ общаго духа постановленій. Такъ напр., башмачники во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1355 г. устанавливаютъ, что башмаки могутъ изготовлять только члены этого цеха; тамошніе бондари требуютъ, чтобы всякій горожанинъ, занимающійся бондарнымъ ремесломъ, вступалъ въ ихъ цехъ. Берлинскіе сапожники и ремесленники, занимающіеся починкой сапогъ, по статуту 1399 г., никому не позволяютъ заниматься этимъ промысломъ, развѣ онъ пріобрѣлъ мастерство цеха. Точно также и суконщики объявляютъ въ 1233 г., что возбраняется кому бы то ни было, кромѣ членовъ ихъ цеха, изготовлять сукно" [2]). Такое же постановленіе, касающееся ткачей, находимъ въ 1268 г. въ Базелѣ, и еще раньше, въ 1149 г. въ Кельнѣ [3]). Кельнскіе портупейные мастера, литейщики, льноткачи также вносятъ въ свои статуты правило, что только лица, входящія въ составъ цеха, могутъ заниматься соотвѣтствующимъ промысломъ [4]). Беловъ указываетъ на то, что изъ семи цеховыхъ грамотъ, относящихся къ XII вѣку (въ Германіи) въ шести Zunftzwang прямо вы-

---

[1]) См. напр. Girard. p. 112. Эшли, стр. 334. Schoenberg. Zunftwesen. p. 101 и сл.

[2]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Iena. 1880. p. 111.

[3]) Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. III. 1904. Стр. 69.

[4]) Lau. Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln. Bonn. 1898. p. 207.

ставленъ въ качествѣ цѣли образованія цеха [1]). „Въ Магдебургѣ, Вѣнѣ, Мюльгаузенѣ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII вѣка правительственныя власти, будетъ ли то епископъ или герцогъ (въ Австріи и въ Штиріи) или городской префектъ, единообразно надѣляютъ цехи монополіей промысла слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ: никто не смѣетъ заниматься даннымъ ремесломъ, разъ онъ не принятъ въ сообщество, consortium, communio или unio [2])". Въ Руанѣ монополія ткачей установлена грамотой Генриха II англійскаго еще въ 1154 году. „Знайте—говорится въ ней—вы, графы, бароны и верховные судьи страны, что я призналъ и этой грамотой утверждаю за моими ткачами въ Руанѣ ихъ братство и всѣ привилегіи, такъ чтобы отнынѣ они свободно и вполнѣ безпрепятственно пользовались ими, и чтобы никто не дерзалъ ни въ Руанѣ, ни въ его окрестностяхъ (banlieu) отправлять ткацкое ремесло, не принадлежа къ ихъ корпораціи" [3]). Въ Англіи — говоритъ М. М. Ковалевскій—„уже со времени Генриха I и II оксфордскіе и іоркскіе ремесленники могли ссылаться въ защиту своихъ монополій на такіе тексты, какъ: nullus faciat officium eorum nisi sit de gilda illa или: quod nullus telam aliquam faciat in comitatu Eboracensi sine assensu tellariorum Eboraci" [4]).

Однако, объ обязательности вступленія въ цехъ всѣхъ занимающихся даннымъ промысломъ упоминается далеко не во всѣхъ цеховыхъ уставахъ. Изъ такого умолчанія многихъ цеховыхъ статутовъ о томъ, что посторонниммъ запрещается производить данный промыселъ, Эберштадтъ сдѣлалъ выводъ, что монополизація промысла вовсе не является необходимымъ условіемъ всякаго цеховаго хозяйства и во многихъ городахъ цехи вовсе не принуждаютъ ко вступленію всякаго, кто желаетъ заниматься даннымъ промысломъ [5]). Къ Эберштадту присоединяется и Зомбартъ, который также признаетъ существованіе эпохи свободы промысловъ, когда обязательнаго вступленія въ цехъ еще не

---

[1]) Below. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1891. B. II. p. 177.

[2]) Ковалевскій, т. III стр. 70.

[3]) Ковалевскій. т. III, стр. 78.

[4]) Ковалевскій, т. III, стр. 66.

[5]) Eberstadt. Der Ursprung des Zunftwesens und die älteren Handwerkerverbände des Mittelalters. Leipzig. 1900.

было, и утверждаетъ что въ различныхъ цехахъ и городахъ, какъ Германіи, такъ и другихъ странъ принадлежность къ цеху становится обязательной не ранѣе XIV и даже XV вѣка [1]). Беловъ возражаетъ на это, что Zunftzwang могъ имѣть различный характеръ и объемъ и что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не проводился въ наиболѣе рѣзкой формѣ, еще не слѣдуетъ усматривать существованія свободы промысла [2]). Вопросъ вполнѣ выясненъ Кейтгеномъ въ его послѣднемъ сочиненіи о возникновеніи цеховъ. Характерными признаками цеха — говоритъ Кейтгенъ — являются: автономія въ вопросахъ, касающихся промысла; далѣе, извѣстное, хотя ограниченное необходимостью согласія другихъ органовъ, право изданія обязательныхъ постановленій для членовъ цеха („willküren") и, прежде всего — недопущеніе посторонних къ занятію ремесломъ (Zunftzwang) [3]). Что касается въ частности послѣдняго момента,—продолжаетъ онъ—то „еще раньше, когда существовалъ лишь періодическій рынокъ, всякій торговавшій на немъ, обязанъ былъ подчиняться установленному порядку, осмотру товаровъ, уплатѣ рыночныхъ сборовъ. Когда временный рынокъ замѣнился постояннымъ городскимъ рынкомъ, эти условія сохранились попрежнему, съ той только разницей, что временный институтъ сталъ постояннымъ. И, наконецъ, когда во главѣ цеховъ стали выборные старшины, къ которымъ перешло право надзора за производствомъ и право полученія сборовъ, и тогда дѣло не могло измѣниться. Иными словами, обязанность вступленія въ цехъ являлась столь необходимымъ элементомъ промысловой организаціи и даже городского хозяйственнаго строя вообще, что весьма мало значенія можетъ имѣть то обстоятельство, содержится-ли въ томъ или другомъ статутѣ explicite или implicite обязательность участія въ цехѣ. Поэтому то дѣйствіе Zunftzwang'а распространяется и за предѣлы цеховъ. Мы находимъ его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда свободныя организаціи ремесленниковъ запрещены... Запрещеніе цеховъ не сопровождалось уничтоже-

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. p. 133—135.

[2]) Below. Die Entstehung des modernen Kapitalismus. Hist. Zeitschr. 1903. p. 447—448.

[3]) Keutgen. Aemter und Zünfte. Jena. 1903. p. 183.

ніемъ всего городского хозяйственнаго строя. Фундаментъ оставался прежній, устранялась лишь надстройка, автономія ремесленниковъ". И въ этомъ случаѣ сохранялся основной признакъ цеховой организаціи: недопущеніе къ занятію промысломъ тѣхъ, кто не входилъ въ составъ „Einung" (не-Zunft), которая пользовалась правомъ „безпрепятственно сбывать свои продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ — въ этомъ вся суть — не допускать другихъ сбывать свои товары" [1]).

Тѣмъ обстоятельствомъ, что обязательность вступленія въ цехъ сама собою подразумѣвалась, объясняется — какъ указываетъ Кейтгенъ—и то, что во многихъ статутахъ это условіе занятія промысломъ ставится лишь въ отношеніи иногородныхъ, но не упоминается о горожанахъ, относительно которыхъ и безъ того предполагалось, что они вступаютъ въ цехъ. Въ другихъ случаяхъ по той же причинѣ въ статутѣ опредѣляются лишь размѣры вступительнаго взноса. „Я считаю нужнымъ остановиться на этихъ фактахъ—заключаетъ Кейтгенъ—такъ какъ была сдѣлана попытка конструировать на основаніи подобныхъ случаевъ особую группу ремесленныхъ ассоціацій безъ обязательнаго вступленія въ нихъ всѣхъ занимающихся промысломъ" [2]).

II.

Запрещеніемъ лицамъ, не входящимъ въ составъ цеха, заниматься промысломъ, устранялась конкурренція городскихъ жителей, стѣсненіемъ ввоза промышленныхъ издѣлій, изготовленныхъ внѣ города,—конкурренція иногородныхъ: городскимъ ремесленникамъ предоставлена монополія на городскомъ рынкѣ. Промышленныя издѣлія, изготовленныя внѣ города не должны конкуррировать на городскомъ рынкѣ съ произведеніями мѣстнаго ремесла. „Въ средніе вѣка господствуетъ принципъ, что товары должны производиться въ самомъ городѣ, а не привозиться изъ другихъ мѣстъ; поэтому ввозъ промышленныхъ издѣлій всячески стѣсняется путемъ ввозныхъ пошлинъ, запрещеній ввоза и

[1]) Keutgen. Aemter und Zünfte. p. 189—191. 197. См. также Eulenburg въ Zeitschr. für Social-und Wirtschaftsgesch. B. IV. p. 140 и сл.

[2]) Keutgen. p. 200. 230.

продажи ихъ въ городѣ. Только предметы роскоши, составлявшіе спеціальность нѣкоторыхъ мѣстностей, допускались къ ввозу“ [1]). Этого правила придерживались повсюду—въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Англіи и въ другихъ странахъ,

„Въ городскихъ статутахъ, въ рѣшеніяхъ городскихъ ратушъ и въ цеховыхъ уставахъ—говоритъ Инама-Стернеггъ—содержится цѣлый рядъ постановленій, которыми ввозъ извѣстныхъ промышленныхъ издѣлій либо вовсе запрещается, либо не допускается въ опредѣленное время, съ цѣлью облегчить мѣстной промышленности сбытъ на городскомъ рынкѣ. Отчасти эти постановленія находятся въ связи съ тѣми ограниченіями въ правахъ въ области торговли и промышленности, которымъ вообще подвергались иногородніе; однако, и городскіе купцы, розничные торговцы и ремесленники ограничивались въ сбытѣ произведенныхъ внѣ города товаровъ, когда этого требовали интересы городской промышленности“. „Гостямъ, т. е. иногороднимъ купцамъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—разрѣшается продавать товары на городскомъ рынкѣ лишь въ теченіе трехъ дней въ году. Но цехи старались устранить и эту незначительную конкурренцію посредствомъ запрещенія всякаго ввоза издѣлій, произведенныхъ внѣ города. Цехи добивались того, что имъ поручался осмотръ привозимыхъ въ городъ издѣлій, что иногороднимъ запрещалось торговать въ розницу, и для послѣднихъ устанавливался цѣлый рядъ всевозможныхъ ограниченій“ [2]).

Такъ, въ статутѣ свѣчного цеха въ Кельнѣ, относящемся къ XIV вѣку, говорится: никто не можетъ ввозить въ Кельнъ съ цѣлью продажи старыхъ или новыхъ издѣлій, произведенныхъ внѣ города [3]). Въ статутѣ сапожнаго цеха города Перлеберга 1239 г. читаемъ: никто изъ иногородныхъ не можетъ продавать въ Перлебергѣ сапоги или выставлять ихъ на продажу [4]). Въ Любекѣ канатный цехъ запрещаетъ

---

[1]) Laves. Ausfuhrzölle und Ausfurhverbote. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1. Aufl. B. I. p. 971.

[2]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. Leipzig. 1901. p. 241. 246—7.

[3]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Iena. 1880.

[4]) Neuburg. Ibid.

ввозъ канатовъ въ городъ, цехъ скорняковъ—ввозъ и продажу производимыхъ имъ товаровъ [1]). При этомъ не только въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ думаетъ Лексисъ [2]), но повсюду это запрещеніе ввоза произведенныхъ внѣ города товаровъ относится не только къ иногороднимъ жителямъ, но и къ горожанамъ, распространяясь, какъ на цеховыхъ мастеровъ, такъ и на торговцевъ въ розницу и на прочихъ жителей. Въ Любекѣ, въ Данцигѣ, въ Люнебургѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ другихъ городахъ существуютъ спеціальныя постановленія по этому предмету, которыми мѣстнымъ жителямъ воспрещается ввозъ промышленныхъ издѣлій. Въ Пармѣ, по постановленію 1211 года, всѣ ввозимыя въ городъ шерстяныя издѣлія и сукна отбирались магистратомъ (подеста) и сжигались. Во Флоренціи также былъ запрещенъ ввозъ сукна. Въ Венеціи находимъ цѣлый рядъ запрещеній ввоза произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій (напр., ввозъ стеклянныхъ и шелковыхъ товаровъ) [3]). Точно также и французскіе города придерживались запретительной системы. Въ Парижѣ и въ Руанѣ было запрещено иногороднимъ ввозить вино; хлѣбъ (испеченный) и сукно можно было ввозить лишь по субботамъ [4]); другіе товары, привезенные купцами, могутъ продаваться лишь оптомъ, цѣлыми тюками, тысячами, по двѣнадцати дюжинъ [5]).

Брюссельскіе слесаря, ножевщики, портупейные мастера добиваются устраненія ввоза фабрикатовъ, произведенныхъ внѣ города [6]). На основаніи ордоннанса 1302 г., запрещалось привозить въ Гентъ сукно и продавать его на рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ, если оно не было отдѣлано въ самомъ городѣ. Иногородній, привозившій сукно, подвергался штрафу и конфискаціи товара, мѣстный житель, помимо тѣхъ же наказаній, лишался права производить промыселъ въ теченіе извѣстнаго срока [7]).

---

[1]) Wehrmann. Lübeckische Zunftrollen. p. 106 и сл.

[2]) Lexis. Einfuhrverbote. Handwört. d. Staatswiss. B. II.

[3]) Lexis. Einfuhrverbote. Roscher. Nationaloekonomik. III. p. 847.

[4]) Levasseur. Histoire des classes ouvriéres. T. I. p. 256.

[5]) Pigeonneau. p. 337—338.

[6]) Des Marez. p. 492—495.

[7]) De Vigne. Moeurs et usages des corporations de métiers de la Belgique et du nord de la France. Gand. 1857. p. 53.

Поскольку же дозволялось ввозить предметы, произведенные внѣ города, разрѣшеніе распространялось только на извѣстное время, главнымъ образомъ на ярмарочные дни и на продажу товаровъ оптомъ, но не въ розницу [1]). Кромѣ того, привезенные въ городъ товары облагались ввозными пошлинами. Такъ, въ Гамбургѣ (статутъ 1458 года) произведенныя внѣ города токарныя издѣлія могутъ продаваться во всякое время лишь оптомъ, въ розницу же только три дня въ году [2]). Въ Констанцѣ въ 1414 году постановлено, что ввезенныя сукна могутъ продаваться въ розницу лишь во время ярмарки; по окончаніи же ея они должны быть немедленно связаны въ тюки и увезены. При этомъ пошлина при ввозѣ въ городъ должна быть уплачена за весь привезенный товаръ, независимо отъ того, будетъ ли онъ впослѣдствіи проданъ цѣликомъ, или только часть его [3]). Въ Любекѣ привозимыя издѣлія, поскольку ввозъ ихъ не запрещенъ вовсе, не только продаются исключительно оптомъ и въ опредѣленныхъ мѣстахъ (шляпы, сукно, мечи, пояса), но подлежатъ еще осмотру со стороны цеховыхъ старшинъ, которые имѣютъ право уничтожать признанные негодными товары и даже оставлять въ свою пользу часть штрафныхъ денегъ [4]). Такой же надзоръ, приводившій къ почти полному устраненію ввоза, находимъ въ Парижѣ и Аміенѣ, гдѣ также привозимые товары подвергаются осмотру въ отношеніи ихъ качества представителями цеха, заинтересованными въ устраненіи иногородной конкурренціи [5]). И въ Англіи иногородніе ограничены относительно времени и мѣста сбыта товаровъ, и право осмотра привозимыхъ товаровъ принадлежитъ „старшинамъ и приставамъ всѣхъ ремеслъ и мастерствъ во всѣхъ сити, мѣстечкахъ, городахъ и селеніяхъ, гдѣ занимаются такими ремеслами и мастерствами“; во многихъ случаяхъ часть конфискованныхъ товаровъ, признанныхъ негодными, поступала въ пользу стар-

---

[1]) Neuburg. p. 112 и слѣд.

[2]) Rüdiger. Hamburgische Zunftrollen. № 11.

[3]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I. Strassburg. 1891. p. 532.

[4]) Wehrmann. p. 106.

[5]) Levasseur. I. p. 257. Neuburg. p. 109.

шинъ цеха, что создавало новый стимулъ къ недопущенію сбыта произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій [1]).

И въ этомъ отношеніи (какъ и въ смыслѣ проведенія на практикѣ Zunftzwang'a), фактическія условія средневѣковой жизни приходили на помощь цехамъ, защищая ихъ отъ иногородней конкурренціи. Постановленія, которыми привозъ изготовленныхъ внѣ города предметовъ запрещался или обставлялся значительными стѣсненіями, представляютъ въ сущности ничто иное, какъ санкціонированіе того порядка, который установился самъ по себѣ въ силу природы вещей. Какъ справедливо указываетъ Зомбартъ, производство для другихъ мѣстностей было мыслимо въ средніе вѣка лишь въ тѣхъ городахъ и въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ они обладали исключительнымъ по отношенію къ другимъ мѣстностямъ положеніемъ, иначе говоря, могли сбываться лишь извѣстныя сорта издѣлій, производство которыхъ составляло тайну для другихъ мѣстностей. Во всѣхъ другихъ случаяхъ конкурренція была немыслима: обиліе таможенъ, невозможное состояніе дорогъ, грабежи и разбои и т. п. создавали, по выраженію Зомбарта, естественный протекціонизмъ въ пользу мѣстнаго производства, монополію мѣстныхъ издѣлій на городскомъ рынкѣ [2]).

Въ XIV вѣкѣ было шестьдесятъ четыре таможенныхъ заставы на Рейнѣ, 35 на Эльбѣ и 77 на Дунаѣ въ Нижней Австріи [3]). По бассейну р. Майна, напр., были таможни епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго и архіепископа майнцскаго; каждый изъ нихъ имѣлъ цѣлую массу заставъ, у которыхъ взимались самые разнообразные сборы. Но, кромѣ того, въ той же области устроили свои таможни князья Гогенло, графы Ринекъ и графы Вертгеймъ, Ганау, Фалькенштейнъ и Мюнценбергъ [4]). Таможенные сборы, взимавшіеся на одномъ только разстояніи между Бингеномъ и Кобленцомъ, составляли въ половинѣ XIV вѣка отъ 53 до 67 проц. показанной стоимости товара [5]). Согласно постановленіямъ много-

---

[1]) Эшли. стр. 262 и слѣд., 343, 441.

[2]) Sombart. Kapitalismus. I. p. 156—157.

[3]) Sommerlad. Das Verkehrswesen im deutschen Mittelalter. Handwört. der Staatswiss. Suppl.-B. II. p. 943.

[4]) Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens. Leipzig. 1869. p. 66, 74—75.

[5]) Sommerlad. p. 943.

численныхъ имперскихъ сеймовъ и соборовъ, таможенные сборы предназначались на содержаніе дорогъ, сооруженіе мостовъ, охрану проѣзжающихъ и другія благія цѣли [1]). Если бы они дѣйствительно затрачивались на эти цѣли, то было бы еще полбѣды, ибо стѣсненія, вызываемыя многочисленностью и разнообразіемъ таможенныхъ сборовъ, въ значительной мѣрѣ уравновѣшивались бы цвѣтущимъ состояніемъ путей сообщенія, которыя всячески облегчали бы передвиженіе населенія и торговыя сношенія. Однако, постановленія сеймовъ и соборовъ оставались одними добрыми пожеланіями, не имѣвшими никакого практическаго значенія. Дороги, на устройство и починку которыхъ должны были идти эти сборы, находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Онѣ представляли собою либо вспаханное поле, либо просто луга, поросшіе травой. Каждый годъ приходилось заново протаптывать путь, причемъ пользоваться имъ можно было лишь лѣтомъ при хорошей погодѣ; зимой и въ дождливое время дорога была непроходима [2]). О мостахъ упоминается, правда, начиная съ XIII вѣка, но появляются они лишь въ незначительномъ количествѣ и только тамъ, гдѣ невозможно было переходить рѣки вбродъ; мосты эти были деревянные—каменные строятся не ранѣе XVI вѣка—и часто повозка по нимъ вовсе проѣхать не могла. Неприспособленность мостовъ, непроходимая слякоть и грязь, камни и овраги, дѣлали перевозку на телѣгахъ на значительныхъ разстояніяхъ весьма затруднительной, такъ что путешествія совершались пѣшкомъ или верхомъ; торговецъ нагружалъ лошадь или осла и велъ его подъ уздцы и даже носилъ товаръ на спинѣ [3]).

Улучшеніе дорогъ вовсе и не входило въ интересы феодальныхъ владѣльцевъ, черезъ владѣнія которыхъ дороги пролегали, ибо чѣмъ хуже были дороги, тѣмъ лучше обезпечивалось взиманіе пошлинъ у различныхъ таможенъ, тѣмъ

---

[1]) Falke. p. 34. 38. 54.

[2]) Huber. Handwört. der Staatswiss. B. VII. s. v. Wege. Его-же. Die geschichtliche Entwickelung des modernen Verkehrs. Tübingen. 1893. p. 218 и сл.

[3]) Huber. l. c. Goetz. Die Verkehrswege. p. 548. Rathgen. Entstehung der Märkte. p. 5. Георгіевскій. Международная хлѣбная торговля. Т. I. СПБ. 1885., стр. 27.

труднѣе купцамъ было уклоняться отъ главнаго пути и объѣзжать таможни. Выгодно было не строить дороги и мосты, а ухудшать и разрушать ихъ еще потому, что, по принципу, „что съ воза упало, то пропало“, сеньоръ присваивалъ себѣ всякую вещь, дотронувшуюся до его земли, такъ что товары, попадавшіе на землю, когда телѣга ломалась или опрокидывалась при паденіи животнаго, становились собственностью сеньора (Grundruhrrecht). Съ XIII вѣка, впрочемъ, дѣлаются попытки уничтожить или по крайней мѣрѣ ограничить это зло [1]). Наконецъ, грабежъ происходилъ и открыто, безъ всякаго повода. О безопасности пути феодалъ, въ пользу котораго уплачивались спеціальныя конвойныя деньги, вовсе не заботился, его же люди часто нападали на плательщика сборовъ и грабили его. „Какъ извѣстно—говоритъ проф. Фортинскій—каждый рыцарь имѣлъ право строить въ своей землѣ замки. Всего чаще ихъ располагали по близости къ торговому тракту, частью для наблюденія за сборомъ пошлинъ, а частью для облегченія грабежей. Лѣса, покрывавшія берега рѣкъ и озеръ, способствовали нечаяннымъ нападеніямъ на купеческіе суда и обозы, а крѣпкія стѣны замка давали возможность сохранить захваченную добычу [2]).

Всѣ эти условія привели къ тому, что—какъ указываетъ Бюхеръ—объектами средневѣковой торговли могли быть лишь предметы, не производимые въ городѣ и его окрестностяхъ. Онъ насчитываетъ пять группъ: 1) пряности и южные плоды, 2) сушеная и соленая рыба, 3) мѣха, 4) тонкое сукно, 5) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—вино и соль [3]). Изъ промышленныхъ издѣлій находимъ, слѣдовательно, лишь сукно высшихъ сортовъ, именно тѣхъ сортовъ, которые не производятся въ данномъ городѣ, а являются спеціальностью опредѣленныхъ мѣстностей и поэтому не могутъ конкуррировать

---

[1]) Sommerlad. p. 942—943.

[2]) Фортинскій, стр. 128. См. также П. И. Георгіевскій, стр. 28. 30. Свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ между Германіей и Италіей, сообщаемыя Шульте въ его обширномъ трудѣ, основываются почти исключительно на записяхъ о нападеніяхъ на купцовъ и грабежѣ товаровъ. На этихъ же источникахъ основывается главнымъ образомъ и сочиненіе Ивера.

[3]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. p. 99.

съ мѣстными, изготовляемыми въ городѣ продуктами [1]). Характеръ замкнутаго, самодовлѣющаго хозяйства средневѣковыхъ городовъ проявляется здѣсь, въ области промышленности, наиболѣе рѣзко, принципъ, что все необходимое для горожанъ должно производиться въ самомъ городѣ, проводится вполнѣ послѣдовательно.

Наконецъ, цеховой строй не допускалъ и конкурренціи между различными цехами; каждый цехъ имѣлъ опредѣленный кругъ дѣятельности, занимался производствомъ и сбытомъ извѣстныхъ предметовъ, которые не могли быть объектомъ дѣятельности другого цеха—это дѣлалось для того, чтобы монополія цеха не нарушалась цехами, занимавшимися смежными ему отраслями производства. Такъ какъ точно отграничить сферу дѣятельности отдѣльныхъ цеховъ представлялось дѣломъ весьма затруднительнымъ, то между цехами происходили нерѣдко недоразумѣнія и столкновенія. Однако, безконечные раздоры и пререканія, которые происходили въ средніе вѣка между цехами, занимавшимися сходными отраслями производства, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ зорько заинтересованныя лица слѣдили въ то время за тѣмъ, чтобы ни одинъ цехъ не захватилъ области производства, принадлежащей другому, и этимъ не ограничилъ привилегій послѣдняго. Мнѣніе, будто бы распаденіе цеховъ на отдѣльныя самостоятельныя организаціи и враждебныя отношенія между цехами, изготовлявшими однородныя издѣлія, относится лишь къ новому времени, должно быть признано несостоятельнымъ. Въ Бременѣ напр., уже въ 1388 г. цехи „кордуанскихъ“ и „черныхъ“ сапожниковъ соединены вмѣстѣ въ одинъ цехъ, ибо раздѣленіе ихъ „создало массу непріятностей, споровъ, жалобъ и убытковъ, какъ для жителей вообще, такъ и въ особенности для членовъ обоихъ цеховъ. Враждебныя отношенія между тамошними сапожниками и кожевниками продолжались и впослѣдствіи [2]). Въ Бреславлѣ въ 1303 г. происходитъ соглашеніе между сапожниками, изготовляющими новые сапоги, и тѣми, которые занимаются починкой сапогъ, „съ цѣлью устраненія недо-

---

[1]) Below. Hist. Zeitschr. B. 91. p. 440.

[2]) Böhmert. Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens. Leipzig. 1862. p. 17. 20. № 11.

разумѣній и столкновеній, происходящихъ чуть ли не каждый день“ [1]). Въ Ригѣ подобнаго же рода примиреніе между кожевниками и сапожниками относится къ 1280 году [2]). Въ Люнебургѣ жалобы на конкурренцію смежныхъ цеховъ также раздаются весьма рано: въ 1302 г. появляются постановленія, имѣющія въ виду предотвратить столкновенія смежныхъ цеховъ [3]). Въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Фрейбургѣ, Констанцѣ—повсюду въ XIV вѣкѣ происходитъ борьба между цехомъ суконщиковъ и цехомъ ткачей [4]). Далѣе, начиная съ XIII вѣка—говоритъ Мауреръ—кузнецы, подковывающіе лошадей, отдѣляются отъ кузнецовъ, изготовляющихъ оружіе, а послѣдніе, въ свою очередь, отдѣляются отъ ножевщиковъ, отъ слесарей и отъ гвоздарнаго промысла. Оружейники, съ другой стороны, распадаются на выдѣлывателей шлемовъ, на производителей щитовъ, на ремесленниковъ, занимающихся изготовленіемъ латъ, и на ремесленниковъ, выдѣлывающихъ панцыри; ножевой же промыселъ раздѣляется на промыселъ, производящій клинки, и на промыселъ изготовленія косъ. Каждое изъ этихъ производствъ составляло особый промыселъ, а нерѣдко и особый цехъ“ [5]). Послѣднее мы находимъ въ особенности въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ [6]).

Относительно французскихъ цеховъ обыкновенно указываютъ на тѣ безконечные процессы, которые вели между собою парижскіе портные и старьевщики, кухмистеры и продавцы птицъ въ XVI вѣкѣ, но совершенно упускаются изъ виду постоянныя столкновенія между цехами въ Парижѣ и другихъ городахъ, происходившія уже въ XIII вѣкѣ, т. е. начавшіяся—какъ указываетъ Левассеръ—одновременно съ возникновеніемъ цеховъ. Таковы напр. процессы между чу-

[1]) Korn. Breslauer Urkundenbuch. T. 1. Breslau. 1870. № 74. p. 71.

[2]) Stieda und Mettig. Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. Riga. 1896. № 22. p. 282.

[3]) Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. Hannover. 1883. p. XLIX.

[4]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. Strassburg. 1879. p. 419—422. Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes p. 362. 535—6.

[5]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. B. II. 1870. p. 465.

[6]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. Braunschweig. 1884. p. 881—882. Schoenlank. Soziale Kämpfe vor 300 Jahren. Leipzig. 1894. p. 41—42. 168.

лочниками и старьевщиками 1298 г., между оружейниками и кожевниками (изготовлявшими ножны) 1303 г., между тремя цехами, спорившѝми въ 1299 г. и 1304 г. изъ-за того, кому изъ нихъ принадлежитъ право производства уздечекъ, шпоръ и стремянъ. Особенно часты процессы въ сферѣ суконной промышленности: происходитъ борьба между суконщиками, валяльщиками и красильщиками въ Парижѣ въ 1276—1291 гг., въ Реймсѣ въ 1292 г., въ Сенъ-Дени въ 1296 г., въ Провансѣ въ 1305 г., въ Аміенѣ въ 1308 г., въ Нантелѣ въ 1307 и 1309 гг. Словомъ, цехи въ суконномъ производствѣ вовсе не „по братски“ относились другъ къ другу [1]). Не лучше были отношенія между цехами и въ другихъ странахъ. Едва образовался брюссельскій колесный цехъ, какъ тотчасъ же началась борьба между нимъ и столярами; одновременно съ этимъ происходилъ споръ между брюссельскими краснодеревцами и токарями по вопросу о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ право изготовленія болтовъ [2]).

Согласно парламентскому акту 1363 г., въ Англіи „всѣ ремесленники и мастеровые должны были приписаться каждый къ какому-нибудь ремеслу въ теченіе времени отъ изданій этого акта до ближайшаго праздника Срѣтенія Господня“. За этимъ слѣдовали спеціальные указы, „чтобы красильщики и ткачи не смѣли отдѣлывать сукно“ и такимъ образомъ вторгаться въ сферу ремесла лицъ, спеціально занятыхъ его отдѣлкой. Въ XIV вѣкѣ—говоритъ Кеннингэмъ—мы читаемъ о столкновеніяхъ между различными гильдіями, какъ напр. о столкновеніяхъ между столярами и сѣдельниками, торговцами кожъ и красильщиками, мѣховщиками и сыромятниками, выдѣлывателями мечей и ножевщиками. „Дѣленіе было иногда забавно мелочно: производители луковъ не могли дѣлать стрѣлъ, сапожники, изготовлявшіе издѣлія изъ новыхъ кожъ, не могли торговать въ розницу или чинить съ цѣлью продажи старые сапоги и башмаки и такимъ образомъ соперничать съ особой гильдіей чинителей обуви“ [3]).

Въ Испаніи въ XIII и XIV ст. цеху ножевщиковъ за-

---

[1]) Levasseur. T. I. p. 334—341. Martin-Saint-Léon. p. 108—140.

[2]) Des Marez. p. 33—35.

[3]) Кеннигэмъ, т. I, стр. 303. 380. Эшли, стр. 107.

прещено изготовлять ручки для ножей; ремесленники, занимающіеся починкой обуви, вправѣ обновлять послѣднюю лишь на двѣ трети, но ни въ коемъ случаѣ не вполнѣ; существуетъ два цеха шляпочниковъ, одному принадлежитъ право изготовленія только шляпъ изъ бумажной матеріи, другому—шляпъ изъ сукна [1]).

III.

Постановленія, которыми производство для мѣстнаго рынка предоставлялось исключительно цехамъ или точнѣе, каждый разъ опредѣленному цеху даннаго города, являлись необходимымъ условіемъ созданія монопольнаго положенія цеховыхъ ремесленниковъ. Но однихъ запрещеній заниматься промысломъ лицамъ, не принадлежащимъ къ данному цеху, или сбывать изготовленные внѣ города предметы было еще недостаточно: при полной свободѣ вступленія въ цехъ количество членовъ послѣдняго могло возрости настолько, что ихъ привилегія производства и сбыта промышленныхъ издѣлій потеряла-бы всякое значеніе; если всякій желающій могъ вступить въ цехъ, исполнивъ извѣстныя формальности, то фактически получалась полная свобода производства и сбыта; привилегія имѣла смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если она распространялась на небольшое количество лицъ. Средневѣковые цеховые ремесленники это прекрасно понимали и вовсе не желали, чтобы предоставленныя имъ права и привилегіи, полученныя обыкновенно послѣ продолжительной борьбы, превратились въ простую фикцію. Уже весьма рано—не въ XVI и XVII, а въ XIV и XV ст. вносятся въ цеховые уставы практиковавшіяся несомнѣнно уже задолго до того въ дѣйствительности (въ качествѣ обычая), весьма стѣснительныя правила, которымъ долженъ удовлетворять ученикъ, подмастерье и мастеръ—такова трехчленная цеховая іерархія—для полученія соотвѣтствующаго званія.

Указывая на то, что въ XVI и XVII вѣкѣ исчезли тѣ братскія отношенія, которыя будто-бы господствовали въ средневѣковыхъ цехахъ и заставляли членовъ цеха отказы-

[1]) Goury du Roslan. Essai sur l'histoire économique de l'Espagne. p. 244.

ваться отъ несправедливой наживы,—Кайцль приводитъ всѣ тѣ институты цеховой жизни, которые знаменуютъ упадокъ цехового строя. Ученикъ долженъ быть законорожденнымъ и обязанъ сдѣлать значительный взносъ въ цеховую казну; лица, принадлежащія къ группамъ населенія, признаннымъ позорящими и безчестными, вообще не могутъ быть приняты въ цехъ. Для полученія званія мастера подмастерье обязанъ не только пробыть ученикомъ извѣстное число лѣтъ и совершить странствованіе, но кромѣ того изготовить пробную работу и поставить мастерамъ цеха угощеніе. „Къ этому присоединяется совершенно безцеремонный непотизмъ: сыновья мастеровъ пользуются преимуществами во всѣхъ отношеніяхъ при полученіи званья мастера, не обязаны удовлетворять многимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ прочимъ лицамъ; на дочерей и вдовъ мастеровъ большой спросъ, ибо съ полученіемъ ихъ руки подмастерью открываются крѣпко запертыя двери, ведущія къ полученію званія самостоятельнаго мастера... Въ связи съ этимъ непотизмомъ находится превращеніе званія мастера въ наслѣдственную привилегію". Во многихъ мѣстностяхъ и во многихъ промыслахъ цехи становятся совершенно замкнутой корпораціей, вслѣдствіе установленія максимума числа мастеровъ, которое можетъ входить въ составъ цеха [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что разилчныя, указываемыя Кайцлемъ, особенности цеховаго строя, въ XVI и XVII ст., съ появленіемъ свободной конкурренціи и лишеніемъ цеховъ исключительной монополіи производства для мѣстнаго рынка [2]), создали еще больше злоупотребленій и сдѣлали вступленіе въ цехъ еще болѣе стѣснительнымъ, чѣмъ это было въ средніе вѣка. Ухудшеніе матеріальнаго положенія

---

[1]) Kaizl. Der Kampf um Gewerbereform und Gewerbefreiheit in Bayern von 1799—1808. p. 12—15. Кайцль приводитъ еще двѣ характерныя особенности періода упадка цеховаго строя: распаденіе цеховъ на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ корпорацій и враждебное отношеніе между ними, а также образованіе союзовъ подмастерій и устройство стачекъ подмастерьями. Относительно перваго была уже рѣчь выше (стр. 322—25), второй вопросъ будетъ подробно разсмотрѣнъ въ главѣ объ отношеніяхъ между мастерами и подмастерьями (см. гл. VI).

[2]) См. объ этомъ ниже, гл. VIII.

цеховыхъ мастеровъ, вызванное конкурренціей, должно было создать въ цехахъ еще большій духъ исключительности. Однако, отрицательныя стороны цеховой жизни въ видѣ стремленія къ возможному стѣсненію доступа въ цехъ не являются новшествомъ, продуктомъ экономическихъ условій новаго времени, а представляются весьма развитыми и въ средніе вѣка, несмотря на почти полное отсутствіе конкурренціи въ тѣ времена. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ существенное значеніе. Коль скоро рядомъ съ членами цеха изготовленіемъ промышленныхъ издѣлій занимаются и другія лица, не принадлежащія къ цеху, и кромѣ того на мѣстномъ рынкѣ сбываются произведенные внѣ города предметы, то стѣснительность доступа въ цехъ не можетъ играть уже столь важной роли: какъ бы ни ограничивалось всевозможными способами количество цеховыхъ мастеровъ, конкурренція, появляющаяся извнѣ, должна неминуемо лишить ихъ монопольнаго положенія. Постановленія, стѣсняющія вступленіе въ цехъ, имѣютъ рѣшающее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если одни только члены цеха пользуются правомъ производства для мѣстнаго рынка. Только при такихъ условіяхъ можетъ установиться цеховая монополія, отдающая потребителя въ руки цеховыхъ мастеровъ. Поэтому, въ средніе вѣка достиженіе званія цехового мастера имѣло для всякаго ремесленника несравненно больше значенія, чѣмъ впослѣдствіи (въ особенности въ важнѣйшихъ отрасляхъ производства), оно обезпечивало ему извѣстный доходъ, во всякомъ случаѣ—безбѣдное существованіе. И не только по причинѣ привилегированнаго положенія на мѣстномъ рынкѣ, но и вслѣдствіе того, что въ тѣ времена, въ эпоху господства мелкаго ремесленнаго производства, юридически самостоятельный мастеръ былъ и фактически самостоятельнымъ предпринимателемъ, въ собственной мастерской, при помощи собственныхъ орудій и матеріаловъ изготовлявшимъ предметы и самостоятельно сбывавшимъ ихъ потребителю. Впослѣдствіи, въ особенности въ XVII—XVIII ст., положеніе значительно измѣнилось и далеко не всякій цеховой мастеръ имѣлъ необходимый для производства капиталъ, далеко не всякій пользовался и правомъ самостоятельнаго сбыта [1]).

[1]) См. ниже. гл. VIII и IX.

Въ Германіи въ половинѣ XIV в. въ качествѣ условія для пріема въ цехъ ставится требованіе свободнаго, нѣмецкаго и законнаго происхожденія. Сапожники и кожевники г. Перлеберга (статутъ 1353 г.) требуютъ отъ ученика при вступленіи его доказательства, что онъ родился въ законномъ бракѣ [1]); такое же требованіе находимъ въ статутахъ любекскихъ скорняковъ 1386 г. [2]), рижскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г. [3]), бреславльскихъ столяровъ 1390 г. [4]), кельнскихъ ювелировъ 1370—1380 гг. [5]). Гамбургскіе рыбаки ставятъ условіемъ пріема (статутъ 1386 г.) законное и свободное происхожденіе [6]), рижскіе пекари уже въ 1235 г.—нѣмецкое происхожденіе, а суконщики въ 1383 г.—законное и нѣмецкое происхожденіе [7]). Въ страсбургскихъ статутахъ каменьщиковъ 1459 г., гдѣ воспроизведены старинные уставы, запрещается принимать въ число подмастерьевъ незаконнорожденныхъ, почему вновь вступающій долженъ подъ присягой показать, состояли-ли его родители въ законномъ бракѣ [8]). „Требованія, предъявляемыя вновь вступающему, говоритъ Нейбургъ, во многихъ случаяхъ, однако, были еще болѣе значительны. Такъ, сапожники г. Фрейенвальде по уставу 1414 г. требуютъ также представленія доказательствъ относительно происхожденія самихъ родителей, и ихъ національности; скорняки г. Нейруппина (1434 г.) и тамошніе ткачи (1446 г.) допускаютъ въ цехъ лишь тѣхъ, чьи предки до четвертаго поколѣнія были нѣмцами“ [9]). И въ г. Вернигероде условіемъ принятія являлось законное и свободное (?) рожденіе предковъ въ теченіе четырехъ поколѣній; такое требованіе находимъ въ статутахъ кузнецовъ и пекарей въ 1393 г., ткачей въ 1400 г., мясниковъ въ 1408 г., сапожниковъ и кожевниковъ въ 1457 г., портныхъ

---

[1]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Jena. 1880, p. 26.

[2]) Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. № 10.

[3]) Stieda und Mettig, p. 130.

[4]) Neuburg, p. 26.

[5]) Lau. Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln bis zum Jahre 1396. Bonn. 1898, p. 207.

[6]) Rüdiger. Die ältesten Hamburgischen Zunftrollen und Bruderschaftsstatuten. Hamburg. 1874. № 12.

[7]) Stieda und Mettig. №№ 2 u. 68.

[8]) Findel. Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. Leipzig. 1866, p. 818.

[9]) Neuburg, p. 27.

въ 1458 г. [1]). Мауреръ даже полагаетъ, что такое требованіе относительно происхожденія предковъ вновь вступающаго (нѣсколькихъ поколѣній) было всеобщимъ въ Германіи[2]). Оно принимаетъ различныя формы; въ однихъ случаяхъ этимъ требованіямъ долженъ удовлетворять ученикъ, въ другихъ случаяхъ они выставляются лишь тогда, когда онъ становится подмастерьемъ или мастеромъ. Преслѣдуемая въ данномъ случаѣ цѣль вполнѣ ясна. Было, очевидно, безразлично, предъявлять ли такія условія къ ученику, или къ тому, кто добивался званія мастера; это были лишь различные способы достиженія одной и той же цѣли. Ибо ученикъ являлся будущимъ мастеромъ, и преграждался ли ему доступъ къ мастерству раньше или позже—выходило на одно, въ результатѣ количество полноправныхъ членовъ цеха сокращалось и монополія мастеровъ оставалась въ силѣ.

Поэтому то во многихъ цеховыхъ статутахъ спеціальныя условія, касающіяся происхожденія вновь вступающаго, предъявляются лишь къ кандидатамъ на званіе мастера. Уже въ одномъ Любекѣ въ этомъ отношеніи находимъ рядъ поучительныхъ примѣровъ. Значительное число любекскихъ цеховъ включаетъ въ свои уставы требованіе, чтобы мастеръ былъ „echte und rechte boren“, и кромѣ того свободнаго состоянія и нѣмецкой національности, причемъ во многихъ случаяхъ эти постановленія распространяются и на жену мастера [3]). Въ статутахъ иголочнаго цеха 1356 г., портупейнаго цеха 1396 г. и во многихъ другихъ требуется законное рожденіе [4]). О законорожденности и нѣмецкой національности упоминается въ XIV вѣкѣ въ уставѣ льноткачей, о законномъ и свободномъ происхожденіи—въ 1370 г. въ уставѣ портныхъ [5]). Въ 1484 г., однажды, въ видѣ исключенія, былъ допущенъ въ кузнечный цехъ подмастерье изъ Норвегіи; старшины цеха, по ошибкѣ, приняли его въ ученики, и такъ какъ онъ желалъ вступить въ бракъ со вдовой одного

---

[1]) Meister. Die ältesten gewerblichen Verbände der Stadt Wernigerode. Iena. 1890, p. 21.

[2]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. 1870. B. II p. 447.

[3]) Wehrmann. p. 122.

[4]) Ibid. №№ 39 и 47.

[5]) Ibid. №№ 35 и 54.

мастера, т. е. становился уже своимъ, принадлежащимъ къ цеху [1]), то рѣшено было дать ему званіе мастера, причемъ, однако, было подчеркнуто, что это дѣлается въ изъятіе отъ существующихъ правилъ [2]). Гамбургскіе бочары, по статуту 1375 г., допускали только тѣхъ подмастерьевъ къ мастерству, которые могли доказать, что „они и ихъ жены рождены въ законномъ бракѣ и свободнаго состоянія“ [3]); такія же требованія ставитъ рижскій цехъ кузнецовъ (статутъ 1382 г.) [4]) и майнцкій цехъ корабельщиковъ (статутъ 1476 г.) [5]). Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1455 г. цехъ ткачей рѣшилъ исключить одного изъ своихъ членовъ, женившагося на незаконнорожденной дѣвушкѣ, родители которой послѣ ея рожденія вступили въ бракъ. Однако, городской совѣтъ заступился за него, только жена его была исключена изъ общенія съ цехомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же цехъ настоялъ на удаленіи одного изъ членовъ, женившагося на дочери священника [6]). Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, законное происхожденіе является безусловнымъ требованіемъ—это именно отрицаетъ Кайцль и другіе—уже въ XIV вѣкѣ. Насколько велико было значеніе такого постановленія въ тѣ времена, мы поймемъ, если примемъ во вниманіе, что—какъ указываетъ Кригкъ—„конкубинатъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья составлялъ явленіе весьма распространенное во всѣхъ слояхъ населенія“ [7]); такимъ образомъ, предъявленіе этого требованія закрывало доступъ къ цеховымъ привилегіямъ для значительной категоріи лицъ.

IV.

Существовалъ еще другой, не менѣе обширный кругъ лицъ, который также не принимался въ цехъ. Мы имѣемъ

[1]) О привилегіяхъ, установленныхъ повсюду въ пользу лицъ, вступающихъ въ бракъ съ вдовами мастеровъ, см. ниже въ этой же главѣ.

[2]) Wehrmann. p. 123.

[3]) Rüdiger № 7.

[4]) Stieda-Mettig. № 88.

[5]) Eckert. Das Mainzer Schiffergewerbe. Leipzig. 1898. Urk. 10.

[6]) Kriegk. Deutsches Bürgertum im Mittelalter. Neue Folge. Frankfurt a. M. 1871. p. 281. Сыновья проститутокъ и поповъ; конечно, нигдѣ не допускались, а ихъ было весьма много.

[7]) Kriegk, ibid. p. 279.

въ виду тѣ ремесла и занятія, которыя считались позорными. Такими позорящими ремеслами были ремесла баньщиковъ и цирюльниковъ, пастуховъ и кожевниковъ, мельниковъ, ткачей льняныхъ издѣлій, далѣе занятія трубачей, барабанщиковъ, ночныхъ сторожей, гробокопателей и т. п. Статутъ башмачнаго цеха въ Бременѣ 1300 г. запрещаетъ принимать въ обученіе дѣтей ткачей (льняныхъ издѣлій) и носильщиковъ. Въ XV вѣкѣ это постановленіе распространено и на дочерей этихъ лицъ, съ которыми запрещается вступать въ бракъ. Въ 1440 г. цехъ отказываетъ въ пріемѣ одному сапожнику за то, что жена его происходитъ изъ ремесла ткачей, и лишь городскому совѣту удается заставить цехъ нарушить существующій обычай и принять этого сапожника [1]). Сапожники г. Бескова въ 1353 г. также не принимаютъ сыновей баньщиковъ, пастуховъ, льноткачей [2]). Въ г. Вернигородѣ (XV вѣкъ) лица, вступавшія въ какой бы то ни было цехъ, обязаны были дать присягу, что они не происходятъ ни отъ ткачей (льняныхъ издѣлій), ни отъ мельниковъ, ни отъ пастуховъ [3]). Золотыхъ дѣлъ мастера г. Познани не приняли въ 1484 г. нѣкаго Севастіана, такъ какъ отецъ его былъ цирюльникомъ [4]). Всякій, поступавшій въ ученики къ кузнецу,—говоритъ Бекъ—долженъ былъ (въ средніе вѣка) дать присягу въ томъ, что онъ не принадлежитъ по своему происхожденію къ числу лицъ, соприкосновеніе съ которыми считалось позорящимъ. „Сынъ кожевника ни въ коемъ случаѣ не могъ стать кузнецомъ, ибо для вступленія въ этотъ цехъ необходимо было имѣть „честное происхожденіе“ и „честныхъ родителей“. До половины XVI вѣка кузнецы не принимали въ свою среду дѣтей ночныхъ сторожей, музыкантовъ, цирюльниковъ, мельниковъ, кожевниковъ, ткачей льняныхъ издѣлій, пастуховъ и лицъ, принадлежащихъ къ городской или таможенной стражѣ [5]).

Ремесла, признававшіяся въ средніе вѣка позорящими,

---

[1]) Böhmert. Urkundliche Geschichte der bremischen Schusterzunft. Leipzig 1862. № 3. p. 16. 19.

[2]) Neuburg. p. 28.

[3]) Meister. p. 21.

[4]) Warschauer. Die mittelalterlichen Innungen zu Posen. Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen. I. 1885. p. 30.

[5]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. Braunschweig. 1884. p. 882.

весьма разнообразны. Легче всего находитъ себѣ объясненіе признаніе безчестными такихъ занятій, какъ промыслы палача, гробокопателя, ночного сторожа, музыканта. Трубачи и барабанщики были странствующими скоморохами, они ходили по большимъ дорогамъ, нападали на проѣзжающихъ и грабили ихъ. Палачи и гробокопатели приходили въ соприкосновеніе съ кровью и мертвецами. Кожевники и пастухи, которые нерѣдко назывались живодерами (Schinder), имѣли дѣло съ падалью и палыми животными. Наконецъ, баньщики и брадобреи занимались и хирургическими операціями, пускали кровь, продавали различныя лекарства и снадобья, слѣдовательно имѣли дѣло съ пролитіемъ крови [1]).

Въ объясненіи причинъ того, почему эти промыслы считались безчестными, ученые обыкновенно сходятся. Зато очень спорнымъ является вопросъ о томъ, какимъ образомъ ткачи льняныхъ издѣлій и мельники были отнесены къ числу позорящихъ ремеслъ. Такъ, Бенеке находитъ, что эти ремесленники обманывали потребителей: мельники не возвращали всего смолотаго хлѣба, ткачи изготовляли матерію изъ худшаго матеріала, нежели тотъ, который получали отъ заказчика. Машеръ указываетъ еще и на другую причину безчестія этихъ профессій, именно на то, что эти ремесла были не городскими, а деревенскими [2]). На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ настаиваетъ особенно Шталь. Онъ говоритъ, что обманы потребителей и изготовленіе продуктовъ изъ недоброкачественнаго матеріала были и въ другихъ промыслахъ явленіемъ далеко не рѣдкимъ, ткачи и мельники не составляли какого-либо исключенія въ этомъ отношеніи. По его объясненію, представители этихъ профессій были, большею частью, въ раннемъ періодѣ среднихъ вѣковъ лицами несвободными; они жили первоначально въ деревняхъ и лишь впослѣдствіи стали переселяться въ города. Принадлежа къ крѣпостному состоянію, которое средневѣковые цехи считали позорнымъ, они и не могли вступать въ цехи; а такъ какъ цехи различныхъ городовъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, то эти про-

[1]) Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874. p. 104 и слѣд. Maurer. II. p. 474 и слѣд. М. И. Кулишеръ. Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ. Вѣстникъ Европы. 1887. кн. 12. стр. 595 и слѣд.

[2]) Mascher. Das deutsche Gewerbewesen. 1860. p. 84.

мыслы признавались безчестными и въ тѣхъ городахъ, гдѣ представители этихъ профессій вовсе и не переселялись изъ деревень[1]). По теоріи Шталя, требованіе, чтобы ученикъ не принадлежалъ къ числу лицъ, занятіе которыхъ считалось позорнымъ, сводится такимъ образомъ къ упомянутому уже выше требованію, чтобы онъ былъ свободно-рожденнымъ, которое предъявлялось къ нему снова, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Къ этому объясненію Шталя просоединяются и другіе. Такъ, причину того, что кузнецы не принимали въ свою среду дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ позорящимъ профессіямъ, Бекъ усматриваетъ въ томъ обстоятельствѣ, что сельскія ремесла были позорными и безчестными въ глазахъ городскихъ цеховъ [2]). Въ этомъ смыслѣ высказывается и Н. Молчановскій. „Изслѣдованія Шталя – говоритъ онъ—показали съ нѣкоторой вѣроятностью, что недопущеніе въ цехи исторически должно быть объясняемо тѣмъ, что представители этихъ профессій въ періодъ выработки цехового права „были большею частью лица несвободныя, прикрѣпленныя къ землѣ и жившія по селамъ и деревнямъ, тогда какъ ядро ремесленнаго городскаго сословія составляли люди вольные“ [3]). Противъ этого взгляда возражаетъ М. И. Кулишеръ. Онъ указываетъ на то, что „одновременно съ существованіемъ ремесленныхъ общинъ въ городахъ, въ имѣніяхъ крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ были не только мельники, ткачи полотенъ, музыканты, шуты, но и всевозможнаго рода ремесленники, находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ этихъ владѣльцевъ. Если, слѣдовательно, тотъ фактъ, что крѣпостной занимался извѣстнымъ ремесломъ, могъ опозорить самое ремесло, то позоръ долженъ былъ распространяться одинаково на всѣ ремесла“. Кромѣ того, всѣ средневѣковые цехи „считали крѣпостное состояніе позорнымъ. Такъ относились къ крѣпостнымъ, и ткачи полотенъ, и кожевники; подобно цехамъ другихъ ремеслъ“, и эти „безчестныя“ ремесла ограждали себя отъ общенія съ крѣпостными, не принимая ихъ въ

[1]) Stahl, p. 123.

[2]) Beck, I, p. 882.

[3]) Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Кіевъ. 1887 г. Стр. 139–149.

цехъ [1]). М. И. Кулишеръ выставляетъ новую гипотезу, которая заключается въ томъ, что „всѣ перечисленные выше разряды ремеслъ признавались позорными, потому что всѣ лица, занимавшіяся ими, такъ или иначе соприкасались съ актомъ смертной казни и, вообще, съ мертвыми тѣлами". Отсюда проистекало безчестье не только кожевниковъ, брадобрѣевъ и т. п., но и ткачей льняныхъ издѣлій и мельниковъ. „Возможно, что сравнительно большее безчестіе, лежавшее на льноткачахъ, объясняется именно тѣмъ, что они принимали въ казняхъ, въ особенности въ повѣшеніи, въ болѣе раннія времена самое непосредственное участіе: они изготовляли веревку и обматывали ею шею преступника. Это видно, между прочимъ, и изъ наименованія, которое на нѣмецкомъ языкѣ носила эта веревка — die Leine (Grimm), ткачи назывались Leineweber". Что касается мельниковъ, то „многочисленныя сказанія свидѣтельствуютъ о существованіи смертной казни въ видѣ размалыванія, а Либрехтъ указываетъ и на дѣйствительный фактъ, происходившій на Гузратскомъ берегу: Мусульмане опустошили страну, и въ наказаніе за это мѣстный владѣтель впослѣдствіи убивалъ ежедневно одного магометанина, размалывая его въ мельницѣ или разбивая въ ступѣ" [2]).

Нѣкоторый свѣтъ проливаютъ на этотъ вопросъ факты, сообщаемые Шурцомъ въ его изслѣдованіи о промыслахъ въ Африкѣ. Оказывается, что въ Африкѣ существуютъ кочевыя племена, прозванныя путешественниками „черными цыганами", которыя находятся въ презрѣніи у осѣдлыхъ жителей, и ремесла которыхъ считаются позорными. Занятія ихъ самыя разнообразныя: въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло со скоморохами и музыкантами, съ палачами и гробокопателями; въ другихъ случаяхъ они занимаются кожевнымъ или гончарнымъ ремесломъ, плетеніемъ корзинъ, но чаще всего бродячія племена производятъ кузнечныя работы и организованы въ формѣ кузнечныхъ цеховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они являются колдунами, знахарями, гадателями, почему внушаютъ къ себѣ не только презрѣніе, но и страхъ, и вслѣдствіе этого ихъ никто не трогаетъ. Они составляютъ

[1]) М. И. Кулишеръ. „Вѣстникъ Европы". 1887 г. XII. Стр. 602.
[2]) Тамъ же, стр. 596 и слѣд.

совершенно обособленныя отъ осѣдлыхъ племенъ касты и заключаютъ браки исключительно между собою [1]). Любопытно, что почти всѣ изъ этихъ профессій мы встрѣчаемъ и въ средніе вѣка среди промысловъ, признаваемыхъ безчестными. Исключеніемъ является, повидимому, лишь кузнечный промыселъ, которымъ, однако, африканскія кочевыя племена занимаются по преимуществу. Дѣйствительно, въ послѣднія столѣтія средневѣковья среди ремесленниковъ, дѣти которыхъ не допускаются въ цехъ, не упоминается о кузнецахъ. Однако, какъ указываетъ Вакернагель, въ раннее средневѣковье кузнецы (Kalt- und Kupferschmiede) считались безчестными и почти безправными; ихъ называли измаелитянами и говорили, что имъ Іосифъ былъ проданъ братьями [2]). Извѣстно, что и въ средніе вѣка кузнецы считались колдунами и знахарями [3]). Колдунами называются въ народныхъ сказаніяхъ и мельники [4]), которые, какъ мы видѣли выше, также признавались безчестными. А если это такъ, то причина признанія извѣстныхъ ремеслъ безчестными заключается, очевидно, вовсе не въ характерѣ этихъ ремеслъ, а въ личности самихъ ремесленниковъ, въ томъ, что бродячія, кочевыя племена занимались этими промыслами. Шталь несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что эти ремесла позже другихъ появились въ городахъ, что они пришли въ города тогда, когда другія ремесла успѣли уже осѣсть и получить извѣстную организацію. Но причина враждебнаго отношенія къ нимъ со стороны другихъ цеховъ состояла не въ томъ, что они принадлежали ранѣе къ крѣпостному состоянію, а въ томъ, повидимому, что они являлись чуждыми городскимъ осѣдлымъ цехамъ кочевыми элементами, которыхъ и презирали, и боялись одновременно.

Въ Африкѣ ремесла, признаваемыя безчестными, составляютъ замкнутыя корпораціи, и кочевыя племена не переходятъ къ другимъ занятіямъ, составляющимъ монополію осѣдлаго населенія. Между тѣмъ, въ средневѣковой Европѣ лица, принадлежащія къ позорнымъ профессіямъ, обнаруживали, очевидно, стремленіе выходить изъ своихъ цеховъ

[1]) Schurtz. p. 38—45.
[2]) Zeitschr. für deutsches Altertum. IX, p. 545.
[3]) Beck. I, p. 847—8, 879. 883.
[4]) Grimm. Deutsche Mythologie. II, 973.

и вторгаться въ сферу дѣятельности другихъ ремеслъ, но встрѣтили отпоръ со стороны этихъ послѣднихъ. „Признавъ извѣстныя занятія позорящими и безчестными – говоритъ М. И. Кулишеръ,—а представителей ихъ неспособными къ поступленію во многіе городскіе цехи, они создавали этимъ барьеръ противъ усиленнаго наплыва элементовъ, не дорожившихъ своими занятіями и падкихъ къ замѣнѣ ихъ другими [1]). Было-ли безчестье дѣйствительной причиной или только поводомъ для стѣсненія доступа въ цехъ, во всякомъ случаѣ, благодаря этому, цехи освобождали себя отъ многихъ и при томъ наиболѣе опасныхъ конкуррентовъ, такихъ, занятія которыхъ доставляли очень мало выгоды. И если въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ, когда эти кочевыя племена появлялись въ городахъ и старались тамъ осѣсть, цехи имѣли въ виду позорящія ихъ обстоятельства, то впослѣдствіи эти соображенія были забыты, и старинный обычай, а еще болѣе соображенія чисто матеріальнаго свойства являлись уже причиной недопущенія въ цехъ лицъ, происходящихъ изъ безчестныхъ профессій.

Изъ нѣкоторыхъ фактовъ мы можемъ убѣдиться въ томъ, какова была цѣль, преслѣдуемая такими постановленіями цеховыхъ статутовъ, какъ требованіе законнорожденности, „честнаго“ происхожденія, а также и требованіе уплаты вступительнаго взноса, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Приводимъ слѣдующій фактъ изъ исторіи ткацкаго цеха г. Ульма. Крайне непріятными конкуррентами городского ткацкаго цеха были сельскіе ткачи (Gäuweber), которые одновременно съ сельскимъ хозяйствомъ занимались тканьемъ бумажныхъ матерій. Неоднократно старшины цеха настаивали на томъ, чтобы городская ратуша не допускала осмотра и снабженія городскими пломбами издѣлій, произведенныхъ сельскими ткачами; иначе говоря, цехъ требовалъ для себя исключительной монополіи въ производствѣ бумажныхъ тканей, недопущенія ихъ къ осмотру въ городѣ и, слѣдовательно, полнаго устраненія сельскихъ ремесленниковъ. Подобныя попытки цеха къ уничтоженію конкурренціи сельскихъ жителей встрѣчаются уже въ XIV, въ особенности же въ XV вѣкѣ. Въ началѣ XVI вѣка вновь раздаются жалобы:

[1]) Вѣстн. Евр., стр. 602.

цехъ заявляетъ, что сельскіе ткачи лишаютъ мастеровъ хлѣба. Свои притязанія цехъ подкрѣпляетъ слѣдующими аргументами. „Среди сельскихъ ткачей—читаемъ въ одной изъ жалобъ—много лицъ сомнительной репутаціи и не отбывшихъ надлежащимъ образомъ срока ученичества. Они занимаются также другими ремеслами и полевыми работами: отъ этого страдаютъ они, цеховые ремесленники", „производство бумажныхъ тканей должно быть на будущее время монополіей ткацкаго цеха, и всякій, желающій заниматься этимъ ремесломъ, долженъ пріобрѣсти право гражданства въ городѣ за 22 гульдена и заплатить 4 гульдена въ цехъ" [1])

Въ средніе вѣка подобныя притязанія цеховъ, исходящія якобы изъ желанія охранять ремесло отъ наплыва сомнительныхъ элементовъ, которые могутъ подорвать его репутацію, въ дѣйствительности же имѣющія въ виду устранить опасныхъ конкуррентовъ, признаются вполнѣ основательными и на недопущеніе въ цехи незаконорожденныхъ, лицъ „позорящихъ" профессій и т. п. смотрятъ какъ на нѣчто вполнѣ естественное, необходимое. Лишь въ послѣдующія столѣтія начинаютъ усматривать въ подобныхъ дѣйствіяхъ цеховъ злоупотребленія, съ которыми необходимо бороться. Мнѣніе о томъ, что справедливо и что несправедливо очевидно измѣнилось. А въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ и попытку устранить наиболѣе крупныя несправедливости. Имперскій статутъ 1530 г. требуетъ допущенія въ цехи дѣтей льно-ткачей, цирюльниковъ, пастуховъ, мельниковъ, сторожей, трубачей, сопѣльниковъ, баньщиковъ, признавая всѣ эти ремесла „честными". Въ имперскихъ статутахъ 1548 и 1577 гг. эти постановленія повторяются, причемъ указывается на то, что на практикѣ они не были осуществлены, и на слѣдующихъ имперскихъ сеймахъ снова идетъ рѣчь о необходимости борьбы съ подобными злоупотребленіями [1]). Первыя попытки къ устраненію наиболѣе несправедливыхъ постановленій цеховъ дѣлались, слѣдовательно, лишь въ XVI вѣкѣ, между тѣмъ какъ до того времени, въ средніе вѣка, объ устраненіи ихъ даже рѣчи не было.

Съ самаго возникновенія цеховъ, какъ ученикъ, такъ

---

[1]) Schoenberg. Handbuch der politischen Oekonomie. 4. Aufl. B. II. T. I. Tübingen, 1896. p. 557. Maurer. II. p. 447.

и мастеръ обязанъ былъ при вступленіи въ цехъ внести извѣстную сумму денегъ. Въ болѣе позднія времена, въ особенности въ XVII—XVIII ст., эти взносы несомнѣнно значительно увеличиваются. Но увеличеніе не представляетъ собою чего либо новаго для этой эпохи, ибо высокіе платежи мы встрѣчаемъ уже въ XIV и XV ст. Такъ, Мейстеръ, который отрицаетъ за средневѣковыми цехами монопольный характеръ, все таки вынужденъ признать, что въ разсматриваемыхъ имъ цеховыхъ статутахъ г. Вернигероде вступительные взносы въ XIV и XV ст. были весьма значительны [1]). При вступленіи въ цехъ корабельщиковъ г. Майнца также уплачивалась „большая сумма въ цехъ и, кромѣ того, дѣлался взносъ на нужды церковнаго богослуженія". [2]) Но еще важнѣе то обстоятельство, что стремленіе цеховъ къ повышенію вступительныхъ взносовъ обнаруживается уже очень рано, такъ что въ позднѣйшія времена мы находимъ лишь продолженіе той прогрессіи, начало которой относится къ такъ наз. эпохѣ „расцвѣта". Уже въ средніе вѣка—говоритъ Бекъ—взиманіе платы съ подмастерья въ годы его странствованія сопровождалось различными злоупотребленіями. Во многихъ городахъ, когда подмастерье являлся въ первый разъ, его заставляли „купить себѣ имя", т. е. уплатить приличную сумму денегъ. Эта покупка имени до того выродилась въ результатѣ, что подмастерьи даже отнимали камзолъ и верхнее платье у странствующаго товарища и забирали у него инструменты, если у него не оказывалось достаточной суммы денегъ. Подобными злоупотребленіями были вызваны различныя постановленія, которыми, какъ напр. „соглашеніемъ мастеровъ и подмастерьевъ кузнечнаго цеха" въ г. Торнѣ въ 1437 г., опредѣлялось, что приходящій изъ другихъ мѣстностей подмастерье долженъ уплатить при покупкѣ имени (т. е. при записи его) не болѣе 2 или 3 шилл. [3]). Пекари г. Страсбурга требуютъ въ 1263 г. уплаты 12 шилл. при поступленіи въ цехъ, страсбургскіе кузнецы взимаютъ въ 1363 г., т. е. 100 лѣтъ спустя, уже 40 шилл.; при пріемѣ въ цехъ сукностриговъ уплачивается въ 1362 г. 20 шилл., но въ 1401 г. уже 30 шилл. (и требуются

[1]) Meister p. 23.
[2]) Eckert. p. 21.
[3]) Beck. II. p. 566. Hirsch. p. 344.

два года ученичества), а въ 1460 г. плата доходитъ до 40 шилл. Въ древнѣйшихъ статутахъ суконнаго цеха, которые составлены въ 1400—1434 г.г., суконщики и сукновалы взимаютъ 45 шилл. съ каждаго вступающаго въ цехъ (кромѣ дѣтей мастеровъ), ткачи уже въ 1407 г. заставляютъ уплачивать цѣлыхъ 85 шил., что должно быть названо „большимъ злоупотребленіемъ“. Шмоллеръ находитъ взносы въ 45 и 85 шилл. весьма крупными и указываетъ на то, что, благодаря имъ, доступъ всѣхъ постороннихъ лицъ, т. е. не происходящихъ отъ самихъ мастеровъ цеха, долженъ былъ сильно затрудняться. Уже въ половинѣ XV вѣка городской совѣтъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: запретить цехамъ брать съ вновь поступающихъ свыше 25 шилл [1]). Еще ярче выступаетъ стремленіе цеховъ къ постоянному повышенію взносовъ въ г. Базелѣ. Это обнаруживается не только въ статутахъ купеческой гильдіи, гдѣ плата каждый разъ возрастаетъ (до 1374 г.=$109^1/_2$ шилл., 1374—1383=$114^1/_2$, 1383—1401=$149^1/_2$, 1401—1423=221, 1423—1441=276), но и въ уставахъ ремесленныхъ цеховъ, напр. мясниковъ, пекарей, суконщиковъ; извѣстны взносы уплачиваемые въ этихъ цехахъ въ различныя времена, и не трудно прослѣдить постепенное возрастаніе ихъ. Въ цехѣ мясниковъ вступительный взносъ увеличивается съ 10 шилл. въ 1248 г. до $72^2/_3$ и $402^1/_2$ шилл. въ 1391 г.; въ цехѣ булочниковъ плата сперва нѣсколько понижается съ 38 шилл. въ 1256 г. на $10^1/_2$ шилл. въ 1362 г., но затѣмъ въ 1404 г. она достигаетъ огромной цифры въ 100 шилл.; цехъ суконщиковъ повышаетъ ее съ 30 шилл. въ 1389 г. до $50^1/_3$ шилл. въ 1453 г. Въ 1441 г. городской совѣтъ жалуется, что цехи довели вступительную сумму до такихъ размѣровъ, что никто болѣе не рѣшается селиться въ Базелѣ. Онъ устанавливаетъ поэтому взносъ въ 4 гульдена, т. е. $93^1/_2$ шилл. въ качествѣ максимальнаго для всѣхъ цеховъ. Тѣмъ не менѣе уже спустя нѣсколько лѣтъ въ 1448 году кожевники брали вдвое болѣе установленной городскимъ совѣтомъ платы (въ 1418 г. взносъ въ кожевенномъ цехѣ равнялся еще $36^1/_2$ шилл.), а ткачи требовали въ полтора раза болѣе этой суммы (въ 1462 г. 5 гульд., въ 1483

[1]) Schmoller. Die Strassburger Tucher und Weberzunft. Strassburg. 1879, p. 402—403. Urk. 11, 20, 23, 32, 4, 22.

году 6 гульд.) въ Schlüsselzunft вступительный взносъ равнялся въ 1461—8 гульд., въ 1486 г.—12 гульд., т. е. почти 300 шилл. Всеобщее повышеніе платы, взимаемой при вступленіи въ цехъ—прибавляетъ къ этому Геерингъ—является прекрасной иллюстраціей къ появляющемуся впервые въ это время у цеховъ стремленію всячески ограничивать количество членовъ, совершенно закрывая доступъ въ цехъ, но самъ же указываетъ на то, что „мясники уже въ 1391 г., посредствомъ введенія унизительнаго періода испытанія, сдѣлали невозможнымъ увеличеніе числа мастеровъ и ихъ примѣру послѣдовали и остальные цехи“ [1]). Однако, разъ базельскіе цеховые статуты были утверждены лишь въ XIII вѣкѣ, а въ XIV вѣкѣ уже замѣчается стремленіе цеховъ къ замкнутости, то очевидно слова „впервые въ это время“ должны быть замѣнены словами „уже въ это время“, ибо, какъ мы увидимъ ниже, переходъ совершался не отъ свободы вступленія къ замкнутости, а скорѣе въ противоположномъ направленіи [2]).

V.

Всѣ упомянутыя требованія, предъявляемыя къ ученику и мастеру—мы касаемся пока только тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ обоимъ равнымъ образомъ—не составляютъ отличительной особенности германскихъ цеховъ: мы находимъ ихъ также въ другихъ странахъ.

Въ Англіи—говоритъ М. М. Ковалевскій—исключеніе несвободныхъ людей началось еще въ эпоху существованія торговыхъ гильдій и завѣщано было ими ремесленнымъ цехамъ. Въ числѣ обязательствъ дублинскаго гражданина находимъ обѣщаніе не принимать въ число учениковъ дѣтей рабовъ и крѣпостныхъ. То же правило встрѣчается, во словамъ Брентано, и въ любомъ изъ англійскихъ бурговъ XIV ст. [3]).

Въ 1387 г. мэромъ и олдерманами Лондона было поста-

---

[1]) Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum Ende des XVII Jahrhunderts. Basel. 1886. p. 63—65.

[2]) См. объ этомъ ниже.

[3]) Ковалевскій. III, стр. 83—84.

новлено, что „отнынѣ ни одинъ иностранецъ (т. е. лицо, не принадлежащее къ числу гражданъ Сити) не можетъ быть ни внесенъ въ списокъ учениковъ, ни допущенъ путемъ ученичества къ городскимъ вольностямъ, прежде чѣмъ онъ не поклянется въ томъ, что онъ свободный человѣкъ, а не вилланъ". Въ качествѣ мотива, побудившаго издать такой указъ, приведено желаніе избѣжать „срама и позора для города Лондона". „Подобныя-же ограниченія права вступленія въ число учениковъ—говоритъ Эшли—встрѣчаются въ уставахъ нѣкоторыхъ цеховъ (плотниковъ, литейщиковъ, скорняковъ, каменьщиковъ); указъ, изданный муниципальными властями г. Іорка и, вѣроятно, также и другихъ городовъ, и закрывавшій всѣмъ несвободнымъ людямъ возможность стать свободными гражданами города, косвеннымъ путемъ приводилъ къ тому же результату" [1]). Закономъ 1389 г. было постановлено, чтобы дѣти, которыя занимались земледѣліемъ до двѣнадцатилѣтняго возраста, продолжали заниматься тѣмъ же трудомъ и не вступали въ цехи [2]). Лондонскіе каменьщики и маляры требовали также отъ ученика, чтобы онъ былъ законорожденнымъ [3]). Но этими требованіями цехи не удовлетворялись. Въ Оксфордѣ, Марльборо, а также, повидимому, въ Винчестерѣ ремесленникъ долженъ былъ испросить согласіе „добрыхъ людей" (prudes-hommes) своего города, прежде чѣмъ онъ приступалъ къ занятію ремесломъ [4]). Въ Лондонѣ уже въ началѣ XIV вѣка „никто изъ лицъ, занимающихся какимъ-либо мастерствомъ или ремесломъ, не допускался къ городскимъ вольностямъ иначе, какъ за поручительствомъ шести пользующихся уваженіемъ лицъ, которыя занимались тѣмъ же мастерствомъ или ремесломъ". При этомъ онъ долженъ былъ быть полноправнымъ гражданиномъ города. Подобныя требованія предъявляются обойщиками въ 1331 г., кожевниками въ 1344 г., сыромятниками въ 1346 г.; они встрѣчаются и въ большинствѣ позднѣй-

[1]) Brentano, I, p. 60. Эшли, стр. 349—359 и примѣч. 84. См. также Findel. Geschichte der Freimaurerei, p. 87.

[2]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Jena. 1879, p. 134. Эшли, стр. 348.

[3]) Stahl, p. 94.

[4]) Эшли, стр. 93 и прим. 67.

шихъ ремесленныхъ статутовъ [1]). Въ цехи перчаточниковъ (1349 г.) и полировщиковъ (1350 г.), какъ и во многіе другіе, никто не допускался безъ согласія старѣйшинъ или большинства членовъ цеха [2]). Лондонскіе портные и оружейники (1327 г.) соглашаются допускать къ городскимъ вольностямъ (т. е. принимать въ цехъ) не ранѣе засвидѣтельствованія кѣмъ-либо изъ лучшихъ людей промысла, что вновь поступающій „человѣкъ хорошій, вполнѣ легальный и могущій быть полезнымъ въ ихъ мастерствѣ“. Эшли находитъ, что этими постановленіями мастера цеха пріобрѣтали фактически возможность налагать свое veto на всѣхъ желающихъ взяться за данный промыселъ. И, дѣйствительно, уже въ указѣ 1350 г., по поводу необходимости получить согласіе старѣйшинъ прежде допущенія къ занятію ремесломъ (пожалованія городской свободы), добавлена статья, запрещающая „злонамѣренно препятствовать вступленію въ число полноправныхъ гражданъ лицамъ, имѣющимъ на это право“ [3]). Наконецъ, какъ ученикъ, такъ и мастеръ обязаны сдѣлать извѣстный взносъ при вступленіи въ цехъ, причемъ еще въ 1331 г. лондонскихъ ткачей обвиняли съ томъ, что они злоупотребляютъ этимъ правомъ, требуя огромныхъ вступительныхъ взносовъ, и этимъ путемъ ограничивая число ремесленниковъ. Въ XV вѣкѣ издаются неоднократныя постановленія городскихъ властей, направленныя противъ чрезмѣрныхъ поборовъ, взимаемыхъ при вступленіи въ цехъ [4]).

Непонятно, какимъ образомъ Эшли считаетъ возможнымъ утверждать, что вступительные взносы въ продолженіе XV вѣка еще не являлись серьезнымъ препятствіемъ для вступленія въ ученики [5]), когда онъ же самъ ссылается на существованіе жалобъ на чрезмѣрность этихъ поборовъ, относящихся не только къ XV, но уже къ началу XIV вѣка [6]). Онъ приводитъ также любопытный примѣръ, гдѣ „члены ремеслъ открыто сознавались, что они ищутъ за-

[1]) Эшли, стр. 336 и прим. 28.
[2]) Тамъ-же, стр. 440, прим. 28.
[3]) Эшли, стр. 335—336 и 440.
[4]) Тамъ-же, стр. 351.
[5]) Эшли, стр. 351.
[6]) Тамъ-же, стр. 335.

щиты отъ конкурренціи постороннихъ, желающихъ заняться ремесломъ", причемъ средствомъ борьбы являлись вступительные взносы. Саузэмптонскіе портные въ 1474 г. и бочары въ 1436 г. жаловались на то, что, неся тяжелые налоги на городскія нужды, они не въ состояніи будутъ сохранить даже настоящее свое положеніе, достаточно бѣдственное, если имъ не окажутъ содѣйствія въ борьбѣ противъ пришлыхъ ремесленниковъ, принимающихся за ихъ ремесло вопреки установившемуся обычаю, что служитъ къ вящшему разоренію и обѣднѣнію лицъ, занимающихся этими ремеслами. *Вслѣдствіе этого,* муниципальныя власти постановили, чтобы впредь никто „не занимался этими ремеслами въ предѣлахъ города, *не уплативъ извѣстнаго взноса* и не войдя въ соглашеніе съ мэромъ и мастерами означеннаго ремесла" [1]) Наконецъ, и позорныя занятія, повидимому, существовали въ Англіи. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, истолковываетъ Финдель требованіе, встрѣчающееся въ древнѣйшемъ статутѣ англійскихъ каменьщиковъ, чтобы вновь вступающій былъ изъ честнаго рода и благороднаго происхожденія. [2])

Подобно нѣмецкимъ цехамъ, и французскіе уже въ средніе вѣка непрерывно повышаютъ вступительные взносы. Въ XIII вѣкѣ сумма, уплачиваемая при пріобрѣтеніи званія мастера, еще незначительна, и упоминается о ней далеко не во всѣхъ статутахъ; въ первой половинѣ XIV вѣка она уже равняется 20 солид., а во второй половинѣ того же вѣка—40 и 60 солид. и это требованіе становится всеобщимъ. Въ XV вѣкѣ вступительный взносъ уже опредѣляется ливрами, взносъ въ размѣрѣ 10 ливр. (200 солид.) становится явленіемъ далеко не рѣдкимъ. Упоминается даже о платѣ въ 40 ливровъ [3]). Надо имѣть въ виду, что во Франціи дѣло не ограничивалось уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха. Приходилось кромѣ того вознаграждать мастера, въ домѣ котораго производилась пробная работа, за предоставленіе своего помѣщенія, членовъ цеха, присутствовавшихъ при изготовленіи пробной работы за по-

[1]) Эшли, стр. 337—338.

[2]) Findel. Geschichte der Freimaurerei, p. 47, 820.

[3]) Eberstadt. Das französische Gewerberecht vom XIII Jahrh. bis 1581. Leipzig. 1899. p. 87. 156. 245.

терю времени, наконецъ, мэра за внесеніе новаго мастера въ списокъ членовъ цеха [1]). Подобныя требованія находимъ въ статутахъ ремеслъ г. Аміена. Въ Пуату и ученикъ, и мастеръ обязаны были сдѣлать извѣстный вступительный взносъ, притомъ и въ пользу города и въ цеховую казну; кромѣ того, мастеръ уплачивалъ различныя суммы лицамъ, присутствовавшимъ при изготовленіи имъ пробной работы. Въ столярномъ ремеслѣ старшины цеха получали въ 1450 г. по 4 су въ день, въ кожевенномъ—по 10 су [2]). Парижскіе булочники уплачивали въ періодъ испытанія, который продолжался 4 года, въ пользу короля 52 ден. 6 сол. ежегодно и 1 ден. 1 оболъ каждую недѣлю [3]). „Если бы цехи преслѣдовали только цѣль имѣть знающихъ ремесленниковъ,—говоритъ Левассеръ—они бы несомнѣнно уничтожили большую часть этихъ поборовъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать ихъ размѣры. Но мастера цеховъ вовсе не желали увеличивать число конкуррентовъ, и съ этой цѣлью сохраняли всѣ тѣ постановленія, которыя заставляли подмастерьевъ дѣлать сбереженія въ теченіе продолжительнаго времени, прежде чѣмъ добиваться званія мастера, а очень многихъ изъ нихъ, людей бѣдныхъ, лишали вовсе возможности стать когда-либо самостоятельнымъ мастеромъ“ [5]). Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Буассонадъ. Онъ находитъ, что наибольшее злоупотребленіе, связанное съ достиженіемъ званія мастера, была эксплоатація кандидата—подмастерья. „Вслѣдствіе этого, человѣкъ бѣдный, если не юридически, то фактически не имѣлъ возможности сдѣлаться мастеромъ. Подмастерье со среднимъ достаткомъ лишался своего имущества тогда именно, когда ему необходимы были средства для того, чтобы завести собственную мастерскую. Только богатый могъ вынести всю эту массу расходовъ“ [5]).

И другое требованіе мы встрѣчаемъ во французскихъ статутахъ: вновь вступающій въ цехъ долженъ

---

[1]) Levasseur. I, p. 569.

[2]) Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI-e siècle jusqu'à la Revolution. Paris. 1900. T. II. p. 47. 100—102.

[3]) Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIVe siècle. Paris. 1877. p. 102.

[4]) Levasseur. I. p. 570.

[5]) Boissonade. II. p. 100.

быть законорожденнымъ. Еще въ уставахъ парижскихъ рѣзчиковъ и бахромщиковъ, относящихся къ XIII вѣку, говорится, что въ ученики принимаются только дѣти, родившіяся въ законномъ бракѣ [1]). Кромѣ того запрещалось незаконное сожительство. Подмастерьи, имѣвшіе конкубинъ, изгонялись, когда это обнаруживалось, изъ Парижа. Ремесленникъ же, переселявшійся изъ другихъ мѣстностей въ Парижъ въ сопровожденіи женщины, допускался къ занятію ремесломъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ могъ доказать, что это его законная жена, причемъ доказательствомъ служили только свидѣтельскія показанія или выданныя духовенствомъ удостовѣренія [2]). Эти постановленія приводили косвеннымъ путемъ къ тому, что въ ученики попадали лишь законорожденные, ибо, благодаря имъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, изъ которыхъ составлялось огромное большинство учениковъ, оказывались рожденными въ законномъ бракѣ. Шмоллеръ приводитъ любопытный фактъ, изъ котораго видно, что и несвободныя лица и ихъ потомство не принимались въ ремесла. „Въ 1304 г. былъ разрѣшенъ королемъ споръ между textores съ одной стороны и fullones и lanatores съ другой. На основаніи этого рѣшенія, крѣпостнымъ ткачамъ дозволялось работать, гдѣ имъ угодно на протяженіи всей Шампани; fullones и lanatores въ свою очередь пріобрѣли право принимать сыновей ткачей въ число учениковъ. Этими постановленіями устранялись повидимому тѣ ограниченія, которымъ до того времени подвергались ткачи, вслѣдствіе ихъ крѣпостнаго состоянія“ [3]).

Въ Брюсселѣ—говоритъ Маресъ—званіе мастера было доступно далеко не для всѣхъ. Такъ какъ условіемъ его полученія являлось извѣстное состояніе, то человѣкъ бѣдный вынужденъ былъ работать на другого. Мы находимъ цѣлую систему вступительныхъ взносовъ: взносы для полученія званія мастера, взносы съ того, кто становится подмастерьемъ, взносы съ ребенка, стучащагося въ двери мастера и просящаго, чтобы его обучили и сдѣлали изъ

---

[1]) Neuburg. p. 26.
[2]) Fagniez. p. 78.
[3]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 411.

него порядочнаго ремесленника. При этомъ каждая изъ трехъ категорій взносовъ уже въ XIV вѣкѣ возрастаетъ все болѣе и болѣе. Такъ, у бочаровъ и краснодеревцевъ въ 1365 г. (при основаніи цеха), не упоминается о взносахъ, а девять лѣтъ спустя вновь вступающій мастеръ обязанъ уже платить 4 экю; столяры въ теченіе сорока лѣтъ увеличиваютъ взносъ втрое (съ 2 экю въ 1365 г., до 6 экю въ 1405 г.; въ послѣднемъ случаѣ присоединяется еще вино); цехъ слесарей съ 1388 г. по 1466 г. болѣе чѣмъ удваиваетъ взносъ; цехъ торговцевъ увеличиваетъ его съ 3 до 8 гульд. (причемъ и количество поставляемаго вина возрастаетъ вчетверо)—все это менѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія. Тѣмъ не менѣе и Маресъ всячески старается выставить это быстрое возрастаніе размѣровъ взноса, какъ вызванное потребностями цеховъ, находившихся въ крайней нуждѣ въ виду значительнаго количества расходовъ. Но онъ же приводитъ такого рода фактъ: ткачи шерстяныхъ матерій жалуются на то, что у нихъ вступительные взносы давно не увеличивались, а между тѣмъ это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать ученикамъ самостоятельно начинать производство по окончаніи срока ученичества—и дѣйствительно въ 1481 г. вступительный взносъ увеличивается съ 3 экю до 6 рейнск. гульд. [1]). Факты подобнаго же рода относящіеся къ цехамъ г. Гента, сообщаетъ де Винь. [2])

Тѣ же постановленія находимъ, наконецъ, и въ итальянскихъ городахъ. Въ итальянскихъ цеховыхъ статутахъ постоянно встрѣчается запрещеніе принимать людей несвободныхъ. Статутъ болонскихъ веревочниковъ 1250 г. гласитъ: quod nullus homo qui sit de maxenata vel filius eius debeat esse de societate. Подъ homines de maxenata разумѣются—какъ указываетъ М. М. Ковалевскій—дворовые люди несвободнаго состоянія. Запрещеніе распространяется не только на крѣпостныхъ, но и на всѣхъ вассаловъ и сыновей вассаловъ, а также на тѣхъ, кто связанъ обязательствомъ вѣрности (fidelitas) феодальному сеньору. Въ статутѣ болонскаго цеха льноткачей категорически запрещается допускать

[1]) Des Marez p. 47—49. 63. 76—77.

[2]) De Vigne. Moeurs et usages des corporations de métiers de la Belgique et du nord de la France. Gand. 1857. p. 20—25. См. также Barlet, p. 73.

не только лицъ несвободныхъ, но и вольноотпущенниковъ, выкупленныхъ изъ неволи городомъ Болоньей; кромѣ того, исключаются изъ числа лицъ, принимаемыхъ въ цехъ, всѣ сельскіе жители и всѣ пришлые, иностранные элементы. Подобныя же постановленія встрѣчаются въ венеціанскихъ цехахъ. При этомъ, какъ въ Сіенѣ, такъ и въ Римѣ и въ другихъ городахъ вступительные взносы достигаютъ весьма высокихъ размѣровъ [1])

VI.

Обратимся, далѣе, къ тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, которыя предъявлялись подмастерью, добивавшемуся званія мастера. И они, какъ утверждаютъ нерѣдко, появились очень поздно, чуть ли не въ XVI и XVII ст. впервые. Между тѣмъ и Кайцль вынужденъ признать, что пробная работа требовалась въ Берлинѣ уже въ XIII вѣкѣ. „Vortin wi dat werk wynnet—читаемъ въ уставѣ пекарей 1272 г.—die sal des meister oven baken, dat man besyet ofte he syn werk kann". [2]) Всеобщей становится пробная работа не въ XVI, а въ XIV вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ требованіе пробной работы въ Гамбургѣ (булочники въ 1375 г.) [3]), въ Люнебургѣ (сапожники въ 1389 г.) [4]), въ Данцигѣ (кузнецы въ 1387 г., портные въ 1399 г.) [5]), въ Нейруппинѣ (стригальщики въ 1393 г.) [6]), въ Штеттинѣ (кузнецы въ 1313 г., каменьщики въ 1380 г.) [7]), въ Грейфсвальдѣ (портупейные мастера въ 1397 г.) [8]), въ Майнцѣ (портные въ 1391 г.) [9]), въ Вернигероде (кузнецы и

[1]) Ковалевскій. III. стр. 82—83. 134. Rodocanachi. Les corporations ouvrières à Rome. Paris. 1894. p. 78. 265. 409.

[2]) Kaizl. p. 7.

[3]) Rüdiger. № 5. p. 23

[4]) Bodemann. p. LXVII.

[5]) Hirsch. Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des deutschen Ordens. Leipzig. 1858. p. 326. 341.

[6]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft p. 445.

[7]) Blümcke. Die Handwerkszünfte im mittelalterlichen Stettin. 1884. p. 157. 162.

[8]) Krause. Die ältesten Zunftrollen der Stadt Greifswald. 1397—1541. Greifswald. 1898. № 4.

[9]) Schanz. Zur Geschichte der deutschen Gesellen-Verbände im Mittelalter. Leipzig. 1876. p. 13 Anm. 2.

булочники) [1]), далѣе въ Кельнѣ, Нюрнбергѣ, Фрейбергѣ, Мюнхенѣ. [2]) Въ Любекѣ требованіе пробной работы предъявляется въ статутахъ портныхъ 1370 г., скорняковъ 1386 г., бочаровъ 1390 г., въ концѣ XIV вѣка и въ цехѣ оловянниковъ [3]). Въ Ригѣ требуется пробная работа въ статутахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г., бочаровъ 1375 г., кузнецовъ 1382 г., стригальщиковъ 1383 г., скорняковъ 1397 г. [4]). Пробная работа кузнецовъ состояла въ томъ, что кузнецъ долженъ былъ приготовить подковы для лошадей, не снимая мѣрки и даже не взглянувъ ближе на ногу лошади. Передъ нимъ только два-три раза проѣзжали на лошади, для которой онъ долженъ былъ сдѣлать подковы. Подобная пробная работа, которая не могла имѣть никакого практическаго значенія и которую едва ли можно было сбыть впослѣдствіи, производилась въ Кобленцѣ; въ Нюрнбергѣ она также существовала повидимому уже въ XIV вѣкѣ [5]). Въ оружейныхъ цехахъ, цехахъ ножевщиковъ, слесарей, кузнецовъ и т. п. требовалась уже въ средніе вѣка нерѣдко очень сложная пробная работа [6]), отнимавшая много времени и денегъ у подмастерья, ибо матеріалъ и инструменты пріобрѣтались имъ на собственный счетъ; изготовленный же предметъ, даже если онъ былъ годенъ для употребленія, нерѣдко становился достояніемъ цеха. Въ другихъ цехахъ производилась не менѣе трудная и сложная пробная работа. Такъ, познанскіе портные (въ концѣ XV вѣка) обязаны были изготовить полное облаченіе священника, монашескую рясу, дорожный плащъ для рыцаря и попону для его лошади и всевозможныя одежды для городскихъ жителей и притомъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ и дѣвушекъ [7]). Каменьщики въ Штеттинѣ въ XIV в. должны были возвести цѣлый сводъ и фронтонъ зданія. [8]) Любопытное постановленіе штеттинскихъ портныхъ сообщаетъ Блюмке. „Въ

---

[1]) Meister. p. 21.
[2]) Maurer. II. p. 451.
[3]) Wehrmann. №№ 10. 18. 48. 54.
[4]) Stieda—Mettig. №№ 30, 16, 88, 68, 56.
[5]) Beck. I. p. 880.
[6]) Ibid. I. p. 882—883.
[7]) Warschauer. p. 43.
[8]) Blümcke. p. 165.

1533 г.—говоритъ онъ—отмѣняется обычай, называемый „inkop“, т. е., какъ объясняется далѣе, запрещается впредь допускать подмастерьевъ, не сдѣлавшихъ пробной работы, за извѣстную плату къ званію мастера. Этимъ постановленіемъ уничтожался, слѣдовательно, прежній обычай, согласно которому пробная работа могла замѣняться уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха“ [1]).

Въ Англіи слово „Meisterstück“ замѣняется описательнымъ выраженіемъ: запрещается кому бы то ни было вторгаться въ то или другое ремесло—читаемъ въ статутахъ—„если это лицо не доказало предварительно предъ старшинами ремесла свою годность въ качествѣ умѣлаго, хорошаго и способнаго работника“ [2]). Такое требованіе встрѣчаемъ въ Лондонѣ [3]). Цехъ портупейныхъ мастеровъ въ статутѣ 1355 г. требуетъ, чтобы подмастерьи „были сперва подвергнуты испытанію мастерами ремесла, изъ чего можно было бы убѣдиться, насколько они искусны въ своемъ ремеслѣ“ [4]). Подобная же пробная работа существовала повидимому и въ девяти другихъ лондонскихъ цехахъ въ XIV вѣкѣ [5]).

Представленіе пробной работы было также обязательно въ Шотландіи („Masterstick“, essay) [6]), въ Италіи, въ Бельгіи. Въ Римѣ, гдѣ древнѣйшіе цеховые статуты относятся къ XIV вѣку, пробная работа встрѣчается уже въ 1397 г. въ уставѣ каменьщиковъ [7]); во Флоренціи она требуется въ XIV вѣкѣ цехами, изготовляющими кольчуги и ножны [8]); въ Венеціи пробная работа существовала также въ XIV, а вѣроятно и въ XIII вѣкѣ [9]), причемъ не только подмастерье изготовлялъ пробную работу для полученія званія мастера, но и ученики, становившіеся подмастерьями, проходили извѣстное испытаніе [10]). И въ Бельгіи обязанъ былъ выполнить проб-

---

[1]) Blümcke p. 167.
[2]) Эшли, стр. 336.
[3]) Ochenkowski, p. 64, 67.
[4]) Эшли, стр. 135, прим. 85. Кеннингэмъ. I, стр. 294.
[5]) Ochenkowski, p. 64., прим. 2.
[6]) Эшли, стр. 367. Кеннингэмъ. т. I, стр. 300.
[7]) Rodocanachi I. p. 409.
[8]) Poehlmann. Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance, p. 46.
[9]) Molmenti. Venedig. p. 97 и сл.
[10]) Schoenberg. Gewerbe. Handbuch. B. II. T. 1 p. 654.

ную работу не только подмастерье, но и ученикъ. Характеръ ея либо опредѣлялся цеховымъ уставомъ, либо зависѣлъ отъ усмотрѣнія старѣйшинъ цеха; работа была весьма разнообразна, нерѣдко отличалась значительной сложностью [1]). Довольно странная работа выполнялась въ цехѣ булочниковъ: подмастерье обязанъ былъ спечь одновременно три различные сорта хлѣба въ одной и той же печи. Подобная работа задавалась очевидно съ той цѣлью, чтобы уменьшить наплывъ въ цехи, ибо—какъ указываетъ Барле—цехъ нерѣдко отказывался признать работу удовлетворительной и такимъ образомъ не допускалъ въ свою среду даже умѣлыхъ ремесленниковъ [2]). Въ результатѣ—говоритъ Маресъ—она являлась новымъ и весьма важнымъ препятствіемъ къ достиженію званія мастера [3]).

Левассеръ утверждаетъ, что въ XIII вѣкѣ пробная работа (chef d'oeuvre) встрѣчается во Франціи лишь въ видѣ исключенія, именно въ одномъ только случаѣ: парижскимъ сѣдельникамъ запрещается брать второго ученика, пока первый не сдѣлалъ пробной работы [4]). Однако, онъ самъ же приводитъ и другой случай, относящійся къ XIII вѣку. Статутъ парижскихъ пирожниковъ 1270 г. допускаетъ въ подмастерьи лишь того, кто способенъ изготовить въ день тысячу пирожныхъ [5]). Въ другихъ статутахъ XIII вѣка пробная работа требуется при пріемѣ въ мастера. Такъ цехъ, изготовлюіцій шелковыя ткани, даетъ званье мастера лишь тому, кто изготовляетъ въ совершенствѣ шелковыя матеріи безъ посторонней помощи и выдержалъ соотвѣтствующее испытаніе въ присутствіи старшинъ цеха. При пріемѣ въ цехъ портныхъ необходимо, чтобы старшины цеха удостовѣрились въ умѣньи кандидата шить и кроить [6]). Всѣ эти случаи Левассеръ не принимаетъ во вниманіе, повидимому, лишь по той причинѣ, что здѣсь не встрѣчается выраженія „chef d'oeuvre", какъ въ статутѣ сѣдельниковъ, а за-

[1]) Des Marez. p. 62-63. 95—98.
[2]) Barlet. p. 73.
[3]) Des Marez. p. 95.
[4]) Levasseur. I. p. 280.
[5]) Levasseur. I. p. 309—310.
[6]) Ibid. I, p. 284. Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers Paris. 1897. p. 91. Fagniez. p. 93.

мѣняется либо указаніемъ на то, какая работа должна быть произведена, либо просто требованіемъ, чтобы старшины цеха лично удостовѣрялись въ томъ, что мастеръ въ состояніи выполнить работу безъ посторонней помощи. Но очевидно, что отсутствіе термина „chef d'oeuvre" нисколько не измѣняетъ дѣла; встрѣчается ли этотъ терминъ въ статутѣ или нѣтъ—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одного ученичества было очевидно не достаточно: необходимо было еще доказать свое умѣнье. И мы имѣемъ основаніе предполагать, что способъ изготовленія пробной работы и сопряженныя съ нимъ формальности были и въ XIII вѣкѣ тѣ же, какъ и впослѣдствіи. Вся разница только въ томъ, что древнѣйшіе уставы какъ вообще, такъ и въ частности по этому вопросу ограничиваются очень краткими указаніями, тогда какъ въ послѣдующихъ статутахъ подробно расписывается то, что уже гораздо ранѣе вошло въ обычай. Можетъ быть этимъ объясняется и то, что во многихъ статутахъ XIII вѣка имѣются указанія еще болѣе краткія: желающій вступить въ цехъ долженъ знать свое ремесло. Мартенъ предполагаетъ, что эти слова обозначали „обязанность для вновь вступающаго либо выдержать испытаніе въ присутствіи выборныхъ цеха, либо исполнить какую-либо работу, посредствомъ которой кандидатъ доказывалъ свои способности и техническія свѣдѣнія и о подробностяхъ которой не упомянуто въ статутахъ" [1]).

Въ XIV вѣкѣ о chef d'oeuvre упоминается въ большинствѣ парижскихъ уставовъ, въ статутахъ золотошвейнаго цеха 1316 г., сѣдельнаго цеха 1354 г., оружейнаго цеха 1364 г., цеха, изготовлявшаго желѣзные товары 1370 г., въ уставахъ плотниковъ 1380 г., бочаровъ 1398 г. и др. [2]). Въ большинствѣ случаевъ работа, которую обязанъ сдѣлать кандидатъ, не указана въ точности, а устанавливается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ столярномъ цехѣ г. Аміена, гдѣ о пробной работѣ упоминается въ 1399 г., говорится (въ статутѣ 1408 г.), что никто не можетъ быть принятъ въ цехъ, если онъ не изготовилъ на собственный счетъ пробной работы цѣнностью въ 63 сол. или дороже, если ему

[1]) Martin-Saint-Léon, p. 92.
[2]) Fagniez, p. 94—96.

угодно, и при томъ такой работы, какая ему будетъ задана старшинами цеха, лишь длина и высота изготовляемаго предмета, зависитъ отъ его собственнаго усмотрѣнія [1]). Старшины цеха (жюри) осматривали работу нѣсколько разъ во время ея изготовленія. Такъ, аміенскіе сѣдельники (статутъ 1390 г.) подвергали осмотру деревянныя части сѣдла прежде, чѣмъ онѣ покрывались кожей, плотники три раза осматривали работу—сначала выбранное и приготовленное дерево, затѣмъ гвозди и выдолбленныя части и, наконецъ, весь изготовленный предметъ. Когда работа была окончена, они собирались вмѣстѣ, приглашали еще нѣсколькихъ мастеровъ и совмѣстно обсуждали, насколько она представляется пригодной и удовлетворительной [2]). При этомъ, однако, какъ въ Германіи и Бельгіи такъ и во Франціи „нерѣдко—говоритъ Эберштадтъ—работа состояла въ производствѣ такого предмета, который вышелъ совершенно изъ употребленія и былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ“. Хотя власти и боролись съ подобными злоупотребленіями, но едва-ли имъ удавалось устранить это зло [3]). И Левассеръ, и Мартенъ признаютъ, что въ XIV вѣкѣ пробная работа была нерѣдко дорогимъ и продолжительнымъ испытаніемъ и что она составляла камень преткновенія для подмастерья, стремившагося къ званію мастера [4]). И тѣмъ не менѣе Мартенъ считаетъ возможнымъ утверждать послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ фактовъ, что только въ XV—XVI ст. „пробная работа пріобрѣла особое значеніе и, сокращая число мастеровъ, содѣйствовала измѣненію всего характера цехового строя“ [5]) — очевидно, это говорится лишь ради того, чтобы имѣть возможность отрицать монопольный характеръ цеховъ въ средніе вѣка.

Въ Пуату о пробной работѣ упоминается только въ уставахъ XV вѣка. Но Буассонадъ не дѣлаетъ изъ этого того вывода, что такое требованіе отсутствовало въ болѣе раннія времена, и не только потому, что статутовъ XIV в. въ Пуату сохранилось очень мало, но еще болѣе по той

---

[1]) Levasseur. I. p. 566.
[2]) Levasseur, I, p. 568.
[3]) Eberstadt, p. 248.
[4]) Levasseur. I, p. 564 и слѣд. Martin-Saint-Léon, p. 216.
[5]) Martin-Saint-Léon, p. 217.

причинѣ, что изъ отсутствія какого-либо постановленія въ древнѣйшихъ статутахъ не вытекаетъ еще, что его вовсе не существовало въ тѣ времена. Обращаясь вообще къ правиламъ, установленнымъ для лицъ, добивающихся званія мастера, Буассонадъ говоритъ, что условія, существовавшія до XV вѣка, намъ неизвѣстны, ибо, лишь начиная съ XV в., мы въ состояніи прослѣдить въ деталяхъ, какія требованія предъявлялись новому мастеру. А изъ требованій этого періода мы можемъ убѣдиться, что въ XV вѣкѣ цехи всячески старались затруднить доступъ къ ремеслу съ цѣлью уменьшенія конкурренціи [1]). Пробная работа, въ частности, была нерѣдко очень сложная и сопряжена съ большими расходами. Цѣнность пробной работы составляла 100 су у слесарей, 4 ливра въ столярномъ цехѣ—суммы, весьма значительныя для того времени [2]).

Одновременно съ пробной работой выступаетъ на сцену и угощеніе мастеровъ. Оно упоминается, напр., въ статутѣ трирскихъ кузнецовъ 1285 г.: вновь вступающій обязанъ уплатить 20 шилл. и устроить „prandium cum septem ferculis habundantibus sicut fieri est consuetum huc usque“ [3]). Люнебургскій баньщикъ (статутъ 1361 г.) долженъ поднести старшинамъ цеха окорокъ ветчины, свѣжую рыбу и двѣ мѣры вина, а въ статутѣ тамошнихъ сапожниковъ (1389 г.) прибавлено: „чѣмъ лучше будетъ угощеніе, тѣмъ больше онъ заслужитъ благодарности“ [4]). Гамбургскіе токари (статутъ 1375 г.), требуя значительнаго взноса и, кромѣ того, владѣнія извѣстнымъ имуществомъ, ограничиваютъ, однако, угощеніе извѣстными предѣлами [5]). Изъ этихъ постановленій видно, что уже весьма рано происходили злоупотребленія въ этомъ отношеніи; такое предположеніе подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ Любекѣ мы встрѣчаемъ въ 1425 г. въ статутахъ трехъ различныхъ цеховъ—льноткачей, скорняковъ и маляровъ одинаковое постановленіе, чтобы всѣ вновь вступающіе въ цехъ, подъ страхомъ штрафа въ 3 марки серебр., ставили не болѣе одной бочки пива въ качествѣ угощенія [6]).

[1]) Boissonade. II, p. 78, 84.
[2]) Boissonade. II, p. 85 и слѣд., 90, 92 и слѣд.
[3]) Schanz. Gesellen-Verbände, p. 13.
[4]) Bodemann. №№ 2 и 28.
[5]) Rüdiger. № 11.
[6]) Wehrmann, p. 127.

У понтуазскихъ пекарей обѣдъ, устраиваемый вновь вступающимъ, обходился нерѣдко въ 23 ливра и болѣе [1]). Еще хуже въ этомъ отношеніи постановленія парижскихъ мясниковъ (1381 г.), утвержденныя, однако, Карломъ VI. Они прямо таки невыполнимы. Требуется двоякаго рода пиршество, причемъ старшина въ первомъ случаѣ получаетъ $1^1/_2$ ф. воску и пирогъ изъ яицъ, во второмъ случаѣ 1 ф. воску, восковую свѣчу, 2 хлѣба, $^1/_2$ каплуна и $30^1/_2$ ф. мяса, его жена—различныя кушанья и, кромѣ того, 12 хлѣбовъ и 2 мѣры вина; далѣе, prevôt подносится мѣра вина и 4 пирога въ первомъ случаѣ, во второмъ—вино, пироги, каплунъ, 61 ф. говядины и свинины; наконецъ, разныя лица, какъ-то: voyer de Paris, prevôt du Fort l'Evêque, cellerier и concierge парламента, получаютъ каждый $^1/_2$ мѣры вина, 2 пирога, $^1/_2$ каплуна и $30^1/_2$ ф. мяса [2]). И подобныя требованія не составляли исключенія, мы находимъ ихъ въ различныхъ французскихъ и бельгійскихъ цеховыхъ статутахъ [3]). Въ Пуатье и ученикъ обязанъ былъ дать обѣдъ всему цеху въ полномъ составѣ, какъ мастерамъ, такъ и ученикамъ (статутъ ювелировъ 1457—1467 гг.) [4]). Неумѣренность въ ѣдѣ и питьѣ составляетъ вообще характерный признакъ средневѣковой эпохи, „когда и въ религіозныхъ представленіяхъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ нескончаемыя пиршества являлись воплощеніемъ всѣхъ наслажденій и на этомъ, и на томъ свѣтѣ“ [5]). Несчастный подмастерье (или ученикъ) вынужденъ былъ много денегъ тратить на угощеніе прожорливыхъ мастеровъ; если онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ, то вовсе не могъ достигнуть самостоятельности, если же обладалъ ими, то лишался ихъ именно тогда, когда наиболѣе нуждался въ нихъ. Можно сомнѣваться въ томъ, оказались-ли въ данномъ случаѣ мѣры

---

[1]) Levasseur. I, p. 346.

[2]) Cheruel. Dictionnaire des moeurs et institutions de la France. Цит. у Левассера, I, p. 351—352.

[3]) Fagniez, p. 101. Boissonade, II, p. 102—104. Levasseur, I, p. 352. Eberstadt, p. 248—249. Des Marez, p. 77. Martin-Saint-Léon, p. 292.

[4]) Boissonade, II, p. 48.

[5]) Schmoller. Die historische Entwickelung des Fleischkonsums, sowie der Vieh- und Fleischpreise in Deutschland. Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaft. B. 27, p. 287.

борьбы болѣе дѣйствительными, чѣмъ другія постановленія, направленныя противъ роскоши [1]).

Остановимся, наконецъ, еще на одномъ требованіи, которое встрѣчается весьма часто въ цеховыхъ статутахъ и благодаря которому также должны были сильно рѣдѣть ряды кандидатовъ. Мы имѣемъ въ виду постановленіе, чтобы новый мастеръ обладалъ извѣстнымъ имуществомъ. Въ цеховыхъ уставахъ Гамбурга, Любека, Люнебурга, Риги, Вернигероде, Грейфсвальда оно встрѣчается почти повсюду. Такое требованіе можно найти и въ бременскомъ сапожномъ цехѣ (статутъ 1300 и 1388 г.), который допускаетъ лишь тѣхъ лицъ (постороннихъ, въ отличіе отъ дѣтей мастера), которые имѣютъ имущество, цѣнностью въ 8 марокъ. „Это постановленіе—говоритъ Бемертъ—являлось весьма жестокимъ по отношенію къ лицамъ несостоятельнымъ, которымъ, вслѣдствіе этого вовсе закрывался доступъ въ цехъ, если они не наслѣдовали отцу или не женились на дочери или вдовѣ мастера, ибо 8 мар. составляли сравнительно солидную сумму для того времени. При вступленіи въ городскую ратушу имущественный цензъ въ XIV вѣкѣ равнялся 32 маркамъ“ [2]). Въ другихъ городахъ требуется нерѣдко еще болѣе значительное имущество: въ Гамбургѣ (пекаря и бочары 1375 г.) [3]) и въ Люнебургѣ (сапожники 1389 г.) [4]) въ 20 марокъ, въ Любекѣ — до 30 мар. [5]). Въ Ульмѣ для вступленія въ цехъ ткачей нужно стать гражданиномъ города (это условіе имѣется повсюду), но для этого необходимо имущество въ 200 фунтовъ [6]). Въ Парижѣ имущественный цензъ установленъ не только для мастеровъ, но и для подмастерьевъ, у валяльщиковъ въ размѣрѣ 12 ден., впослѣдствіи (въ XV ст.) въ 4 сол. у полировщиковъ съ XIII ст. въ видѣ платья, цѣнностью не ниже 5 сол. [7]).

---

[1]) См. Neuburg, p. 46—47. Wehrmann. p. 128. Maurer. Städteverfassung. B. III, l. c.

[2]) Boehmert. p. 16—17.

[3]) Rüdiger. № 57.

[4]) Bodemann № XXVIII.

[5]) Wehrmann. l. c.

[6]) Inama-Sternegg. B. III. T. I. p. 97.

[7]) Fagniez. p. 78.

Подобныя же требованія находимъ въ Сентъ-Омерѣ [1]). Въ Англіи встрѣчается то же постановленіе въ иной формѣ: кто не располагаетъ годовымъ доходомъ въ 20 шилл., не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье [2]). Такимъ образомъ, утвержденіе Геринга, что извѣстное имущество является условіемъ вступленія въ цехъ лишь съ конца XVII вѣка, имѣетъ отношеніе къ одному лишь Базелю; въ XV вѣкѣ тамъ обязательно имѣть только необходимыя принадлежности для тушенія огня и для отбыванія сторожевой и военной службы [3])

Наконецъ, цехи прибѣгали къ наиболѣе простому и вѣрному средству—ограничивали число мастеровъ цеха извѣстнымъ максимумомъ, и разъ послѣдній былъ достигнутъ, то новые члены принимались лишь постольку, поскольку мѣсто очищалось старыми, умершими мастерами. Такъ, въ Любекѣ латунники въ 1330 г. и игольный цехъ въ 1356 г. ограничиваютъ число мастеровъ 12, золотыхъ дѣлъ мастера—сначала до 1371 г.—24, а затѣмъ—22, рыбники въ 1376 г.—также 12 [4]). Въ Штеттинѣ число сапожниковъ опредѣлено въ размѣрѣ 40, число бондарей—12 [5]). Число нюрбергскихъ жестяниковъ не можетъ превышать пятнадцати, число тамошнихъ красильщиковъ—восьмидесяти [6]). Въ Гамбургѣ также цехи бондарей, льноткачей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ устанавливаютъ извѣстный комплектъ [7]). Въ Руанѣ число мастеровъ шапочнаго цеха ограничено 50 [8]). Особенно часто встрѣчалось подобное постановленіе у цеховъ мясниковъ: въ Стреленѣ число ихъ ограничено въ 1292 г.—34, въ Беесковѣ въ 1348 г.—22, въ Штеттинѣ—14, въ Стендалѣ въ 1355 г. максимумъ составляетъ существующее въ данное время число плюсъ

---

[1]) Giry. Histoire de la ville de Saint-Omer et de ses institutions jusqu'au XIV siècle. Paris. 1877. p. 350.

[2]) Ashley, стр. 348.

[3]) Geering. p. 60.

[4]) Wehrmann. №№ 13, 16, 37, 39.

[5]) Blümcke. p. 118.

[6]) Eulenburg. Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. IV. p. 146. Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. Leipzig. 1894. p. 157—158.

[7]) Rüdiger. №№ 7, 17, 34.

[8]) Martin-Saint-Léon. p. 277.

два [1]). Обычнымъ является комплектъ не только у мясниковъ, но и у булочниковъ, суконщиковъ, кузнецовъ, словомъ вездѣ, гдѣ продажа товаровъ производилась изъ опредѣленныхъ ларей или прилавковъ или предметы изготовлялись въ особыхъ мастерскихъ. Цехъ заявлялъ, что ихъ имѣется такое-то количество и больше не можетъ быть устроено, почему новые мастера могутъ приниматься въ цехъ лишь въ томъ случаѣ, если освободилось мѣсто. Кейтгенъ приводитъ многочисленные примѣры, относящіеся къ XIII и даже XII вѣку [2]).

VII.

„Установившееся въ наукѣ мнѣніе — говоритъ Лампрехтъ—что профессіи въ средніе вѣка однообразно переходили по наслѣдству въ теченіе многихъ поколѣній, есть въ значительной степени не болѣе какъ вымыселъ“... Но тутъ же онъ прибавляетъ: „только въ тѣхъ случаяхъ, когда производство промысла требовало значительнаго капитала, онъ всегда переходилъ отъ отца къ сыну, какъ это бываетъ и въ настоящее время; въ средневѣковомъ Франкфуртѣ это должно было происходить, слѣдовательно, въ промыслахъ мясниковъ, пекарей, ткачей, корабельщиковъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣти цеховыхъ мастеровъ переходятъ къ другимъ занятіямъ или уходятъ изъ того цеха, къ которому принадлежалъ ихъ отецъ, въ иной цехъ [3]). Лампрехтъ допускаетъ, слѣдовательно, что по отношенію къ тремъ важнѣйшимъ отраслямъ производства можно говорить о наслѣдственности профессій въ средніе вѣка, что въ цехахъ мясниковъ, пекарей и ткачей промыселъ переходилъ отъ отца къ сыну. Факты свидѣтельствуютъ однако о томъ, что это происходило и въ другихъ цехахъ. Такъ, подобный обычай несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ промыслахъ обработки металловъ, въ цехахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, оружейниковъ, ибо въ этихъ случаяхъ

---

[1]) Adler Fleischteuerungspolitik. p. 44 - 45.

[2]) Keutgen. p. 233 и сл.

[3]) Lamprecht. Zur Sozialstatistik der deutschen Stadt im Mittelalter. (по Бюхеру, Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrh.). Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. I. 1888. p. 498.

право занятія промысломъ было обыкновенно связано съ владѣніемъ извѣстнымъ помѣщеніемъ, и въ то же время эти цехи свято хранили секреты своего искусства: ихъ могли знать только немногіе, принадлежащіе къ цеху. Далѣе, наслѣдственность профессій мы можемъ наблюдать и въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности: не только въ ремеслѣ ткачей, но и въ промыслахъ суконщиковъ, портныхъ, наконецъ, подобный обычай установился въ сапожномъ и кожевенномъ, въ бондарномъ, столярномъ и др. промыслахъ.

Такъ, по указанію Маурера, во Франкфуртѣ на Майнѣ званіе мастера переходило отъ отца къ сыну не только въ цехахъ пекарей, мясниковъ, ткачей, но и въ промыслахъ портныхъ (1355 г.) и сапожниковъ (1377 г.) [1]). Въ Страсбургѣ сынъ ткача, женатый на дочери другого ткача, уплачиваетъ всего 10 шилл. при вступленіи въ цехъ, тогда какъ другія лица платятъ 85 шилл. (1407 г.), сукновалы и суконщики вносятъ 45 шилл. при поступленіи, дѣти же цеховыхъ мастеровъ, вступающіе въ этотъ цехъ,—всего 13 шилл. 8 пфен. (ок. 1400 г.); въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ плата въ 40 шилл. замѣняется 20 шилл. для сыновей мастеровъ (1363 г.), она составляетъ половину и въ цехѣ булочниковъ, именно 6 шилл. вмѣсто 12 (1263 г.). Въ цехахъ суконщиковъ и ткачей эти взносы, какъ мы видимъ, „столь значительны, что они должны были сдѣлать вступленіе въ цехъ невозможнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто не былъ сыномъ мастера, или не былъ женатъ на дочери или вдовѣ мастера [2]). Въ Бременѣ право заниматься сапожнымъ промысломъ переходитъ по статуту 1300 г., къ сыновьямъ и дочерямъ за незначительную плату въ размѣрѣ 1 фертинга. Другія лица вовсе не принимаются въ цехъ. Въ 1308 г. и имъ открытъ доступъ; но можно сильно сомнѣваться въ томъ, были ли они дѣйствительно въ состояніи осуществлять это право, такъ какъ послѣднее было связано съ уплатой одной марки и съ владѣніемъ очень значительнымъ для того времени имуществомъ въ размѣрѣ 8 марокъ (свыше 120 шилл.) [3]).

---

[1]) Maurer. Städteverfassung. II. p. 460.

[2]) Schmoller. p. 402—403. См. также выше стр. 338—39.

[3]) Böhmert. p. 16—18. Ср. выше стр. 355.

Въ статутѣ сапожнаго цеха г. Риги XIV в. говорится: если у мастера родится ребенокъ, сынъ или дочь, то къ нему переходитъ мастерство [1]). Въ Вѣнѣ (Wiener Neustadt) промыслы мясниковъ (въ статутѣ 1364 г. говорится: обычай, который существуетъ съ давнихъ поръ), торговцевъ жирами и шерстоткачей были наслѣдственны. Право заниматься этими промыслами переходило къ дѣтямъ обоего пола и къ вдовамъ мастеровъ; посторонніе не допускались въ цехъ [2]). Согласно договору, заключенному между цехами булочниковъ восьми нѣмецкихъ городовъ въ 1352 г., мастера, обучавшіе лицъ, родители которыхъ не входили въ составъ цеха, подвергались наказанію. Это были слѣдующіе города: Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Оппенгеймъ, Франкфуртъ, Бингенъ, Бахарахъ и Боппардъ [3]). Въ Фрейбергѣ промыслы мясниковъ, ножевщиковъ, кузнецовъ, выдѣлывальщиковъ косъ и суконщиковъ переходили къ младшему сыну мастера безъ уплаты какихъ-либо сборовъ. Старшіе же сыновья обязаны были внести обычную плату [4]). Цехи кузнецовъ, закаливальщиковъ стали и шлифовщиковъ клинковъ въ Золингенѣ не брали въ обученіе никого, кромѣ собственныхъ сыновей, только шлифовщикамъ дозволено обучать также близкихъ родственниковъ, если у нихъ нѣтъ дѣтей. Въ цехъ рейдеровъ (сборщиковъ оружія) допускались всѣ, но плата при вступленіи, составлявшая 150 гульденовъ золотомъ, была столь значительна, что было лишь два случая пріема постороннихъ лицъ, причемъ, однако, и въ этихъ случаяхъ выданное уже разрѣшеніе было затѣмъ взято обратно (статуты, изданные при основаніи цеховъ въ 1472, 1401 и 1412 гг.) [5]). Промыслы кузнецовъ, котельниковъ, мѣдниковъ и латунниковъ въ Нюрнбергѣ (1399 г.) принимали въ цехъ только тѣхъ, кто пріобрѣлъ домъ, съ которымъ было связано право занятія ремесломъ. Эти дома носили названіе „Eheschmieden“, ибо пріобрѣтались большею частью путемъ вступленія въ бракъ: женясь на дочери мастера, подмастерье достигалъ званія мастера [6]). Въ г. Вернигородѣ, гдѣ „взносы

[1]) Stieda-Mettig. № 103. p. 529.
[2]) Maurer. Städtever-Fassung II. p. 461. Stahl. p. 162.
[3]) Maurer. II. p. 459. Schanz. Gesellen-Verbände p. 15. 153.
[4]) Maurer. II. p. 461. Beck. I. p. 858.
[5]) Thun. II. p. 9.
[6]) Beck. I. p. 880—881. II. p. 566.

при вступленіи въ цехъ были очень значительны", младшія дѣти кузнецовъ и ткачей льняныхъ матерій ничего не платили при вступленіи въ цехъ. Цехъ башмачниковъ и кожевниковъ освобождалъ отъ платы всѣхъ дѣтей мастеровъ, при вступленіи въ цехъ портныхъ и суконщиковъ сыновья мастеровъ также ничего не платили, дочери (вѣрнѣе ихъ мужья) уплачивали половину опредѣленной для другихъ платы, цехи булочниковъ, мясниковъ и розничныхъ торговцевъ взимали съ тѣхъ и другихъ половину установленной для прочихъ платы [1]). Въ Базелѣ нерѣдко годами только и вступали въ цехъ сыновья и зятья мастеровъ—говоритъ Геерингъ—и прибавляетъ къ этому: „съ 1464 г., но повидимому это былъ старинный обычай" [2]). Плата, вносимая сыновьями мастеровъ въ Базелѣ при вступленіи ихъ въ цехъ (Erneuerung), составляла первоначально отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ платы, установленной для всѣхъ прочихъ. Впослѣдствіи общая для всѣхъ плата чрезвычайно возросла; между тѣмъ сыновья мастеровъ платили немногимъ болѣе, чѣмъ раньше. Такъ, при вступленіи въ цехъ ткачей посторонніе уплачивали въ 1268 г. 4 шилл., сыновья мастеровъ—2 шилл., т. е. половину, а въ 1441 г. первые—92 шилл. (а затѣмъ и 115 шилл.), вторые же всего $13^1/_2$ шилл. Винодѣлы въ 1393 г. взимали съ постороннихъ при вступленіи ихъ въ цехъ, $109^1/_2$—$149^1/_2$ шилл., съ сыновей же мастеровъ незначительную сумму въ 9 шилл., цехъ мясниковъ въ 1391 г. бралъ съ первыхъ $402^1/_2$ шилл., со вторыхъ $32^3/_4$ шилл., суконщики и винодѣлы въ 1430—1441 гг. требуютъ въ первомъ случаѣ $50^1/_3$, во второмъ всего $7^1/_3$ шилл. [3]).

Во всѣхъ дошедшихъ до насъ цеховыхъ статутахъ г. Гекстера (Вестфалія), въ уставахъ портныхъ 1276 г., кузнецовъ 1280 г., скорняковъ 1280 г., ткачей шерстяныхъ издѣлій 1333 г. и ткачей льняныхъ матерій 1370 г.—повсюду право занятія промысломъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну безъ уплаты какихъ-либо сборовъ, тогда какъ всѣ остальные, extranei, т. е. тѣ, которые не наслѣдуютъ мастерства—какъ объясняется въ одномъ изъ

---

[1]) Meister p. 28, 29.
[2]) Geering. p. 59 и прим. 7.
[3]) Geering. p. 67—68.

статутовъ—обязаны уплатить извѣстную сумму при вступленіи въ цехъ. Любопытно, что въ наиболѣе древнихъ цеховыхъ уставахъ этого города—въ статутахъ портныхъ 1276 г. и кузнецовъ 1280 г. вовсе не упоминается о дѣтяхъ мастеровъ, а говорится лишь о томъ, что чуждые цеху элементы, extranei, должны внести при поступленіи извѣстную сумму. Очевидно, вопросъ о наслѣдованіи мастерства дѣтьми мастера не возбуждалъ никакихъ сомнѣній и этотъ обычай до того укоренился, что о немъ и не приходилось упоминать въ статутахъ. Наоборотъ, вопросъ о пріемѣ постороннихъ лицъ былъ чѣмъ-то совершенно новымъ; изъ статутовъ видно, что о немъ впервые заходитъ рѣчь, что до того времени т. е. до конца XIII вѣка въ цехи не принимали постороннихъ, какъ это было и въ Бременѣ до начала XIV вѣка, почему цеховые уставы и считаютъ нужнымъ регулировать порядокъ пріема постороннихъ лицъ [1]).

Нѣчто подобное находимъ и въ Кельнѣ: уже въ древнѣйшихъ статутахъ токарей 1179—1182 и 1282 гг. встрѣчается постановленіе, согласно которому только посторонніе лица обязаны уплачивать 24 ден. при вступленіи [2]). Въ Люнебургѣ бочары, скорняки и др. освобождаютъ сыновей мастеровъ, и лицъ, вступающихъ въ бракъ съ дочерьми мастеровъ отъ уплаты вступительнаго взноса, а портные, найдя, что число ихъ слишкомъ возрастаетъ и это ведетъ къ сокращенію ихъ заработковъ, въ 1458 г. рѣшаютъ не принимать болѣе въ цехъ никого, кромѣ тѣхъ, кто женится на дочери или вдовѣ мастера [3]). Въ Штеттинѣ—говоритъ Блюмке—не было ни одного постановленія относительно пріема въ цехъ, которое бы не отмѣнялось или существенно не измѣнялось въ пользу дѣтей мастера [4]).

Во французскихъ цехахъ мясниковъ право заниматься промысломъ является наслѣдственнымъ: посторонніе лица не допускаются. Такія постановленія мы находимъ къ Парижѣ (Grande-Boucherie, boucherie de Saint-Germain des

---

[1]) Denkwürdige Beiträge für Geschichte und Rechtsaltertümer (III. Aus dem alten Gedenkbuch der Stadt Höxter), herausgeg. von Paul Wigand. Leipzig. 1858. p. 135—143.

[2]) Lau. p. 208.

[3]) Bodemann. p. XVIII—XIX.

[4]) Blümcke. p. 137.

Près) [1]), въ Пуатье, въ Шательрс [2]), въ Лиможѣ, въ Аррасѣ (Артуа) [3]). Но и во многихъ другихъ ремеслахъ промыселъ переходилъ исключительно къ сыну или къ зятю, какъ напр., въ цехахъ ткачей, кухмистровъ (oyers et cuisiniers) и горшечниковъ въ Парижѣ: ткачи (въ XIII вѣкѣ) не допускали никого изъ постороннихъ лицъ къ занятію ремесломъ, даже если они уже успѣли сдѣлать вступительный взносъ, въ цехахъ же кухмистровъ и горшечниковъ (XIV и XV ст.) послѣ смерти мастера сынъ его тотчасъ же занималъ его мѣсто, а если онъ былъ еще настолько малъ, что не въ состояніи былъ работать, то завѣдованіе мастерской поручалось одному изъ подмастерьевъ, подъ руководствомъ котораго работали остальные [4]). Кузнецы норманскихъ городовъ, которые образовали между собой союзъ, пользовались правомъ наслѣдованія мастерства. Это право подтверждалось и позднѣйшими статутами различныхъ городовъ Нормандіи. Въ статутахъ г. Villedieu 1403 и 1434 гг. еще спеціально указано, что никто не можетъ быть обучаемъ владѣть молотомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не доказалъ своего происхожденія отъ членовъ союза. Другія лица могутъ вступать въ союзъ лишь въ качествѣ наемныхъ рабочихъ [5]). Въ цехъ слесарей г. Пуатье (1455 г.) также принимаются лишь сыновья мастеровъ [6]). Бочары въ Аміенѣ (1375 г.) не предъявляютъ никакихъ требованій при пріемѣ въ цехъ сыновей мастеровъ, кромѣ лишь того, чтобы имъ исполнилось 24 года: достигнувъ этого возраста, сынъ сразу пріобрѣтаетъ званіе мастера [7]). Въ статутахъ парижскихъ кузнецовъ, изготовляющихъ щиты, и кожевниковъ постановлено, что за бѣдныхъ сыновей мастеровъ вступительный взносъ покрывается изъ суммъ цеха [8]). Тоже установлено и въ цехахъ парижскихъ чулочниковъ, шапочниковъ 1324 г., аміенскихъ ювелировъ, цирюльниковъ въ Монпелье

---

[1]) Levasseur. I, p. 348—349.
[2]) Boissonade. II, p. 79.
[3]) Martin-Saint-Léon, p. 271—290.
[4]) Fagniez, p. 56, 103, 181. Levasseur. I, p. 284.
[5]) Eberstadt, p. 41, 86, 264—265.
[6]) Boissonade. II, p. 80.
[7]) Neuburg, p. 55—56.
[8]) Fagniez, p. 62.

1252 г., столяровъ въ Пуатье 1450 г., а также чулочниковъ и кожевниковъ: повсюду сыновья мастеровъ освобождаются отъ уплаты взноса [1]).

На изготовленіе пробной работы подмастерьи-мѣдники затрачивали двѣ недѣли, между тѣмъ у сыновей мастеровъ она отнимала всего одну недѣлю [2]). Цехъ аміенскихъ желѣзниковъ 1460 г. замѣняетъ для дѣтей мастеровъ довольно сложную пробную работу представленіемъ свидѣтельства о знаніи ремесла [3]). Цехи слесарей, кожевниковъ и чулочниковъ въ Пуатье также освобождаютъ дѣтей мастеровъ отъ пробной работы [4]). Такіе случаи—говоритъ по этому поводу Нейбургъ—гдѣ техническая квалификація человѣка замѣняется фактомъ его происхожденія въ качествѣ сына мастера, лучше всего характеризуютъ то семейное хозяйство, которое господствовало въ цехахъ [5]).

Брюссельскіе краснодеревцы и бочары также освобождаютъ сына мастера отъ пробной работы; слесари не берутъ съ него (по статуту 1380 г.) вступительнаго взноса; кожевники сокращаютъ для своихъ дѣтей срокъ ученичества; мясники вообще никого изъ постороннихъ въ цехъ не принимаютъ [6]). И въ другихъ брабантскихъ и фламандскихъ городахъ посторонніе часто вступали въ цехъ исключительно посредствомъ женитьбы на дочери мастера [7]).

Въ Англіи дѣти мастеровъ нерѣдко вовсе освобождались отъ отбыванія семилѣтняго ученичества [8]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — говоритъ Кеннингэмъ — подмастерьямъ навсегда была закрыта возможность стать самостоятельными хозяевами, благодаря предпочтенію, которое оказывалось тѣмъ, кто родился въ цехѣ [9]). По мнѣнію Роджерса, первоначально участіе въ цехѣ имѣло наслѣдственный характеръ, являлось правомъ, переходившимъ по наслѣдству отъ отца къ сыну [10]).

---

[1]) Neuburg, p. 57. Levasseur. I, p. 279. Martin-Saint-Léon, p. 261. Boissonade, II, p. 62—108.
[2]) Levasseur. I, p. 571.
[3]) Neuburg, p. 57.
[4]) Boissonade, II, p. 94—95.
[5]) Neuburg, p. 58.
[6]) Des Marez, p. 50—53. 80—83.
[7]) Barlet. p. 74.
[8]) Ochenkowski, p. 70. 136. Эшли, стр. 353.
[9]) Кеннингэмъ, стр. 381.
[10]) Rogers. p. 77.

Наконецъ, имѣются многочисленныя данныя о томъ, что и въ Италіи цехи въ весьма многихъ случаяхъ имѣли характеръ наслѣдственныхъ учрежденій. Сыновья мастеровъ, указывается въ статутѣ ткачей г. Лукки, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, могутъ требовать включенія ихъ въ число мастеровъ, не представляя никакихъ доказательствъ своей годности. Сынъ того, кто принадлежитъ къ цеху, включается въ него sine aliqua intratica solvenda, читаемъ въ одномъ изъ цеховыхъ статутовъ г. Пьяченцы. Отъ сіенскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, по уставу 1361 г., требовался взносъ въ размѣрѣ 25 лиръ, но дѣти мастера и его братья свободны были отъ всякаго платежа [1]). Подобныя же постановленія существовали во Флоренціи [2]). Согласно уставу пизанскихъ мѣховщиковъ, посторонніе вообще не принимаются, званье мастера просто переходитъ по наслѣдству [3]). Въ Венеціи также ни ученичество, ни изготовленіе пробной работы не обязательно для дѣтей мастера [4]), а въ нѣкоторыхъ цехахъ и здѣсь пріемъ для постороннихъ вовсе закрытъ (статутъ булочниковъ 1304 г.). Любопытно при этомъ, что въ X вѣкѣ, когда впервые возникаютъ въ Венеціи цехи, отправленіе ремеслъ является наслѣдственнымъ [5]). Лишь впослѣдствіи повидимому отдѣльные венеціанскіе цехи стали допускать и постороннихъ лицъ, сохраняя, однако, по прежнему преимущества въ пользу тѣхъ, кто принадлежалъ по крови къ цеху. Этимъ лишній разъ подтверждается обстоятельство, которое обнаружилось при разсмотрѣніи нѣмецкихъ цеховъ, что наслѣдственность цеховыхъ привилегій и кастовый характеръ цеховъ есть вовсе не результатъ развитія конкурренціи въ послѣдующія столѣтія, а характерная особенность ихъ съ самаго начала возникновенія, которая съ теченіемъ времени принимаетъ болѣе мягкій характеръ, превращаясь въ преимущества лицъ, принадлежащихъ къ цеху, вмѣсто ихъ исключительнаго права пріобрѣтать званіе мастера [6]).

[1]) Ковалевскій, т. III. стр. 134—135.
[2]) Poehlmann. p. 48.
[3]) Ковалевскій, т. III, стр. 148.
[4]) Molmenti. p. 97.
[5]) Ковалевскій, т. III, стр. 56. 148.
[6]) Любопытные факты, подтверждающіе эту гипотезу, можно найти у Keutgen'a Aemter und Zünfte, особ. гл. X. См. также М. И. Кулишеръ. Вѣстн. Европы. Авг. 1888., стр. 593—94.

Отдѣлъ II.

Отношеніе цеховыхъ мастеровъ къ потребителямъ и къ подмастерьямъ (установленіе цѣнъ и положеніе подмастерьевъ-рабочихъ) и характеръ ихъ прибыли.

I.

Необходимымъ послѣдствіемъ господства цеховой монополіи въ средніе вѣка въ области производства и сбыта промышленныхъ издѣлій являлось произвольное регулированіе цехами цѣнъ на изготовляемые ими предметы. Хотя промышленныя издѣлія въ эту эпоху воплощали въ себѣ одинъ только трудъ, тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что они и обмѣнивались соотвѣтственно количеству этого воплощеннаго въ нихъ труда. Пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, цехи старались извлечь возможно большую прибыль при сбытѣ промышленныхъ издѣлій, и имъ и въ голову не могло придти устанавливать цѣну призводимыхъ ими продуктовъ соотвѣтственно тому труду, который былъ затраченъ въ ихъ производствѣ. Лишь при господствѣ свободной конкурренціи въ тѣ времена могла бы обнаруживаться тенденція къ обмѣну товаровъ соотвѣтственно труду, употребленному на ихъ изготовленіе [2]).

Цѣны регулировались цеховыми мастерами совмѣстно и каждый изъ нихъ обязанъ былъ придерживаться установленной сообща цѣны. Вслѣдствіе этого, устранялась и та незначительная конкурренція, которая могла бы существовать среди

---

[1]) Т. е. въ смыслѣ существованія тенденціи въ этомъ направленіи.

[2]) См. объ этомъ ниже.

цеховыхъ мастеровъ. Цѣль существованія цеховъ заключалось въ томъ „up dat sik die lude in dem ampte neren und berghen mögten“, какъ говорится въ цеховыхъ статутахъ; поэтому и условія сбыта товаровъ должны были быть для всѣхъ цеховыхъ мастеровъ одинаковы; нельзя было допустить такого состоянія, при которомъ они могли бы сбивать цѣну другъ у друга. Мастеръ, который желалъ бы продавать произведенные имъ товары дешевле, чѣмъ продавали его собратья по ремеслу, лишенъ былъ этой возможности, ибо цехъ запрещалъ сбывать товары по цѣнѣ ниже установленнаго минимума [1]). Такъ, въ статутѣ пивоваровъ г. Любека 1388 г. говорится, что никто изъ цеховыхъ мастеровъ не вправѣ продавать пиво дешевле другихъ [2]). Мастера цеха любекскихъ бочаровъ обязаны, согласно статуту 1390 г., каждый разъ совмѣстно устанавливать цѣну въ зависимости отъ стоимости матеріала: kopen se dure in, dar schollen se na setten, kopen se goden kop, darna schollen sy ock den kop setenn; и эта цѣна обязательна для всѣхъ подъ страхомъ наказанія [3]). Статутъ каменьщиковъ г. Цвикау запрещаетъ мастерамъ сбивать другъ у друга плату [4]). Брадобреямъ Сентъ-Омера (конецъ XIII вѣка) не дозволяется брать менѣе установленной платы (одна maille) за бритье или кровопусканье [5]). Для сукностриговъ и сукноваловъ этого города существовалъ также обязательный минимумъ платы [6]). Цирюльный цехъ въ Брюгге устанавливалъ опредѣленную цѣну за бритье, стрижку, за выдергиваніе зуба, за пусканіе крови, и запрещалъ, подъ страхомъ наказанія, брать меньше [7]).

---

[1]) Между тѣмъ Шенбергъ (p. 63 и сл.) утверждаетъ, что цехи имѣли при этомъ въ виду и интересы потребителей. Въ томъ же смыслѣ высказывается Гирке (p. 389). Бюхеръ (Entst, p. 96), какъ и многіе другіе изслѣдователи, исходитъ изъ существованія конкуренціи между цеховыми мастерами. Такого взгляда придерживался еще Гюльманнъ. (Hüllmann. Staedtewesen im Mitt. B. I, p. 199).

[2]) Wehrmann. № 8.

[3]) Ibid. № 48, см. также №№ 10, 17, 31.

[4]) Berlepsch. Chronik der Gewerke. B. IX. № 9.

[5]) Giry, p. 365. Rég. aux bans. № 332.

[6]) Ibid. p. 354. 356. Rég. aux bans. №№ 111. 695.

[7]) De Vigne. p. 54—55.

Насколько значительны были злоупотребленія со стороны цеховъ при такомъ произвольномъ установленіи цѣнъ на сбываемые ими продукты, видно изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., въ Кельнѣ въ 1258 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1352 г., городъ вынужденъ былъ воспретить цехамъ устанавливать обязательную для всѣхъ мастеровъ минимальную плату [1]); въ другихъ городахъ, гдѣ цехи не желали отказаться отъ этого права, они были совершенно уничтожены, какъ, напр., въ Вѣнѣ въ 1340 г., въ Касселѣ въ 1398 г., въ Хемницѣ въ 1414 г. [2]). Наиболѣе опаснымъ такое произвольное установленіе цѣнъ цехами являлось въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о пищевыхъ продуктахъ. Поэтому городскія власти взяли регулированіе цѣнъ на эти продукты въ свои руки и стали издавать обязательныя для всѣхъ мастеровъ таксы, представлявшія собою уже не минимумъ, какъ цеховыя таксы, а максимумъ того, что дозволялось брать съ покупателя. Но это относилось лишь къ пищевымъ продуктамъ. По отношенію къ другимъ промысламъ положеніе и впослѣдствіи нисколько не измѣнилось, ибо и впослѣдствіи мы находимъ въ цеховыхъ статутахъ таксы, которыя только и могли быть установлены самими цехами [3]); какъ видно изъ данныхъ, при-

---

[1]) Эти постановленія приведены у Lacomblet. Niederrheinisches Urkundenbuch. B. II. p. 250. См. Maurer. B. II. p. 389. 395. 433. Stieda. Entstehung des Zunftwesens. p. 96. Кельнское постановленіе гласитъ: Hiis etiam adiungimus quod fraternitates de rebus venalibus ad suam fraternitatem pertinentibus terminum pretii in emendo vel vendendo limitare non possunt. См. подобнаго же рода постановленія въ Нюрнбергѣ, Брюннѣ. (Eulenburg. Zeitschr. für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. IV. p. 142—3).

[2]) Rohrscheidt. Preistaxen. Handwörterbuch. der Staatswissenschaften. B. VI. Raumer. Geschichte der Hohenstaufen B. V. p. 305. Schanz. Gesellenverbände. p. 14. См. его-же Englische Handelspolitik. I. p. 654. Ср., впрочемъ, Eulenburg. l. c.

[3]) Таксы, встрѣчающіяся въ цеховыхъ статутахъ, могли исходить лишь отъ самихъ цеховъ. Это видно во-1-хъ, изъ того, что эти таксы минимальныя, а не максимальныя, и во-2-хъ, изъ того, что онѣ внесены въ статуты, въ началѣ которыхъ говорится, что они составлены самимъ цехомъ; они не могли быть написаны городскими властями, вслѣдствіе отсутствія у послѣднихъ необходимыхъ свѣдѣній по различнымъ вопросамъ техническаго свойства, разрѣшаемымъ статутами. См. объ этомъ Wehrmann, p. 59. Rüdiger, p. XVIII. Bodemann, p. XXV. Blümcke. p. 138. Giry. p. 346. 348. Hauser.

веденныхъ у Берлепша и Бека, въ Германіи въ средніе вѣка не существовало таксъ, установленныхъ властями, ни для сапожниковъ, ни для кузнецовъ. Встрѣчается лишь въ видѣ исключенія такса для портныхъ въ Мюнхенѣ въ 1414 году [1]). Такимъ образомъ, большинство цеховъ попрежнему устанавливаетъ обязательныя для всѣхъ членовъ цеха минимальныя цѣны [2]), [3]). Только на хлѣбъ, мясо, пиво существуетъ въ средніе вѣка максимумъ цѣны, выше котораго никто не вправѣ требовать; эти цѣны опредѣляются городскими магистратами.

Раньше, чѣмъ въ Германіи — появляются таксы, установленныя властями, въ Англіи. Первая англійская такса на хлѣбъ относится къ 1202 г.; въ 1262 (1267) г. она возобновляется. За нарушеніе ея полагалось выставленіе у позорнаго столба [4]). Кромѣ таксъ на хлѣбъ, въ Англіи встрѣчаются и таксы на мясо; далѣе регулируются цѣны на вино, пиво, домашнюю птицу, рыбу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ также цѣны на дрова, уголь, сало, свѣчи [5]) [6]) и т. п. Цѣны на другіе предметы (мини-

---

р. XXVI. Hegel, Städte und Gilden. I. p. 336. Levasseur. I. 272. Inama B. Ш. T. 2.

[1]) Но и эта такса установлена повидимому въ интересахъ очень состоятельныхъ классовъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ ея говорится что придворные, а также бѣдные жалуются на чрезмѣрную плату, требуемую портными. Далѣе, опредѣляется цѣна на шелковыя и вытканныя золотомъ одежды, цѣна на платья изъ тонкаго и швабскаго сукна, и лишь въ концѣ упоминается объ одеждѣ, изготовленной изъ простого и грубаго сукна. Berlepsch. II. p. 27.

[2]) Въ Вюртембергѣ въ 1425 г. установлены таксы для различныхъ промысловъ и разосланы цехамъ, причемъ имъ приказано выработать самостоятельно для себя таксы соотвѣтственно этому тарифу. (Schüz. Die alt-württembergische Gewerbeverfassung. Zeitschr. f. ges. Staatswiss. VI. p. 284). И здѣсь, слѣдовательно, таксы устанавливаются самими цехами.

[3]) Съ высказаннымъ мною взглядомъ относительно характера цеховыхъ таксъ соглашается Inama-Sternegg. III, 2, p. 56—57.

[4]) Rauemer. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. 4 Aufl. B. V. Leipzig. 1872. p. 305. Эшли, стр. 211—13.

[5]) Эшли, стр. 214—216, 284.

[6]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что среди этихъ предметовъ значительная часть (дрова, уголь, домашняя птица и др.) представляетъ собою не промышленныя издѣлія цеховъ, а сельскохозяйственные продукты, привозимые въ городъ крестьянами.

(минимумъ) устанавливаются, однако, самими промыслами. По общему правилу—говоритъ Эшли—опредѣленіе цѣнъ на промышленныя издѣлія предоставлялось, повидимому, самимъ цехамъ; ограниченіе въ Лондонѣ городскимъ постановленіемъ цѣны шпоръ представляетъ почти единственный примѣръ противоположнаго рода... Слабая сторона такого порядка состояла въ томъ, что какъ скоро цехи окрѣпли, они стали стремиться къ ограниченію числа своихъ членовъ и къ повышенію цѣнъ. Опасность съ этой стороны стала весьма чувствительной въ послѣдніе годы XIV ст., но она начала обнаруживаться еще въ 1321 г. въ образѣ дѣйствій лондонскихъ ткачей. Послѣдніе постановили брать за тканье штуки сукна шестью пенсами болѣе, чѣмъ они брали раньше; это постановленіе вызвало сильное неудовольствіе [1]). Въ 1415 г. раздаются жалобы на тайныя соглашенія красильщиковъ въ Ковентри, на то, что они этимъ путемъ повышаютъ цѣны, а въ 1495 г. стригали ворстедскихъ суконъ выдѣлились изъ общаго цеха стригальщиковъ въ качествѣ самостоятельнаго цеха и посредствомъ соглашенія между собой подняли цѣны на стрижку сукна. Цехъ экзетерскихъ портныхъ пришлось вслѣдствіе происходившихъ въ немъ злоупотребленій даже вовсе отмѣнить въ 1482 г. [2]).

Только въ 1503/04 гг. цехи лишились своей привилегіи устанавливать цѣны. Въ этомъ году былъ изданъ законъ, въ силу котораго, „старшины, пристава и члены всѣхъ ремеслъ или цеховъ и каждаго изъ нихъ, а также лица, стоящія во главѣ гильдій и братствъ не могутъ издавать актовъ или предписаній, если эти акты не разсмотрѣны и не одобрены канцлеромъ, государственнымъ казначеемъ и главными судьями одной изъ скамей или тремя изъ нихъ, или же ассизными судьями во время объѣзда ими страны“. Мотивировался этотъ актъ тѣмъ, что „старшины, надзиратели и члены гильдій, братствъ и другихъ корпорацій, существующихъ въ различныхъ мѣстностяхъ королевства, часто, подъ предлогомъ дарованнаго имъ и подтвержденнаго жалованными грамотами и привилегіями права

[1]) Эшли, стр. 218—219.

[2]) Schanz. Englische Handelspolitik. B. I. p. 654. Кеннингэмъ, I. стр. 383. По этой же причинѣ были установлены въ 1433 г. цѣны на восковыя свѣчи, а въ 1488 г.—на сукно.

издавать обязательныя для всѣхъ постановленія, издаютъ много незаконныхъ и неразумныхъ предписаній, какъ относительно цѣнъ на товары, такъ и по другимъ поводамъ, преслѣдуя при этомъ свои собственныя выгоды и причиняя этимъ немалый вредъ и ущербъ всему народу". Такимъ образомъ—прибавляетъ Эшли—единственнымъ прямо указаннымъ мотивомъ, побудившимъ къ изданію этого акта, являлось желаніе отнять у цеховъ право регулировать цѣны товаровъ [1]).

Въ Парижѣ только въ 1351 г. временно устанавливаются таксы на различные товары; онѣ вызваны паденіемъ цѣнности денегъ и сильнымъ уменьшеніемъ населенія послѣ Черной смерти. Въ обычное время встрѣчаются лишь таксы на хлѣбъ и мясо, послѣднія, впрочемъ, не ранѣе 1351 г., причемъ и во второй половинѣ XIV вѣка цѣна на мясо устанавливалась крайне неточно, что вызывало много злоупотребленій. Насколько неудовлетворительны были эти таксы, видно лучше всего изъ того, что мясо продавалось вовсе не на вѣсъ, а кусками, такъ что опредѣлять его цѣну не было никакой возможности [2]). Въ Пуату также существовали въ средніе вѣка лишь таксы на хлѣбъ: таксы на мясо, дичь и рыбу устанавливались только временно на опредѣленный періодъ, въ особенности на время поста [3]). Наоборотъ, постановленія властей, направленныя противъ таксъ, исходящихъ отъ самихъ цеховъ и являющихся продуктомъ соглашенія между мастерами, встрѣчаются и во Франціи въ большомъ количествѣ. Однако, эти постановленія оставались повидимому на бумагѣ. При небольшомъ количествѣ мастеровъ, входящихъ въ составъ цеха—говоритъ Фанье—имъ нетрудно было устраивать тайныя соглашенія относительно цѣнъ производимыхъ ими товаровъ. Подобное соглашеніе между ткачами г. Дульена существовало шесть лѣтъ, прежде чѣмъ оно дошло до свѣдѣнія городскихъ властей, но даже имѣя въ своихъ рукахъ доказательства, городъ не рѣшался прибѣгнуть къ какимъ-либо мѣрамъ противъ нихъ, а обратился въ Аміенъ съ вопросомъ, какъ

[1]) Эшли, стр. 426—27.
[2]) Levasseur. I. p. 343. 677—78.
[3]) Boissonade. II. p. 317—318.

поступить съ участниками соглашенія. Изъ этого — заключаетъ онъ — лучше всего видно, что рѣдкость составляли не соглашенія относительно цѣнъ между мастерами, а преслѣдованіе ихъ за такія соглашенія, ибо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ удавалось обнаружить и привлечь виновныхъ къ отвѣтственности [1]).

Въ Италіи установленныя городскими властями таксы были повидимому болѣе распространены, чѣмъ въ другихъ странахъ. Обычными являются таксы на пищевые продукты и таксы для ремесленниковъ, услугами которыхъ пользовался городъ, какъ напр. для кровельщиковъ, штукатуровъ, обжигателей кирпичей [2]). Но и для другихъ ремеслъ, какъ, напр., портняжныхъ цеховъ, кузнечныхъ, ндрѣдко издавались таксы. Такъ, напр., въ Миланѣ и Болоньи городъ устанавливалъ плату за ковку лошадей, въ Пистоѣ — плату кузнецовъ, въ Феррарѣ, Венеціи и Флоренціи — таксу для портныхъ [3]), во Флоренціи кромѣ того для носильщиковъ, для продавцовъ маслъ, для свѣчного цеха. При этомъ Пельманъ однако указываетъ на то, что въ общемъ таксы составляютъ даже во Флоренціи сравнительно рѣдкое явленіе: таксъ на сырье и фабрикаты почти не существовало [4]). Это мнѣніе подтверждается и изслѣдованіями Дорена. „Первоначально — говоритъ Доренъ — государство предоставляло цехамъ полную свободу установленія цѣнъ. Но такъ какъ результатомъ этой свободы была постоянная война всѣхъ противъ всѣхъ, то пришлось прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ для прекращенія злоупотребленій. Законъ XIII вѣка противъ „monopolia e posture“ признаетъ необходимымъ для устраненія злоупотребленій воспретить цехамъ самостоятельно устанавливать цѣны или издавать обязательныя для всѣхъ членовъ постановленія относительно высоты цѣнъ“ [5]). Этотъ законъ вошелъ впослѣдствіи въ составъ флорентійскихъ статутовъ XIV и XV вѣковъ. Та-

---

[1]) Fagniez. p. 119.

[2]) Raumer. V. p. 308. Poehlmann. p. 67. Molmenti. p. 135. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters. Bonn. 1829. B. IV. p. 87.

[3]) Raumer. l. c. Hüllmann. l. c. Ковалевскій. III. стр. 9, 170—1.

[4]) Poehlmann. p. 140.

[5]) Doren p. 200.

кимъ образомъ, во Флоренціи развитіе совершается такъ же, какъ и въ нѣмецкихъ городахъ: цеховыя таксы, опредѣляющія минимумъ цѣны, замѣняются запрещеніемъ соглашеній между членами цеховъ [1]). А затѣмъ наступаетъ третій періодъ: городъ самъ издаетъ уже обязательныя для цеховъ таксы, устанавливая максимальныя цѣны для различныхъ ремеслъ. Но это право онъ осуществлялъ—какъ указываетъ Доренъ—въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Communitates maiori попрежнему пользовались полной свободой дѣйствій въ области регулированія цѣнъ, что же касается communitates minori, то по отношенію къ нимъ городъ сохранялъ свое право принудительно устанавливать цѣны на производимые ими продукты, но на практикѣ почти никогда не пользовался имъ. Пекари и строительныя ремесла были почти единственными цехами, для которыхъ издавались таксы городскими властями [2]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что цѣны на сырье и фабрикаты регулировались въ средніе вѣка односторонне и совершенно произвольно самими же производителями этихъ продуктовъ, тогда какъ цѣны на пищевые продукты, прежде всего на испеченный хлѣбъ, но также на мясо и рыбу, отчасти и на пиво и вино, устанавливались обыкновенно городомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, цеховая автономія ограничивалась, во избѣжаніе тѣхъ бунтовъ и возмущеній городскихъ массъ, къ которымъ приводили высокія цѣны на съѣстные припасы и вызываемыя этимъ голодовки. Чѣмъ же руководствовались власти, устанавливая цѣны на предметы пропитанія, какъ вырабатывались эти таксы?

---

[1]) Венеціанскіе портные, на основаніи статута 1219 года, обязаны принести присягу, что не будутъ вступать между собой въ соглашенія съ цѣлью повышенія цѣнъ. (Ковалевскій, III. 46).

[2]) Doren. p. 201—202, см. также Poehlmann. p. 67. Тоже находимъ и въ Испаніи (Арагонія, Кастилія). Съ одной стороны существуютъ устанавливаемыя государствомъ таксы и притомъ почти исключительно на пищевые продукты (хлѣбъ, мясо, дичь и птица и т. д.), а съ другой стороны издаются запрещенія, которыми не дозволяется ремесленникамъ вступать между собою въ соглашеніе относительно высоты цѣнъ Исполнялись ли эти запрещенія въ Испаніи лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ,—неизвѣстно. Goury du Roslan. p. 268—271, 275.

При условіяхъ средневѣковаго обмѣна—говоритъ Кеннингэмъ—когда предложеніе производившихся товаровъ подвергалось сравнительно слабымъ колебаніямъ и трудъ игралъ важную роль въ стоимости производства, изданіе правилъ, регулирующихъ справедливыя сдѣлки во всѣхъ видахъ промышленности, было почти такъ же легко, какъ въ настоящее время установленіе платы за наемъ экипажа... До тѣхъ поръ, пока каждый человѣкъ занималъ опредѣленное мѣсто въ общественной группѣ, къ которой онъ принадлежалъ, возможно было, путемъ разсчета установить, каково должно быть справедливое вознагражденіе его и, такимъ образомъ, опредѣлить разумныя цѣны для производимыхъ имъ предметовъ... Въ основѣ всей средневѣковой хозяйственной жизни лежало представленіе о томъ, что въ каждой сдѣлкѣ возможно извлеченіе правильной прибыли“ [1]) [2]).

II.

Первоначальныя таксы состояли, повидимому, въ томъ, что ремесленнику предписывалось брать при сбытѣ товаровъ iustum pretium, причемъ высота этого pretium совершенно не опредѣлялась. То, что Инама-Стернеггъ замѣчаетъ по поводу установленія поденной платы, относится, слѣдовательно, и къ этимъ таксамъ: первоначально, повидимому, исходили изъ представленія объ обычной, всѣмъ извѣстной платѣ, и лишь впослѣдствіи старались точно опредѣлять высоту ея. Такъ, въ г. Ротенбургѣ существовало старинное постановленіе, которымъ запрещалось ремесленнику брать плату, пре-

---

[1]) Кеннингэмъ. т. I. стр. 213. 396.

[2]) При установленіи цѣнъ предметовъ—говоритъ, напр., Ланген-штейнъ (Henricus de Hassia)—властямъ не трудно опредѣлить сколько нужно продавцу для того, чтобы содержать себя такъ, какъ это свойственно его положенію.

вышающую цѣнность произведеннаго имъ продукта: „если предметъ стоитъ одинъ фунтъ, то онъ и долженъ быть проданъ по такой цѣнѣ“ [1]). Такой же смыслъ имѣютъ слѣдующія постановленія: sibi necessaria antiqua consuetudine digno pretio ementes [2]) или: vendere autem eis quae necessaria sunt faciant non plus carum, sed secundum usum et consuetudinem terrae [3]). Англійскій король Ательстанъ на соборѣ 928 года приказываетъ придерживаться справедливой цѣны [4]). Такой характеръ имѣетъ и приказаніе Филиппа IV, короля французскаго, въ 1330 г., чтобы всѣ товары продавались по разумной цѣнѣ. Въ XIV вѣкѣ подобное постановленіе является уже пережиткомъ прежнихъ временъ, ибо таксы на пищевые продукты достигли къ этому времени уже большаго развитія. Впрочемъ, на остальные продукты, какъ мы видѣли, таксъ обыкновенно не было. Только въ годы, слѣдующіе за Черной смертью 1349 г., существовали также временныя таксы на текстильныя и желѣзныя издѣлія (ордоннансъ короля Іоанна II), причемъ и въ этомъ случаѣ не были вычислены издержки, а просто запрещалось повышать болѣе чѣмъ на одну треть цѣны, господствовавшія до обезцѣненія монеты [5]). Совершенно неопредѣленными и притомъ прямо таки неисполнимыми являются таксы на вино въ Арагоніи: предписывается продавать вино въ городахъ по той же цѣнѣ, по какой оно пріобрѣтено въ селахъ [6]).

---

[1]) Stieda. Zur Entstehung der Zünfte in Deutschland. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. XXVI p. 97.

[2]) Widonis capit. elect. 889 c. 7. Boretius. Capit. reg. Francor. II. 105.

[3]) Widonis capit. Pap. 891. c. I Boretius. II. 107.

[4]) Mansi. Concill. collect. XVIII. 57.

[5]) Levasseur. I p. 677. Eberstadt. p. 168. Для нѣкоторыхъ случаевъ установлено только ничего не значущее правило: il en prendra le meilleur marché qu'il pourra.

[6]) Goury du Roslan. p. 276.

Подобныя требованія, чтобы цѣна соотвѣтствовала justum pretium, которыя собственно говоря никого ни къ чему не обязывали, не являются еще таксами въ полномъ смыслѣ этого слова, а лишь зачаточной формой послѣднихъ и сохраняютъ такую форму въ теченіе продолжительнаго времени. Гораздо важнѣе тѣ постановленія, которыми опредѣляется величина дозволенной прибыли при продажѣ того или другого товара. Въ Фрейбургѣ въ 1249 г. уровень прибыли установленъ слѣдующимъ образомъ: на цѣломъ быкѣ или коровѣ мясникъ можетъ выручить 6 ден. прибыли, на продажѣ свиньи 4 ден., на продажѣ козы 2 ден. Какова должна быть прибыль, извлекаемая при продажѣ отдѣльныхъ частей животныхъ, не указано; имѣлся очевидно въ виду только тотъ плюсъ, который получается въ результатѣ, сравнительно съ цѣной, по которой былъ пріобрѣтенъ скотъ [1]). Такой же характеръ имѣетъ и такса на мясо въ Муртенѣ XII вѣка, съ той только разницей, что уровень дозволенной прибыли установленъ вдвое большій, чѣмъ во Фрейбургѣ [2]). Точно также и парижская такса 1351 г. допускаетъ прибыль въ размѣрѣ лишь 10 проц. съ покупной цѣны скота, причемъ натуральная прибыль въ видѣ сала должна входить въ составъ этихъ 10 проц. Фанье справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что подобное предписаніе являлось совершенно неисполнимымъ: „какимъ образомъ можно было убѣдиться въ томъ, что сумма всѣхъ прибылей, вырученныхъ мясникомъ при розничной продажѣ отдѣльныхъ частой скота, въ концѣ концовъ не превышала 10 проц. покупной цѣны?“ [3]).

Шагъ впередъ представляютъ собою тѣ таксы, которыми устанавливается опредѣленная цѣна продукта, равняющаяся расходамъ предпринимателя плюсъ дозволенной прибыли. Въ то время, какъ во Фрейбургѣ въ XIII в. предписывалось, сколькимъ денарамъ должна равняться прибыль, выручаемая при продажѣ бочки вина, въ Сентъ-Омерѣ и въ Бордо, въ концѣ XIII вѣка, и въ Парижѣ въ началѣ XIV вѣка существовали уже опредѣленныя таксы на вино, которыми устанавлива-

---

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 93. Stieda. p. 97—98.

[2]) Adler. ibid. p. 94. Stieda. p. 97.

[3]) Fagniez. p. 189.

лась продажная цѣна его [1]). Въ Англіи также были опредѣлены максимальныя цѣны на вина, привозимыя изъ Анжу, Пуату и изъ Франціи; первая такса такого рода относится къ 1199 году. Въ теченіе слѣдующаго столѣтія она неоднократно измѣнялась, такъ какъ цѣны на мѣстахъ производства были подвержены значительнымъ колебаніямъ. Въ 1330 г. постановлено, чтобы никто не смѣлъ продавать вино иначе, какъ по разумной цѣнѣ, принимая въ соображеніе цѣны, которыя существуютъ въ портахъ, и издержки, какъ напр. доставку изъ порта до мѣста продажи. Этимъ принципомъ должны были руководствоваться мѣстныя власти при изданіи таксъ [2]). Во флорентійской таксѣ на рыбу (XIV вѣка) были, наоборотъ, совершенно упущены изъ виду издержки транспорта и другіе расходы: цѣна на рыбу изъ Lago nuovo и на рыбу изъ Перуджіи была совершенно одинакова, между тѣмъ какъ не только качество рыбы, получавшейся изъ Lago nuovo, было хуже, но и перевозка ея обходилась дешевле и оплачиваемыя при провозѣ ея пошлины были ниже [3]).

Подобныя таксы, гдѣ опредѣлена продажная цѣна товара, составляютъ наиболѣе частое явленіе въ средніе вѣка. Такой характеръ максимальныхъ цѣнъ имѣютъ въ особенности таксы на мясо. Сравнительно съ древнѣйшей таксой на мясо въ Германіи (Фрейбургъ) 1249 г. и съ французской таксой 1351 г., въ которыхъ опредѣлена лишь дозволенная прибыль при продажѣ всего животнаго, гамбургская такса 1375 г., устанавливающая максимальныя цѣны на четверть овцы и на тушу теленка или козы, составляетъ уже шагъ впередъ [4]). Впрочемъ детальныя таксы являются въ XIV вѣкѣ еще рѣдкостью. Лишь въ XV вѣкѣ „политика установленія таксъ пріобрѣтаетъ бо́льшую опредѣленность и мало по малу превращается въ цѣлую систему, предусматривающую всевозможные случаи сбыта продуктовъ. Цѣна мяса опредѣлена на фунты и для каждаго рода скота отдѣльно; нерѣдко устанавливается

[1]) Stieda. p. 97. Giry. Rég. aux bans. № 215. Malvezin. Histoire du commerce de Bordeaux. T. I. 1892. p. 225. Eberstadt. Franz. Gewerberecht. p. 153.

[2]) Malvezin. p. 330. Эшли, стр. 215. Schanz. Englische Handelspolitik. B. I p. 643 и слѣд. Кеннингэмъ т. I, стр. 273—75.

[3]) Poehlmann. Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance. p. 25.

[4]) Adler. Fleischteuerungspolitik, p. 95.

особая, болѣе высокая цѣна для извѣстныхъ сортовъ мяса или вообще для лучшихъ породъ скота“ [1]). Въ Мюнхенѣ цѣна двухъ фунтовъ лучшаго сорта говядины равняется 1 пфен. [2]) Въ Галлѣ (Hall– Тиролія) цѣна скота опредѣлена въ 1448 г. въ 4 крейцера за фунтъ каплуна, въ 3 кр. за фунтъ баранины и въ 1 кр. за каждые 2 фунта козлятины или телятины [3]). Нюрнбергская такса 1497 г. различаетъ говядину, свинину, телятину и другіе сорта мяса; цѣна телятины установлена еще особо въ зависимости отъ того, продается ли она въ періодъ отъ Пасхи до Рождества или въ другое время года [4]). По Страсбургской таксѣ 1483 г. фунтъ говядины стоитъ 3 гелл., за мясо лучшаго сорта мясникъ имѣетъ право брать 7 пфен. за 4 ф., и, соотвѣтственно этому, за каждый отдѣльный фунтъ. Рѣшать же каково качество мяса предоставлено старшинамъ мясного цеха [5]). Точно также и во Фрейбургѣ старшины цеха, подвергающіе мясо осмотру, опредѣляютъ и качество его, въ зависимости отъ котораго устанавливается та или другая цѣна [6]). Въ XV вѣкѣ таксы на мясо становятся всеобщими. Что распространеніе ихъ относится лишь къ этому столѣтію, вытекаетъ изъ того, что во многихъ городахъ только къ этому времени удалось заставить мясниковъ продавать мясо по вѣсу, фунтами: въ нѣкоторыхъ случаяхъ видно прямо изъ содержанія таксы, что введеніе ея въ XV вѣкѣ составляетъ для даннаго города явленіе совершенно новое [7]).

Таксы, устанавливающія опредѣленныя разъ навсегда цѣны, имѣютъ одинъ крупный недостатокъ: колебанія въ цѣнѣ сырья слишкомъ мало отражаются на цѣнѣ изготовленнаго изъ него продукта. Такса во Флоренціи предназначалась „на все будущее время“; только въ теченіе 10 дней въ году, съ 20-го по 30-е іюня, допускалось повышеніе ея, тогда какъ во всякое другое время на это требовалось согласіе нѣсколькихъ учрежденій [8]). А въ

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 94.
[2]) Stieda Zunftwesen p. 97.
[3]) Inama-Sternegg. III, 1 p. 305.
[4]) Adler. p. 96.
[5]) Adler. p. 97.
[6]) Ibid.
[7]) Adler. p. 95.
[8]) Poehlmann. p. 25.

Ueberlingen'ѣ была установлена въ 1400 г. такса на хлѣбъ, которая должна была сохранять одинъ и тотъ же уровень, каковы бы ни были цѣны на зерно [1]). Приведенные факты составляютъ, впрочемъ, скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило, ибо обыкновенно отъ времени до времени производился пересмотръ таксы; но дѣлалось это только тогда, когда измѣненіе таксы являлось уже безусловно необходимымъ, такъ что связь между издержками и цѣной была довольно слабая, цѣна далеко не всегда соотвѣтствовала расходамъ мастера. Это обстоятельство внушило мысль о введеніи подвижныхъ таксъ: тогда властямъ, устанавливающимъ таксу, не приходилось измѣнять таксы каждый разъ, когда измѣняется цѣна сырья, а достаточно было разъ навсегда опредѣлить, каково должно быть отношеніе между сырьемъ и произведеннымъ изъ него продуктомъ и какъ должна измѣняться цѣна послѣдняго при колебаніяхъ цѣнъ сырья въ ту или другую сторону. Затѣмъ уже мастеръ въ состояніи было самъ опредѣлить, какая цѣна является максимальной въ данное время, и такъ какъ цѣны сырья извѣстны, то нетрудно установить, правильно ли мастеръ назначаетъ цѣну продукта и довольствуется ли онъ дозволенной прибылью. Послѣдняя предполагается всегда одинаковой. На каждую единицу товара ремесленникъ выручаетъ опредѣленную прибыль, всегда одну и ту же, независимо отъ цѣны сырья, изъ котораго продуктъ изготовленъ. Такса даетъ ему возможность пріобрѣсти извѣстную прибыль съ каждаго квартера пшеницы или ржи, съ каждой бочки вина или пива, не взирая на колебанія въ цѣнѣ этихъ товаровъ. Прибыль вычисляется обсолютно, а не въ процентахъ съ суммы, истраченной продавцомъ до появленія товара на рынкѣ. Такимъ путемъ прибыль опредѣляется какъ въ постоянныхъ таксахъ, гдѣ цѣна установлена опредѣленная, такъ и въ тѣхъ, гдѣ она измѣняется въ зависимости отъ колебаній издержекъ, затрачиваемыхъ мастеромъ при изготовленіи продукта [2]).

Подвижнымъ характеромъ отличаются обыкновенно таксы

---

[1]) Gothein. p. 508.

[2]) Ср. Ochenkowski. Englands Gesetzgebung in Bezug auf die Preise. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. 30. 1878. p. 87.

на хлѣбъ. Встрѣчаются, правда, и постоянныя таксы на хлѣбъ, но въ XIII—XV ст. мы находимъ ихъ сравнительно рѣдко. Постоянной таксой является напр. базельская такса на хлѣбъ 1256 г.: „пекарь не вправѣ брать за хлѣбъ свыше 2 ден. или 3 обол.“, при этомъ разница между цѣной на зерно и цѣной хлѣба составляетъ 2 сол.: одинъ—на расходы при печеніи хлѣба, другой—въ качествѣ прибыли [1]). Цѣна здѣсь составляется изъ цѣны сырья, издержекъ на изготовленіе хлѣба (отруби высчитываются изъ нихъ) и прибыли пекаря. Издержки однако не разбиты на части, сказано просто: pro sumptibus. Въ Муртенѣ въ XIII вѣкѣ предписывается, чтобы цѣна на хлѣбъ сообразовалась съ тѣмъ, каковъ урожай [2]), но въ большинствѣ таксъ цѣна на хлѣбъ остается неизмѣнной, а измѣняется лишь вѣсъ его въ зависимости отъ цѣны пшеницы или ржи. Такъ напр. въ древнѣйшей таксѣ на хлѣбъ г. Любека 1255 г. говорится: Cum siligo solvit unum solidum, ponderare debet pulcher pannis siliginis VI marcas fertone minus, ita lucrantur pistores IV solidos in XII modis siliginis et ipso tempore debet ponderare grossus panis IX marcas fertone minus. Cum triticum solvit XVIII denarios, debent duo cunei ponderare V marcas dimidio fertone minus et ita lucrantur pistores IV solidos in XII modiis tritici и т. д. [3]) Еще болѣе подробная такса на хлѣбъ издана въ Зестѣ въ 1250—1280 гг.[4]). Точно также и въ Госларѣ встрѣчаемъ въ 1290 г. таксу на хлѣбъ, въ которой вѣсъ хлѣба измѣняется, смотря по цѣнѣ на зерно [5]). Въ XIV вѣкѣ введены подвижныя таксы на хлѣбъ въ Регенсбургѣ [6]), въ Цюрихѣ (въ 1345 г.), въ Эрфуртѣ (въ 1351) г. [7]), въ Гайнбургѣ (въ половинѣ XIV вѣка), [8]), въ XV вѣкѣ во Фрейбургѣ (въ 1470 г.) [9]), въ Данцигѣ (въ 1433 г.) [10]). Во

[1]) Geering. p. 12. Ochs. Geschichte von Basel. B. I. p. 340.
[2]) Stieda. Zunftwesen p. 97.
[3]) Urkundenbuch der Stadt Lübeck. B. I. p. 205. № 224. См. Inama. B. III, 2. Anhang.
[4]) Schoenberg. Wirtsch. Bed. des Zunftwesens.
[5]) Stieda. Entstehung des Zunftwesens, p. 27.
[6]) Mascher. p. 260—261.
[7]) Berlepsch. B. VI. Chronik vom ehrbaren Bäckergewerk. p. 64.
[8]) Inama-Sternegg. III, 1. p. 307.
[9]) Gothein. p. 507—508.
[10]) Mascher. p. 261.

всѣхъ этихъ случаяхъ цѣна на хлѣбъ установлена опредѣленная, но вѣсъ хлѣба увеличивается или уменьшается одновременно съ колебаніями цѣнъ на зерно въ ту или другую сторону.

Въ Парижѣ существовала первоначально постоянная такса на хлѣбъ, причемъ цѣна находилась въ зависимости отъ величины хлѣба: двойной хлѣбъ стоитъ 2 ден., простой хлѣбъ 1 ден. и маленькій хлѣбъ ½ ден. Вѣсъ хлѣба еще не былъ опредѣленъ, такъ что такса покоилась на очень шаткихъ основаніяхъ. Только въ XIV вѣкѣ былъ установленъ вѣсъ хлѣба обязательный для каждаго сорта, причемъ вѣсъ этотъ измѣнялся въ зависимости отъ урожая. Въ царствованіе Людовика X въ 1315 году была сдѣлана попытка регулировать цѣны на хлѣбъ соразмѣрно цѣнамъ зерна. Новый способъ установленія цѣнъ былъ введенъ въ 1316 г.; вѣсъ тѣста и испеченнаго хлѣба измѣняется вмѣстѣ съ цѣной зерноваго хлѣба: было вычислено, каковъ долженъ быть вѣсъ хлѣба, если цѣна на зерно колеблется между 40 и 24 су. При этомъ сохранено было различіе между хлѣбомъ въ 2 ден. и хлѣбомъ въ 1 ден., различались еще и другіе сорта въ зависимости отъ качества зерна. Въ 1372 г. такса была дополнена, чтобы ею можно было пользоваться и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна зерноваго хлѣба понижается до 12 су; была опредѣлена цѣна испеченаго хлѣба и на тотъ случай, когда цѣна на зерно колеблется между 24 и 12 су [1]).

Въ Пуату въ 1343 г. было предписано продавать хлѣбъ, по цѣнѣ, соотвѣтствующей качеству его, причемъ былъ установленъ обязательный вѣсъ для каждаго сорта хлѣба. „Цѣна на хлѣбъ—говоритъ Буассонадъ—опредѣлялась въ зависимости отъ качества его, отъ цѣны на зерновый хлѣбъ, соль и дрова, а также сообразно стоимости труда (подмастерья) и разумной прибыли пекаря“. Къ сожалѣнію, Буассонадъ не указываетъ, были ли эти таксы подвижныя или постоянныя и принимались ли всѣ перечисленные расходы во вниманіе уже въ средніе вѣка—въ 1421 г., или лишь въ XVI и XVII ст. [2]).

---

[1]) Fagniez. p. 173—177.

[2]) Boissonade. I. p. 147—148. II. p. 317. Въ Сентъ-Омерѣ и въ Бордо встрѣчаемъ также подвижныя таксы: вѣсъ хлѣба колеблется въ за-

Англійскія таксы на хлѣбъ составлены путемъ вычисленія всѣхъ расходовъ пекаря, почему и представляютъ собою значительный шагъ впередъ сравнительно съ разсмотрѣнными выше таксами; англійскія таксы любопытны и въ томъ отношеніи, что онѣ являются первыми таксами, въ которыхъ проведенъ принципъ подвижной скалы [1]). Въ 1202 г. была установлена такса на хлѣбъ (Assize of Bread), въ которой указано, сколько пекарь можетъ поставить въ счетъ расходовъ на дрова, на соль, на дрожжи, на свѣчу и т. д. и сколько онъ можетъ выручить въ наличныхъ деньгахъ и натурой въ видѣ отрубей и хлѣба для рабочихъ [2]). Такса на хлѣбъ 1262 (1267) года содержитъ скалу, опредѣляющую колебаніе вѣса хлѣба цѣною въ фартингъ соотвѣтственно измѣненію (на каждые 6 пенсовъ) цѣны квартера пшеницы, въ предѣлахъ отъ 12 пенсовъ до 12 шиллинговъ, причемъ разница между цѣной сырья и цѣной хлѣба равняется 12 пенс. независимо отъ колебанія цѣнъ и вѣса. Изъ этихъ 12 пенс. 4 пенс. представляютъ собою прибыль пекаря, а 8 пенс. покрываютъ его расходы (помимо закупки сырья): $2^1/_2$ пенс. составляютъ амортизацію основнаго капитала въ видѣ печи и сита (1 и $1^1/_2$ пенса), 1 пенсъ расходуется на матеріалъ: дрожжи и соль (по $^1/_2$ пен.), $2^1/_2$ пенса на дрова и освѣщеніе (2 и $^1/_2$ пен.), наконецъ 2 пенса въ качествѣ платы подмастерьямъ (3 подмастерья по $^1/_2$ пенса) и ученикамъ (2 ученика по $^1/_4$ пенса) [3]). Эта такса составлена, слѣдовательно, на основаніи точнаго исчисленія всѣхъ

висимости отъ цѣны на зерно. Наоборотъ, въ Marziac'ѣ въ 1298 г. пекарямъ запрещается выручать болѣе 4 ден. на секстарѣ пшеницы. Въ городскихъ статутахъ г. Roye 1183 г. и Saint-Quentin'a говорится просто: Nullus panifex panem faceret nisi ad obolum. Giry. № 487. p. 468 Malvezin. p. 225. Eberstadt. p. 109—110.

[1]) Въ Англіи и пиво регулируется подвижными таксами: въ Iudicium Pilloriae имѣется таблица, опредѣляющая, въ связи съ колебаніями въ цѣнѣ квартера ячменя, сколько галлоновъ пива слѣдуетъ продавать за 1 пенни: когда квартеръ ячменя стоитъ 2 шил., на 1 пенни отпускается 4 галлона, когда 2 шил. 6 пенс.—$3^1/_2$ галлона и т. д. Наоборотъ, постоянныя таксы на пиво находимъ въ Регенсбургѣ (1320, 1388 1460 гг.), во Фленсбургѣ (1284 г.). Эшли, стр. 214—215 Mascher. p. 260. Stieda. p. 97.

[2]) Raumer. II. p. 305.

[3]) Эшли, стр. 211—212. Кеннингэмъ, стр. 487—9.

расходовъ предпринимателя. Какъ основной, такъ и оборотный капиталъ и отдѣльныя части каждаго изъ нихъ приняты во вниманіе: огульное опредѣленіе издержекъ замѣнено значительной спеціализаціей ихъ. Принципъ издержекъ здѣсь послѣдовательно проведенъ. Однако прибыли, выраженной въ процентахъ съ капитала, мы и здѣсь не находимъ: 4 пенса составляютъ чистую прибыль пекаря независимо отъ цѣны на пшеницу.

Подобная спеціализація статей расхода является въ средніе вѣка исключеніемъ. Обыкновенно при составленіи таксъ на хлѣбъ огульно опредѣляются всѣ расходы, кромѣ цѣны зерноваго хлѣба, и затѣмъ прибавляется прибыль пекаря, какъ это мы находимъ напр. въ базельской или любекской таксѣ. Точно также и въ таксахъ на мясо различаются кромѣ цѣны скота только двѣ рубрики: расходы и прибыль, какъ напр. въ Люнебургѣ въ 1496 г. [1]). Гораздо подробнѣе вычислены расходы въ нюрнбергской таксѣ 1662 г.: къ покупной цѣнѣ скота прибавлены пошлины, уплачиваемыя при провозѣ его, плата пастуху, расходы на кормъ скота и „другіе расходы“, а съ другой стороны изъ прибыли вычтена цѣнность кожи [2]). Въ послѣдующія столѣтія не только устанавливается бо́льшая спеціализація статей расхода, но таксы распространяются и на такія отрасли производства, въ которыхъ онѣ въ средніе вѣка или вовсе не встрѣчаются, или издаются лишь въ видѣ исключенія. Такъ, въ Иглау въ 1674 г. установлена цѣна на сукно [3]). Въ Саксоніи находимъ въ XVI вѣкѣ таксы на сапоги. Въ 1579 г., по приказанію курфюрста Августа, такса пересматривается. „Оба придворные сапожника должны были купить бычачью кожу, двѣ коровьихъ кожи, телячью и овечью со всѣми принадлежностями, въ присутствіи двухъ ратмановъ и трехъ другихъ мастеровъ цеха разрѣзать ихъ на сапоги мужскіе, женскіе, для мальчиковъ и для дѣвочекъ; всего на 26 паръ, которыя изготовлялись пятью подмастерьями, получавшими поденную плату въ 8 пфен. каждый и харчи. Оказалось, что изгото-

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 99.

[2]) Adler, ibid. p. 99.

[3]) Werner. Urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft. Leipzig. 1861. p. 92.

вленіе сапогъ обходится въ 10 флор. 20 грош., а по вычетѣ оставшагося матеріала въ 10 флор. 3 пфен., въ среднемъ же пара сапогъ въ 8 грош. 4 пфен. $1^3/_{13}$ гелл. [1]). Берлинскій тарифъ 1623 г. содержитъ таксы, установленныя для 72 ремеслъ [2]).

III.

Изъ 1300 парижскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, уплачивавшихъ въ 1292 г. нѣчто вродѣ подоходнаго налога (la taille), 821 человѣкъ, т. е. почти двѣ трети всѣхъ плательщиковъ, платили отъ 1 до 5 су, что, по Мартэну, соотвѣтствуетъ доходу въ $2^1/_2$—$12^1/_2$ ливровъ, или на современныя деньги—въ 50—250 фр., а изъ остальныхъ 500 человѣкъ 375 уплачивали отъ 5 до 20 су (1 ливръ), т. е. имѣли доходъ въ $12^1/_2$—50 ливр. или въ 250—1000 современныхъ франковъ [3]). Богачами ихъ конечно нельзя назвать. Точно такъ же и въ Базелѣ въ XV вѣкѣ (1429 г.) изъ свыше 1315 цеховыхъ ремесленниковъ 585 обладаютъ имуществомъ въ размѣрѣ до 50 гульд., а 533—имуществомъ въ 50—300 гульд. только 199 человѣкъ оказываются болѣе состоятельными [4]). Однако, изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что въ Парижѣ въ томъ же 1292 г. 121 ремесленникъ имѣлъ доходъ въ 1000—5000 фр. (на современныя деньги) и что нѣсколько ремесленниковъ (особенно суконщики) обладали доходомъ въ 5—10 тысячъ фр., а одинъ шляпочникъ даже доходомъ въ 19000 фр. [5]); а въ Базелѣ находимъ 41 ремесленника съ имуществомъ въ размѣрѣ свыше 1000 гульд., причемъ эти ремесленники распредѣляются между различными цехами очень неравномѣрно: составляя вообще 3,1% всѣхъ ремесленниковъ, они равняются $8^1/_2$ процент.

---

[1]) Falke. Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirtschaftlicher Beziehung. Leipzig 1868. p. 253—254.

[2]) Roscher. I. § 114.

[3]) Martin-Saint-Léon. p. 149—151.

[4]) Schönberg. Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV. Jahrh. Tübingen. 1879. p. 180—181. Въ 1453—54 г.г. изъ 778 мастеровъ имуществомъ въ размѣрѣ до 50 гульд. обладаютъ 433, въ 50—300 гульд.—256 и свыше 300 гульд. всего 89. (Ibid. p. 387—89).

[5]) Martin-Saint-Léon. Ibid.

въ цехахъ мясниковъ и булочниковъ, тогда какъ среди портныхъ и скорняковъ процентъ лицъ этой категоріи не доходитъ и до 2, а среди ткачей мастеровъ съ такимъ имуществомъ вовсе нѣтъ [1]). Въ Гейдельбергѣ въ XV в. имущество мясника равняется въ среднемъ 199 гульд. и булочника 167 гульд., слѣдующую категорію составляютъ портные со 119 гульд., сапожники со 113 гульд. и кузнецы со 100 гульд. каждый; наконецъ, ткачи имѣютъ всего 62 гульд. [2]). Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что средневѣковыхъ ремесленниковъ нельзя разсматривать, какъ однородное цѣлое, ибо разстояніе между различными цехами и между отдѣльными членами того же цеха было весьма значительно; можно лишь отмѣтить, что рядомъ съ большимъ количествомъ ремесленниковъ, жившихъ изо-дня въ день, существовали и состоятельные мастера, причемъ наиболѣе состоятельными оказываются повидимому цехи пекарей и мясниковъ.

Это обстоятельство проливаетъ свѣтъ и на характеръ разсмотрѣнныхъ выше таксъ на съѣстные припасы, издаваемыхъ городомъ. Не только въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Базелѣ, но и въ другихъ городахъ, какъ напр. Берлинѣ, Страсбургѣ, Фрейбургѣ, цехи мясниковъ и пекарей выдѣляются своимъ богатствомъ среди прочихъ цеховъ, а между тѣмъ къ нимъ относится огромное большинство всѣхъ средневѣковыхъ таксъ. Мало того, эти цехи были повсюду наиболѣе сильными въ городѣ. Берлинскій цехъ мясниковъ (въ концѣ XIII и въ началѣ XIV ст.) считался первымъ изъ четырехъ существовавшихъ въ то время цеховъ города и имѣлъ большое вліяніе на городское управленіе. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе состоятельный цехъ, онъ уплачивалъ наибольшую подать [3]). Въ Страсбургѣ корабельщики, мясники и розничные торговцы стояли выше всѣхъ прочихъ цеховъ по знатности и богатству. На почетную и важную должность Ammeister'а старшины каждаго изъ этихъ цеховъ выбирались

---

[1]) Schoenberg. Basels Finanzverhältnisse. p. 180—181.

[2]) Eulenburg. Zeitschr. für Social—u. Wirtschaftsgesch. B. III. p. 457.

[3]) Wiedfeldt. Statistische Studien zur Entwickelungsgeschichte der Berliner Industrie. Leipzig. 1898. p. 140.

въ теченіе столѣтія съ половины XIV до половины XV в. 10—11 разъ, въ то время какъ мастера другихъ цеховъ занимали эту должность въ теченіе того же періода всего одинъ—два раза и только суконщики добились этой чести семь разъ [1]). Въ Дортмундѣ политическими правами пользовались только слѣдующіе цехи: пекари, мясники, маслянники, розничные торговцы, кожевники и кузнецы[2]). Предпріятія фрейбургскихъ мясниковъ—говоритъ Готейнъ—представляются крупными даже на масштабъ XIX вѣка. Въ 1532 г. въ этомъ городѣ было всего 25 фирмъ, изъ коихъ 10 принадлежали товариществамъ изъ 2—3 лицъ. Цифры дозволеннаго производства (максимумъ производства) свидѣтельствуютъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ крупными даже для нашего времени предпріятіями [3]). Изъ 46 цеховъ, существовавшихъ въ г. Мехельнѣ (Брабантъ) въ 1309 г., всего шесть посылали своихъ представителей въ муниципальный совѣтъ; это были цехи пекарей, мясниковъ, колбасниковъ, пивоваровъ и кожевниковъ, т. е., за исключеніемъ послѣдняго, все цехи, изготовляющіе съѣстные припасы [4]). Въ Руанѣ въ 1408 г. важнѣйшими корпораціями являются цехи суконщиковъ, мясниковъ и мѣдниковъ [5]).

Изъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ усмотрѣть также и то, каковы были результаты установленія таксъ, а равно выяснить причины, которыми вызывались эти результаты. Состоятельность цеховъ, сбывавшихъ съѣстные припасы, свидѣтельствуетъ о томъ, что таксы нисколько не мѣшали имъ наживаться, не могли ограничить выручаемую ими прибыль. Обусловливалось же это той ролью, которую играли эти цехи въ городскомъ самоуправленіи, отъ котораго исходили таксы на различные продукты. Разъ въ ратушѣ засѣдали мясники, пекаря и рыбники и они же надзирали за торговлей съѣстными припасами, то очевидно и результаты должны были получаться соотвѣтствующіе: трудно было разсчиты-

[1]) Schmoller. Tucher- u. Weberzunft. p. VI u. 433.
[2]) Keutgen. Hansische Geschichtsblätter. 1901. p. 75.
[3]) Gothein. p. 501—502.
[4]) Barlet. p. 70.
[5]) Hauser. p. 56.

вать на то, что при составленіи таксы будутъ приняты во вниманіе дѣйствительные расходы продавца, и столь же мало можно было положиться на правильное примѣненіе таксы, на недопущеніе безнаказаннаго нарушенія ея. Составитель т. наз. „реформаціи императора Сигизмунда“ повидимому справедливо упрекалъ цехи за то, что они управляютъ городомъ и издаютъ законы [1]) и усматривалъ въ магистратахъ пособниковъ, содѣйствующихъ беззаконнымъ дѣйствіямъ цеховъ: представители цеховъ, засѣдающіе въ ратушѣ—говоритъ онъ—всячески выгораживаютъ другъ друга, когда рѣчь заходитъ о томъ, чтобы подвергнуть наказанію пекаря за продажу хлѣба ниже установленнаго вѣса [2]), или мясника, продающаго мясо по цѣнѣ выше назначенной [3]).

Въ Англіи установленіе таксъ на пищевые продукты—хлѣбъ, мясо, рыбу, вино предоставлено повсюду мѣстнымъ властямъ—мэру, альдерменамъ и мировымъ судьямъ, и на этихъ же должностныхъ лицъ возложена обязанность надзора за выполненіемъ изданныхъ относительно цѣнъ постановленій, а также суда и расправы надъ виновными въ нарушеніи таксы [4]). При этомъ, однако, мѣстныя власти выбирались нерѣдко изъ числа лицъ, торговавшихъ съѣстными припасами. Поэтому въ 1318 г. пришлось издать постановленіе, согласно которому должностное лицо, завѣдующее полиціей съѣстныхъ припасовъ, не можетъ, въ то время, какъ занимаетъ эту должность, торговать этими продуктами. Но это правило оказалось трудно выполнимымъ на практикѣ, и злоупотребленія продолжались попрежнему. Обнаружилось напр., что въ различныхъ мѣстахъ торговцы

---

[1]) Въ такихъ городахъ, какъ напр. Базель, Страсбургъ, Кельнъ ратуша составлялась изъ представителей цеховъ и самоуправленіе находилось въ ихъ рукахъ. (Geering. p. 37. 43—44. Schmoller. Tucher- und Weberzunft. p. 399. 484. Maurer. Städteverfassung B. I. Erlangen. 1869. см. также Эшли, стр. 275).

[2]) Какъ указано выше, въ таксахъ на хлѣбъ измѣнялась не цѣна хлѣба, а вѣсъ его.

[3]) Böhm. Friedrich Reiser's Reformation. 1876. См. Schmoller. Tucher- und Weberzunft. p. 465 и Koehne. Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. IV.

[4]) Schanz. Englische Handelspolitik. B. I. p. 622—23. 631. 638. 647—48.

рыбой въ качествѣ мэровъ злоупотребляли своей властью, а въ 1376 г. лондонскій альдерманъ Джонъ Пичъ даже пріобрѣлъ отъ короля право на монополію продажи (сладкихъ сортовъ) вина, обязавшись отдавать королю значительную часть выручаемой прибыли [1]). Въ 1382 г. былъ изданъ новый законъ, запрещавшій продавцамъ съѣстныхъ припасовъ занимать судейскія должности; впрочемъ, при отсутствіи подходящихъ лицъ, и они могутъ быть избраны на эти должности, но только на это время обязаны прекратить свой промыселъ. Наконецъ, въ 1511 г., въ виду очевидной невыполнимости предшествующихъ постановленій, было разрѣшено пекарямъ, пивоварамъ, виноторговцамъ и рыбникамъ не только устанавливать таксы на эти продукты и наблюдать за выполненіемъ ихъ въ качествѣ городскихъ должностныхъ лицъ, но одновременно съ этимъ и продолжать свой промыселъ, съ тѣмъ лишь, чтобы при установленіи ими цѣнъ привлекались къ участію двое выборныхъ лицъ [2]).

Подобный смѣшанный характеръ имѣли обыкновенно комиссіи, составлявшія таксы, въ Германіи и Голландіи: въ ихъ составъ входили городскія власти и выборные отъ того цеха, произведенія котораго таксировались въ данномъ случаѣ [3]). Такое участіе выборныхъ отъ цеха мясниковъ или пекарей гарантировало конечно лишь соблюденіе интересовъ послѣднихъ при установленіи цѣнъ на продуктъ. Если же въ результатѣ все-таки получалась такса, выгодная для потребителей, то заинтересованный цехъ отказывался руководствоваться ею при продажѣ продуктовъ. Такъ, пекари г. Эслингена въ 1414 г. произвели цѣлый бунтъ, когда была издана такса слишкомъ низкая, по ихъ мнѣнію [4]). Пивовары г. Аміена 1444 г. вступили между собой въ соглашеніе, условившись продавать бочку пива не ниже 24 солид., тогда какъ до того времени она продава-

---

[1]) Schanz. Ibid. p. 626. 647.

[2]) Schanz, Handelspolitik. I. p. 623.

[3]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 100. Naudé. Acta Borussica. I. p. 434. Bodemann. p. LXVIII.

[4]) Rohrscheidt. Geschichte der Preistaxen in Deutschland und Preussen. Jahrbücher für Nationalockonomie. N. F. B. XVII. p. 362.

лась за 19—20 сол. [1]). Въ Кельнѣ городъ былъ вынужденъ уничтожить цехъ мясниковъ, такъ какъ послѣдній вовсе отказался продавать мясо на вѣсъ [2]). Въ городскихъ постановленіяхъ мы постоянно встрѣчаемъ жалобы на то, что мясники „не обращаютъ вниманія на таксу и нарушаютъ ее съ пользой и выгодой для себя, въ ущербъ и вредъ населенію". Такія жалобы имѣются въ нюрнбергской таксѣ на мясо [3]). Длинная такса на мясо въ Данцигѣ заканчивается даже заявленіемъ, что мясникамъ въ концѣ концовъ предоставляется повышать или понижать цѣну на мясо по собственному усмотрѣнію [4]). И въ Штеттинѣ магистратъ заявляетъ, что установленная имъ такса не привела ни къ какимъ результатамъ [5]). Поэтому Адлеръ высказываетъ предположеніе, что таксы вообще являлись скорѣе выраженіемъ пожеланій магистрата, чѣмъ положительнымъ предписаніемъ его [6]). Точно также и англійскій парламентъ жаловался въ 1330 г. на то, что, несмотря на установленныя максимальныя цѣны на вино, содержатели тавернъ берутъ чрезмѣрно высокія цѣны, „вслѣдствіе того, что не опредѣлено для нихъ наказаній, какія существуютъ для продавцовъ хлѣба и пива". Впрочемъ, и таксы на хлѣбъ и пиво, невзирая на строгія наказанія, нарушались сплошь и рядомъ [7]).

Тотъ же Адлеръ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, что цѣна опредѣленная въ таксѣ, нерѣдко являлась той минимальной цѣной, по которой продавались товары [8]).

---

[1]) Neuburg. p. 152.

[2]) Lau. p. 304. И въ другихъ городахъ мясники отказывались продавать мясо фунтами и брать плату по таксѣ. (См. Berlepsch. B. V. p. 57. Adler. p. 37. Hirsch. p. 310). Ср. также Gothein. p. 499. Adler. p. 54—55. Schanz. Engl. Handelspolitik, I. p. 633.

[3]) Adler. Fleischergewerbe. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. III. p. 549.

[4]) Adler. Fleischergewerbe. Ibid.

[5]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 101.

[6]) Adler. Fleischergewerbe. Ibid.

[7]) Эшли стр. 215 и § 21. Goury du Roslan неоднократно указываетъ на безрезультатность таксъ въ Испаніи. Причину этого явленія онъ усматриваетъ въ слабости магистратовъ и низшихъ служащихъ городовъ. (стр. 240).

[8]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 92.

Это предположеніе правдоподобно. Такъ, напр., цѣны на хлѣбъ устанавливаемыя магистратами въ Голландіи, были не только максимальными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и минимальными цѣнами, ибо запрещалось продавать хлѣбъ и ниже опредѣленной цѣны [1]). Въ таксѣ, установленной для парижскихъ talemiers (XIII вѣка) былъ также предусмотрѣнъ и низшій уровень цѣны: за три хлѣба дозволялось брать не свыше 6 ден. и не менѣе 5 обол. [2]). Лондонскіе рыбники недопускали продажи рыбы ниже опредѣленной цѣны [3]). Булочники въ г. Вернигероде даже превратили максимальную таксу въ минимальную, запретивъ продавать за опредѣленную въ таксѣ цѣну болѣе хлѣба, чѣмъ тамъ было указано: „nein vorbrod geven“ [4]). Наконецъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1377 г. пекари не вправѣ были продавать хлѣбъ ниже установленной цѣны [5]). Такимъ образомъ, мы дѣйствительно имѣемъ основанія предполагать, что въ таксы вносилась во многихъ случаяхъ въ качествѣ максимальной цѣны та цѣна, которая въ данное время являлась на рынкѣ минимальной. Цеховые мастера имѣли (благодаря этому) возможность въ большинствѣ случаевъ сбывать свои продукты по гораздо болѣе высокой цѣнѣ; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда потребитель, пользуясь выгодными для него условіями рынка, старался понизить цѣну, мастеръ ссылался на таксу, заявляя что ниже установленной въ ней цѣны онъ не обязанъ и даже не вправѣ продавать. Вслѣдствіе этого, выгоду отъ таксъ имѣли не потребители, а производители [6]).

[1]) Naudé. Acta Borussica. I. p. 134.

[2]) Neuburg. p. 106.

[3]) Schanz. Engl. Handelspol. B. I. p. 625.

[4]) Meister. p. 31.

[5]) Kriegk. Bürgerzwiste und Zustände. p. 376.

[6]) Какъ справедливо указываетъ Кейтгенъ, не слѣдуетъ относиться слишкомъ довѣрчиво и къ тѣмъ постановленіямъ, которыя должны охранять потребителя отъ обмановъ при покупкѣ издѣлій цехового ремесла, и полагать, что въ средніе вѣка обмѣриваніе и обвѣшиваніе, фальсификація товаровъ и другія злоупотребленія были неизвѣстны. Не считая вовсе нужнымъ придерживаться ученія церкви относительно „справедливой цѣны“, цеховые мастера находили вполнѣ совмѣстимымъ съ ихъ высокимъ званіемъ—которое подчеркиваютъ нерѣдко современные экономисты и историки—

IV.

Такимъ образомъ, установленныя городскимъ муниципалитетомъ таксы (на съѣстные припасы), являясь провозвѣстникомъ принципа издержекъ производства, не въ состояніи были, однако, осуществить этотъ принципъ на практикѣ. Принципъ издержекъ производства былъ совершенно чуждъ средневѣковому періоду, цѣна опредѣлялась не расходами производителя или торговца, а тѣмъ обстоятельствомъ, сколько потребитель былъ въ состояніи заплатить за товаръ. Такъ это было и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ цѣна регулировалась самими цехами, и въ тѣхъ немногихъ сферахъ труда, гдѣ цѣна устанавливалась магистратомъ, ибо и въ послѣднемъ случаѣ либо таксы составлялись тѣми же цеховыми мастерами, въ качествѣ членовъ ратуши, городскихъ должностныхъ лицъ или выборныхъ, либо вовсе не примѣнялись цехами, превращаясь изъ максимальныхъ въ такія же минимальныя таксы, какими были и таксы, внесенныя цехами въ ихъ уставы. О торговцахъ древняго Рима Михаелисъ въ изслѣдованіи объ эдиктѣ Діо-

---

обманывать потребителя всевозможными способами. „Не обращаютъ должнаго вниманія на то обстоятельство—говоритъ Кейтгенъ—что постановленія, направленныя противъ обманнаго образа дѣйствій, не повторялись бы безпрестанно безчисленное количество разъ, если бы злоупотребленія, которыми они вызывались, не были столь велики и столь неустранимы. Факты же, свидѣтельствующіе о существованіи этихъ золъ, разсматриваются не какъ симптомы всеобщаго распространенія ихъ, а какъ исключенія изъ общаго правила. И въ этомъ замѣтно вліяніе прежняго романтическаго представленія о средневѣковьѣ. А между тѣмъ источники повсюду говорятъ вполнѣ яснымъ языкомъ, и приходится, наоборотъ, удивляться тому, съ какимъ искусствомъ люди умѣли въ эту эпоху систематически вредить другимъ. Изъ исторіи торговли хорошо извѣстны общераспространенные способы обманыванія потребителей въ области сбыта съѣстныхъ припасовъ, начиная отъ ломѣщенія старыхъ и мелкихъ сельдей въ серединѣ боченковъ вплоть до подмѣшиванія къ вину извести или смѣшиванія хорошаго вина съ испорченнымъ. Ткачи прибавляли къ шерсти другія волокнистыя вещества, волосы всевозможныхъ животныхъ". (Keutgen. Aemter und Zünfte. p. 243—244). См. также Stieda. Revaler Zollbücher (Hansische Geschichtsquellen) p. CIV—CV. Эшли, стр. 181, 766. Кеннингэмъ. I. стр. 273 и сл. Glaser. Die Franziskan-Bewegung. p. 71, 81 и др. Franz Schaub. p. 182 и сл.

клеціана говоритъ, что они „скорѣе готовы были допустить, чтобы ихъ товары сгнили, чѣмъ отдать ихъ ниже запрошенной цѣны“ [1]). Но тоже можно сказать о средневѣковыхъ ремесленникахъ и торговцахъ, которые, пользуясь монополіей въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, имѣли полную возможность получить потребованную у покупателя цѣну. Желаніе сбыть товаръ по возможно болѣе высокой цѣнѣ господствуетъ и въ настоящее время, но оно умѣряется другими соображеніями, и прежде всего опасеніемъ, что конкурренты будутъ продавать товаръ по болѣе низкой цѣнѣ и этимъ отобьютъ покупателей. Вслѣдствіе этого, производитель товара или торговецъ вынужденъ руководствоваться при сбытѣ товара совершенно инымъ принципомъ, принципомъ издержекъ: ему должны быть возвращены его расходы и прибавлена извѣстная прибыль, считающаяся нормальной въ данное время и въ данной отрасли промышленности или торговли. Низкую прибыль на каждую единицу товара онъ старается наверстать увеличеніемъ общей суммы прибыли путемъ расширенія сбыта. Зомбартъ не безъ основанія указываетъ на то, что почти всѣ крупныя перемѣны въ организаціи современной торговли, въ особенности розничной продажи товаровъ, объясняются стремленіемъ къ расширенію ихъ сбыта [2]).

Совершенно инымъ принципомъ руководствуется цеховой мастеръ въ средніе вѣка: онъ продаетъ мало, но дорого и цѣна сбываемаго продукта не находится ни въ какой связи съ расходами, затраченными въ производствѣ. Средневѣковый ремесленникъ не имѣетъ столь богатыхъ покупателей, какъ его собратъ—купецъ, сбывающій пряности, ароматическія вещества и ткани Востока феодальной аристократіи; производя въ значительной мѣрѣ предметы повседневнаго потребленія, цеховой мастеръ не въ состояніи обогащаться столь же быстро, какъ купецъ. [3]) Но въ одномъ отношеніи оба занимаютъ

---

[1]) Michaelis. Krit. Würdig. der Preise des Edict. Diocletiani vom nationaloekon. Standpunkte aus. Zeitschr. für ges. Staatswiss. B. 53, p. 11.

[2]) Sombart, Kapitalismus. II, p. 377.

[3]) О размѣрахъ торговой прибыли въ средніе вѣка см. Heynen. Zur Entsteh. des Kapitalismus in Venedig. 1905, p. 76. 94—108. (По занятымъ капиталамъ венеціанскіе купцы уплачивали 25—50 проц. на срокъ данной экспедиціи, обыкновенно 2—3 мѣсяца). Stieda. Hans.—venet. Handelsbez. p. 96—111. (Разница между приводимыми покупными

одинаковое положеніе—и тотъ и другой обладаетъ монопольнымъ положеніемъ при сбытѣ своихъ товаровъ, и тотъ и другой имѣетъ возможность произвольно устанавливать цѣну товаровъ, руководствуясь одной лишь платежеспособностью покупателей.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Зомбарта, что средневѣковый ремесленникъ не стремился къ обогащенію, а старался добыть ровно столько, сколько ему необходимо было, по его понятіямъ, для своего содержанія [1]). Средневѣковая доктрина о справедливой цѣнѣ дѣйствительно исходила изъ представленія о доходѣ, приличествующемъ данному сословію (secundum conditionem et statum) [2]). Однако, приведенные выше факты показываютъ, что даже въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ существовали максимальныя таксы, онѣ вовсѣ не соотвѣтствовали тому, что канонисты понимали подъ „справедливой цѣной", такъ какъ составлялись заинтересованными лицами, не говоря уже о томъ, что таксы весьма плохо исполнялись. Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать доктрину съ дѣйствительностью, пожеланій относительно того, какова должна быть цѣна, съ тѣмъ, какъ она опрѣделялась на практикѣ [3]).

Адлеръ указываетъ на то, что матеріальнаго достатка достигали тѣ мастера, которые могли безнаказанно злоупотреблять въ теченіе продолжительнаго времени своимъ монопольнымъ положеніемъ, заставляя потребителей платить имъ высокія цѣны [4]). Но такое положвніе занимали цехи вообще въ средніе вѣка: оно было не исключеніемъ, какъ полагаетъ повидимому Адлеръ, а общимъ правиломъ. Если большинство

и продажными цѣнами, за вычетомъ издержекъ, составляетъ 100 и болѣе проц.). Doren, p. 111. (Сбытъ англійской шерсти во Флоренціи доставлялъ 75—90 проц. чистой прибыли). Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. 1904, passim.

[1]) Sombart. I, p. 86.

[2]) Thom. Aquin. Summa Theol. Secunda secundae. qu. 32. 118.

[3]) Весьма возможно, что ученіе о приличествующемъ каждому сословію доходѣ ввело Зомбарта въ заблужденіе, какъ и вообще многіе изслѣдователи средневѣковаго быта, исходя изъ канонической доктрины и постановленій свѣтскихъ и духовныхъ властей, пришли къ совершенно неправильнымъ выводамъ относительно дѣйствительныхъ условій жизни того времени.

[4]) Adler. Ueber die Epochen der deutschen Handwerkerpolitik. Iena 1903, p. 15.

мастеровъ тѣмъ не менѣе не достигало богатства, то не потому, что прибыль, выручаемая на каждой единицѣ товара, была низка, а лишь по той причинѣ, что при ограниченности сбыта эта высокая прибыль, уплачиваемая потребителемъ, въ суммѣ составляла все-таки небольшую выручку.

Противъ выставленной нами теоріи, что прибыль средневѣковаго ремесленника (или точнѣе: часть ея) [1]) уплачивалась потребителемъ, можно было бы привести указаніе Маркса на то, что при обмѣнѣ товаровъ не можетъ возникать никакой прибавочной цѣнности [2]). Высказывая эту мысль, Марксъ имѣлъ, однако, въ виду совершенно иныя условія экономической жизни. Онъ исходилъ изъ того предположенія, что прибавочная цѣнность во всѣхъ отрасляхъ производства и у всѣхъ предпринимателей одинакова. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, никто не въ состояніи извлечь прибыли при обмѣнѣ товаровъ, ибо тотъ плюсъ, который онъ выручаетъ при сбытѣ своихъ товаровъ, теряется при пріобрѣтеніи товаровъ, принадлежащихъ другимъ лицамъ. Но въ средніе вѣка о такомъ равенствѣ прибылей, какъ мы видѣли выше, и рѣчи быть не можетъ и поэтому вполнѣ допустимо, что одинъ цехъ, какъ напр. цехъ тѣхъ же пекарей или мясниковъ, могъ наживаться на счетъ другихъ. Но кромѣ того, въ городѣ существовали и лица, которымъ приходилось покупать необходимые имъ предметы у цеховыхъ мастеровъ, почти не сбывая имъ своихъ продуктовъ, какъ напр., купцы, землевладѣльцы, отъ нихъ, слѣдовательно, ремесленники во всякомъ случаѣ могли извлекать прибыль. Но прибыль, выручаемая изъ доходовъ лицъ этихъ категорій, была незначительна въ сравненіи съ той, которая получалась при обмѣнѣ изготовляемыхъ въ городѣ промышленныхъ издѣлій на сельскохозяйственные продукты, привозимые окрестными жителями: изъ доходовъ сельскихъ жителей получалась бо́льшая часть прибыли средневѣковыхъ городскихъ ремесленниковъ.

По Марксу въ т. наз. докапиталистическій періодъ обмѣнъ происходилъ по формулѣ: Т-Д-Т, т. е. товаръ превращался въ деньги, за которыя затѣмъ получался другой товаръ,

---

[1]) См. ниже, стр.

[2]) Marx. Das Kapital. 2. Aufl. 1873. p. 144—145.

воплощавшій такое же количество труда, какъ и первый. Такой характеръ имѣлъ обмѣнъ—указываетъ Марксъ—какъ въ первобытной междуплеменной торговлѣ, такъ и въ послѣдующія эпохи, основанныя на рабствѣ и крѣпостничествѣ, а равно въ періодъ цеховаго строя. Для совпаденія товарныхъ цѣнъ съ (трудовой) цѣнностью товаровъ необходимы условія троякаго рода: 1) обмѣнъ товаровъ не долженъ быть явленіемъ случайнымъ или временнымъ, 2) обмѣниваемые товары должны производиться въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ спросу на нихъ, 3) при сбытѣ ихъ не должно существовать естественной или искусственной монополіи, которая бы доставляла той или другой сторонѣ возможность сбывать свои товары по цѣнѣ, превышающей ихъ (трудовую) цѣнность или заставляла бы отдавать ихъ по цѣнѣ, стоящей ниже (трудовой) цѣнности[1]).

Эту мысль Маркса развиваетъ дальше Энгельсъ. „Законъ цѣнности Маркса—говоритъ онъ—дѣйствуетъ, поскольку вообще дѣйствуютъ экономическіе законы, въ теченіе всего періода простого товарнаго производства, т. е. вплоть до того времени, когда послѣднее видоизмѣняется подъ вліяніемъ возникновенія капиталистическаго способа производства. До этихъ поръ цѣны стремятся къ уровню, опредѣляемому закономъ цѣнности Маркса, и колеблются вокругъ этого уровня; чѣмъ болѣе чистую форму принимаетъ товарное производство, тѣмъ болѣе среднія цѣны въ теченіе продолжительныхъ, не прерываемыхъ внѣшними чрезвычайными событіями періодовъ, приблизительно совпадаютъ съ (трудовой) цѣнностью товаровъ. Такимъ образомъ, законъ Маркса является характернымъ для всего періода, начинающагося со времени возникновенія обмѣна, превращающаго продукты въ товары, и продолжающагося вплоть до XV вѣка нашей эры. Начало же товарнаго обмѣна относится ко времени, предшествующему всякой писанной исторіи, насчитывающей не менѣе трехъ съ половиной, а быть можетъ цѣлыхъ пять тысячелѣтій существованія Египта и четыре—шесть тысячелѣтій существованія Вавилона до нашей эры; законъ цѣнности дѣйствовалъ, слѣдовательно, въ теченіе періода, обнимающаго отъ пяти до семи тысячелѣтій“ [2]).

[1]) Marx. Das Kapital. B. III. T. I. Hamburg. 1894. p. 156.

[2]) Fr. Engels letzte Arbeit. Neue Zeit. 1895—96. p. 39.

Энгельсъ при этомъ, однако, упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ теченіе $4^1/_2$—$6^1/_2$ тысячелѣтій торговый обмѣнъ, поскольку онъ вообще существовалъ, имѣлъ характеръ случайный [1]) и, слѣдовательно, отсутствовало одно изъ тѣхъ условій, которыя Марксъ выставляетъ въ качествѣ необходимыхъ для того, чтобы цѣна совпадала съ трудовой цѣнностью. Болѣе правильной для этого періода должна быть признана та характеристика торговли, которую даетъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, говоря, что (въ докапиталистическій періодъ) уже появляется въ торговлѣ формула Д—Т—Д$_1$, причемъ „прибавочная цѣнность является результатомъ двойнаго обиранія какъ покупающаго, такъ и продающаго производителя паразитически втирающимся между ними купцомъ“ [2]). Необходимо, впрочемъ, и здѣсь имѣть въ виду, что обыкновенно по крайней мѣрѣ одна изъ эксплуатируемыхъ сторонъ представлена въ лицѣ землевладѣльца, а не самостоятельнаго производителя.

Въ отношеніи средневѣковой (международной) торговли Энгельсъ признаетъ, что цѣны не обнаруживали тендекціи къ трудовой цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ. Но онъ утверждаетъ, что въ обмѣнѣ между городскимъ ремесленникомъ и крестьяниномъ цѣна опредѣлялась количествомъ труда, затраченнаго на обмѣниваемые предметы. Онъ указываетъ на то, что въ средніе вѣка, и въ производствѣ промышленныхъ издѣлій, и въ сельскомъ хозяйствѣ затрачивался одинъ только трудъ и поэтому ремесленникъ, сбывая изготовленные имъ предметы, и крестьянинъ, продавая продукты своего хозяйства, могли руководствоваться только сравнительнымъ отношеніемъ между количествомъ труда, затраченнаго съ одной стороны на сбываемый, а съ другой стороны на пріобрѣтаемый товаръ. Притомъ каждому изъ нихъ было прекрасно извѣстно, сколько труда воплощалъ тотъ или другой пріобрѣтаемый предметъ. Во многихъ случаяхъ такое сравненіе количества воплощеннаго труда представляло значительныя затрудненія, какъ напр. при обмѣнѣ хлѣба или скота на произведенія ремесленника, ибо опредѣлить количество труда, затраченнаго въ производствѣ хлѣба, было не легко. Тѣмъ не менѣе—по мнѣнію Энгельса—

---

[1]) Обмѣнъ—говоритъ Бюхеръ (Entst. p. 83) является чуждымъ замкнутому домашнему хозяйству элементомъ, проникновенію котораго оно долго и стойко сопротивляется. Лампрехтъ (Beitr. zur französ. Wirtschaftsgesch. des elften Jahrh. 1879, p. 130—33) указываетъ на то, что во Франціи въ XI вѣкѣ покупали лишь въ исключительныхъ

и въ этихъ случаяхъ законъ трудовой цѣнности „дѣйствовалъ подобно естественному закону, вовсе не сознаваемому участвующими въ обмѣнѣ лицами“, или же послѣднія ощупью находили правильный путь; понесенныя потери научали ихъ тому, какова должна быть цѣна[1]).

Конечно въ XII—XV ст. происходитъ уже правильный обмѣнъ между самостоятельными производителями—городскими ремесленниками и крестьянами, сбывающими въ городѣ сельско-хозяйственные продукты [2]). Однако, ремесленникъ и крестьянинъ, обмѣнивая изготовленные ихъ собственнымъ трудомъ товары, вовсе не находились въ одинаковомъ положеніи: не было свободной конкурренцій, изъ которой исходитъ Энгельсъ, а между тѣмъ лишь при господствѣ конкурренціи цѣна могла бы устанавливаться соотвѣтственно количеству затраченнаго труда и контрагенты—ремесленникъ и крестьянинъ выступали бы на городскомъ рынкѣ какъ равноправные. Здѣсь отсутствуетъ другое условіе, выставленное Марксомъ въ качествѣ необходимаго для того, чтобы товарныя цѣны совпадали съ трудовой цѣнностью: одна изъ сторонъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, пользуется монопольнымъ положеніемъ, благодаря которому имѣетъ возможность сбывать произведенные предметы по цѣнѣ, превышающей трудовую цѣнность. Это результатъ цеховой монополіи.

Имѣя въ виду послѣднюю, Каутскій высказывается уже гораздо осторожнѣе. Указавъ на то, что простое товарное производство характеризуется тѣмъ, что производители не только выступаютъ, какъ свободные люди и какъ равные, но и обладаютъ орудіями производства, онъ прибавляетъ: однако, въ чистомъ видѣ эта форма хозяйства никогда не существовала, всегда къ ней примѣшивались иныя формы

случаяхъ, гораздо болѣе приличнымъ считалось получать и давать подарки или же прибѣгать къ грабежу. Nec est, quod putes illum quicquam emere, omnia domi nascuntur—говорится у Петронія о Тримальхіонѣ. (Сар. 38). „Тримальхіонъ—прибавляетъ И. М. Гревсъ—прямо заявляетъ, что не желаетъ покупать чужого и требуетъ отъ своихъ слугъ обходиться своимъ. Онъ совершенно ясно высказываетъ общій тезисъ—deorum beneficio non emo. Онъ такъ и ставитъ хозяйство, чтобы „все въ немъ рождалось“, ничего не пріобрѣталось, по возможности извнѣ“. (Очерки изъ ист. римск. землевлад. Данныя Петронія по аграрн. исторіи I-го вѣка имперіи. 1905. Отт. изъ Журн. М. Н. Пр. Стр. 37). Quae nasci in fundo ac fieri a domesticis poterunt, eorum ne quid ematur—читаемъ у Варрона (Rer. rustic. libri tres. I, c. 22, 11).

[1]) Engels, p. 37—38.

[2]) Cp. Adler. Handwerkerpolitik, p. 2.

хозяйства—натуральное хозяйство, феодальное хозяйство, монопольное цеховое хозяйство. Поэтому то и законъ (трудовой) цѣнности при ея господствѣ осуществлялся лишь отчасти, именно лишь постольку, поскольку въ данныхъ предѣлахъ развивалось постоянное производство для рынка, на которомъ происходила свободная конкурренція производителей“ [1]).

Но въ томъ то и дѣло, что не только въ древнемъ мірѣ, но и въ XII—XV ст., при существованіи городскаго рынка, такой свободной конкурренціи производителей не существовало и не могло существовать, разъ господствовала цеховая монополія, охватывавшая все городское ремесло [2]).

„Городской совѣтъ—говоритъ Шмоллеръ—всегда находилъ сочувствіе среди городскихъ жителей, когда рѣчь шла объ уничтоженіи соперника-города или пригорода, о приведеніи окрестныхъ селъ въ бо́льшую зависимость отъ города, о покровительствѣ мѣстной торговлѣ или промышленности... Сложное средневѣковое законодательство о рынкахъ и о скупкѣ товаровъ—продолжаетъ онъ—представляетъ собою въ суммѣ ничто иное, какъ искусно придуманную систему вліянія на спросъ и предложеніе при обмѣнѣ товаровъ между покупающимъ горожаниномъ и продающимъ крестьяниномъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ происходящей борьбѣ первый оказался въ наиболѣе благопріятномъ, второй—въ наименѣе выгодномъ положеніи“. [3]) Дѣйствительно, крестьяне были всячески стѣснены при сбытѣ своихъ продуктовъ. Города препятствовали вывозу хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, дичи, овощей, дровъ изъ окрестныхъ деревень въ другія мѣстности, стремясь сосредоточить всѣ эти продукты на городскомъ рынкѣ. Всѣ запасы, привозимые въ городъ, направлялись на особо устроенное для того рыночное мѣсто; запрещалось сбывать ихъ по дорогѣ въ городѣ, у городскихъ воротъ или въ самомъ городѣ до доставленія ихъ на рынокъ. На рынкѣ же въ свою очередь торговля происходила лишь въ установ-

[1]) Kautsky. Die Agrarfrage. Stuttgart. 1899. p. 60—61.

[2]) Ср. Bernstein. Voraussetzungen des Sozialismus. Stuttgart. 1899. p. 39.

[3]) Schmoller. Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung, städtische, territoriale und staatliche Wirtschaftspolitik. Umrisse und Untersuchungen etc. p. 6—7.

ленное время, въ извѣстные часы дня. Наконецъ, и оставаться на рынкѣ продукты могли лишь въ теченіе извѣстнаго срока: обыкновенно по истеченіи трехъ дней рынокъ прекращался и непроданные до того времени продукты необходимо было увезти обратно. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже послѣднее не допускалось: сельскохозяйственные продукты, въ особенности хлѣбъ, должны были быть обязательно проданы въ продолженіе опредѣленнаго срока. [1])

Уже этими мѣрами достигалось удешевленіе сельскохозяйственныхъ продуктовъ для городскихъ жителей и уменьшался доходъ крестьянина-продавца; но еще болѣе сильнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи было установленіе городскихъ таксъ на продукты, которыми опредѣлялась цѣна ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время и за исполненіемъ которыхъ слѣдили городскіе жители. Таксы на дрова, домашнюю птицу, дичь и т. под. мы встрѣчаемъ и въ Англіи, и въ Пуату, и во Флоренціи [2]). Что касается таксъ на зерновой хлѣбъ, то ихъ во многихъ городахъ не существовало; ихъ не было напр. въ Пуату и въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ, почему вѣсъ испеченнаго хлѣба не устанавливался опредѣленный, а колебался въ зависимости отъ цѣны зерноваго хлѣба. [3]). Однако, въ нѣкоторыхъ итальянскихъ, голландскихъ и испанскихъ городахъ, а также въ Парижѣ, Ліежѣ, Кельнѣ, по крайней мѣрѣ временно, встрѣчаются и таксы на зерновой хлѣбъ [4]), причемъ—въ противоположность таксамъ, издаваемымъ для пекарей, мясниковъ и другихъ цеховъ—эти таксы устанавливались лицами, заинтересованными въ продажѣ товара по низкой цѣнѣ, именно городскими властями. Во Флоренціи комиссія,

---

[1]) См. объ этомъ Naudé. Deutsche städtische Getreidehandelspolitik im XV—XVII Jahrh. Araskhaniantz. Französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789. Leipzig. 1883. p. 4 и сл. Ochenkowski. p. 163 и сл. Эшли. стр. 270 и сл. 282 и сл. Schanz I. p. 620—25. Poehlmann. p. 20—21.

[2]) Эшли, стр. 216. 284. Boissonade II. p. 316—318. Poehlmann. p. 23 и сл. Franz Schaub. p. 185. Ср. выше, стр. 368 370, 372

[3]) См. выше, стр. 384—88.

[4]) Poehlmann. p. 19—22. Naudé. Acta Borussica. I. p. 290. Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig. 1900. p. 76. Araskhaniantz. p. 19—20. Goury du Roslan. p. 268—270.

устанавливавшая таксу, состояла изъ торговца пряностями, оружейнаго мастера, торговца масломъ, продавца желѣзныхъ товаровъ, кожевенника и мостовщика. Она заявляла прямо, что такса издается ради блага общаго, искусствъ и ремеслъ, отождествляя, слѣдовательно, свои собственные интересы съ общими и не заботясь о выгодахъ земледѣльца. При этомъ во Флоренціи же былъ запрещенъ вывозъ разъ ввезеннаго хлѣба, такъ что крестьяне окрестныхъ селъ волей-неволей должны были подчиняться таксѣ.

Такимъ образомъ, на рынкѣ встрѣчались хорошо организованные ремесленники, условившіеся заранѣе относительно того минимума цѣны, на который они могутъ согласиться, съ одной стороны, и крестьяне, лишенные всякой организаціи и сбивавшіе другъ у друга цѣну, съ другой стороны. Въ формулѣ Т—Д—Т второе Т никогда не равнялось первому по количеству затраченнаго въ производствѣ труда, а было всегда либо больше, либо меньше: бо́льшую цѣнность пріобрѣталъ цеховой ремесленникъ, меньшую—крестьянинъ. Если мы возьмемъ примѣръ Маркса, гдѣ холстъ обмѣнивается на платье, и допустимъ, что цѣнность платья равна цѣнности 10 аршинъ холста, т. е. на производство и того и другого товара необходимо потратить одинаковое количество времени, то окажется, что сельскій житель, являвшійся на городской рынокъ, отдавалъ за пріобрѣтаемое имъ платье городскому ремесленнику не 10 аршинъ холста, а быть можетъ 15 или 20. Лексисъ поэтому совершенно правильно указываетъ на то, что „промышленная прибыль въ средніе вѣка была результатомъ того монопольнаго положенія, которое занималъ городской ремесленникъ по отношенію къ сельскимъ жителямъ и землевладѣльцамъ“ [1]).

VI

Часть прибыли средневѣковый цеховой мастеръ извлекалъ изъ доходовъ потребителей, прежде всего сельскихъ жителей; другая часть получалась отъ присвоенія имъ труда подмастерьевъ и учениковъ. Какъ во всѣхъ средневѣковыхъ институтахъ вообще, такъ и въ цехахъ въ особенности, лица

[1]) Lexis. Verteilung. Handwört. der Staatswiss. B. VII.

входившія въ составъ ихъ, раздѣлялись на три категоріи—на мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Только первые являлись полноправными членами цеха, работали въ собственномъ помѣщеніи, при помощи собственныхъ орудій и на собственный счетъ. Остальныя двѣ группы—подмастерья и ученики—жили у мастера, ѣли за его столомъ и находились подъ его началомъ; они не имѣли права изготовлять товары на свой счетъ, а обязаны были работать на мастера, для котораго они производили продуктъ цѣликомъ или частью и который уже сбывалъ его потребителямъ [1]).

Количество подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ мастеру дозволяется держать, правда, ограничено извѣстнымъ числомъ, но не настолько, чтобы мастеръ лишался возможности извлекать прибыль изъ ихъ труда. Въ Любекѣ мастеръ обыкновенно держитъ двухъ подмастерьевъ и одного или двухъ учениковъ [2]), въ Кельнѣ—также двухъ или трехъ подмастерьевъ [3]); въ Страсбургѣ плотники имѣютъ одного подмастерья, ткачи—двухъ (помимо дѣтей мастера), золотыхъ дѣлъ мастера—двухъ учениковъ и одного подмастерья [4]); плотникамъ въ Базелѣ разрѣшается принимать къ себѣ двухъ подмастерьевъ и одного ученика или трехъ подмастерьевъ [5]), сапожникамъ, кожевникамъ и портнымъ въ Вернигероде—не болѣе двухъ подмастерьевъ и одного ученика [6]). Наоборотъ, въ Познани находимъ двухъ или трехъ подмастерьевъ и двухъ учениковъ, работающихъ на

---

[1]) См. примѣры, приведенные у Schoenberg'a Zunftwesen. p. 195 и прим. p. 273, 274, а также Ochenkowski. p. 121 и Rogers. p. 78. Запрещеніе работать на собственный счетъ находимъ во Флоренціи (Pochlmann. p. 173), въ Сентъ-Омерѣ (Giry, Rég. aux bans № 680), въ Брюсселѣ (Des Marez. p. 68), въ Берлинѣ (Wiedfeldt. Stat. Stud. p. 170), въ Ригѣ (Stieda-Mettig. p. 102), въ Гамбургѣ (Rüdiger: p. 25, Meyer p. 169), въ Любекѣ (Wehrmann.), въ Люнебургѣ (Bodemann. p. 58). См. также Brentano. I. p. 62 u 275. Ковалевскій, стр. 132 и сл. Въ статутѣ скорняковъ г. Познани подмастерью разрѣшается изготовить на собственный счетъ шубу разъ въ три мѣсяца. (Warschauer. p. 38).

[2]) Wehrmann. №№ 9, 18, 16, 43, 53, 29, 61, 15, 42.

[3]) Ennen und Eckertz. I. p. 332, 399, 403, 405 и 407. Lau. p. 307.

[4]) Neuburg. p. 138. Schmoller. № 42. Meyer. № 3. p. 167.

[5]) Ochs. Gesch. von Basel. III. p. 200.

[6]) Meister. p. 32.

мастера [1]), четырехъ подмастерьевъ и ученика—у портныхъ въ Майнцѣ [2]) и пять подмастерьевъ и двухъ учениковъ—въ портняжномъ цехѣ г. Констанца [3]); строительные цехи въ Любекѣ совсѣмъ не связаны числомъ подмастерьевъ [4]).

Во Франціи мастеру лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяется держать трехъ учениковъ, обыкновенно онъ ограниченъ двумя, а еще чаще однимъ ученикомъ [5]); зато количество подмастерьевъ не установлено; въ статутахъ нерѣдко прямо говорится, что въ этомъ отношеніи мастеру предоставляется полная свобода [6]).

Въ Сентъ-Омерѣ (шерстяное производство) мастеръ можетъ держать одного ученика, въ Венеціи (стекольное производство 1284 г.) — двухъ учениковъ или ученицъ, количество же подмастерьевъ въ Бельгіи или вовсе не опредѣлено, какъ напр. у гентскихъ обойщиковъ, или же граница установлена весьма высокая: три, четыре и болѣе въ Брюсселѣ, семь человѣкъ въ цехѣ сукностриговъ въ Сентъ-Омерѣ [7]). Тоже находимъ и въ Англіи: ограничено количество учениковъ, но не подмастерьевъ. Кровельщики въ Ньюкестлѣ могутъ принимать не болѣе одного ученика, лондонскіе литейщики также одного, съ особаго разрѣшенія — двухъ, ткачамъ дозволяется имѣть двухъ учениковъ. У экзетерскихъ портныхъ это правило соединялось съ другимъ, касавшимся подмастерьевъ: мастеръ безъ особаго разрѣшенія цеха не могъ держать болѣе трехъ слугъ (подмастерьевъ) и одного ученика [8]).

Во Франціи, въ Англіи и въ Италіи, гдѣ число подма-

---

[1]) Warschauer. Zeitschr. der hist. Gesellsch. für die Prov. Posen. I. p. 442.

[2]) Mone. Zeitschr. f. Gesch. des Oberrheins. XIII. p. 150.

[3]) Inama. III. 2. p. 87.

[4]) Wehrmann. p. 119.

[5]) Levasseur. I. p. 302. (Цѣлый рядъ примѣровъ). Eberstadt. p. 25 u. 245. Среди парижскихъ цеховъ конца XIII вѣка 49 ограничиваютъ число учениковъ однимъ, двумя и тремя; 29 предоставляютъ мастеру свободу.

[6]) Neuburg. p. 136. Eberstadt. p. 28. Впрочемъ, Fourbisseurs въ Парижѣ, ограничиваютъ число подмастерьевъ однимъ. Levasseur.I. p. 313—14.

[7]) Giry. Rég. aux bans №№ 757, 690. Des Marez. p. 62, 212. De Vigne. p. 27. Stieda. Jugendliche Arbeiter въ Handwört. der Staatwiss. B. IV.

[8]) Эшли, стр. 352, 357.

стерьевъ обыкновенно не ограничено, установленъ, однако, очень продолжительный срокъ ученичества. Въ то время, какъ въ Германіи ученичество продолжается не болѣе четырехъ лѣтъ [1]), во Франціи срокъ его опредѣленъ въ 6—8 лѣтъ и доходитъ въ Парижѣ до 10—12 лѣтъ [2]). При этомъ допускалось удлиненіе этого срока, но ни въ коемъ случаѣ не сокращеніе его [3]). Въ Англіи уже въ царствованіе Эдуарда I (1272—1307) устанавливается семилѣтній срокъ ученичества [4]); съ теченіемъ времени онъ входитъ во всеобщее употребленіе, а при Елисаветѣ онъ былъ подтвержденъ закономъ 1563 г. Встрѣчаются, правда, также случаи, когда опредѣленъ шестилѣтній и даже менѣе продолжительный срокъ, но семилѣтній срокъ является нормальнымъ, а въ иныхъ случаяхъ замѣняется еще болѣе длиннымъ—восьмилѣтнимъ, десятилѣтнимъ [5]) и даже двѣнадцатилѣтнимъ [6]) срокомъ, ибо муниципальные и ремесленные ордоннансы, опредѣляя срокъ ученичества, обыкновенно требуютъ, чтобы онъ продолжался по крайней мѣрѣ семь лѣтъ [7]). Почти столь же продолжителенъ срокъ ученичества въ Шотландіи [8]). Въ Венеціи [9]) и другихъ итальянскихъ городахъ [10]) срокъ ученичества равняется пяти, шести и семи годамъ, во Фландріи онъ составляетъ отъ трехъ (Ипръ) до шести лѣтъ (Гентъ) [11]).

Такимъ образомъ, въ Германіи срокъ ученичества былъ

---

[1]) См. Neuburg. p. 40—41. Bodemann. p. LVI. Впрочемъ, въ Кельнѣ и до восьми лѣтъ. (Lau. p. 208).

[2]) Fagniez. p. 59. 270. Martin. p. 72. Neuburg. p. 40. 132. Levasseur. I. p. 302—3 (прим. 6 и 2) 4 года cordiers; 6 лѣтъ batteurs d'archal; 7 лѣтъ boitiers; 8 лѣтъ fileuses; 9 лѣтъ baudroyeurs, gaîniers de fourreaux; 10 лѣтъ cristalliers, boucliers de fer, ouvrières de tissus de soie; 12 лѣтъ patenôtriers de corail et de coquilles. Нѣкоторые цехи допускали замѣну одного или двухъ лѣтъ ученичества уплатой мастеру 20 или 40 су.

[3]) Levasseur. I. p. 303.

[4]) Ochenkowski p. 69. Roscher. III. p. 810.

[5]) Напр. кузнецы (изготовляющіе шпоры) въ Лондонѣ въ 1261 г. Stahl. p. 195.

[6]) Напр., лондонскіе суконщики въ 1367 г. Эшли, стр. 347.

[7]) Эшли, стр. 346.

[8]) Тамъ-же, стр. 348.

[9]) Molmenti. p. 98.

[10]) Ковалевскій, т. III, стр. 134.

[11]) De Vigne. p. 20.

значительно короче, чѣмъ въ другихъ странахъ; но зато въ теченіе этого времени ученикъ обыкновенно не получалъ никакой платы. Въ Англіи же онъ въ послѣдніе годы ученичества получалъ извѣстное вознагражденіе. Такъ, въ одномъ договорѣ объ отдачѣ мальчика въ ученики къ плотнику, въ 1499 г., говорится, что мастеръ „въ первые четыре года долженъ давать Джону, своему ученику, пищу, одежду и все необходимое, что обыкновенно получаетъ ученикъ, а также всѣ относящіеся къ плотничьему искусству инструменты, которые нужны ему для работы у мастера; въ теченіе пятаго года означенный Джонъ долженъ самъ добывать себѣ все, за исключеніемъ нужныхъ для работы инструментовъ, которые даетъ ему мастеръ; кромѣ того, ученикъ получаетъ отъ послѣдняго 20 шиллинговъ. На шестой годъ ученикъ получаетъ отъ мастера 40 шиллинговъ за все“, (и очевидно — прибавляетъ Эшли — долженъ завести свои собственныя орудія). Но приведенныя условія являются необыкновенно щедрыми. Въ договорѣ съ кожевникомъ 1480 г. срокъ ученичества установленъ восьмилѣтній: ученикъ получаетъ въ первые семь лѣтъ лишь немного карманныхъ денегъ—3 пенса въ первый годъ, 6 пенсовъ во второй и т. д., съ каждымъ годомъ на 3 пенса больше; только въ восьмой годъ онъ получаетъ болѣе значительное вознагражденіе, да и то всего 10 шиллинговъ. Въ другомъ случаѣ, въ договорѣ съ мастеромъ, изготовляющимъ одѣяла, 1451 г., карманныхъ денегъ не дается вовсе; срокъ ученичества составляетъ семь лѣтъ, причемъ только въ седьмой годъ ученику уплачивается жалованье въ размѣрѣ 9 шилл. 4 пенсовъ [1]). Во Франціи ученикъ также обыкновенно получаетъ плату лишь на шестомъ году или даже только по истеченіи срока ученичества [2]); но иногда ему полагается небольшое вознагражденіе уже по истеченіи 2—3 лѣтъ, если старшины цеха признали его хорошимъ работникомъ [3]). Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, было прямо запрещено давать ему какую-либо плату [4]). Мастеръ же получалъ плату

[1]) Эшли, стр. 347—348.
[2]) Fagniez. p. 69—70.
[3]) Ibid. p. 71.
[4]) Levasseur. T. I. p. 304, 562.

за произведенное ученикомъ, уже начиная со второго года [1]). или онъ извлекалъ прибыль изъ его труда при сбытѣ продукта, въ изготовленіи котораго и ученикъ принималъ участіе. Лишь въ теченіе перваго года ученичества — какъ говорится въ одномъ статутѣ—ученикъ не приносилъ мастеру никакого дохода и даже часть платы за обученіе, взимавшейся съ ученика при его поступленіи, затрачивалась мастеромъ на его содержаніе [2]), но въ теченіе второго года ученикъ уже производилъ большую цѣнность, чѣмъ на него затрачивалъ хозяинъ [3]).

Въ теченіе всего этого времени продуктъ труда ученика поступалъ, слѣдовательно, въ пользу мастера. Когда же, наконецъ, заканчивался продолжительный періодъ ученичества, когда ученикъ становился подмастерьемъ, то и тогда эксплоатація не прекращалась, а скорѣе начинался періодъ усиленной эксплоатаціи его мастеромъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ ученичества онъ успѣвалъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія въ ремеслѣ и по истеченіи срока ученичества его трудъ имѣлъ нисколько не меньшую цѣнность, чѣмъ трудъ мастера. Правда, онъ получалъ теперь уже извѣстное вознагражденіе, но разница между той цѣнностью, которую онъ создавалъ, и той, которую онъ получалъ въ видѣ заработной платы, была очень велика.

Болѣе благопріятное положеніе подмастерье занималъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его нанималъ непосредственно потребитель и когда подмастерье и мастеръ выполняли одинаковую работу. Таковы были условія труда каменьщиковъ, плотниковъ и, маляровъ. Въ строительныхъ цехахъ различіе между подмастерьемъ и мастеромъ значительно стиралось; первый былъ обыкновенно почти такъ же самостоятеленъ, какъ и послѣдній. Размѣръ вознагражденія, получаемаго подмастерьями этихъ ремеслъ, составлялъ обыкновенно болѣе половины платы самого мастера. Такъ, мастера—кровельщики (tilers), согласно лондонскимъ статутамъ 1350 г., получали лѣтомъ $5^1/_2$ пенсовъ въ день, а зимою $4^1/_2$ пенса;

[1]) Fagniez p. 70.

[2]) Ibid. p. 65.

[3]) Помимо этого, мастеръ пользовался ученикомъ и для всевозможныхъ домашнихъ услугъ. См. Des Marez. p. 56, а также Flemming Das Lehrlingswesen der Dresdener Innungen vom 15. bis 17. Jahrh.

ихъ подручные (garsons) получали $3^1/_2$ и 3 пенса; мастера—маляры получали 5—4 пенса, а ихъ подручные $3^1/_2$ и 3 пенса.[1]). Въ Базелѣ въ концѣ XV вѣка мастеръ получаетъ (лѣтомъ) 4 шиллинга въ недѣлю, подмастерье 3 шилл. 4 пфен., подручный 2 шилл. 4 пфен., если же работа производится на значительной высотѣ, то плата увеличивается до 5 шилл. для перваго, 3 шилл. 8 пфен. для второго и 2 шилл. 8 пфен. для третьяго[2]). Впрочемъ въ Кельнѣ плата подмастерья равняется всего лишь половинѣ вознагражденія мастера[3]) Наоборотъ, въ Бордо она составляетъ цѣлыхъ $^5/_6$ платы мастера (charpentiers de haute futaie et de navires въ началѣ XIV вѣка)[4]). Согласно ордонансу французскаго короля Іоанна, относящемуся къ 1351 г., заработная плата каменьщиковъ, маляровъ, плотниковъ и кровельщиковъ устанавливалась въ размѣрѣ 26 и 32 ден. (зимою и лѣтомъ) мастеру и 16 и 20 ден. подмастерью[5]). Среди цѣнъ, сообщаемыхъ д'Авенелемъ (онѣ выражены въ современныхъ франкахъ) встрѣчается во многихъ случаяхъ плата подмастерьевъ (каменотесовъ, маляровъ, плотниковъ, кровельщиковъ), составляющая $^2/_3$ и болѣе платы мастера: такъ, напр., въ Артуа въ 1306 г. каменьщикъ — мастеръ и плотникъ—мастеръ получаютъ 1,34 фр., подмастерье перваго—1,10 фр., второго—0,99 фр., въ Нантѣ въ 1490 г.—каменьщикъ, кровельщикъ и плотникъ (мастера) 1,16 фр., ихъ подручные—0,69 фр.; заработокъ каменьщика въ Руанѣ составляетъ въ 1378 г. 1,78 фр., его подручнаго—1,33 франка, заработокъ кровельщика тамъ же въ 1383 г.—1,66 фр., подмастерья—1.11 фр. Заработная плата каменьщика въ Орлеанѣ въ 1391 г. равняется 93 сант. (мастеръ) и 61 сант. (подручный), плотника въ Страсбургѣ въ 1401—1425 гг.—1,64 (мастеръ) и 1,09 (подмастерье) фр., кровельщика въ Иль-Виленъ въ 1385 г.—89 (мастеръ) и 73 (помощникъ) сант. Впрочемъ, рядомъ съ такой сравнительно высокой платой подмастерьевъ строительныхъ промысловъ находимъ и болѣе низкую, составляющую половину и менѣе заработка ма-

[1]) Эшли, стр. 445, прим. 109.
[2]) Janner. Die Bauhütten des deutschen Mittelalters. Leipzig. 1876. p. 172
[3]) Тамъ же.
[4]) Malvezin. T. I. p. 222.
[5]) Eberstadt. Französisches Gewerberecht. p. 168, прим. 1.

стера. Такъ, напр., въ Турѣ въ 1379 г. подручный—каменьщикъ получаетъ всего 0,66 фр., а подмастерье—плотникъ 0,55 фр., тогда какъ плата мастера въ обоихъ случаяхъ доходитъ до 1,44 фр., въ Орлеанѣ въ 1409 г. подмастерье—каменьщикъ получаетъ половину платы мастера (1,56 и 0,78 фр.), еще меньшую часть его заработокъ составляетъ въ окрестностяхъ Руана въ 1472 г. (78 и 32 сант.) [1]).

Есть, однако, основанія предполагать, что мастеръ сохранялъ часть платы подмастерья въ свою пользу. Въ Германіи такой „Meistergroschen“ упоминается, правда, лишь въ 1605 году: мастера—читаемъ въ бреславльскомъ статутѣ—вправѣ вычитывать изъ платы подмастерья $2^1/_2$ грошена лѣтомъ и $1^1/_2$ грош. зимою въ качествѣ вознагражденія за надзоръ надъ производствомъ строительныхъ работъ [2]). Въ Англіи же такая спеціальная плата мастеровъ при постройкахъ встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ [3]). Во многихъ случаяхъ она вычитывалась изъ платы подмастерьевъ [4]). И въ тѣхъ случаяхъ, когда такое спеціальное вознагражденіе должно было уплачиваться потребителемъ, все-таки часть платы подмастерья оставалась, повидимому, въ рукахъ мастера, такъ какъ послѣдній являлся посредникомъ между тѣмъ и другимъ [5]). По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ германскихъ статутовъ XV вѣка говорится, что мастеръ обязанъ выдать подмастерью всю плату, какую ему поручено передать. Точно также въ Рохлицѣ въ 1462 г. мастерамъ запрещается уменьшать плату, предназначенную для подмастерьевъ [6]).

Ниже, чѣмъ въ строительныхъ цехахъ, была плата подмастерьевъ другихъ ремеслъ, гдѣ они занимали болѣе зависимое положеніе. Въ г. Шпейерѣ подмастерья - ткачи получали плату, равнявшуюся $^1/_3$ платы мастера, и только въ 1362 г. плата ихъ была увеличена до $^2/_3$ вознагражденія

---

[1]) d'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires etc. T. III. p. 570—77, 586—91, 596—99.

[2]) Struvii. Synt. Jurisprud. Opificar. II. lib. III. Cap. X. Цит. у Schoenberg. Zunftwesen. p. 113. прим. 222.

[3]) Rogers. p. 137.

[4]) Berlepsch. B. VIII p. 171. Brentano. I. p. 66.

[5]) Berlepsch. Chroniken. IX. p. 156 и сл.

[6]) Janner. p. 171.

мастера [1]). Во Фрейбургѣ въ 1463 г. суконщики пытались уменьшить плату подмастерьевъ, говоря, что существующее вознагражденіе въ размѣрѣ $^1/_4$ выручки они, суконщики, совершенно не въ состояніи уплачивать. И городской магистратъ постановилъ, что плата въ размѣрѣ $^1/_4$ является максимальной, которую мастера могутъ, но не обязаны давать подмастерьямъ; во всякомъ случаѣ они не вправѣ уплачивать подручнымъ выше этой нормы [2]). Точно также и въ Констанцѣ въ 1386 г. была установлена низкая плата для подмастерьевъ ткацкаго цеха [3]).

Въ англійской таксѣ на хлѣбъ 1262 г. прибыль пекаря, выручаемая на каждомъ квартерѣ пшеницы, опредѣлена въ 4 пенса, плата же подмастерья всего въ $^1/_2$ пенса, ученика—въ $^1/_4$ пенса [4]). Столяръ-краснодеревецъ въ Руанѣ въ 1438 г. получаетъ вдвое болѣе своего подмастерья, плата обойщика въ Аррасѣ въ 1501 г. также превышаетъ вдвое плату его помощника. Булочникъ въ Феканѣ въ 1465 г. получаетъ 34 сант., подручный—всего 15 сант., т. е. менѣе половины, кузнецъ въ Орлеанѣ въ 1427 г.—2,44 фр., подмастерье—лишь 1,01 фр., выдѣлыватель предметовъ изъ гипса въ Руанѣ въ 1388 г. мастеръ—1,33 фр., подмастерье—не болѣе 0,56 фр., въ 1391 г. первый—1,50 фр., второй—0,72 фр. Впрочемъ плата подмастерья-слесаря въ Орлеанѣ въ 1469 г. составляетъ болѣе половины платы мастера (1,31 и 0,86), плата булочника въ Нормандіи въ 1408 г. равняется 0,78 фр., помощника же его—0,60 фр., а плата портного - подмастерья въ Эльзасѣ достигаетъ $^1/_2$ фр., при заработкѣ мастера въ $^2/_3$ фр. Живописецъ въ Артуа въ 1299 г. получаетъ 1,60 фр., помощникъ его 1,34 фр., но ученикъ всего $^1/_2$ фр., а другой подручный, натирающій краски—40 сант. [5]).

Наконецъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда подмастерье изготовлялъ весь продуктъ безъ содѣйствія мастера, послѣдній всетаки получалъ извѣстное вознагражденіе. „Благодаря тому, что цѣна продукта устанавливалась цехомъ—говоритъ Шенбергъ—мастеръ получалъ извѣстную, опредѣлен-

[1]) Schanz. Gesellenverbände. p. 47.
[2]) Ibid. p. 48.
[3]) Gothein. p. 533.
[4]) Кеннингэмъ, т. I, стр. 488.
[5]) d'Avenel. T. III, p. 596—97. 602. 608. 613.

ную заранѣе, прибыль и съ тѣхъ продуктовъ, которые были изготовлены исключительно подмастерьемъ“ [1]).

Въ пользу выставленнаго нами положенія, что вознагражденіе подмастерьевъ въ средніе вѣка было въ общемъ довольно скудное, говоритъ и то обстоятельство, что плата подмастерьевъ устанавливалась цехомъ; это право цеховыхъ мастеровъ регулировать плату подмастерьевъ было послѣдствіемъ автономіи цеховъ, и неоднократно мы находимъ въ источникахъ указаніе на то, что городской магистратъ не вправѣ вмѣшиваться въ установленіе платы подмастерьевъ, такъ какъ это предоставлено исключительно самимъ цехамъ [2]). Таксы, опредѣляющія высоту платы подмастерьевъ, являются максимальными таксами: подмастерье можетъ получать меньше, но не больше опредѣленнаго вознагражденія. Въ статутахъ всегда говорится, что подмастерью можно платить не болѣе чѣмъ столько-то и столько-то. Цвидинекъ поэтому находитъ, что эти таксы вовсе не устраняли договора между мастеромъ и подмастерьемъ относительно величины заработной платы, а лишь ставили его въ извѣстныя рамки, устанавливая высшій предѣлъ заработной платы [3]). Такъ, въ статутѣ рыбацкаго цеха г. Гамбурга 1375 г. максимумъ платы опредѣленъ въ 7 марокъ [4]). Въ статутѣ янтарнаго цеха г. Любека 1365 г. запрещается платить подмастерью свыше 4 пфен. за сверленіе 1000 камней, свыше 9 пфен. за точеніе и свыше 8 пфен. за тесаніе ихъ [5]). Франкфуртскіе портные (1355 г.) не вправѣ платить подмастерью болѣе 12 шилл. со штуки сукна [6]). По статуту канатнаго цеха г. Фрейбурга, вознагражденіе подмастерья не должно превышать одного, а въ извѣстныхъ случаяхъ двухъ шилл. [7]) Кожевенный мастеръ г. Вернигероде, дававшій своему подмастерью болѣе обычной платы, приговаривался къ штрафу въ размѣрѣ одного гульдена [8]). Въ Грейфсвальдѣ (1445 г.)

[1]) Schoenberg. p. 133. Ср. Des Marez. p. 251.

[2]) См. также Zwiedineck—Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie. Leipzig. 1900. p. 32—34.

[3]) Zwiedineck-Südenhorst. p. 45.

[4]) Rüdiger. p. 64.

[5]) Wehrmann. № 41.

[6]) Stahl. p. 335. Schanz. Gesellenverbände. p. 109.

[7]) Mone. Zeitschr. für Gesch. des Oberrheins. XV. p. 284.

[8]) Meister. p. 32.

подвергался наказанію всякій ткачъ шерстяныхъ матерій, плативший за пряденіе шерсти болѣе, чѣмъ другіе мастера этого цеха [1]). Такое же запрещеніе давать подмастерью плату выше установленной цехомъ находимъ у люнебургскихъ ткачей и стекольщиковъ (статуты 1432 и 1494 гг.) [2]). Въ древнѣйшемъ статутѣ суконнаго цеха г. Страсбурга (1400—1438) опредѣлено, что подмастерьи-сукновалы получаютъ 1 пфен. съ фунта шерсти „и не болѣе; эта плата—читаемъ далѣе—установлена и опредѣлена всѣми суконщиками и ткачами и никѣмъ инымъ“ [3]). На собраніи силезскихъ портныхъ въ Швейдницѣ 1361 г. установлена хозяевами сообща плата для подмастерьевъ [4]). Цехи портныхъ 20 прирейнскихъ городовъ, въ томъ числѣ Майнца, Вормса, Гейдельберга, Кобленца, также заключили союзъ и въ первомъ пунктѣ совмѣстно составленнаго статута опредѣлили норму вознагражденія для подмастерьевъ, которая должна была дѣйствовать въ теченіе 28 лѣтъ: „никто невправѣ—гласитъ постановленіе—платить подмастерью болѣе двухъ фунтовъ, какъ это существуетъ съ давнихъ поръ“ [5]). А ткачи Шпейера опредѣляютъ въ 1351 г. плату навсегда, на всѣ времена [6]).

И во Франціи цехи устанавливали плату подмастерьевъ: „подмастерьи-портные не могутъ требовать болѣе той платы, которая до сего времени являлась обычной“. Въ другомъ статутѣ читаемъ: „запрещается давать подмастерью или обѣщать ему болѣе обычнаго въ Парижѣ вознагражденія“ [7]). Плата подмастерьевъ—кожевниковъ г. Аміена въ 1349 году установлена въ размѣрѣ трехъ су; подмастерьи, отказывающіеся подчиниться этому постановленію, подвергаются строгимъ наказаніямъ [8]).

Въ Брюсселѣ запрещено платить подмастерью — валяльщику болѣе того, что установлено; въ противномъ случаѣ

---

[1]) Krause. p. 27.
[2]) Bodemann. p. XLVI.
[3]) Schmoller. Tucherbuch. Urk. XXIII, 25—26. p. 29.
[4]) Neuburg. p. 108.
[5]) Schanz. Gesellenverbände. № 50. Zwiedineck. p. 35.
[6]) Schanz. № 6.
[7]) Fagniez. p. 88.
[8]) Neuburg. p. 107.

подмастерье подвергается штрафу въ 5 су, мастеръ же, дающій болѣе высокую плату—въ 20 су [1]).

Лондонскіе сукностриги и ножевщики во второй половинѣ XIV в. жалуются на то, что ихъ подручные не довольствуются обычной заработной платой. „Это движеніе среди подмастерьевъ—говоритъ Эшли—не осталось безрезультатнымъ: они добились, между прочимъ, того, что право опредѣлять заработную плату перешло отъ отдѣльныхъ мастеровъ къ цеху въ цѣломъ или къ старѣйшинамъ цеха, какъ его представителямъ“ [2]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что установленіе заработной платы подмастерьевъ производилось въ интересахъ мастеровъ, а не въ интересахъ подмастерьевъ. „Этимъ путемъ—говоритъ Нейбургъ—не только давалась мастерамъ возможность бороться съ чрезмѣрными требованіями подмастерьевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался предѣлъ усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго мастера, который не могъ, не нарушая устава, отбить у другого мастера искуснаго подмастерья, обѣщая ему болѣе высокую плату“ [3]). Шанцъ совершенно правильно указываетъ на то, что установленіе платы подмастерьевъ мастерами цеха было послѣдствіемъ того, что одинъ являлся мастеромъ-господиномъ, а другой—подмастерьемъ-слугой; это были дѣйствительно отношенія господина къ слугѣ, почему первый и присваивалъ себѣ право опредѣлять вознагражденіе второго [4]). Цвидинекъ не соглашается съ Шанцомъ, утверждая, что подмастерье занималъ равное мастеру соціальное положеніе, но и онъ не отрицаетъ того факта, что способъ опредѣленія заработной платы зависитъ отъ того, на чьей сторонѣ большая сила, и что въ данномъ случаѣ сила дѣйствительно находилась въ рукахъ мастеровъ [5]). Но если это такъ, то, очевидно, что благодаря большей силѣ на сторонѣ мастеровъ, подмастерьи

---

[1]) Des Marez. p. 252.

[2]) Эшли, стр. 365—66.

[3]) Neuburg. p. 131. См. также французскій ордонансъ 1351 г.: мастера, которые будутъ повышать заработную плату для того, чтобы переманить къ себѣ рабочихъ, будутъ подвергнуты наказанію. Levasseur. I. p. 500. Ср. Des Marez. p. 254.

[4]) Schanz. p. 109.

[5]) Zwiedineck—Südenhorst. p. 45.

находились въ подчиненномъ положеніи, ихъ судьба зависѣла всецѣло отъ произвола мастеровъ. Спорный вопросъ сводится, слѣдовательно, лишь къ тому, установилась ли власть мастеровъ лишь фактически, какъ полагаетъ Цвидинекъ, или она вытекала изъ правовыхъ условій того времени. Намъ кажется, что эта зависимость подмастерьевъ являлась необходимымъ послѣдствіемъ цеховой автономіи, основывалась на правѣ, предоставленномъ цеху. И названія „maître" и „valet", „servant", „Knecht" или „Diener" [1]) указываютъ на то, что соціальное положеніе обѣихъ сторонъ было далеко не одинаковое.

VI.

Какъ изъ опредѣленія размѣровъ платы подмастерьевъ мастерами цеха, такъ и изъ ограниченія количества подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ можетъ держать мастеръ, и наконецъ, изъ продолжительности срока ученичества видно, что цехи сознавали, какую выгоду они въ состояніи извлечь изъ труда подмастерьевъ и учениковъ. „Удлиняя срокъ ученичества болѣе, чѣмъ это необходимо было,—говоритъ Фанье — цехи имѣли въ виду не столько создать искусныхъ работниковъ, сколько дать мастеру умѣлаго ученика въ теченіе возможно продолжительнаго времени и допускать лишь немногихъ изъ послѣднихъ къ званію мастера". „Ибо мастеръ того времени — указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—былъ не менѣе заинтересованъ, чѣмъ современный фабрикантъ, въ уменьшеніи расходовъ на заработную плату и въ возможномъ увеличеніи своей прибыли, хотя конкурренція и не была тогда столь сильна, какъ въ настоящее время. Средневѣковый ремесленникъ являлся бы идеаломъ справедливости и безкорыстія, если бы онъ, будучи въ состояніи сократить заработную плату, все-таки уплачивалъ бы ее цѣликомъ и удовлетворялся бы небольшой (справедливой) прибылью" [2]). „Одно изъ постановленій лондонскихъ кожевниковъ—говоритъ Эшли—утвержденное совѣтомъ оль-

[1]) См. Boissonade. II. p. 54. Эшли, стр. 100. Wehrmann. p. 376. Bodemann. p. 208. Findel. p. 818. Ковалевскій, т. III стр. 131.

[2]) Fagniez. p. 59, 87.

дерменовъ въ 1482 г., даетъ намъ яркую картину той конкурренціи, которую создавали подмастерьи своимъ прежнимъ хозяевамъ, когда сами становились мастерами. Подъ мнимой заботливостью о сбившихся съ пути молодыхъ ремесленникахъ нетрудно замѣтить страхъ, который испытывали старые мастера за свое собственное положеніе. Когда ученики кончаютъ срокъ ученичества,—говорится въ этомъ постановленіи—они ни за что не хотятъ дѣлаться слугами (servants—подмастерьи) и служить у своихъ хозяевъ за умѣренную плату, какъ это дѣлали до нихъ эти послѣдніе; но тотчасъ же, не обладая вовсе средствами, каждый изъ нихъ нанимаетъ домъ или лавку, чтобы быть самостоятельнымъ, хотя не имѣетъ ни собственнаго матеріала ни товара. Кромѣ того, они берутъ себѣ учениковъ, хотя ни имъ самимъ, ни ихъ ученикамъ работать не на что, такъ что имъ поневолѣ приходится дѣлать долги или занимать у другихъ матеріалъ, чтобы только получить работу и дать занятіе ученикамъ. Многіе изъ нихъ, благодаря своимъ заблужденіямъ и своей наивности, не въ состояніи вести дѣло болѣе одного — двухъ лѣтъ, вслѣдствіе того, что не могутъ заплатить за взятый въ долгъ матеріалъ. Тогда имъ приходится спасаться бѣгствомъ, въ храмъ или въ сельскіе округа, нѣкоторые же продолжаютъ свое дѣло изъ боязни тюрьмы... и кончаютъ полнымъ разореніемъ“ [1]).

Мы разсмотрѣли выше тѣ мѣры, какія принимались цехами для стѣсненія доступа къ званію мастера. Необходимо имѣть въ виду, что результатъ этихъ мѣръ былъ двоякій: во 1-хъ отрицательный—количество мастеровъ сокращалось и во 2-хъ положительный—подмастерьи были вынуждены работать въ теченіе болѣе продолжительнаго времени на мастера. Когда оканчивался срокъ службы, выжидательнаго періода и обязательнаго странствованія, многіе все-таки не могли стать полноправными мастерами, если пробная работа почему-либо не нравилась старѣйшинамъ цеха или если подмастерье не владѣлъ достаточной суммой денегъ для уплаты вступительнаго взноса или для устройства пиршества, во многихъ случаяхъ — если онъ не въ состояніи былъ пріобрѣсти помѣщеніе для мастерской или лавки [2]). Вслѣдствіе

[1]) Эшли, стр. 353—354.
[2]) См. Maurer. II. p. 454.

этого, многіе оставались навсегда подмастерьями, не имѣя никакой надежды стать когда либо самостоятельными мастерами.

Нерѣдко утверждаютъ, что это происходило лишь въ позднѣйшія столѣтія, что въ средніе вѣка ступень подмастерья была лишь переходной къ званію мастера, почему и та выгода, которую извлекалъ мастеръ изъ труда подмастерья, имѣла тогда временный характеръ. Но это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Предположимъ, что мастеръ— говоритъ Шанцъ — съ 30 до 60-лѣтняго возраста успѣвалъ обучить всего лишь семь учениковъ—а эта цифра безусловно слишкомъ мала—, предположимъ далѣе, что за этотъ періодъ, вслѣдствіе возрастанія населенія, число мѣстъ въ цехѣ было увеличено на два, — какимъ же образомъ даже при такихъ условіяхъ остальные пять человѣкъ могли пріобрѣсти самостоятельность въ качествѣ мастеровъ?“ [1])

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что уже въ XIV вѣкѣ существовалъ постоянный рабочій классъ [2]), могутъ служить волненія среди подмастерьевъ, происходившія въ это время. Уже въ 1383 г. цехи кузнецовъ городовъ Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта, Гейнгаузена, Ашафенбурга, Бингена, Оппенгейма и Крейцнаха вступаютъ въ соглашеніе относительно того, какъ сохранить свою власть надъ подмастерьями (слугами), среди которыхъ происходятъ волненія. „Это столь рано обнаружившееся недовольство подмастерьевъ — говоритъ Шанцъ — является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что кузнецы сами лишь незадолго до того организовались въ цехи, напр. во Франкфуртѣ на Майнѣ они (окончательно) образовали цехъ собственно говоря лишь въ 1377 году“ [3]). Подобныя же явленія, какъ на Рейнѣ, мы можемъ наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Данцигѣ: почти одновременно съ возникновеніемъ цеховъ начинаются столкновенія между мастерами и подмастерьями [4]). Въ 1385 г. городъ

[1]) Schanz. Gesellen-Verbände p. 10.

[2]) Именно рабочій классъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ въ XIV—XV ст. и даже ранѣе появилась домашняя или кустарная промышленность, превратившая и самихъ цеховыхъ мастеровъ въ зависимыхъ рабочихъ, см. особо ниже гл. VIII.

[3]) Schanz. Ibid. p. 42.

[4]) Schanz. Ibid.

угрожаетъ подмастерьямъ, принимающимъ участіе въ стачкахъ, отрѣзаніемъ ушей [1]). Въ Бреславлѣ уже въ 1329 г. происходитъ стачка подмастерьевъ, изготовляющихъ пояса [2]). Стачка шпейерскихъ подмастерьевъ суконнаго цеха въ 1351 г. вызвана требованіемъ съ ихъ стороны болѣе высокой платы, которой подмастерьи и добиваются [3]). Подмастерьи-портные въ Констанцѣ устраиваютъ стачку въ 1389 г., требуя признанія мастерами ихъ корпораціи [4]). Въ это же время происходятъ стачки подмастерьевъ и въ Базелѣ: цехи изгоняютъ стачечниковъ изъ города [5]). Бекъ указываетъ на то, что въ XIV и XV ст. подмастерьи кузнечныхъ и слесарныхъ цеховъ устраивали собственныя судилища и прибѣгали къ правильнымъ стачкамъ („das Auftreiben"), прекращая работу и покидая городъ. У нихъ существовалъ даже спеціальный техническій терминъ для стачки: „den Meistern den Hammer legen" [6]).

Изъ этихъ фактовъ—говоритъ Шанцъ—вытекаетъ, что не только цеховая организація не разрѣшила рабочаго вопроса, а наоборотъ, именно вмѣстѣ съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ [7]). Въ своей книгѣ объ ассоціаціяхъ подмастерьевъ въ средніе вѣка онъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что волненія среди подмастерьевъ въ XIV и XV ст. были дѣйствительно явленіемъ всеобщимъ въ Германіи [8]).

Нѣчто подобное происходило и въ другихъ странахъ. „Соціальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франціи—говоритъ Шенланкъ—возникаетъ въ различныхъ мѣстахъ уже въ XIII вѣкѣ, въ XIV вѣкѣ она усиливается и принимаетъ болѣе общій характеръ. Благодаря раннему промышленному подъему страны появляется сознаніе различія интересовъ у тѣхъ и другихъ. Количество учениковъ, которыхъ дозволяется держать мастеру,—продолжаетъ онъ—ограничено; плата за обученіе высока, срокъ ученичества

[1]) Schoenlank. Gesellenverbände. Handwört. der Staatswiss. IV.
[2]) Stieda. Arbeitseinstellungen. Handwört. der Staatswissensch. B. I.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Schoenlank. Gesellenverbände.
[6]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. p. 883. B. II. p. 565.
[7]) Schanz. Gesellenverbände. p. 42.
[8]) Ibid. Cap. V. p. 31—69.

продолжителенъ; доступъ къ званію мастера сильно стѣсненъ; привилегіи въ пользу дѣтей мастеровъ обширны и несправедливы. Рабочій день весьма длиненъ, плата же незначительна. При такихъ условіяхъ не удивительно, что возникли союзы подмастерьевъ для защиты отъ мастеровъ и для борьбы съ ними; они образовались изъ религіозныхъ братствъ, изъ confréries, которыя первоначально поощрялись клиромъ. На югѣ Франціи они возникаютъ въ большомъ количествѣ уже въ XIII вѣкѣ подъ именемъ „la caritat", на сѣверѣ они образуются съ конца XIV вѣка, и вскорѣ становятся опорой подмастерьевъ въ ихъ борьбѣ за мірскіе интересы". Въ исторіи французскихъ городовъ мы нерѣдко встрѣчаемъ стачки и волненія подмастерьевъ. Такъ, въ 1280 г. подмастерьи-суконщики Прованса, выведенные изъ терпѣнья увеличеніемъ рабочаго дня, производятъ возстаніе и убиваютъ мэра. Въ г. Шалонѣ въ 1328 г. пришлось вмѣшаться королевской власти, чтобы заставить подмастерьевъ работать рано утромъ и въ послѣобѣденное время. Въ Реймсѣ въ 1292 г. были запрещены, какъ ассоціаціи подмастерьевъ, направленныя противъ мастеровъ, такъ и соглашенія мастеровъ противъ подмастерьевъ [1]). Въ Аміенѣ ордонансъ 1349 г. запрещаетъ подмастерьямъ-кожевникамъ „устраивать заговоры для достиженія болѣе высокой платы безъ всякихъ законныхъ основаній" [2]). Въ Парижѣ происходитъ въ 1407 году борьба между мастерами и подмастерьями; послѣдніе требуютъ сокращенія рабочаго дня, который продолжался повидимому 16 часовъ, и устраненія ночной работы. Въ Парижѣ, какъ и въ другихъ французскихъ городахъ, подмастерьи въ XV вѣкѣ нерѣдко прибѣгали къ бойкоту враждебныхъ имъ мастеровъ [3]).

И въ Англіи ассоціаціи подмастерьевъ представляли собою не только религіозныя братства, форму которыхъ они принимали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и союзы для борьбы съ мастерами путемъ устройства публичныхъ демонстрацій, стачекъ и т. д. Мастера сѣдельнаго цеха въ Лондонѣ совершенно справедливо утверждали въ XIV вѣкѣ, что под-

[1]) Martin-Saint-Léon. p. 280.

[2]) Schoenlank. Gesellenverbände.

[3]) Fagniez. p. 83. 92. О бойкотѣ (въ средніе вѣка) см. также Heckel. Der Boykott. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1895. B. X. p. 481 и сл.

мастеры, подъ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія, составляютъ заговоры „съ цѣлью чрезмѣрно поднять заработную плату“, и дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ [1]). Въ пользу существованія отдѣльнаго класса подмастерьевъ—указываетъ Эшли—съ интересами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличными отъ интересовъ мастеровъ, говоритъ очень многое. Въ лондонскихъ статутахъ, напримѣръ, въ тождественныхъ выраженіяхъ упоминается о пререканіяхъ между мастерами и подмастерьями (слугами - valet) въ ремеслѣ сукностриговъ въ 1350 г. и ткачей въ 1362 г. Въ этихъ статутахъ говорится о томъ, какъ подмастерьи по взаимному соглашенію одновременно отказываются отъ работы—явленіе совершенно аналогичное современнымъ стачкамъ; старѣйшинамъ ремеслъ предписывается на будущее время бороться съ подобнаго рода явленіями. „До сихъ поръ — говорится въ этихъ постановленіяхъ—каждый разъ, когда возникало разногласіе между мастеромъ и подмастерьемъ, послѣдній обходилъ всѣхъ подмастерьевъ этого ремесла и, по взаимному соглашенію и договору, они рѣшали, чтобы каждый отказался работать на своего мастера, пока тотъ мастеръ и его слуга (подмастерье) не придутъ къ соглашенію, вслѣдствіе чего мастера этого промысла оказывались въ большомъ затрудненіи, а народъ (потребители) лишался необходимыхъ для него услугъ“ [2]). Противъ стачекъ, происходившихъ въ строительныхъ ремеслахъ Лондона, уже при Эдуардѣ III и Генрихѣ VI издавались строгія постановленія [3]). Точно также брюссельскіе валяльщики уже въ 1282 г. устроили стачку, требуя повышенія платы [4]). А въ итальянскомъ городѣ Сіенѣ въ 1370 г. произошло цѣлое возстаніе рабочихъ [5]).

Послѣ всего сказаннаго едва ли еще могутъ возникать сомнѣнія въ томъ, что въ средніе вѣка существовалъ классъ рабочихъ, находившійся въ полной зависимости отъ хозяевъ-мастеровъ, зависимости, основанной не столько на обладаніи извѣстнымъ, необходимымъ для произ-

[1]) Эшли. стр. 373. Кеннингэмъ, Т. I. стр. 292, 302, 381.
[2]) Эшли, стр. 365—366.
[3]) Brentano, Arbeitergilden. B. I. p. 66.
[4]) Des Marez. p. 251.
[5]) Ковалевскій, т. III стр. 141.

водства капиталомъ, сколько на установленныхъ цеховой системой привилегіяхъ мастеровъ. „Въ половинѣ XIV столѣтія—говоритъ Эшли—образовался рабочій классъ въ томъ смыслѣ слова, котораго оно не имѣло ранѣе. Къ этому времени появилось значительное число работниковъ, которые не были ни учениками, отданными къ мастеру только на извѣстное время, служившее для нихъ періодомъ испытанія, ни самостоятельными мастерами, людей, которые не бывъ вовсе учениками, или, что съ теченіемъ времени стало встрѣчаться все чаще и чаще, окончивъ ученичество, стали наемниками ремесленныхъ мастеровъ. Сперва, вѣроятно, число такихъ „слугъ“ (servants), „служащихъ“ (serving men), служителей (valets) или йоменовъ (yeomen), какъ ихъ различно называли, было очень незначительно... Но вскорѣ появляются признаки того, что классъ этотъ увеличивается и что для каждаго средняго подмастерья стало уже невозможнымъ, какъ это было раньше, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы завести свое дѣло... Существованіе рабочаго класса въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ объясняетъ генезисъ новой организаціи промышленности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея въ шестнадцатомъ столѣтіи“ [1]). „Есть основаніе сомнѣваться—говоритъ знатокъ этого вопроса М. М. Ковалевскій—въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью той характеристики, какую даютъ средневѣковымъ цеховымъ порядкамъ, какъ катедеръ-соціалисты въ Германіи, такъ и послѣдователи школы Леплэ во Франціи. Если вѣрить имъ, цеховое устройство не знало различія между предпринимателями и рабочими... XIII и XIV вѣка, вопреки утвержденію идеализаторовъ средневѣковыхъ порядковъ, уже были свидѣтелями начавшагося вѣроятно съ самаго момента возникновенія цеховъ процесса дифференціаціи труда и капитала въ области промышленности“ [2]).

Изъ факта существованія рабочаго класса въ средніе вѣка Брентано дѣлаетъ и соотвѣтствующій выводъ относительно характера прибыли въ эту эпоху. Указывая на то, что рабочій никогда не получалъ всего продукта своего

---

[1]) Эшли, стр. 362—364.

[2]) Ковалевскій, т. III, стр. 127, 142.

труда, Брентано прибавляетъ: „то, что онъ получалъ, было установлено юридическими отношеніями между слугой и господиномъ, и именно въ интересахъ послѣдняго, такъ что имѣла мѣсто эксплоатація труда; такую эпоху эксплоатаціи составлялъ въ особенности весь періодъ такъ называемаго самостоятельнаго ремесла“ [1]). И Шанцъ—хотя и мимоходомъ—указываетъ на то, что подмастерье являлся юридически зависимымъ отъ мастера слугой, какъ бы крѣпостнымъ его, вынужденнымъ отдавать мастеру часть продукта своего труда [2]). Наконецъ, на это обстоятельство обращаетъ вниманіе и Бернштейнъ, говоря, что прибавочный трудъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка ясно выступалъ наружу, что подмастерье легко могъ вычислить, во что мастеру обходился его трудъ и сколько тотъ же мастеръ получалъ за этотъ трудъ отъ потребителя [3]).

Прибыль въ средневѣковой промышленности проистекаетъ, такимъ образомъ, изъ источниковъ двоякаго рода—изъ дохода потребителя и изъ труда подмастерья. И тотъ, и другой источникъ являются результатомъ замкнутаго городскаго хозяйства и цеховыхъ привилегій. Они создаютъ монопольное положеніе цехового мастера, какъ въ отношеніи потребителей, такъ и въ отношеніи подмастерьевъ. Потребитель вынужденъ уплачивать цѣну, произвольно установленную мастеромъ, (прямо или косвенно черезъ посредство магистрата, опредѣляющаго выгодную для цеха цѣну), не имѣя возможности ни обратиться къ ремесленникамъ, стоящимъ внѣ цеха, ни потреблять произведенные въ другихъ мѣстахъ продукты. Подмастерье является какъ бы крѣпостнымъ мастера будучи обязанъ работать за плату, односторонне установленную цеховыми мастерами. Если мы проведемъ идеальную черту на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была бы устанавливаться цѣна при обмѣнѣ предметовъ соотвѣтственно затраченному количеству труда (въ эту эпоху въ производствѣ затрачивался одинъ лишь физическій трудъ, о выравненіи же прибылей и вообще о вліяніи и капитала

---

[1]) Brentano. Ueber die Ursachen der heutigen socialen Not. Leipzig. 1889. p. 11, 35.

[2]) Schanz. Gesellenverbände. p. 6.

[3]) Bernstein. Voraussetzungen des Socialismus. p. 39.

при образованіи цѣнности не могло быть рѣчи), то вся та часть цѣны, которая стоитъ надъ этой чертой—ибо въ дѣйствительности предмѣты обмѣнивались по цѣнѣ, значительно превышавшей ихъ трудовую цѣнность,—есть прибыль, получаемая отъ потребителя, а та часть цѣны, которая находится подъ чертой, занимая пространство между ней и уровнемъ заработной платы подмастерья, составляетъ прибыль, извлекаемую изъ труда подмастерья.

---

[6]) Такое отрицаніе существованія антагонизма интересовъ между мастерами и подмастерьями и наличности класса зависимыхъ подмастерьевъ-рабочихъ въ средніе вѣка мы находимъ напр., у Шенберга (Wirtsch. Bed. des Zunftwes. p. 54—55. 116 и сл.), Цвидинека (p. 26. 46), Брентано (Arbeitergilden. I. p. 58), Охенковскаго (Englands wirtsch. Entwick. im Ausg. des Mitt. p. 115 и сл.), Бабо (Babeau, Les artisans d'antrefois. 1886. p. 44), Мартена (Martin-Saint-Léon. Hist. des corpor. p. 84 и сл. 218—19).

Отдѣлъ III.

Возникновеніе и развитіе домашней или кустарной промышленности, преимущ. въ XVI—XVIII ст. [1]).

I.

Средневѣковый городъ представляетъ собою самостоятельную единицу, самодовлѣющее цѣлое не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Наиболѣе ярко этотъ замкнутый характеръ средневѣковаго городского хозяй-

---

[1]) Уже въ „Report on the state of the woollen manufacture of England" (Journal of the House of Commons) 1806 года идетъ рѣчь о домашней промышленности (domestic system), какъ о формѣ производства, распространенной въ шерстяной промышленности Іоркшира (West-Riding) и отличающейся какъ отъ фабричнаго производства (factory system), такъ и отъ формы производства, извѣстной подъ названіемъ „master clothiers". Въ то время какъ фабрика характеризуется соединеніемъ рабочихъ въ помѣщеніи предпринимателя, а система „master-clothiers" производствомъ на скупщика (master-clothier) изъ принадлежащаго послѣднему матеріала („the work generally speaking is done by persons who have no property in th goods they manufacture"), домашняя система выражается въ томъ, что мелкіе производители въ селахъ самостоятельно покупаютъ шерсть, обрабатываютъ ее (за исключеніемъ лишь конечныхъ процессовъ производства) и сбываютъ скупщикамъ на рынкѣ. (См. James. History of the worsted manufacture in England. London. 1857). Здѣсь подъ домашней системой понимается только одна изъ формъ того, что мы называемъ въ настоящее время домашней промышленностью, тогда какъ другая, и притомъ наиболѣе характерная форма, ея выдѣлена въ качествѣ самостоятельной системы производства подъ именемъ „master-clothiers". При томъ домашняя система разсматривается какъ нѣчто свойственное спеціально шерстя-

ства выражается въ свойствахъ средневѣковой промышленности, ремесла, которое сосредоточивается въ городѣ и работаетъ почти исключительно для мѣстнаго рынка: произведеніями городского ремесла удовлетворяются всѣ потребности населе-

---

ному производству, вообще же говоря мы въ сочиненіяхъ по исторіи англійской промышленности (см. напр. Baines. History of Cotton Industry. 1835. Ellison. Handbook of Cotton Trade. 1858. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. 1884.) не находимъ рядомъ съ ремесленниками и фабричными рабочими еще третьей категоріи—кустарей или производителей на дому, и все то, что не отнесено къ фабричному (капиталистическому) производству разсматривается въ качествѣ ромесленной формы производства (мелкаго производства), которая и считается господствующей вплоть до конца XVIII вѣка. Такую же точку зрѣнія находимъ долгое время у нѣмецкихъ писателей: они знаютъ только Handwerk и Kleingewerbe и періодъ господства ремесленнаго производства совпадаетъ у нихъ съ эпохой существованія цеховаго строя (см. напр. Wehrmann. Die älterenlübeck. Zunftrollen. Einleit. Mascher. Gesch des Gewerbewesens. 1866. Moritz Meyer. Gesch. der preuss. Handwerkerpol. 1884—88. Wartmann. Industrie und Handel im Kanton St. Gallen. 1867. Biedermann. Deutschland im 18. Jahrh. B. I. 1854. Французскіе писатели. (Martin-Saint-Léon. Hist. des corpor. 1897. Levasseur. Hist. des classes ouvr. Babeau. Les artisans d'autrefois. 1886. Boissonade. Organis. du trav. en Poitou 1900) и до сихъ поръ обыкновенно не знаютъ домашней формы производства (въ особенности въ отношеніи прежнихъ эпохъ) какъ средней между ремесломъ и фабрикой.

Едва ли не впервые упоминаніе о ней встрѣчается (если не считать приведеннаго выше англійскаго Report) у Морица Моля (Moritz Mohl. Ueber die württembergische Gewerbsindustrie. 1828) подъ названіемъ „ein dem Verhältnis des Fabrikarbeiters zum Fabrikanten sich annäherndes Verhältnis“ (p. 191) и сл., гдѣ мастера производятъ у себя на дому, по заказу скупщиковъ, обрабатывая собственный или—большею частью—полученный отъ скупщика матеріалъ, причемъ производство предназначено для отдаленнаго сбыта. Позже на эту форму производства обратилъ вниманіе Лепле (Le Play. Les ouvriers européens. 1856.), назвавъ ее „fabrique collective“: предприниматель объединяетъ въ своихъ рукахъ продукты, изготовляемые за его счетъ рабочими въ мастерскихъ или у себя на дому„. (T. I, p. 456). Исчерпывающую характеристику домашней промышленности въ связи съ прочими формами производства, а равно самое названіе ея мы находимъ однако раньше всего въ сочиненіи московскаго профессора А. Корсака: „О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ западной Европѣ и Россіи. (Москва. 1861). Онъ указываетъ „на одну

нія въ промышленныхъ издѣліяхъ. Исходя изъ того положенія, что городъ не долженъ зависѣть отъ иногородней промышленности, средневѣковый городъ всѣми силами препятствовалъ привозу иногородныхъ издѣлій, а слѣдовательно, и при вывозѣ

весьма замѣчательную форму производства, которая во многомъ отличается отъ всѣхъ другихъ, существующихъ въ настоящее время. Ее можно назвать домашней, въ отличіе отъ фабричной и мануфактурной, сосредоточенной на фабрикахъ и мануфактурахъ, и отъ ремесленной, которая производится въ мастерскихъ. У насъ она называется вообще кустарной и составляетъ одинъ изъ видовъ производства въ маломъ видѣ, подобно ремесленной, но въ то же время имѣетъ близкое отношеніе къ производству въ большомъ видѣ, которое вполнѣ выражается въ промышленности фабричной и мануфактурной". Между тѣмъ „у насъ понятіе о кустарной промышленности и ремеслахъ часто не отдѣляется одно отъ другого, хотя экономическое положеніе кустарника и ремесленника бываетъ весьма различно". (Стр. 2). Корсакъ устанавливаетъ далѣе (стр. 16) слѣдующую классификацію формъ промышленности: I. Большое производство: a) фабрики, b) мануфактуры. II. Малое производство: a) ремесла, b) домашняя промышленность. III. Домашняя система производства: a) городская, (основанная на II, a), b) сельская, (основанная на II, b). Онъ различаетъ, такимъ образомъ, съ одной стороны производство на дому, которое имѣетъ ремесленный характеръ и отличается отъ ремесла только тѣмъ, что распространено въ сельскихъ мѣстностяхъ и составляетъ подсобный къ сельскому хозяйству промыселъ, а съ другой стороны—домашнюю промышленность (домашнюю систему, по его терминологіи), которая можетъ быть не только побочнымъ, но и главнымъ занятіемъ и которая „хотя и разбросана по мелкимъ мастерскимъ и домамъ работниковъ, но, по свойству отношеній труда къ капиталу, составляетъ видъ большаго производства, по крайней мѣрѣ, къ нему приближается, ибо имѣетъ во главѣ одного значительнаго предпринимателя—капиталиста". (Стр. 16). „Первая подъ вліяніемъ большаго производства переходитъ во вторую, а послѣдняя въ новую форму—мануфактурную или фабричную". (Стр. 304). „Домашнюю систему — прибавляетъ Корсакъ — у насъ называютъ мануфактурами, хотя дѣло мануфактуриста заключается здѣсь не болѣе, какъ въ раздачѣ матеріала по деревнямъ, и хотя онъ часто не имѣетъ никакого мануфактурнаго заведенія". (Стр. 17, прим.).

Послѣ Корсака характеристику формъ домашней промышленности (Hausindustrie) далъ Schwarz. Die Betriebsformen der modernen Grossindustrie (Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1869) опредѣляя ее какъ массовое производство въ помѣщеніяхъ самихъ рабочихъ безъ примѣненія машинъ и двигателей, а затѣмъ Thun. Industrie am Niederrhein (T. II. 1879, p. 241 и сл.), различающій 4 формы производства—ремесло,

собственныхъ товаровъ встрѣчалъ огромныя затрудненія; произведенія ремесла имѣли только одинъ мѣстный рынокъ, гдѣ

домашнюю промышленность, мануфактуру и фабрику (въ домашней промышленности ремесленники превращаются въ наемныхъ рабочихъ скупщика, доставляющаго имъ матеріалъ и образцы и сбывающаго изготовленные ими товары). Подобно Корсаку, и другіе экономисты и впослѣдствіи еще соединяли подъ именемъ домашняго производства двѣ различныя системы: производство на дому для мѣстнаго сбыта въ качествѣ подсобнаго къ земледѣлію промысла, (die alte nationale oder traditionelle Hausindustrie) и массовое производство на скупщика для широкаго рынка, составляющее постоянное и единственное занятіе (fabrikmässige Hausindustrie, industrie à domicile de fabrique). См. особ. доклады Макса Вирта и Гериха на Междунар. статист. конгрессѣ въ Пештѣ 1876 г. (Progr. du 9-me congrès секц. V. Compte-rendu. 2-me partie. Stieda. Hausindustrie. Schriften des Vereins für Sozialpol. B. 39, p. 10—14). Постепенно однако первая форма была отброшена какъ составляющая либо производство на дому не для рынка (Hauswerk), либо одинъ изъ видовъ ремесла, либо наконецъ переходную форму къ домашней промышленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нея былъ выдѣленъ и отнесенъ къ домашней промышленности тотъ случай, когда сельскіе кустари производятъ для отдаленнаго рынка и сбываютъ продукты своего подсобнаго промысла скупщикамъ—торговцамъ. Въ качествѣ характерныхъ для домашней промышленности моментовъ должны быть признаны: 1) производство на дому въ помѣщеніи мастера (служащаго только мастерской или вмѣстѣ съ тѣмъ и жильемъ), 2) массовое производство для широкаго круга потребителей, 3) сбытъ всецѣло или преимущественно одному или нѣсколькимъ скупщикамъ, а не непосредственно потребителю. (Ср. опредѣленія Stieda. Hausindustrie, p. 22. Bücher. Entst. der Volksw. 2. Aufl. p. 152. Schmoller. Grundr. B. I, p. 103. 424. Held. Zwei Bücher zur soz. Gesch. Englands. 1881, p. 671—72. De Maroussem. Enquête sur la petite industrie. T. II. 1896, p. 8. Bru. Essai sur la réglementation du trav. a domicile. Paris. 1903, p. 4 и сл.). Sehwiedland. (Ziele und Wege einer Heimarbeitsgesetzgebung. 2 Aufl. Wien. 1903, p. 42) присоединяетъ къ этому указаніе на экономическую и соціальную зависимость кустарей отъ предпринимателя, что предоставляется излишнимъ, ибо уже вытекаетъ изъ того факта, что работникъ не вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ публикой, а вынужденъ искать скупщика, знакомаго съ положеніемъ рынка, который отбиралъ бы у него изготовленные продукты. Schoenberg (Handbuch der pol. Oekon. B. II. T. I. 1896, p. 488) и Sombart (Hausindustrie. Handwört. des Staatswiss. 2. Aufl. B. IV. p. 1138) также чрезмѣрно подчеркиваютъ наличность одного предпринимателя, направляющаго самое производство, ибо кустарь можетъ работать и на нѣсколькихъ, и при помощи собственнаго сырья, хотя въ результатѣ обыкновенно имѣетъ мѣсто такая зависимость отъ опредѣленнаго скупщика или ассоціаціи скупщиковъ (см. ниже).

потребителями являлись, какъ городскіе жители, такъ и крестьяне окружныхъ селъ, которые обмѣнивали свои сельскохозяйственные продукты на издѣлія городского ремесла [1]).

Въ эту замкнутую городскую жизнь ворвалась въ концѣ среднихъ вѣковъ совершенно новая струя. Промышленныя издѣлія, которыя до того времени непосредственно сбывались ремесленникомъ на мѣстномъ городскомъ рынкѣ и почти не играли роли въ торговлѣ, стали теперь постепенно объектомъ торговаго обмѣна, предметомъ ввоза и вывоза. „Появилась возможность потреблять продукты другихъ городовъ и странъ, получать матеріалы для обработки изъ отдѣльныхъ мѣстностей, чего ранѣе не существовало". Торговля фабрикатами, въ особенности текстильными и металлическими издѣліями, съ

Какъ указалъ еще Корсакъ, понятія домашней и кустарной промышленности (у него: системы) равнозначущи и нѣтъ надобности сохранять названіе кустарнаго производства для одной Россіи, ибо и на Западѣ мы находимъ производство, соединенное съ земледѣльческими работами. (см. ниже). Наоборотъ, терминъ „кустарный", которымъ обладаетъ русскій языкъ, предупреждаетъ смѣшеніе домашней промышленности съ производствомъ для домашнихъ потребностей, легко возможное на другихъ языкахъ (Hausindustrie и Hauswerk или Hausfleiss, см. Bücher, p. 132 и сл., Industrie à domicile и industrie de famille). На Западѣ понятіе о домашней промышленности (domestic system, domestic industry, travail à domicile. Hausindustrie) стало обычнымъ, рядомъ съ нимъ существуютъ нѣмецкія названія Verlagssystem и Heimarbeit и неудачныя французскія—fabrique collective (введенное Le Play; Bru пользуется имъ также, хотя признаетъ неточнымъ) и manufacture à domicile, предложенное, Gide'омъ (Principes d'écon. polit. 7 ed. p. 170). Въ Англіи нерѣдко примѣняется терминъ „sweating-system", обозначающій ту форму домашней промышленности, гдѣ существуютъ факторы-посредники между скупщикомъ и рабочимъ на дому. (См. Шлоссъ. Формы заработной платы. Пер. съ англ. СПБ. 1900. Стр. 180 и сл. Cotelle Le sweating-system. 2. ed. 1003, p. 6 и сл. Webb. Hist. of Trade Union. Ch. I, указываетъ на то, что такая форма производства господствовала и въ предыдущія столѣтія). Впрочемъ, въ послѣднее время (см. Шлоссъ, стр. 184. 206. Bru. p. 115. Levy. Le travail à domicile. 1900, p. 39 и сл. Schwiedland. p. 64) подъ sweating-system понимается не какая-либо форма производства, а всѣ тѣ случаи, когда происходитъ сильная эксплоатація рабочихъ въ домашней или фабричной промышленности, при наличности посредниковъ или безъ нихъ.

[1]) См. выше.

конца XV и начала XVI вѣка сильно оживилась. Рынокъ расширился: изъ городского онъ превратился въ территоріальный, ибо фабрикаты и полуфабрикаты уже не сбывались исключительно на мѣстномъ городскомъ рынкѣ, а распространялись по всей странѣ, по всѣмъ городамъ; расширился и кругъ потребителей—слои населенія, которые ранѣе ограничивались потребленіемъ издѣлій собственнаго производства, стали теперь пріобрѣтать различнаго рода продукты на рынкѣ [1]).

Въ Парижѣ продавались гребни изъ Лиможа, желѣзныя издѣлія изъ Тулузы, ткани изъ Оверня, саржа изъ Арраса, сукно изъ Шампани и Нормандіи [2]). Особенно бойко шла съ конца XV вѣка торговля издѣліями тексильной промышленности. Ордонансъ 1479 года насчитываетъ двѣнадцать французскихъ городовъ, центровъ тактильной промышленности, посылающихъ свое сукно въ Парижъ для сбыта [3]). Но не менѣе оживленно шла торговля сукномъ и въ г. Турѣ, который вовсе не выдавался своимъ суконнымъ производствомъ: въ ордонансѣ 1490 года названо пятнадцать французскихъ городовъ (многіе изъ нихъ тѣ же, что и въ ордонансѣ 1479 г.), откуда купцы ѣздили въ Туръ [4]). „Короли французскіе—говоритъ Левассеръ—поощряли внутреннюю торговлю. Они утверждали торговые договоры, заключенные между городами, подтверждали старыя привилегіи, разрѣшали купцамъ торговать по всей странѣ, безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ при покупкѣ или проджѣ товаровъ“ [5]). Hauser также обращаетъ вниманіе на уменьшеніе монополіи цеховъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе усилившейся конкурренціи между городами. „Кругъ потребителей расширяется, — говоритъ онъ — увеличивается и ихъ платоспособность, уменьшаются издержки перевозки товаровъ и связанный съ нею рискъ. Особенно возрастаетъ сбытъ фабрикатовъ, тогда какъ сырые продукты, подверженные

---

[1]) Современники указываютъ на сильно увеличевшееся потребленіе промышленныхъ издѣлій. См. Lotz. Die drei Flugschiften über den Münzstreit der sächsischen Albertiner und Ernestiner. Leipzig. 1893..

[2]) Levasseur. T. I. p. 665.

[3]) Hauser. Les ouvriers du temps passé. (XV et XVI s.). Paris. 1899, p. 17—18.

[4]) Levasseur. I. p. 665.

[5]) Ibid. p. 666

болѣе легкой порчѣ и представляющіе меньшую цѣнность при большемъ вѣсѣ, не могутъ пріобрѣсти столь обширнаго рынка, какъ фабрикаты“ [1]). Какъ указываетъ д'Авенель, распространенная ранѣе по всей Франціи шерстяная промышленность сосредоточивается въ XVII вѣкѣ лишь въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка лишь производство тонкихъ, особенно изящныхъ и дорогихъ сортовъ сукна составляло монополію отдѣльныхъ центровъ, позже и изготовленіе простого сукна стало быстро развиваться въ немногихъ городахъ и мѣстностяхъ, въ другихъ же мѣстахъ шерстяная промышленность исчезаетъ. Такъ исчезла постепенно саржа изъ Нанта, Динана, Мальструа, сукно изъ Нима, Каркасонны, Сентъ-Омера, Шатору, байковыя и другія ткани изъ Вандомы, Дре, Валанса, Сенъ-Ло и сотни иныхъ мѣстностей,—даже имена ихъ, забытыя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ промышленности и ботатства, оставили слѣдъ лишь въ архивахъ [2]).

„Изъ страсбургскихъ тарифовъ мы можемъ усмотрѣть, что увеличился ввозъ какъ дорогихъ, такъ и простыхъ издѣлій текстильной промышленности со всѣхъ концовъ Европы. Если въ 1401 году упоминается лишь о шелковыхъ издѣліяхъ вообще, то въ 1477 году уже различаются 8—9 сортовъ шелковыхъ матерій. Въ тарифѣ 1401 года встрѣчается лишь 6—8 мѣстностей Германіи, откуда привозится сукно въ Страсбургъ, а въ 1447 году названо 22 сорта одного рейнскаго сукна; съ нижняго Рейна, изъ Магдебурга, изъ Швабіи доставляются шерстяныя издѣлія на Страсбургскій рынокъ; рядомъ съ многочисленными фламандскими и брабантскими тканями появляются и французскія, англійскія и итальянскія. Встрѣчается также англійская шерсть, пряжа изъ Реймса, Кельна и Эрфурта, полосатыя бумажныя ткани изъ Милана“ [3]). Вообще въ Германіи, въ особенности во всей средней и южной части ея, въ теченіе XVI вѣка сукно замѣняется болѣе тонкими, гладкими шерстяными тканями, которыя производятся во Фландріи, во французскихъ городахъ, а съ конца XVI вѣка, со времени пере-

[1]) Hauser. p. XXXI—XXXIII.
[2]) d'Avenel. Histoire économique etc. T. III. p. 389.
[3]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. p. 507.

селенія нидерландскихъ ткачей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи—въ Герѣ, Пфорцгеймѣ, Кальвѣ. Отсюда онѣ уже распространяются въ большомъ количествѣ по всѣмъ нѣмецкимъ городамъ и рынкамъ: произведенныя въ Кальвѣ (Вюртембергъ) ткани мы встрѣчаемъ въ 1590 г. на рынкахъ во Франкфуртѣ, Вормсѣ, Страсбургѣ, Базелѣ [1]).

Въ Любекѣ столкновенія между ремесленниками и торговцами хотя и встрѣчаются уже въ средніе вѣка, но лишь въ видѣ исключенія, ибо товары, производимые въ городѣ, обыкновенно не привозились изъ другихъ мѣстностей: только пряности и бакалейные товары ввозились въ городъ. Лишь въ XVI вѣкѣ эти столкновенія становятся болѣе частыми. „Когда обороты розничныхъ торговцевъ расширились, когда они стали самостоятельно вступать въ торговыя сношенія съ другими мѣстностями и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря возрастанію количества ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, получили возможность пріобрѣтать у нихъ различныя промышленныя издѣлія для сбыта, тогда возникли постоянныя столкновенія между ремесленниками съ одной стороны и торговцами съ другой стороны, причемъ потребители большею частью находились на сторонѣ вторыхъ“. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что конкурренція между ремесленниками и торговцами при сбытѣ промышленныхъ издѣлій приводила къ большему разнообразію въ выборѣ товаровъ и къ большей дешевизнѣ. Цехи неоднократно обращались къ городскому магистрату съ просьбой запретить ввозъ въ городъ всякихъ фабрикатовъ вообще, но магистратъ на это не соглашался, ограничиваясь подтвержденіемъ запрещенія въ томъ видѣ, какъ оно существовало раньше, т.-е. поскольку отдѣльные цехи уже ранѣе пользовались монополіей въ сбытѣ тѣхъ или другихъ товаровъ. Поэтому количество предметовъ, продаваемыхъ торговцами, все болѣе и болѣе увеличивалось и нѣкоторые продукты, въ особенности желѣзныя издѣлія, продавались ими въ столь значительномъ количествѣ, что городскіе ремесленники почти совершенно перестали производить эти товары. Даже прежнія запрещенія, которыя существовали

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Jena. 1897. p. 3—4, 18—19, 23.

относительно продажи различныхъ произведеній промышленности, не исполнялись болѣе; въ однихъ случаяхъ цехи вынуждены были признать совершившуюся перемѣну и формально отказаться отъ своего исключительнаго права продажи тѣхъ или другихъ товаровъ; въ другихъ случаяхъ торговцы успѣли воспользоваться выгодными для нихъ обстоятельствами и присвоить себѣ это право фактически и ремесленники уже не въ состояніи были вытѣснить ихъ“ [1]) Мечи, шляпы, волосяныя издѣлія и многіе другіе товары привозились иногородними купцами въ Любекъ [2]). Особенно много посѣщали Любекъ нюрнбергскіе купцы. Они привозили произведенія изъ желѣза, стали, жести, олова, свинца, желтой мѣди, а также деревянныя и стеклянныя издѣлія [3]).

Нюрнбергъ вообще славился своими стеклянными, въ особенности же металлическими товарами. Здѣсь насчитывалось въ началѣ XVI вѣка свыше двадцати цеховъ, изготовлявшихъ самые разнообразные предметы изъ желѣза, желтой мѣди, олова и т. п. Существовалъ особый цехъ булавочниковъ, особый гвоздарный цехъ; одинъ цехъ выдѣлывалъ наперстки, другой—трубы, третій—колокольчики. Точно такъ же производство очковъ составляло спеціальность особаго цеха, производство компасовъ—спеціальность другого цеха, существовалъ даже спеціальный бутылочный цехъ [4]). Всѣ эти цехи изготовляли предметы для вывоза и не удивительно, что другіе города, гдѣ техника производства стояла гораздо ниже, не въ состояніи были конкуррировать съ привозными нюрнбергскими издѣліями; подобно текстильному производству и производство металлическихъ предметовъ должно было сильно страдать отъ вновь появившейся конкурренціи привозного товара [5]).

Еще болѣе расширяется свобода обмѣна внутри госу-

---

[1]) Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. 1864. p. 102—3.

[2]) Ibid. p. 231. 456. 475.

[3]) Ibid. p. 107.

[4]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor 300 Jahren. Altnürnbergische Studien. Leipzig. 1894. p. 168. 178.

[5]) См. также Blümcke, Handwerkszünfte in Stettin, p. 206. Bodemann. p. II. Eulenburg. Drei Jahrhunderte städtischen Gewerbewesens. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgesch. B. II. p. 266 и др. Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe. p. 18—20.

дарства въ Англіи. „Къ концу среднихъ вѣковъ—говоритъ Эшли—Англія была покрыта сѣтью интермуниципальныхъ соглашеній, на основаніи которыхъ граждане одного города, пріѣзжая съ торговыми цѣлями въ другой городъ, освобождались отъ уплаты пошлинъ. Интермуниципальные торговые договоры появляются уже въ XIII и XIV ст., но болѣе часто они встрѣчаются въ XV ст. „Особенно любопытенъ рядъ соглашеній,—продолжаетъ тотъ же Эшли — заключенныхъ между городами Ноттингемомъ, Ковентри и Линкольномъ во второй половинѣ XV ст. Конечно, дѣлая другъ другу уступки, города имѣли непосредственно въ виду свои собственные интересы; но этимъ самымъ они расшатывали основы средневѣковаго политическаго (вѣрнѣе: экономическаго) строя“ [1]).

Въ статутахъ итальянскихъ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ провозглашалась полная свобода ввоза. Такъ, миланскій статутъ 1502 года разрѣшаетъ всѣмъ и каждому продавать товары въ любое время и въ любомъ мѣстѣ. Эта свобода торговли не распространялась на жителей лишь тѣхъ городовъ, которые ограничивали миланскихъ гражданъ въ ихъ торговыхъ правахъ [2]). Во Флоренціи уже въ XV вѣкѣ господствовалъ принципъ, что каждый, какъ горожанинъ, такъ и иногородній, имѣетъ право ввозить товары и продавать гдѣ угодно или вывозить ихъ обратно непроданными, и никто, ни цехи, ни отдѣльныя лица не могутъ ему препятствовать въ этомъ [3]). Въ Венецію во второй половинѣ XV вѣка нѣмецкіе купцы привозили слѣдующія промышленныя издѣлія, произведенныя частью въ Германіи, частью въ другихъ европейскихъ странахъ: шерстяныя и бумажныя матеріи, полотно; кожу, шляпы, роговыя издѣлія; четки и различную церковную утварь; мѣдную проволоку, жесть и олово, панцыри, кожи, иголки, наперстники [4]).

Такимъ образомъ, въ XV—XVII ст. образовалось раздѣленіе труда между различными мѣстностями; многія изъ

---

[1]) Эшли. Стр. 299—300.

[2]) Roscher. Nationaloekonomik des Handels und Gewerbefleisses. 7. Aufl. Stuttgart. 1899. p. 870—71.

[3]) Poehlmann. p. 100—104, 129.

[4]) Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. B. II. p. 105.

нихъ выработали себѣ особыя спеціальности,—въ противоположность средневѣковому хозяйству, проникнутому принципомъ, что всѣ промышленныя издѣлія должны изготовляться въ самомъ городѣ. Если того или другого промысла не оказывалось въ городѣ, туда—въ средніе вѣка — вызывали ремесленниковъ, занимавшихся этимъ промысломъ: въ городъ привозились сами мастера, а не ихъ произведенія. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее оказывалось невозможнымъ, когда города, обладавшіе монополіей въ данной отрасли производства, запрещали ремесленникамъ этой спеціальности переселяться въ другіе города и зорко слѣдили за ними,—тогда приходилось допускать ввозъ тѣхъ или другихъ промышленныхъ издѣлій. Поэтому-то мы такъ рѣдко встрѣчаемъ фабрикаты среди товаровъ, сложенныхъ въ торговыхъ подворьяхъ, и если купецъ привозилъ таковые, то они были обыкновенно произведены въ далекихъ странахъ Востока. Въ XVI—XVIII ст. этого принципа придерживались не города, а государства. Запретительными пошлинами и даже запрещеніями ввоза каждое государство старалось оградить себя отъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій, что ему впрочемъ, вслѣдствіе обширной и хорошо организованной контрабанды, удавалось далеко не всегда [1]). Въ Англіи, гдѣ уже въ XV вѣкѣ устанавливается свобода обмѣна внутри государства, мы въ томъ же XV вѣкѣ находимъ и ясно выраженный таможенный протекціонизмъ, проводимый государствомъ, находимъ запрещенія ввоза въ страну сукна, желѣза, шелковыхъ матерій и цѣлаго ряда другихъ промышленныхъ издѣлій; въ 1660 г. эти запрещенія замѣняются высокими, почти запретительными пошлинами [2]). Во Франціи устраненіе внутреннихъ преградъ происходитъ гораздо медленнѣе и съ такою же постепенностью проводится и запретительная система [3]). Въ Пруссіи въ 1581 г. воспрещено употребленіе иностраннаго сукна, запрещеніе, которое въ послѣдующія десятилѣтія повторяется нѣсколько разъ; въ 1654 г. къ нему присоединяется запре-

---

[1]) См. стр. 505—508.

[2]) Lexis. Einfuhrverbote. Handwört. der Staatswiss. B. III. Schanz. Engl. Handelspol. B. I. p. 456—63. Кеннингэмъ. l. стр. 369.

[3]) Brandt. Beiträge zur französ. Handelspol. p. 40.

щеніе ввоза издѣлій изъ мѣди и олова, въ 1666 г.—желѣзныхъ товаровъ, въ 1658 г.—стекла [4]).

Отсутствовавшія отрасли промышленности государство старалось пересадить къ себѣ изъ другихъ странъ, привлекая различными льготами иностранныхъ мастеровъ: производство шелковыхъ и бархатныхъ матерій, бумажныхъ тканей, кружева, зеркалъ, табачныхъ издѣлій всѣ европейскія государства стараются ввести у себя въ XVII — XVIII ст. Словомъ, государство придерживается теперь той же политики, какая раньше проводилась въ городѣ — политики протекціонизма, политики отдѣленія отъ другихъ государствъ; самодовлѣющій городъ долженъ превратиться въ самодовлѣющее государство. Зато въ отношеніяхъ между отдѣльными городами, отдѣльными частями того же государства произошла важная перемѣна. Эта перемѣна, совершившаяся во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ, на первый взглядъ не была значительна, ибо первоначально она состояла лишь въ томъ, что торговецъ привозилъ товары того же рода, но только другого сорта. Онъ привозилъ товары лучшаго качества, болѣе тонкія и болѣе изящныя ткани, болѣе искусно сдѣланныя металлическія издѣлія. Такими товарами, которые производились и въ самомъ городѣ, онъ первоначально еще не торговалъ; лишь впослѣдствіи и они явились предметомъ торговаго обмѣна. Но и эта перемѣна имѣла большое значеніе, и она была въ состояніи произвести переворотъ въ господствовавшей системѣ хозяйства, ибо новые продукты лучшаго качества вытѣсняли прежніе болѣе простые сорта, удовлетворяя болѣе тонкому вкусу періода Возрожденія, который предъявлялъ теперь совершенно иныя требованія къ предметамъ домашняго обихода, платью, мебели, утвари.

Политика, направленная къ усиленію конкурренціи внутри страны, къ введенію большей свободы въ торговомъ обмѣнѣ въ предѣлахъ государства, продолжается и въ послѣдующія столѣтія, въ XVII и XVIII вѣкѣ. Во Франціи отдѣльныя провинціи объединяются въ три большія группы — provinces de cinq grosses fermes (сѣверная и средняя Франція), provinces reputées étrangères (южная Франція) и provin-

[4]) Falke. Gesch. des Zollwesens. p. 268. Roscher. III. p. 851.

ces d'étranger effectif, уничтожается большая часть мѣстныхъ таможенъ, существовавшихъ внутри cinq grosses fermes. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кольберъ соединилъ всѣ многочисленные сборы, уплачиваемые при ввозѣ товаровъ въ cinq grosses fermes, въ одну общую пошлину, причемъ новый тарифъ 1664 года, распространявшійся и на товары, ввозимые въ provinces reputées étrangères, оказался пониженнымъ сравнительно съ суммой сборовъ, которые уплачивались раньше при ввозѣ въ отдѣльныя мѣстности [1]). Въ 1707 году уничтожены таможни, отдѣлявшія Англію отъ Шотландіи,—внутренняя конкурренція въ Соединенномъ Королевствѣ расширилась [2]). Австрійскіе императоры съ начала XVII вѣка стараются составить самостоятельную таможенную единицу изъ своихъ австрійскихъ владѣній, причемъ пытаются уничтожить внутреннія преграды, пока, наконецъ, при Маріи-Терезіи не были отмѣнены всѣ городскія, земскія и имперскія таможни между отдѣльными австрійскими провинціями и установлены однообразныя правила относительно ввоза, вывоза и транзита товаровъ [3]). Наконецъ, и въ Германіи въ отдѣльныхъ крупныхъ территоріяхъ устраняются мало-по-малу внутреннія таможенныя преграды: пошлины взимаются только одинъ разъ, при ввозѣ въ данную мѣстность,—товары освобождаются отъ послѣдующихъ внутреннихъ сборовъ однороднаго характера (при ввозѣ въ городъ), хотя транзитныя пошлины (рѣчныя, дорожныя, мостовыя) еще долго сохраняются попрежнему [4]). Въ Бранденбургѣ города постепенно лишаются своего штапельнаго права: въ серединѣ XVII вѣка большая часть городовъ (Шпандау, Одербергъ, Ландсбергъ, Эберсвальде, Тангерминде, Бранденбургъ, Берлинъ) почти не имѣли уже права задерживать провозимые товары [5]): въ смыслѣ расширенія свободы торговли это былъ важный шагъ впередъ.

---

[1]) Clamageran. Histoire de l'impôt en France. T. II. Paris. 1867, p. 643—648.

[2]) Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce in modern times. Cambridge. 1892, p. 334.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. Wien. 1890. T. I, p. 77 и сл.

[4]) Lexis. Einfuhrzölle. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 2. Aufl. B. III.

[5]) Schmoller. Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs,—Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte, besonders des Preussischen Staates im 17 und 18 Jahrh. Leipzig. 1898. p. 20.

Таможенныя реформы, хотя и значительно облегчавшія передвиженіе товаровъ, не могли бы все-таки вызвать столь сильнаго оживленія въ торговомъ обмѣнѣ, какое мы наблюдаемъ въ разсматриваемую эпоху, если бы онѣ не сопровождались цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, содѣйствовавшихъ развитію торговли внутри страны—тѣми мѣрами, совокупность которыхъ составляетъ систему экономической политики, именуемую меркантилизмомъ [1]). Сюда относится законодательство въ области торговаго, вексельнаго и морскаго право; далѣе, появленіе банковъ—Амстердамскаго, Гамбургскаго и Стокгольмскаго, Англійскаго и Шотландскаго и возникновеніе системы банковыхъ переводовъ; наконецъ, устройство биржъ Антверпенской и Ліонской, Амстердамской, Парижской и Лондонской, изданіе монетныхъ уставовъ (послѣдніе, впрочемъ, были еще несовершенны и не распространялись на всю страну), учрежденіе почты для перевозки людей и пересылки товаровъ и писемъ. Вслѣдствіе этого, измѣнились способы и формы обмѣна. Появились зачатки вексельнаго и фондоваго рынка. Уже въ XVI и XVII ст. сумма, оплачиваемая путемъ перевода по книгамъ и посредствомъ векселей, составляла милліоны. Денежные и вексельные обороты на ярмаркѣ въ Піаченцѣ оцѣнивались въ началѣ XVII ст. въ 16 милл. дукатъ, а обороты фондоваго рынка въ Антверпенѣ достигали 40 милл. [2]). По словамъ Юстуса Мозера, писавшаго въ XVIII вѣкѣ, учрежденіе почты имѣло огромныя послѣдствія, совершенно измѣнило жизнь во многихъ отношеніяхъ. Когда купцы увидѣли—говоритъ Бейстъ въ XVII вѣкѣ—что за небольшую плату они могутъ узнать вексельный курсъ и цѣны товаровъ посредствомъ почты, безъ того, чтобы ѣздить въ Антверпенъ, на почтѣ стало скопляться огромное количество писемъ. Торговые обороты значительно возросли: англійская внѣшняя торговля увеличилась съ 7 милл. ф. ст. въ 1697 г. до 16,3 милл. въ 1730 г. я 29,3 милл. въ 1770 г.;

---

[1]) См Bucher Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 110—11

[2]) Прекрасную картину развитія биржевой торговли въ XVI—XVII ст. даетъ Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. B II. 1896. Онъ выясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ (см. особ. стр. 5—12, 110 и сл. 291 и сл. 336 и сл.) ту огромную перемѣну, которая произошла въ характерѣ торговли по сравненію со средневѣковымъ періодомъ.

обороты французской торговли равнялись въ 1715 г. 176½ милл. фр. (въ томъ числѣ промышленныхъ издѣлій на 71 милл. фр.) вывозъ французскихъ фабрикатовъ въ другія европейскія страны возросъ въ періодъ 1715—1787 г. съ 45 до 133 милл. фр.

Но едва ли не наибольшее значеніе для расширенія торговли промышленными издѣліями имѣли мѣропріятія, предпринимаемыя ради облегченія перевозки товаровъ. Посредствомъ увеличенія судоходности рѣкъ, съ одной стороны, и сооруженія соединительныхъ каналовъ, съ другой стороны, оказалось возможнымъ перевозить товары на значительныя разстоянія, пользуясь исключительно воднымъ путемъ, который и въ XVI—XVIII ст., какъ и въ средніе вѣка, предпочитали транспорту сушей. Во Франціи, въ особенности при Кольберѣ, рѣки, по которымъ судоходство было до того времени невозможно, были сдѣланы судоходными, посредствомъ же соединенія бассейновъ рѣкъ между собою были созданы обширные водные пути: отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго моря и до Атлантическаго океана (каналы Бріарскій, Лангедокскій, Орлеанскій). Протяженіе французскихъ каналовъ равнялось въ 1600 году 156 кил., въ 1700 г.—678 и въ 1800 г.—1004 кил. Большое значеніе воднымъ путямъ сообщенія придавали также Великій Курфюрстъ и Фридрихъ Великій, Карлъ VI и Марія-Терезія. Въ 1687 году Пруссія имѣла 529,70 килом. искусственныхъ водныхъ сооруженій, а въ 1787 г. 1271,60 килом.; за столѣтіе сѣть ихъ расширилась, слѣдовательно, на 741,90 килом., т.-е. увеличилась въ 2½ раза. Въ Англіи устройство каналовъ относится лишь къ концу XVIII вѣка, такъ что значеніе они имѣли для фабрично-заводской индустріи XIX вѣка, но не для промышленности предыдущихъ столѣтій. Но уже въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка многія рѣки искусственнымъ путемъ были превращены въ судоходныя, таковы напр. р. Айрвель, Мерсей и Виверъ, въ особенности же р. Айръ и Кэльдеръ, которыя сдѣланы судоходными по требованію заинтересованныхъ въ этомъ суконщиковъ Лидса и Галифакса (центры суконной промышленности). Одновременно съ этимъ, какъ въ Германіи въ XVII ст., такъ и въ особенности во Франціи уже съ половины XVI ст. появляются болѣе широкія и болѣе удобныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вымощенныя

дороги, строятся болѣе прочные мосты; а затѣмъ, подъ вліяніемъ возникновенія почтовыхъ сообщеній, прокладываются шоссе и каменные мосты; въ XVIII вѣкѣ шоссейныя дороги все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Въ концѣ XVII вѣка Франція затрачивала на мосты и дороги въ среднемъ $1^1/_2$ милл. фр. ежегодно (на современныя деньги), при Людовикѣ XV—4-5 милл. фр.; въ концѣ XVIII вѣка она имѣла 25 тыс. километр. проселочныхъ дорогъ („grand chemin"). Въ Англіи во второй половинѣ XVII вѣка проведена сѣть дорогъ, ведущихъ по направленію къ Лондону. Крайне важнымъ въ смыслѣ оживленія торговли являлось то обстоятельство, что почта перевозила не только людей и письма, но и товары. Это имѣло значеніе преимущественно для болѣе цѣнныхъ и менѣе громоздкихъ товаровъ—для фабрикатовъ, и для промышленности это нововведеніе играло большую роль въ смыслѣ расширенія рынка сбыта: перевозка промышленныхъ издѣлій значительно облегчилась и ускорилась. Въ то время, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ успѣвали проѣхать въ среднемъ не болѣе 5 миль въ день, рѣдко 6-7 миль, въ Англіи въ концѣ XVII вѣка скорость провоза не очень громоздкихъ товаровъ равнялась 7-8 милямъ въ день, а въ Германіи 9-10 милямъ, при перемѣнѣ лошадей; даже по сравненію съ XVI вѣкомъ, въ XVII ст. скорость перевозки значительно возросла, такъ что совершенно справедливо утверждали, что „Postlandkutschen" „дешево и скоро перевозятъ товары съ одного мѣста до другого". Разсказываютъ, что въ Антверпенъ уже въ 1550 г. въѣзжало еженедѣльно по 2,000 возовъ, а въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ центральныхъ пунктахъ появились многочисленные постоялые дворы, содержавшіе лошадей; періодически разъ или два въ недѣлю двигались цѣлые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара. На улучшенныхъ дорогахъ лошадь была въ состояніи везти 1,000 и болѣе килограммъ; особенно хороши были дороги во Франціи: Артуръ Юнгъ прямо приходитъ въ восхищеніе отъ нихъ. Въ Германіи онѣ были значительно хуже. Тѣмъ не менѣе почта ходила по нимъ свободно; изъ Гамбурга разъ и даже два раза въ недѣлю она отправлялась въ 57 важнѣйшихъ торговыхъ городовъ. Возникла коммиссіонная торговля, покупка на пробу, купецъ не долженъ былъ болѣе

сопровождать свои товары, появились даже зачатки спекуляціонной торговли. [1]).

II.

Всѣ разсмотрѣнные моменты привели не только къ увеличенію и къ ускоренію торговыхъ оборотовъ, но и къ распространенію ихъ за предѣлы государствъ, къ возникновенію—хотя и въ весьма ограниченныхъ еще предѣлахъ—международной торговли не только колоніальными товарами, но и промышленными издѣліями. Эта торговля въ разсматриваемую эпоху имѣла еще весьма своеобразный характеръ: вслѣдствіе запрещеній ввоза и запретительныхъ ввозныхъ пошлинъ, она могла производиться лишь контрабаднымъ путемъ. Дѣйствительно, періодъ XVII—XVIII ст. представляетъ собою расцвѣтъ контрабандной торговли; въ эту эпоху всякій купецъ, рѣшавшійся подвергнуться нѣкоторому риску, могъ совершать прекрасные обороты, обходя запрещенія и пошлины. Ввозъ товаровъ контрабаднымъ путемъ долженъ былъ принять обширные размѣры и потому, что онъ былъ вполнѣ организованъ, тогда какъ охрана пограничной черты была неудовлетворительна. „Несовершенство таможеннаго управленія въ техническомъ отношеніи, подкупность чиновниковъ, неопредѣленность ставокъ тарифа, ихъ сложность, вслѣдствіе существованія различныхъ добавочныхъ платежей, неясность всего тарифа, вслѣдствіе цѣлой массы исключеній, наконецъ, система пошлинъ ad valorem, взимаемыхъ на основаніи показаній купца подъ присягой, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ контроля—все это—говоритъ Шмоллеръ относительно Англіи XVII и XVIII вѣка — приводило къ тому, что контрабанда приняла

---

[1]) См. Huber. Die geschichtliche Entwickelung des modernen Verkehrs. Tübingen. 1893. p. 220 и сл. Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888. p. 721—739. Kurs. Kanäle. Handwört. der Staatswiss. Suppl.— B.II. p. 505 и сл. Sax. Die Verkehrsmittel. B. I. p. 197—98. 206 и сл. Levasseur. II. p. 179. 193. 208. 614. Schmoller. Grundriss. B. II. p. 8—10. 24—64. 74. 77—78. 588—92. Cohn. III. p. 54. 569. 725. 731. Гобсонъ. Эволюція капитализма, стр. 14. Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren. p. 11. Moreau de Jonnès. Etat économique et sociale de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. 1867. p. 344—46. Brandt. Französische Handelspolitik. p. 55.

грандіозные размѣры [1]), несмотря на то, что въ 1617 году одинъ изъ купцовъ былъ назначенъ въ высшее учрежденіе по таможеннымъ сборамъ, въ виду его знакомства со всѣми продѣлками контрабандистовъ. Значительная часть ввоза товаровъ въ Англію производилась путемъ контрабанды. Сюда относится, напр. ввозъ шелковыхъ издѣлій изъ Франціи, который былъ воспрещенъ [2]). Точно также и во Франціи при Кольберѣ масса товаровъ проникала контрабаднымъ путемъ: англійское сукно, венеціанскія кружева и зеркала, чулочный товаръ ввозились въ значительномъ количествѣ, затрудняя развитіе основанной Кольберомъ промышленности. Контрабанда еще болѣе усилилась, когда послѣ смерти Кольбера пошлины были частью повышены, частью замѣнены запрещеніями ввоза. [3]).

Не только англійскіе фабрикаты, преимущественно сукно, но и продукты саксонской и швейцарской (хлопчатобумажной) промышленности ввозились во Францію, несмотря на запрещенія ввоза 1780 и 1785 гг., въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и ранѣе, до установленія этихъ запрещеній. Запрещенія обходились, главнымъ образомъ, путемъ наложенія остъ-индскаго клейма на саксонскіе и швейцарскіе товары, ибо ввозъ остъ-индскихъ бумажныхъ издѣлій былъ свободенъ. Контрабанда провозилась въ однихъ случаяхъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, въ другихъ черезъ Гамбургъ и французскіе портовые города, смотря по тому, гдѣ провозъ былъ безопаснѣе въ данное время.

Вообще, вся саксонская текстильная промышленность, расцвѣтъ которой относится къ XVIII. вѣку, основывалась на контрабандномъ ввозѣ товаровъ въ другія страны, ибо ввозъ ея продуктовъ былъ повсюду либо вовсе запрещенъ, либо обложенъ высокими пошлинами. Не только во Францію, но и въ Голландію, Россію и Польшу товары ввозились контрабаднымъ путемъ. Когда окольныя дороги въ Россію оказывались непроходи-

[1]) Schmoller. Die englische Handelspolitik im 17. und 18. Jahrh. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. 23. p. 1224.

[2]) Grothe. Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. Berlin. 1875. p. 96. 222.

[3]) Brandt. Gesch. der französischen Handelspolitik. p. 52—54 Malvezin. Histoire du commerce de Bordeau. T. III. p. 59.

мыми вслѣдствіе дождливой погоды, вывозъ саксонскихъ товаровъ сокращался, но какъ только это препятствіе устранялось, онъ возобновлялся съ новой силой [1]). Основанныя Фридрихомъ Великимъ мануфактуры также сильно страдали отъ иностранной конкурренціи, несмотря на существованіе цѣлой массы запрещеній и покровительственныхъ пошлинъ. Шелковая промышленность, на развитіе которой онъ обращалъ особенное вниманіе, вынуждена была вести сильную борьбу съ контрабандным ввозомъ иностранныхъ товаровъ. Особенно опасна была конкурренція ліонской промышленности, ибо въ годы застоя въ сбытѣ товаровъ во Франціи, издѣлія ліонской шелковой промышленности ввозились въ Пруссію и продавались здѣсь по пониженнымъ цѣнамъ [2]). „Въ Австріи — говоритъ Бэръ — вслѣдствіе неудовлетворительной таможенной охраны, контрабанда процвѣтала, и цѣлыя кипы актовъ о контрабандномъ ввозѣ товаровъ, относящіяся къ XVIII вѣку, даютъ лучшее представленіе о значительности ввоза товаровъ въ эту эпоху, чѣмъ оффиціальныя таблицы того времени, составленныя на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ. Вся изобрѣтательность правительства, направленная къ уничтоженію ввоза иностранныхъ товаровъ, не могла помочь горю, ибо контрабандистамъ всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшіе „подарки“, смотрѣли на ихъ продѣлки сквозь пальцы [3]).

Такимъ образомъ, не только въ сферѣ торговли колоніальными товарами и другими предметами сырья, [4]) но и въ области промышленности контрабандный ввозъ являлся весьма важнымъ коррективомъ монопольной системы, усвоенной государствомъ. И здѣсь съ переходомъ отъ городского хозяйства къ хозяйству народному или территоріаль-

---

[1]) Bein. Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. Leipzig. 1884 p. 90–99.

[2]) Hintze. Die preussische Seidenindustrie des 18. Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. 1893. p. 41. Schmoller. Die preuss. Seidenindustrie und ihre Begründung durch Friedrich den Grossen. Umrisse und Untersuchungen. p. 544, 550, 553 556.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der Oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. T. I. Wien. 1894. p. 78.

[4]) См. выше, стр. 487.

ному монополія не только потеряла въ своей интенсивности, вслѣдствіе допущенія конкурренціи внутри государства, но и вообще не имѣла уже той силы, какъ прежде, такъ какъ преграды, которыя ставились ввозу товаровъ, при замѣнѣ городскихъ таможенъ государственными, обходились безъ большихъ затрудненій. [1]).

Расширеніе рынка сбыта и усиленіе конкурренціи въ торговлѣ вызвало паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, правда не абсолютное пониженіе цѣнъ, но относительное. Абсолютно цѣны на всѣ товары, въ томъ числѣ и на произведенія промышленности, въ XVI—XVII ст., подъ вліяніемъ паденія цѣнности денегъ, сильно возросли, но цѣны промышленныхъ издѣлій понизились, какъ по сравненію съ цѣнами другихъ товаровъ, такъ и по сравненію съ издержками, затрачиваемыми на производство этихъ издѣлій, съ цѣнами сырья. Во время всеобщаго повышенія уровня цѣнъ, подъ вліеніемъ паденія цѣнности денегъ, цѣны на фабрикаты значительно отстали отъ всѣхъ другихъ цѣнъ, вслѣдствіе сильной конкурренціи на рынкѣ,—произошло, слѣдовательно, именно то явленіе, какое мы называемъ паденіемъ цѣнъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. „Переворотъ въ цѣнахъ—говоритъ Вибе—состоялъ не только въ томъ, что цѣны сильно повысились, но и въ томъ, что измѣнилось соотношеніе между различными категоріями цѣнъ и соотношеніе между товарными цѣнами и заработной платой“ [2])

Прежде всего надо имѣть въ виду, что цѣны на промышленныя издѣлія начали возрастать позже, чѣмъ цѣны

---

[1]) Въ средніе вѣка приходилось контролировать товары при ввозѣ ихъ въ городъ, въ XVII—XVIII ст. контроль производился при ввозѣ въ страну, но пограничная черта была нерѣдко очень значительна и поэтому контроль сильно затруднялся. Далѣе, въ средніе вѣка зорко слѣдилъ за ввозомъ каждой категоріи товаровъ тотъ цехъ, который пользовался монополіей въ данной отрасли производства, не допуская ввоза запрещенныхъ товаровъ и контролируя ввозъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной. Въ XVII—XVIII ст. этого надзора со стороны цеховъ уже не было и быть не могло, правительственные чиновники, заступившіе ихъ мѣсто, не были заинтересованы въ той мѣрѣ, какъ цехи, въ стѣсненіи ввоза товаровъ въ страну и ихъ нетрудно было подкупить.

[2]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. Leipzig. 1896. p. 148.

всѣхъ другихъ товаровъ. „До половины XVI вѣка увеличивались только однѣ цѣны на сельскохозяйственные продукты, но послѣ 1550 года это повышательное движеніе приняло болѣе общій характеръ, постепенно распространяясь на всѣ товары. Въ 1551—1570 гг. (для Эльзаса и Франціи—въ 1551—1575 гг.) еще не успѣли вздорожать только слѣдующіе товары: воскъ, восковыя свѣчи, нѣкоторые виды рыбъ, металлическія издѣлія, издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ, бумага, наконецъ, большинство южныхъ плодовъ и винный уксусъ“ [2]). Въ Эльзасѣ цѣны на нѣкоторые сорта полотна и сукна и на издѣлія изъ свинца повысились лишь въ XVII вѣкѣ [3]). Въ XVI вѣкѣ, въ особенности въ первой половинѣ его, цѣны промышленныхъ издѣлій даже упали сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ онѣ стояли во второй половинѣ XV вѣка. Особенно понизилась въ цѣнѣ бумага; лишь около 1700 года цѣна бумаги снова достигла той высоты, на которой находилась въ 1500 году [4]). Цѣны остальныхъ фабрикатовъ послѣдовали въ XVII вѣкѣ за общимъ повышательнымъ движеніемъ цѣнъ. Однако и въ этотъ періодъ онѣ возросли несравненно менѣе, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще. Сильнѣе всего повысились цѣны на сельскохозяйственные продукты, въ особенности цѣны на хлѣбъ. Въ томъ же размѣрѣ или немного меньше чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще, возросли цѣны на дрова, уголь, соль, руду и строительные матеріалы. Менѣе всего вздорожали, какъ въ Эльзасѣ, такъ и въ Англіи издѣлія текстильной промышленности, металлическія издѣлія, южные плоды и пряности [1]). Такимъ образомъ, фабрикаты относятся къ той группѣ товаровъ, на которой паденіе цѣнности денегъ отразилось менѣе всего. Цѣна хлѣба до конца XVII вѣка повысилась въ Нормандіи почти на 500 проц., въ Англіи на 350 проц., въ Эльзасѣ на 240 проц., въ Парижѣ, Иль де Франсѣ и Дофине на 200 проц.; въ Саксоніи на 170 проц. и въ Орлеанѣ на 240 проц.; въ такомъ же размѣрѣ возросли цѣны и на другіе сельскохозяйственные

---

[2]) Ibid. p. 148.

[3]) Ibid p. 372—3. Tab. 521.
Wiebe, p. 128—130.

[1]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII Jahrh. p. 159—160.

продукты [1]). Цѣны же промышленныхъ издѣлій увеличились слѣдующимъ образомъ. Цѣна желѣза повысилась въ Англіи на 50 проц., во Франціи на 100 проц., въ Орлеанѣ на 80 проц., въ Мюнстерѣ на 30 проц. Полотно вздорожало въ Англіи на 60—70 проц., въ Эльзасѣ на 110—120 проц. Цѣны на сукно, въ особенности на низшіе сорта его, сохранили и въ XVII вѣкѣ свой прежній уровень, средніе сорта нѣсколько вздорожали и лишь сукно лучшаго качества повысилось на 150 проц., сравнительно съ цѣной 1500 года. Зато сапожный и башмачный товаръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличился въ цѣнѣ почти на 300 проц. [2]).

Еще любопытнѣе другое обстоятельство, именно то, что цѣны на сырье значительно возросли по сравненію съ цѣнами фабрикатовъ. „Промышленныя издѣлія — говоритъ Вибе — сравнительно очень мало повысились въ цѣнѣ и всегда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ сырые матеріалы, изъ которыхъ они произведены. Это относится равнымъ образомъ и къ сальнымъ и восковымъ свѣчамъ и къ издѣліямъ изъ желѣза и свинца и, наконецъ, къ произведеніямъ текстильной промышленности“ [3]). Цѣны на сало и сальныя свѣчи повсюду понижаются въ началѣ XVI вѣка, затѣмъ онѣ возрастаютъ; однако, повышеніе цѣнъ на свѣчи начинается въ Мюнстерѣ, Эльзасѣ и Англіи лишь въ половинѣ XVI вѣка, а въ Орлеанѣ еще позже, наоборотъ, возрастаніе цѣнъ на сало происходитъ еще до 1520 года и къ 1560 году оно составляетъ уже 69 проц., въ то время, какъ цѣна сальныхъ свѣчей въ томъ же Мюнстерѣ и за тотъ же періодъ увеличивается всего на 45 проц. Въ Мюнстерѣ и въ Саксоніи цѣны на сало возрастаютъ въ томъ же размѣрѣ, какъ цѣны на скотъ; наоборотъ, цѣна сальныхъ свѣчей нигдѣ не достигаетъ цѣны скота“ [4]). Точно также и соотношеніе между желѣзомъ и желѣзными издѣліями измѣнилось къ невыгодѣ фабрикатовъ: первое вздорожало въ Англіи до 1582 года на 78 проц., вторыя всего на 12 проц. [5]). „Цѣна на свинецъ стала возрастать въ Мюнстерѣ съ 1540

[1]) Wiebe, p. 116—117.
[2]) Ibid. p. 125—6, 129—30, 228.
[3]) Ibid. p. 239.
[4]) Ibid. p. 122, 369 таб. 519.
[5]) Ibid. p. 375, таб. 522.

года, въ Англіи съ 1550 года, причемъ она увеличилась въ Мюнстерѣ до 1560 года на 30 проц., въ Англіи въ теченіе двухъ столѣтій на 100 проц. Издѣлія изъ свинца вздорожали въ Англіи нѣсколько менѣе, а въ Эльзасѣ, въ Орлеанѣ и во Франціи они начали повышаться въ цѣнѣ лишь съ конца XVI и даже съ начала XVII вѣка, причемъ въ Эльзасѣ это повышеніе равнялось 50 проц., а во Франціи оно было совсѣмъ незначительно“ [1]). Что касается далѣе цѣнъ на башмаки, то—какъ указываетъ Вибе—хотя опредѣлить возрастаніе ихъ съ точностью крайне трудно, но все же нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно было очень значительно; однако—прибавляетъ онъ—есть основаніе предполагать, что это повышеніе было меньше, чѣмъ одновременное увеличеніе цѣнъ на сырье (на кожи и шкуры), ибо уровень послѣднихъ поднялся въ это время въ очень сильной степени [2]). Если, наконецъ, сравнимъ цѣны на шерсть съ цѣнами сукна, то снова убѣдимся въ томъ, что цѣны фабрикатовъ отстали отъ цѣнъ на сырые матеріалы. Въ Англіи за періодъ 1500—1582 гг. шерсть вздорожала на 38 проц., сукно всего на 6 проц., во Франціи при сравненіи періода 1576—1600 гг. съ періодомъ 1451—1500 гг. получается вздорожаніе шерсти на 86 проц., сукна же на 29 проц., а при сравненіи конца XVII вѣка съ тѣмъ же концомъ XV вѣка оказывается, что шерсть попрежнему стоила на 86 проц., сукно же на 72 проц. дороже [3]).

Столь значительная перемѣна въ соотношеніи между цѣнами промышленныхъ издѣлій и цѣнами сырыхъ матеріаловъ, вызванная усиленіемъ конкурренціи при продажѣ фабрикатовъ и расширеніемъ рынка сбыта послѣднихъ, привела къ увеличенію расходовъ на матеріалъ и къ уменьшенію той части цѣны, которая представляла собою прибыль и заработную плату. Новыхъ изобрѣтеній, которыя бы уменьшили необходимое въ производствѣ рабочее время и сократили процессъ производства, въ интересующій насъ періодъ почти не было, во всякомъ случаѣ они еще не примѣнялись, за исключеніемъ развѣ производства издѣлій изъ бумажной массы. Да и

---

[1]) Ibid. p. 125—6.
[2]) Ibid. p. 119, 239, 392, таб. 519 и прим. 16.
[3]) Ibid. p. 375—8, таб. 522 и 524.

кромѣ того, какъ справедливо указываетъ тотъ же Вибе, для этого періода, въ противоположность нашему времени, характерно то, что новыя усовершенствованія въ техникѣ производства распространялись крайне медленно, почему тѣ немногія техническія улучшенія, которыя были сдѣланы въ этомъ періодѣ, стали примѣняться въ промышленности значительно позже [1]). А разъ условія производства почти не измѣнились, между тѣмъ какъ расходы, затрачиваемые на пріобрѣтеніе сырья, значительно возросли, то очевидно, что либо прибыль, либо заработная плата или, наконецъ, и та, и другая должна была сократиться. Пострадала главнымъ образомъ заработная плата; что же касается прибыли, то если она и понизилась на каждую единицу товара, то зато въ суммѣ увеличилась, ибо производство значительно расширилось [2]). Совершился во всякомъ случаѣ одинъ весьма важный фактъ, значительно измѣнившій характеръ прибыли: возникновеніе конкурренціи при сбытѣ промышленныхъ издѣлій, сопровождавшееся паденіемъ цѣнъ на эти предметы, по сра-

---

[1]) Wiebe p. 242. См. также т. II, гл. I.

[2]) Въ базельской шелковой промышленности случай, гдѣ 16 человѣкъ работаютъ на одного скупщика, составляетъ въ 1599 г. еще рѣдкость; въ 1646 г. установленъ уже максимумъ станковъ, могущихъ работать на одного скупщика, въ 50 (15 въ городѣ и 35 въ окрестныхъ селахъ). Geering. p. 604. Въ шелковой промышленности г. Ліона въ XVIII вѣкѣ на каждаго скупщика приходилось 20—30 ткацкихъ станковъ, 8—14 мастеровъ и 35—50 рабочихъ вообще, считая въ томъ числѣ подмастерьевъ, учениковъ и всѣхъ другихъ лицъ, помогавшихъ мастеру. (Godart. L'ouvrier en soie. T. I. Lyon. 1899. p. 20—26). Въ г. Седанѣ (въ XVIII ст.) было 25 предпринимателей, на которыхъ работало свыше десяти тысячъ человѣкъ. (Germain Martin. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. Paris. 1900. p. 259). См. также Haebler. Spaniens wirtschaftliche Blüte. p. 67. Въ Ноттингемѣ въ 1750 г. на 50 скупщиковъ работало 1200 чулочно-вязальныхъ станковъ. (Mantoux. La révolution industrielle. p. 45). Въ Нидерландахъ, впрочемъ, предпріятія были весьма небольшихъ размѣровъ: въ суконной промышленности г. Дельфта въ 1652 г. насчитывалось 69 скупщиковъ и 256 кустарей-рабочихъ, въ 1654 г. первыхъ 72 и послѣднихъ 226 и въ 1656 г. 93 и 246; въ Эйпенѣ (Лимбургъ) находимъ въ половинѣ XVIII вѣка 50 предпринимателей-суконщиковъ, на которыхъ работало 340 станковъ, въ Годимонъ — 22 предпринимателя и 285 станковъ. (Pringsheim. Wirtschaftliche Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im 17.—18. Jahrh. p. 29-30. Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle. Mémoires de l'académie royale de Belgique. T. LXIII. p. 30.).

вненію съ издержками производства, привело къ исчезновенію той части прибыли, которую ранѣе уплачивалъ потребитель. Утративъ, подъ вліяніемъ конкурренціи свое монопольное положеніе по отношенію къ потребителю, продавецъ вынужденъ былъ довольствоваться той частью прибыли, которая получалась отъ труда рабочаго, и всѣ его усилія были направлены теперь къ возможно большему увеличенію этой прибыли, доставляемой рабочимъ. Онъ имѣлъ полную возможность достигнуть своей цѣли,—вслѣдствіе превращенія ремесла въ домашнюю или кустарную промышленность.

III

Послѣдствіемъ переворота въ области обмѣна товаровъ и торговой политики, послѣдствіемъ замѣны мѣстнаго рынка болѣе обширнымъ рынкомъ былъ не менѣе крупный переворотъ въ промышленности. Въ средніе вѣка господствующей формой производства было цеховое ремесло. Ремесленникъ былъ одновременно и предпринимателемъ и рабочимъ. Ему принадлежала, и мастерская, и матеріалъ, и орудія производства. Вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками онъ изготовлялъ продуктъ и самъ же сбывалъ его на мѣстномъ рынкѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, измѣнилось оно лишь въ одномъ отношеніи,—ремесленникъ пересталъ сбывать продукты своего труда потребителю или по крайней мѣрѣ онъ самостоятельно сбывалъ лишь незначительную часть изъ числа изготовленныхъ имъ товаровъ. Всѣ или бо́льшую часть ихъ онъ продавалъ скупщику, въ однихъ случаяхъ получая у него цѣну за готовый продуктъ. въ другихъ случаяхъ обрабатывая его матеріалъ за поштучную плату. Всѣ остальныя условія нисколько не измѣнились. Мастеръ попрежнему работалъ у себя на дому съ подмастерьями и учениками, собственными инструментами, да и матеріалъ часто принадлежалъ ему. Перемѣна произошла, слѣдовательно, лишь въ конечной стадіи процесса производства, въ сбытѣ; но эта на первый взглядъ незначительная перемѣна знаменовала собою крупный переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ положеніи мастера. Изъ самостоятельнаго ремесленника, работавшаго для потребителя, онъ превратился въ зависимаго кустаря, производив-

шаго продукты для скупщика, который явился посредникомъ между производителемъ и потребителемъ: скупщикъ доставлялъ на рынокъ пріобрѣтенные у кустаря продукты и входилъ въ сношенія съ потребителемъ.

Переворотъ совершался весьма медленно; лишь постепенно ремесло превратилось въ кустарную промышленность, но зачатки послѣдней относятся еще къ средневѣковому періоду. „Главное зло средневѣковой цеховой организаціи— говоритъ Стида—состояло въ томъ, что она стѣсняла производство и ничего не дѣлала въ смыслѣ облегченія сбыта. Изо-дня въ день изготовлялись товары однимъ и тѣмъ же способомъ и всякое уклоненіе отъ установленныхъ правилъ строго преслѣдовалось. Ремесленнику запрещалось выдѣлывать даже такое количество издѣлій, какое онъ въ состояніи былъ произвести; и несмотря на узкія границы, которыя ставились производству, изготовлялось повидимому все-таки чрезмѣрно много продуктовъ. Цѣлый рядъ цеховыхъ правилъ былъ вызванъ именно желаніемъ сократить число ремесленниковъ, уменьшить конкурренцію среди нихъ, ибо она еще болѣе затрудняла бы сбытъ товаровъ, еще большее количество ремесленниковъ вынуждено было бы дѣлить между собою сравнительно очень ограниченный рынокъ сбыта [1]). Нѣкоторыя ремесла, въ которыхъ производство сильно превышало спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями, стали прибѣгать къ сбыту своихъ издѣлій внѣ города, на ярмаркахъ. Такъ поступали золотыхъ дѣлъ мастера, ткачи, портупейные мастера Кельна, Любека, Нюрнберга, золингенскіе ножевщики и оружейники, брюссельскіе перчаточники, сапожники, оружейные мастера [2]). На ярмарки отправлялись конечно далеко не всѣ мастера, а лишь немногіе изъ нихъ, ибо не могъ же весь цехъ бросать работу и совершать путешествія, отнимавшія въ тѣ

---

[1]) Stieda. Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. XXXIX). Leipzig. 1889. p. 156.

[2]) Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. B. XIV. p. 1055. Ennen-Eckertz. Geschichte Kölns. B. III. p. 721. Thun. Die Industrie am Niederrhein. Leipzig. 1879 B. II. p. 9 и сл Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle. p. 181. 210.

времена очень много времени. Тѣ изъ ремесленниковъ, которые занимались сбытомъ товара на ярмаркахъ, закупали у остальныхъ произведенныя ими издѣлія и сбывали ихъ вмѣстѣ съ собственными на свой страхъ и рискъ. Въ другихъ случаяхъ ремесла, для которыхъ мѣстный рынокъ являлся слишкомъ стѣснительнымъ, продавали часть своихъ продуктовъ купцамъ. Въ ганзейскихъ городахъ — Любекѣ, Люнебургѣ, Грейфсвальдѣ, Гамбургѣ янтарные цехи, цехи бочаровъ, оловянниковъ изготовляли часть своихъ издѣлій по заказу иногородныхъ купцовъ [3]). Этими обоими путями ремесло должно было перейти постепенно въ кустарную форму производства. До тѣхъ поръ, пока лишь небольшая часть продуктовъ изготовлялась для вывоза, ремесло еще не измѣняло своего характера; но чѣмъ больше становилось это количество, чѣмъ большее значеніе пріобрѣтало производство для сбыта внѣ города, сравнительно съ производствомъ для мѣстнаго рынка, тѣмъ болѣе возрастала и зависимость ремесленника отъ внѣшняго рынка, отъ лица, скупавшаго его издѣлія, тѣмъ скорѣе совершался переходъ къ кустарной промышленности.

Подобная форма производства шла рѣшительно въ разрѣзъ со средневѣковыми воззрѣніями, согласно которымъ цеховой мастеръ самъ же и долженъ былъ сбывать производимые имъ товары на рынкѣ и отнюдь не могъ работать по заказу другого цехового мастера, а тѣмъ менѣе по заказу купца, вовсе не принадлежащаго къ ремесленному цеху. Поэтому въ Шалонѣ уже статутъ 1247 года запрещаетъ цеховымъ мастерамъ раздавать работу на домъ другимъ лицамъ [1]). Въ статутѣ бочаровъ г. Висмара 1346 года и г. Данцига XV вѣка сказано, что бочарамъ воспрещается скупать бочки у другихъ бочаровъ или изготовлять ихъ по заказу другихъ бочаровъ [2]). Въ Констанцѣ въ XIII вѣкѣ запрещено ткачамъ покупать полотняныя издѣлія, купцы же могутъ пріобрѣтать ихъ лишь на рынкѣ; первымъ по-

[3]) Stieda. Die deutsche. Hausindustrie. p. 116—120. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. p. 82 и сл. Krause. Die ältesten Zunfturkunden der Stadt Greifswald. 1898, p. 23, 25 и др. Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. № 7.

[1]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. p. 367.

[2]) Stieda. Deutsche Hausindustrie. p. 120.

становленіемъ предотвращалось скупаніе цеховыми ремесленниками товаровъ у своихъ собратьевъ, вторымъ—производство на дому по заказу купца [1]).

Если несмотря на эти запрещенія производства для сбыта внѣ города, уже въ XIII вѣкѣ на ярмаркахъ встрѣчаются издѣлія текстильной промышленности, а въ XIV—XV ст. и продукты другихъ отраслей производства, то это является результатомъ распространенія кустарной промышленности въ селахъ, гдѣ цеховъ не существовало и, слѣдовательно, производство для сбыта на ярмаркахъ ничѣмъ не стѣснялось. „Не только въ текстильной промышленности—говоритъ Инама-Стернеггъ,—но и въ желѣзодѣлательномъ и горшечномъ производствѣ, въ промыслахъ обработки дерева и обжиганія кирпичей, мы въ XIV—XV ст. встрѣчаемъ нерѣдко сельскихъ жителей, работающихъ не только для своихъ помѣщиковъ, но и для сбыта; во многихъ случаяхъ эти промыслы распространялись на значительномъ пространствѣ и становились важнымъ источникомъ заработка для населенія, хотя и производились одновременно съ земледѣліемъ“ [2]). Лампрехтъ указываетъ въ особенности на металлургическую промышленность, гдѣ въ мѣстностяхъ, богатыхъ рудой, производство сельскихъ жителей для домашнихъ потребностей еще въ средніе вѣка превратилось въ сельскую кустарную промышленность. Продукты сбывались либо самими же производителями, либо другими лицами, стоявшими въ соціальномъ отношеніи на той же ступени, сбывались посредствомъ разноснаго торга [3]).

Города противились возникновенію кустарной формы производства въ своихъ стѣнахъ; но еще болѣе они стѣсняли ввозъ произведенныхъ внѣ города фабрикатовъ. Поэтому и для продуктовъ, изготовленныхъ въ селахъ, рынокъ сбыта былъ сильно ограниченъ: кромѣ ярмарокъ сбытъ былъ открытъ лишь въ не-европейскія страны, на Востокъ. Вслѣдствіе этого, возникновеніе кустарной промышленности

---

[1]) Gothein p. 519.

[2]) Inama-Sternegg. B. III. T. 2. p. 13—14. Schmoller. Tucher-und Weberzunft p. 362 и сл. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien B. I, p. 115. 119, 128.

[3]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. Freiburg. 1903, p. 293—294.

въ средніе вѣка было крайне затруднено. Оно облегчалось лишь въ одномъ случаѣ. Какъ мы уже указывали выше, въ исключительныхъ случаяхъ города допускали свободный ввозъ промышленныхъ издѣлій, именно тогда, когда какая-либо страна, мѣстность или городъ пользовались фактической монополіей въ производствѣ тѣхъ или другихъ издѣлій и не было возможности вызвать оттуда ремесленниковъ соотвѣтствующей спеціальности; при такихъ обстоятельствахъ приходилось допускать ввозъ продуктовъ данной отрасли производства [1]). Та мѣстность, гдѣ сосредоточивалось производство этихъ издѣлій, имѣла, слѣдовательно, возможность производить не только для мѣстныхъ потребителей, но и на вывозъ, для болѣе или менѣе обширнаго рынка, и здѣсь-то уже въ средніе вѣка возникалъ классъ скупщиковъ, сбывавшихъ изготовленные мастерами продукты въ другихъ городахъ и странахъ. Въ XIII и первой половинѣ XIV ст. такой фактической монополіей въ производствѣ тонкихъ сортовъ сукна, крашеныхъ суконъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ пользовались фламандскіе города Брюгге, Гентъ, Ипръ, Сентъ-Омеръ, Дуэ [2]), въ XIV и первой половинѣ XV вѣка итальянскіе города Флоренція, Венеція, Миланъ, а также нѣкоторые брабантскіе города, въ особенности Брюссель. Итальянскіе города, сначала Лукка, а затѣмъ

[1]) См. стр. 316. 319.

[2]) Въ дошедшихъ до насъ торговыхъ книгахъ средневѣковыхъ купцовъ стоитъ на первомъ планѣ торговля фламандскимъ сукномъ, къ которому присоединяется отчасти брабантское, а позже и англійское сукно. И любекскій купецъ Виттенборгъ, и гамбургскій купецъ Гельдерсенъ, и ростокскій купецъ Тельнеръ—всѣ они (XIV вѣкъ) торгуютъ прежде всего фламандскимъ сукномъ. Точно также въ торговыхъ книгахъ аугсбургскаго купца Рунтингера (1383—1407) и нюрнбергскаго купца Ульриха Старка (1426—1435) на первомъ мѣстѣ стоитъ покупка и продажа нидерландскихъ суконъ. Наконецъ, и тевтонскій орденъ, который велъ значительныя торговыя операціи, въ особенности съ Фландріей, вывозилъ оттуда прежде всего сукно. См. Mollwo. Das Handlungsbuch von Hermann und Johann Wittenborg. p. LXX. Nirrnheim. Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. p. LXIV и сл. Ebner. Ein Regensburger kaufmännisches Hauptbuch. p. 9. (Verhandlungen des historischen Vereins der Oberpfalz und von Regensburg. B. XLV). Stieda въ Abhandl. der königl. preuss. Akademie der Wissenschaften. 1902. Sattler. Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte. Hansische Geschichtsblätter. 1879. p. 66—69.

Венеція и Генуя обладали также монополіей производства шелковыхъ матерій въ теченіе всего средневѣковья [1]), а въ Миланѣ, Бресчіи и Толедо изготовлялось оружіе, въ особенности золоченое оружіе, выдѣлка котораго также была неизвѣстна другимъ странамъ. Наконецъ, ремесла Нюрнберга производили цѣлый рядъ металлическихъ издѣлій, которыя не изготовлялись въ другихъ городахъ, а Ульмъ былъ до XVI вѣка почти единственной мѣстностью, гдѣ выдѣлывались бумажныя ткани. Въ этихъ и только въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ въ средніе вѣка кустарную форму производства. Во фламандской шерстяной промышленности цѣлая масса мастеровъ работаетъ на немногихъ купцовъ, которые распространяютъ издѣлія по всей Европѣ; у себя на дому, при помощи одного—двухъ подмастерій, эти мелкіе мастера обрабатываютъ принадлежащій скупщику матеріалъ [2]). Въ брабантскихъ городахъ производство шляпъ, перчатокъ, готоваго платья, оружія и прочихъ металлическихъ издѣлій находилось въ рукахъ самостоятельныхъ ремесленниковъ; въ области же шерстяной промышленности рабочіе на дому производили товары по заказу скупщика-предпринимателя. Въ противоположность всѣмъ другимъ отраслямъ производства, эта промышленность работала для иностраннаго рынка, ткани сбывались въ Шампани и въ Англіи, куда мастера не въ состояніи были отправляться, вслѣдствіе дальности разстояній [3]). Еще болѣе развитую форму кустарной промышленности представляетъ собою производство шерстяныхъ и шелковыхъ матерій въ итальянскихъ городахъ: скупщики держатъ въ своихъ рукахъ всю промышленность [4]). Наиболѣе крупные купцы и банкиры прини-

---

[1]) См. напр. Franz Ebner. Ein Regensburger kaufmännisches Hauptbuch aus den Jahren 1383—1407, p. 8—9, а также Schulte. l. e.

[2]) Espinas. Jehan Boine Broke. Bourgeois et drapier Douasien. Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. II. 1904. p. 54 и сл. 80 и сл. 85 и сл. Pirenne, Geschichte Belgiens. Gotha. 1899—1902. B. I. p. 304—308. B. II. p. 69—84. Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch. XIV. p. 1057—58. Tucher-und Weberzunft. p. 367.

[3]) Des Marez. p. 182—188, 209—210.

[4]) См. Doren. Die Florentiner Wollentuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrhundert. Stuttgart. 1901. Ajano. Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgange des Mittelalters. Stuttgart. 1893. Sieveking

мают̀ живое участіе въ торговлѣ этими товарами [1]). Наконецъ, и оружейное производство Милана, а также выдѣлка металлическихъ издѣлій въ Нюрнбергѣ и хлопчатобумажная промышленность Ульма имѣютъ форму кустарнаго производства [2]).

Въ другихъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства въ теченіе всего средневѣковья сохранялось ремесло. Наиболѣе твердо оно стояло въ сѣверо-германскихъ, ганзейскихъ городахъ, гдѣ товары изготовлялись для вывоза лишь въ исключительныхъ случаяхъ, огромная же масса продуктовъ предназначалась для мѣстныхъ потребителей. Нѣсколько ближе къ характеру кустарной промышленности подходило производство текстильныхъ издѣлій въ южно-германскихъ и сѣверо-французскихъ городахъ въ XV вѣкѣ, хотя и здѣсь (Констанцъ, Равенсбургъ, Аугсбургъ, Парижъ, Нормандія) не менѣе значительную роль играло все еще производство для мѣстнаго потребленія и мастера-ткачи работали не только по заказу купцовъ и другихъ мастеровъ, но и для мѣстнаго рынка; особаго класса скупщиковъ еще не существовало, онъ едва только зарождался, и цехи еще довольно успѣшно боролись съ новой формой производства [3]). Наконецъ, и во Фландріи и Брабантѣ кустарная промышленность существовала лишь въ XIII и первой половинѣ XIV ст., въ эпоху расцвѣта суконной промышленности; вскорѣ начался упадокъ этой отрасли производства и вывозъ сильно сократился: Нидерланды уступили свое мѣсто сначала итальян-

---

Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrhundert. Schmollers Jahrbuch. 1897. B. XXI. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs. p. 129. 132—133. 137. 581. Ковалевскій, т. III. стр. 117—129.

[1]) Schulte. Der mittelalterliche Handel und Verkehr. I. p. 126. 272. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV siècle. p. 86. Sieveking. Die Handelsbücher der Medici. p. 9. 45. 47 и др. (Sitzungsber. der kais. Akademie der Wissensch. in Wien. Philos.-hist. Klasse B. CLI).

[2]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. p. 44 и сл. Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. Leipzig. 1890. Schulte. p. 149. 569.

[3]) Schulte. p. 603 — 608 и др. Schmoller. Tucher — und Weberzunft. p. 411 и сл. Fagniez. Etudes sur l'industrie à Paris au XIII et au XIV siècle. Paris. 1887. Gothein. p. 519 и сл. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. p. 176. 181—2. 185. 224—27.

скимъ городамъ, а затѣмъ Англіи [1]). Въ Англіи съ конца XIV вѣка появляется классъ сукнодѣловъ—предпринимателей, которые становятся посредниками между производителями сукна и потребителями, и съ половины XV вѣка кустарная форма производства постепенно совсѣмъ вытѣсняетъ ремесло [2]). Во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства послѣднее, однако, и въ Англіи сохраняетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, въ одной только Италіи уже въ средніе вѣка господствовала кустарная промышленность въ городахъ, во всѣхъ другихъ странахъ она только едва-едва зарождалась и лишь въ Англіи уже въ XV вѣкѣ вылилась въ опредѣленную, рѣзко отличающуюся отъ ремесла, форму производства. XVI и XVII ст., наоборотъ, сильно благопріятствовали превращенію ремесла въ кустарную промышленность. Мѣстный рынокъ замѣнился болѣе обширнымъ рынкомъ; оказалось возможнымъ производить товары для вывоза. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и потребность въ сбытѣ на иногородніе рынки, ибо съ возрастаніемъ промышленнаго населенія, съ появленіемъ цѣлаго ряда новыхъ категорій лицъ, занимающихся промыслами, производство далеко опередило спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями [3]). Появились и капиталы, пріобрѣтенные въ торговлѣ съ Востокомъ и со вновь открытыми землями. Наконецъ, посѣщеніе отдаленныхъ рынковъ самими производителями для сбыта товаровъ оказывалось еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно

---

[1]) Barlet. Histoire du commerce et de l'industrie en Belgique. Malines. 1885. p. 90 и сл. Pirenne. II. p. 486 и сл. Des Marez. p. 496 и сл.

[2]) Эшли, стр. 490. и сл. Lohmann. Staatliche Regelung der englischen Wollindustrie im XV—XVIII Jahrh. p. 6, 11 и сл.

[3]) Въ Страсбургѣ ткачи, изготовляющіе саржу, уже въ 1537—1541 гг. не находятъ сбыта для своихъ издѣлій, и такъ какъ они очень бѣдны и не въ состояніи ждать болѣе благопріятнаго времени, то они обращаются къ купцамъ и всячески упрашиваютъ ихъ купить произведенные ими продукты. Въ прусской шелковой промышленности и въ производствѣ чулочнаго товара ощущается постоянный недостатокъ въ скупщикахъ. Австрійскіе камералисты XVII ст. Бехеръ и Гернигкъ, вовсе не относящіеся дружелюбно къ купцамъ, считаютъ ихъ все-таки весьма необходимыми для правильной организаціи сбыта промышленныхъ издѣлій. Stieda. Hausindustrie. p. 126. 129. Zimmermann. Leinengewerbe. p. 16. Sehmoller. Preussische Seidenindustrie. p. 540—44. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. XI. p. 812.

было раньше, ибо къ прежнимъ неудобствамъ присоединилось еще новое крайне важное обстоятельство: появившаяся конкурренція требовала большей подвижности въ сбытѣ товаровъ, большаго умѣнья сообразоваться со спросомъ. [1]). Поэтому прежняя организація сбыта оказалась устарѣвшей и непригодной: при усилившейся конкурренціи производство для вывоза могло быть выгоднымъ лишь въ томъ случаѣ, если сбытъ производился людьми опытными, знакомыми съ состояніемъ рынка и съ требованіями покупателей. Цеховой мастеръ не былъ въ состояніи приноровиться къ измѣнившимся условіямъ, ибо главнымъ его занятіемъ попрежнему было изготовленіе товаровъ; торговля составляла лишь побочное занятіе. Для того, чтобы оказаться наравнѣ съ современнымъ уровнемъ требованій, чтобы обнаружить необходимую энергію, онъ долженъ былъ совершенно прекратить производство и заняться исключительно сбытомъ промышленныхъ издѣлій, превратиться въ торговца. Но за торговлю могли взяться лишь немногіе изъ цеховыхъ мастеровъ, лишь тѣ изъ нихъ, которые обладали коммерческими способностями и успѣли уже раньше составить себѣ из-

[1]) Весьма любопытный примѣръ торговца, придерживавшагося уже новаго принципа—побивать своихъ конкуррентовъ дешевизной товаровъ, представляетъ собою базельскій купецъ Перецъ, переселившійся туда въ 1568 году изъ Антверпена и основавшій шелковую промышленность въ Базелѣ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ большой кругъ потребителей и заставилъ мѣстныхъ торговцевъ понизить цѣны и прибыль до минимума. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали и нѣкоторые другіе купцы, переселившіеся въ Базель изъ Нидерландовъ и Италіи. Между тѣмъ мѣстные торговцы стояли на прежней средневѣковой точкѣ зрѣнія, находя, что надо брать не количествомъ, а высокой цѣной и лучше продавать попрежнему мало, но пріобрѣтать высокую прибыль на каждой единицѣ товара, чѣмъ сбывать ихъ дешевле, но въ большомъ количествѣ и выручать въ суммѣ болѣе значительную прибыль. Поэтому то низкія цѣны Переца и приводили ихъ въ сильное негодованіе. Намъ извѣстны—говорятъ они—аугсбургскіе, нюрнбергскіе, страсбургскіе купцы, которые покупаютъ товары въ Италіи тамъ же, гдѣ и Перецъ, и несмотря на то, что эти купцы закупаютъ товары оптомъ, они не въ состояніи ихъ сбывать столь же дешево, какъ Перецъ. Что же касается продажи сукна, то мѣстные купцы совершенно не въ состояніи конкуррировать съ нимъ. Онъ продаетъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ дешево и долженъ при такихъ цѣнахъ безусловно нести убытки. (Geering. p. 458 и слѣд.). См. также ниже, V.

вѣстный капиталъ. Всѣ остальные мастера стали кустарями-рабочими, производившими для тѣхъ мастеровъ, которые посвятили себя торговому дѣлу и переставшими самостоятельно сбывать продукты своего труда. Въ другихъ случаяхъ сбытъ промышленныхъ издѣлій переходилъ въ руки купца, который въ средніе вѣка преимущественно, даже почти исключительно, торговалъ сырьемъ, но теперь сталъ сбывать также и фабрикаты; мастера работали по его заказу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мастера сохранили за собой лишь изготовленіе товаровъ.

Такимъ образомъ, произошла существенная перемѣна: съ одной стороны производитель отдѣлился отъ продавца, что раньше соединялось въ одномъ лицѣ, а съ другой стороны—образовалась связь между торговлей и промышленностью. Скупщикъ—предприниматель совершенно отдѣляется отъ мастера-кустаря, онъ принадлежитъ къ другому классу, къ купеческому. Онъ самъ уже не работаетъ, продуктовъ не производитъ. Въ противоположность доходу цехового ремесленника, въ составъ котораго входила, и заработная плата, и прибыль, доходъ скупщика состоитъ изъ одной прибыли, доходъ работающаго на него кустаря изъ одной лишь заработной платы. Прибыль отдѣлилась отъ заработной платы.

IV.

Средневѣковые цеховые уставы требовали отъ мастера, чтобы онъ самостоятельно сбывалъ произведенные имъ издѣлія. На этой точкѣ зрѣнія цеховые статуты стояли нерѣдко и впослѣдствіи. И даже поскольку они постепенно признавали совершившуюся въ характерѣ промышленности перемѣну, они разрѣшали цеховымъ мастерамъ работать лишь на другихъ мастеровъ, но ни въ какомъ случаѣ не по заказу купцовъ. Цехи еще долго придерживаются принципа, что только лицо, входящее въ составъ цеха, можетъ сбывать изготовленные цеховыми мастерами товары. Между ними и купцами происходитъ постоянная борьба, которая составляетъ одно изъ наиболѣе любопытныхъ явленій въ исторіи развитія кустарной промышленности. Она оканчивается побѣдой купцовъ: послѣ продолжительной борьбы послѣднимъ удается добиться равноправія съ цеховыми мастерами въ отношеніи

сбыта промышленныхъ издѣлій. Лишь съ этихъ поръ совершается полное отдѣленіе капитала отъ труда, прибыли отъ заработной платы.

Въ приведенныхъ нами выше статутахъ бочаровъ Висмара и Данцига XIV и XV ст. еще вовсе запрещается сбывать товары черезъ посредство другихъ лицъ. Но въ статутѣ бочарнаго цеха г. Люнебурга 1430 г. запрещеніе скупать бочки относится лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя не принадлежатъ къ бочарному цеху и не занимаются производствомъ товаровъ, т.-е. только къ купцамъ, но не распространяется на цеховыхъ мастеровъ [1]). Въ Нюрнбергѣ, гдѣ кустарная форма производства (въ области производства металлическихъ издѣлій) существовала уже въ средніе вѣка, мы еще въ половинѣ XVI ст. находимъ постановленіе, по которому мастерамъ цеха, изготовляющаго инструменты, запрещается давать другимъ мастерамъ работу для выдѣлки или окончанія товара, подъ страхомъ наказанія въ размѣрѣ двухъ фунтовъ. Зато въ статутахъ мѣднокотельнаго цеха 1540 г. и позолотнаго цеха 1566 г. допускается производство издѣлій для другого мастера; нельзя работать лишь по заказу купца [2]). Въ Парижѣ въ XVI вѣкѣ могли брать работу на домъ по заказу другихъ мастеровъ только тѣ ремесленники, которые обѣднѣли и вынуждены были стать простыми рабочими. Статутъ 1575 года гласитъ: „никто изъ ремесленниковъ не можетъ производить товаровъ внѣ своего дома; исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если по заказу мастера работаетъ обѣднѣвшій ремесленникъ, который не имѣетъ средствъ держать собственную мастерскую: въ этомъ случаѣ можно давать ему работу, чтобы онъ могъ снискивать себѣ пропитаніе“ [3]). Эти обѣднѣвшіе ремесленники и явились, очевидно, первыми кустарями. Лишь впослѣдствіи къ болѣе состоятельнымъ мастерамъ, на которыхъ они работали, присоединились и купцы.

Въ Вюртембергѣ статутъ 1536 года запрещаетъ лицамъ, не занимающимся выдѣлкой шерстяныхъ издѣлій и не со-

---

[1]) Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. B. I. 1883. Stieda. p. 120.

[2]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. p. 47, 161.

[3]) Hauser. p. 86.

стоящимъ мастерами шерстяного цеха, торговать сукномъ и давать заказы другимъ мастерамъ. Купцы, однако, обходили это постановленіе. Они ссужали мастеровъ деньгами съ тѣмъ, чтобы послѣднія возвращались имъ въ формѣ сукна. Пришлось признать, что подобнаго рода ссуды вызываются бѣдностью ткачей, и допустить эти операціи, если онѣ производятся туземными, а не иностранными купцами. Такимъ образомъ, уже въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка купцамъ удалось получить въ свои руки торговлю шерстяными издѣліями [1]). Въ итальянскомъ городѣ Торно это совершилось еще въ XV вѣкѣ подобнымъ же путемъ, первоначально ткачи уплачивали за полученную отъ купца шерсть не деньгами, а матеріей, изготовленной изъ этой шерсти [2]). Въ Пруссіи, въ Галле цехъ ножевщиковъ разрѣшаетъ въ концѣ XVII вѣка своимъ членамъ сбывать товары болѣе состоятельнымъ мастерамъ; на послѣднихъ могутъ работать не только подмастерьи, но и мастера, не имѣющіе заработка, Относительно купцовъ ничего не сказано. Мыловарамъ же запрещено работать по заказу послѣднихъ, а магдебургскій статутъ 1714 года разрѣшаетъ мастерамъ-чулочникамъ производить товаръ лишь для тѣхъ лицъ, которыя сами занимаются этимъ промысломъ. Тѣмъ не менѣе—говоритъ Шмоллеръ—устранить совершенно торговыхъ посредниковъ, противъ которыхъ было направлено это постановленіе, не удавалось [3]). И въ чулочномъ производствѣ Эрлангена (Баварія) имѣлось такое постановленіе и оно сохранилось еще въ 1730 году; однако въ XVIII вѣкѣ право торговли было распространено и на тѣхъ, кто хотя пересталъ заниматься производствомъ товаровъ, но сохранилъ за собой званіе цехового мастера. „Отсюда — прибавляетъ Стида—былъ, конечно, всего одинъ шагъ до допущенія въ число скупщиковъ лицъ, которыя вовсе никогда не занимались промысломъ“ [4]). Въ ліонской шелковой промышленности это совершилось въ XVII вѣкѣ. Ордонансъ 1619 года

[1]) Stieda. Hausindustrie. p. 143 и сл.

[2]) Schulte p. 581—582.

[3]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. B. XI. p. 38, 50.

[4]) Schanz. Zur Geschichte der Kolonisation und Industrie in Franken. Erlangen. 1884. B. II. p. 272 и сл.

еще запрещалъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ цеху мастеровъ, заниматься сбытомъ шелковыхъ тканей. Но въ 1667 году всѣ купцы, торговавшіе этими издѣліями, были приняты въ составъ корпораціи мастеровъ и, слѣдовательно, этимъ окольнымъ путемъ пріобрѣли, какъ право торговли шелковыми издѣліями, такъ и право изготовленія ихъ [1]).

Особенно любопытенъ переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности и образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ послѣднее находилось въ рукахъ нѣсколькихъ цеховъ, изъ которыхъ каждый изготовлялъ извѣстную часть предмета. Дѣло въ томъ, что къ концу среднихъ вѣковъ возникъ новый видъ раздѣленія труда, Produktionsteilung по терминологіи Бюхера [1]). Процессъ производства одного и того же товара, сосредоточенный первоначально въ рукахъ одного мастера, въ одной мастерской, сталъ распредѣляться между нѣсколькими мастерскими, между различными предпріятіями; изъ одного цеха образовалось нѣсколько. Они всѣ работали надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, распредѣляя между собою различныя стадіи производства. Такъ, въ шерстяной промышленности существовали цехи прядильщиковъ, ткачей, валяльщиковъ, стригалей, красильщиковъ, въ кожевенной—работа распредѣлялась между цехомъ кожевниковъ, цехомъ скорняковъ и цехомъ сапожниковъ; въ производствѣ ножей и холоднаго оружія желѣзо обрабатывается сначала кузнецомъ, затѣмъ закаливальщикомъ и шлифовщикомъ; далѣе оно поступаетъ къ мастеру, выдѣлывающему эфесы и ножны и, наконецъ, къ сборщику оружія. Конечно, далеко не повсюду существовала такая масса спеціальностей, но два—три мастера обыкновенно распредѣляли между собой работу и въ шерстяной промышленности, и въ производствѣ металлическихъ издѣлій. Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ цеховъ, обыкновенно тотъ цехъ, который производилъ конечныя операціи, захватывалъ въ свои руки сбытъ готовыхъ издѣлій и постепенно превращался въ корпорацію скупщиковъ, прекращая мало-по-малу изготовленіе товаровъ.

Остановимся прежде всего на производствѣ металличе-

[1]) Godart. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. Etude historique, économique et sociale. T. I. 1899. p. 91.

скихъ издѣлій. Оно дастъ намъ ясную картину возникновенія кустарной промышленности.

Въ производствѣ холоднаго оружія въ Золингенѣ, извѣстномъ центрѣ оружейной промышленности, мастера дѣлились на три цеха: на кузнецовъ, на закаливальщиковъ и шлифовщиковъ и на мастеровъ, выдѣлывавшихъ ножны (швертфегеровъ) и собиравшихъ готовыя части оружія (рейдеровъ). Оружіе являлось только тогда годнымъ для употребленія, когда оно успѣло уже пройти чрезъ руки мастеровъ всѣхъ трехъ цеховъ, лишь послѣ того, какъ швертфегеръ изготовилъ ножны и рейдеръ составилъ оружіе. И де тѣхъ поръ, пока оно не было готово, оно не могло поступить въ продажу, ибо кузнецамъ было запрещено сбывать клинки въ необдѣланномъ видѣ, въ видѣ „черныхъ клинковъ", иначе слѣдующіе за ними работники лишались бы заработка. Такимъ образомъ, кузнецы были вынуждены сбывать всѣ свои издѣлія рейдерамъ для окончательной отдѣлки. Зависимость ихъ отъ послѣднихъ была тѣмъ сильнѣе, что только мастерамъ цеха, изготовлявшаго ножны и составлявшаго оружіе, было дозволено уѣзжать въ другія мѣстности, тогда какъ остальные цехи давали клятву не покидать Золингена, чтобы не выдавать секретовъ производства. Шлифовщики и закаливальщики уже въ XV вѣкѣ превратились изъ самостоятельныхъ мастеровъ въ наемныхъ рабочихъ, постепенно становились рабочими и кузнецы. Такъ какъ рейдеры съ одной стороны имѣли право разъѣзжать, а съ другой стороны къ нимъ поступали всѣ части оружія для сборки и окончательной отдѣлки, то и вся торговля должна была сосредоточиваться въ ихъ рукахъ. Монополизировавъ торговлю оружіемъ, они постепенно превращались изъ ремесленниковъ въ купцовъ. „Первоначально купцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками—говоритъ Тунъ—и возвратившись съ ярмарки, снова принимались за составленіе оружія и выдѣлываніе ноженъ; они были такими же членами цеха, какъ и всѣ остальные, хотя и болѣе состоятельными, болѣе уважаемыми, и подчинялись тѣмъ же самымъ статутамъ. Но чѣмъ болѣе расширялась торговля Золингена, чѣмъ болѣе отдѣльные купцы, болѣе энергичные, болѣе бе-

[1]) См. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. Art. Arbeitsteilung.

режливые и имѣвшіе большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой дѣятельности, тѣмъ болѣе они выдѣлялись въ самостоятельный классъ купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ремесленная форма производства постепенно переходитъ въ кустарную. Все рѣже и рѣже кузнецы сами сбываютъ мечи, все болѣе общимъ становится явленіе, что они работаютъ, какъ и другіе ремесленники, по заказу купцовъ; послѣдніе принимаютъ на себя поставку желѣза, стали и другихъ матеріаловъ“ [1]).

Подобнымъ же образомъ совершился процессъ превращенія ремесла въ кустарную промышленность въ ножевомъ производствѣ Золингена. „До тѣхъ поръ, пока форма ножей была очень несложна—читаемъ у Туна—и главное вниманіе обращалось на клинокъ, могли дѣйствительно существовать ножевщики въ томъ смыслѣ, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно и выковывалъ ножъ, и отдѣлывалъ и собиралъ его; только для шлифованія онъ отдавалъ его на сторону. Когда же въ XVI вѣкѣ появились болѣе разнообразные сорта ножей и форма ихъ стала сложнѣе, тогда увеличилось раздѣленіе труда, возросло количество рабочихъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда было появленіе новаго элемента въ процессѣ производства, элемента, руководившаго всѣмъ процессомъ и соединявшаго выдѣлываемыя въ различныхъ мастерскихъ части ножа въ одно цѣлое—это былъ такъ называемый Fertigmacher. Онъ покупалъ у мастеровъ, производившихъ клинки и ободки для складныхъ ножей, у мастеровъ выдѣлывавшихъ рукоятки и оправы, ихъ издѣлія, непродаваемыя каждое въ отдѣльности, и составлялъ изъ нихъ цѣльные ножи. Такъ какъ среди этихъ рабочихъ было много бѣдныхъ людей, не имѣвшихъ средствъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ, то Fertigmacher'ы закупали оптомъ матеріалы, доставляли ихъ рабочимъ и поручали имъ производство отдѣльныхъ операцій. Такимъ образомъ, въ ножевомъ промыслѣ уже въ XVI вѣкѣ начинается переходъ отъ ремесла къ домашней промышленности; самостоятельные но-

---

[1]) Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. T. II. Die Industrie des bergischen Landes. p. 7—12.

жевщики обращаются постепенно въ наемныхъ рабочихъ“ [1]).

Въ Тюрингіи, именно въ Рулѣ ножевщики также первоначально составляли одинъ цехъ и одинъ и тотъ же мастеръ производилъ весь продуктъ. Когда въ началѣ XVII вѣка мастера, отдѣлывавшіе клинки, отдѣлились отъ кузнецовъ и между тѣми и другими установилось раздѣленіе труда, послѣдніе очутились въ зависимости отъ первыхъ. Въ качествѣ мастеровъ, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства, отдѣлыватели занимались сбытомъ ножей и изъ нихъ образовался постепенно классъ скупщиковъ. Къ концу XVII вѣка скупщики состояли изъ прежнихъ отдѣлывателей, къ которымъ присоединились розничные торговцы. Кузнецы стали наемными рабочими. [2]).

Точно также и въ иголочномъ промыслѣ Швабаха въ Баваріи классъ скупщиковъ образовался изъ среды мастеровъ, дававшихъ окончательную отдѣлку продукту. Еще въ XVIII вѣкѣ скупщики занимались закаливаньемъ и шлифованьемъ иголокъ и булавокъ, которыя поступали къ нимъ въ полуобработанномъ видѣ: они же сортировали и упаковывали товаръ [3]).

Что касается желѣзнаго промысла въ Бирмингамѣ и Шеффильдѣ и ихъ окрестностяхъ (производство мелкаго желѣзнаго, отчасти и мѣднаго, товара: ножей, ножницъ, топоровъ, молотковъ и другихъ инструментовъ, холоднаго оружія, гвоздей, замковъ, металическихъ табакерокъ, застежекъ для башмаковъ, пуговицъ и т. п.), произведенія котораго славились въ XVII—XVIII ст., то трудно сказать, изъ какой именно категоріи ремесленниковъ образовался классъ скупщиковъ. Извѣстно лишь, что и здѣсь скупщики произошли изъ прежнихъ мастеровъ. Большинство послѣднихъ всегда опасалось перепроизводства, между тѣмъ не рѣшалось посылать свои издѣлія въ другія мѣстности, на неизвѣстные рынки, тѣмъ болѣе, что это было сопряжено съ большими усиліями и расходами, Лишь немногіе изъ нихъ, болѣе состоятельные

---

[1]) Thun. II. p. 24 и сл.

[2]) Sax. Die Hausindustrie in Thüringen. T. II. Ruhla und das Eisenacher Oberland. Jena. 1884.

[3]) Schanz. Kolonisation und Industrie in Franken. p. 300 и сл.

и болѣе предпріимчивые, рѣшались вступить въ непосредственныя сношенія съ Лондономъ и даже съ рынками на континентѣ Европы. Они то и превратились въ купцовъ, которые и въ Шеффильдѣ и въ Бирмингамѣ стали необходимымъ элементомъ въ производствѣ. Въ XVII — XVIII ст. все производство покоилось на заказахъ купцовъ и мастеръ находился въ полномъ подчиненіи у скупщика. Во многихъ случаяхъ купецъ доставлялъ и сырье, обрабатываемое мастеромъ, и послѣдній, будучи съ виду самостоятельнымъ призводителемъ, въ дѣйствительности былъ ничѣмъ инымъ, какъ рабочимъ, получавшимъ поштучную плату и пользовавшимся собственными орудіями производства [1]).

Переходимъ къ развитію кустарной промышленности изъ ремесла въ текстильномъ производствѣ.

Въ области шерстяной промышленности раздѣленіе труда въ концѣ среднихъ вѣковъ развилось еще болѣе, чѣмъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій и каждое изъ ремеслъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ, могло превратиться въ корпорацію скупщиковъ. Но и здѣсь преобладающее положеніе заняли, повидимому, тѣ мастера, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства. Шмоллеръ указываетъ на то, что и въ Шампани, и въ Провансѣ, и въ Аміенѣ прежніе сукновалы и шерстобитчики превратились въ богатыхъ суконщиковъ-торговцевъ. Сукновалъ является центромъ всего производства, на него работаютъ, и прядильщица, и ткачъ, и всѣ остальные ремесленники. Тѣмъ, что сукно проходило чрезъ руки сукноваловъ послѣ всѣхъ другихъ, Эшли объясняетъ то обстоятельство, что терминъ „суконщикъ“ (drapier), первоначально употребляемый для обозначенія всѣхъ тѣхъ, кто производилъ сукно или торговалъ имъ, сталъ впослѣдствіи синонимомъ валяльщика. Можетъ быть это надо объяснять иначе, тѣмъ, что валяльщики первоначально были и красильщиками, какъ это было въ Страсбургѣ, между тѣмъ какъ ткачамъ запрещалось заниматься крашеніемъ суконъ и они вскорѣ стали наемными рабочими; крашеніе сукна

[1]) Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. Essai sur le commencement de la grande industrie moderne en Angleterre. Paris. 1906. p. 273 и сл. 279—280.

являлось однимъ изъ важнѣйшихъ конечныхъ процессовъ производства, и какъ мы увидимъ ниже, въ другихъ странахъ скупщики выходили изъ красильнаго цеха [1]).

И по отношенію къ Англіи Эшли полагаетъ, что отдѣлыватели сукна стали первыми суконщиками. Вмѣсто того, чтобы ждать, пока потребитель принесетъ имъ кусокъ сукна для стрижки или отдѣлки, валяльщики могли находить болѣе выгоднымъ для себя покупать сукно у ткача, самимъ отдѣлывать его и сбывать на рынкѣ. Эшли выставляетъ и другую гипотезу: скупщиками могли стать торговцы шерстью, которые имѣли уже извѣстный коммерческій опытъ и обладали нѣкоторымъ капиталомъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что впослѣдствіи значительная, пожалуй даже большая часть скупщиковъ состояла изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ ремеслу, и есть основаніе думать, что это были главнымъ образомъ купцы, торговавшіе шерстью. Къ серединѣ XVI вѣка эти чуждые ремеслу элементы встрѣчались уже въ большомъ количествѣ. Однако, трудно предполагать, чтобы первоначально скупщики вышли изъ ихъ среды, ибо не только производство, но и сбытъ шерстяныхъ издѣлій запрещался всѣмъ тѣмъ, кто не прошелъ семилѣтняго ученичества и не изучилъ производства сукна надлежащимъ образомъ.

Этого принципа англійское законодательство придерживается и впослѣдствіи очень долго, съ нѣкоторыми, правда, отступленіями; хотя на практикѣ эти мѣры встрѣчаютъ все большее и большее противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, а съ конца XVI и начала XVII ст. соотвѣтствующіе законы повидимому уже почти не исполняются. Борьба изъ-за обязательности семилѣтняго срока ученичества для скупщиковъ—сукнодѣловъ и есть ничто иное, какъ борьба за допущеніе въ число скупщиковъ лицъ, не входящихъ въ составъ ремесленныхъ корпорацій, т.-е. купцовъ. Законъ 1552 года—первый законъ объ обязательности семилѣтняго ученичества, распространяющійся на все государство, — упоминаетъ лишь о ткачахъ, изъ чего можно

---

[1]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 410 и сл. Эшли, стр. 481 и сл. Fagniez. Etudes sur l'industrie à Paris au XIII—XIV siècle. p. 339.

[2]) Эшли, стр. 482—83.

было бы вывести, что для скупщиковъ (clothier) этотъ законъ не является обязательнымъ. Однако, изъ закона, изданнаго годъ спустя, видно, что законъ предыдущаго года относился и къ нимъ, ибо въ законѣ 1553 года говорится, что много суконщиковъ, занимавшихся суконнымъ производствомъ въ теченіе пяти—шести лѣтъ, вынуждено было оставить это занятіе къ ихъ великому обѣднѣнію и къ крайнему разоренію множества ткачей, валяльщиковъ, красильщиковъ и сукностриговъ, которые, благодаря этимъ суконщикамъ, добывали себѣ пропитаніе. Поэтому законъ 1553 года отмѣняетъ предыдущій законъ, поскольку онъ касался городовъ и тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ ранѣе производились широкіе сорта сукна. Прежнее постановленіе распространялось такимъ образомъ и на суконщиковъ-предпринимателей и теперь оно сохранило свою силу лишь для суконщиковъ, проживающихъ въ селахъ. Однако законъ 1557 года возобновилъ это постановленіе: семилѣтній срокъ ученичества снова становится обязательнымъ не только для ткачей, но и для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя заказываютъ пряжу и выдѣлку тканей другимъ лицамъ. Въ этомъ видѣ обязательность семилѣтняго ученичества сохранилась и впослѣдствіи, хотя въ послѣдующихъ законахъ о ней вовсе не упоминается: въ то время, какъ всѣ другіе вопросы регулируются цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій, о семилѣтнемъ ученичествѣ нѣтъ вовсе рѣчи. Можно поэтому предполагать, что въ концѣ концовъ перестали совершенно примѣнять эту мѣру и купцы безпрепятственно становились скупщиками. Только по отношенію къ новымъ отраслямъ шерстяной промышленности, возникшимъ при Елисаветѣ (new drapery), въ законѣ 1662 года говорится, что никто не можетъ заниматься производствомъ этихъ издѣлій или заказывать выдѣлку ихъ другимъ лицамъ, если онъ не отбылъ семилѣтняго ученичества; виновный въ нарушеніи этого постановленія подвергается штрафу въ 5 ф. ст., а по закону 1724 года штрафу въ 10 ф. ст. [1]).

Гораздо легче прослѣдить образованіе класса скупщиковъ-предпринимателей въ баденской и вюртембергской тек-

[1]) Cunningham. Growth of English Industry and Commerce. II. 38 и сл. 354 и сл. Lohmann. p. 22 и сл. Эшли. стр. 505 и сл.

стильной промышленности. Если по отношенію къ французскому и англійскому шерстяному производству трудно установить съ точностью, откуда вышли скупщики, то для Германіи несомнѣнно, что ремесленники, производившіе конечные процессы труда, именно красильщики, захватили въ свои руки сбытъ шерстяныхъ, полушерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій и превратили другихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ отъ нихъ наемныхъ рабочихъ. Въ Констанцѣ уже въ XV вѣкѣ одинъ красильщикъ (Ulrich im Holtz) пытался стать скупщикомъ-предпринимателемъ. Онъ покупалъ и заказывалъ въ Констанцѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, самъ и чрезъ посредниковъ, пряжу оптомъ и по частямъ, затѣмъ раздавалъ ее въ различныхъ мѣстностяхъ для выдѣлки тканей. Произведенное полотно онъ уже самъ красилъ, отдѣлывалъ и доставлялъ на рынокъ. По требованію ткацкаго цеха ему было запрещено въ 1423 году покупать и заказывать пряжу въ Констанцѣ и его окрестностяхъ на разстояніи двухъ миль отъ города. Однако, пріобрѣтенную въ другихъ мѣстахъ пряжу онъ попрежнему могъ раздавать ткачамъ для обработки ея согласно его указаніямъ. Въ 1435 году онъ обанкротился и бѣжалъ изъ Констанца [1]).

То, что не удалось въ Констанцѣ, могло быть гораздо легче достигнуто въ Пфорцгеймѣ. Здѣсь превращеніе отдѣлывателя шерстяныхъ матерій въ скупщика-капиталиста было лишь вопросомъ времени. Окрашиваніе издѣлій имѣло здѣсь большое значеніе и сбытъ ихъ на рынкѣ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ ихъ внѣшняго вида. Искустный красильщикъ становился мало-по-малу руководителемъ въ процессѣ производства. Онъ закупалъ тонкую шерсть, отдавалъ ее ткачамъ для обработки, себѣ же оставлялъ окраску матерій [2]).

Въ XVII вѣкѣ первенствующую роль въ области производства гладкихъ неворсованныхъ шерстяныхъ матерій занималъ вюртембергскій городъ Кальвъ съ его окрестностями. „Образовавшійся здѣсь классъ скупщиковъ — говоритъ Трельтшъ—состоялъ изъ различныхъ элементовъ, но очень скоро среди нихъ стала выдѣляться одна категорія скупщи-

[1]) Gothein. I. p. 523.
[2]) Ibid. p. 552 и слѣд.

ковъ — красильщики. Не только коммерческія способности, но и техника выдѣлки матерій имѣла большое значеніе для заграничнаго экспорта. Наиболѣе важную роль играли тѣ скупщики, которые знали секретъ новыхъ способовъ окраски тканей. Капиталисты старались усвоить себѣ эту технику и это удалось имъ тѣмъ легче, что красильное производство еще нигдѣ почти не было организовано въ цехи. Мы находимъ здѣсь—продолжаетъ онъ—тотъ же процессъ развитія, что и въ Золингенѣ, гдѣ мастера, производившіе холодное оружіе и ножи, очутились въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя отдѣлывали товаръ, соединяли отдѣльныя части его вмѣстѣ и получали продуктъ, годный для сбыта". И впослѣдствіи скупщики, превратившіеся сначала въ красильный цехъ, а затѣмъ въ торговую компанію, попрежнему продолжали производить окраску сукна, такъ что въ Кальвѣ (какъ и въ иголочномъ производствѣ Швабаха) они еще надолго остались и мастерами, хотя характеръ ихъ организаціи былъ уже чисто коммерческій, и рабочіе находились въ полной зависимости отъ компаніи скупщиковъ и сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировались ею [1]).

Въ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ отрасляхъ промышленности классъ скупщиковъ образовался преимущественно изъ прежнихъ (цеховыхъ) ремесленниковъ; купцы присоединились къ нимъ, повидимому, лишь впослѣдствіи, когда ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность и лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы имъ удавалось проникнуть въ среду скупщиковъ, а въ иныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже, они и вовсе не добились этой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не долго удержались въ разъ завоеванной позиціи. Но рядомъ съ этими промыслами мы находимъ и другія отрасли промышленности, гдѣ сбытъ всегда находился въ рукахъ купцовъ. Здѣсь большею частью купцы, торговавшіе сырьемъ, занимались и сбытомъ фабрикатовъ. Такой характеръ имѣла шелковая промышленность и связанныя съ нею производ-

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. p. 20, 31, 55 и сл. Gothein. p. 686. Stieda. Die Calwer Zeughandlungskompagnie. Schmoller's Jahrbuch. B. XIII. p. 659 и сл. и Deutsche Hausindustrie. p. 140 и сл.

ства: золотошвейное, ленточное, позументное, бархатное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ промыселъ былъ организованъ въ цехи, онъ все-таки, повидимому, съ самаго начала имѣлъ форму кустарной промышленности. Это вызывалось, съ одной стороны, дороговизной сырыхъ матеріаловъ, а, съ другой стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстный рынокъ имѣлъ мало значенія, производство предназначалось для экспорта, ибо издѣлія этихъ отраслей производства служили потребностямъ однихъ только высшихъ классовъ, производились преимущественно для придворныхъ круговъ. Оба эти момента приводили къ тому, что производитель не могъ самостоятельно вести дѣла, а находился всегда въ зависимости отъ купца, который снабжалъ его сырьемъ и скупалъ у него изготовленные продукты. „Въ шелковой промышленности — говоритъ Гинце — купецъ игралъ съ самаго начала главную роль въ предпріятіи. Правда съ XIII до XVIII вѣка производство имѣло цеховую организацію, но количество самостоятельныхъ мастеровъ, производившихъ на собственный счетъ, было всегда невелико и они повсюду отступали на второй планъ. Вездѣ мы находимъ скупщиковъ-предпринимателей, съ одной стороны, и мастеровъ-рабочихъ, съ другой стороны; они либо составляютъ отдѣльныя корпораціи, либо соединяются вмѣстѣ въ болѣе или менѣе тѣсную организацію. Одни доставляютъ дорого стоющій матеріалъ, собственниками котораго они обыкновенно и остаются, другіе занимаются выдѣлкой фабрикатовъ изъ этого матеріала, большею частью за поштучную плату“ [1]).

Любопытно, что еще до XIII вѣка, именно въ концѣ IX. вѣка, мы находимъ въ Константинополѣ корпорацію купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, и корпорацію мастеровъ, производящихъ эти матеріи (вестіопраты и серикары), причемъ запрещается одновременно заниматься и промысломъ и торговлей [2]). Съ появленіемъ шелковой промышленности въ Европѣ, именно въ итальянскихъ городахъ въ XIII—XIV ст.—въ Луккѣ, Генуѣ, Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Болоньѣ,

[1]) Hintze. Die preussische Seidenindustrie des XVIII Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. B. XVII. p. 44.

[2]) Godart. L'ouvrier en soie. p. 87—89.

она повсюду съ самаго начала, повидимому, производилась кустарнымъ способомъ. Въ Луккѣ уже въ XIII вѣкѣ мастера обрабатывали для купцовъ доставляемый послѣдними матеріалъ [1]). Въ Генуѣ въ 1432 году образовался цехъ торговцевъ шелковыми тканями, которые отдѣлились отъ купеческой гильдіи; мастера раздѣлились на три цеха—прядильщиковъ, ткачей и красильщиковъ; всѣ они работали на купцовъ, которымъ принадлежалъ матеріалъ [2]).

Въ теченіе всего средневѣковья итальянскіе города пользовались монополіей въ области производства шелковыхъ тканей, они распространяли свои издѣлія по всѣмъ странамъ и извлекали изъ этого большую прибыль. Въ XVI вѣкѣ у нихъ появился конкуррентъ въ лицѣ Антверпена, а затѣмъ еще болѣе опасные соперники въ лицѣ Базеля и Цюриха, куда шелковая промышленность была занесена гугенотами, переселившимися изъ Голландіи, и итальянцами. Господствующей системой производства и здѣсь является кустарная. Изъ анкеты, произведенной въ Базелѣ въ 1599 году, мы можемъ усмотрѣть, въ какомъ положеніи находилась въ эту эпоху шелковая промышленность и связанныя съ ней отрасли производства. Изъ этой анкеты видно, что мастеровъ, производящихъ шелковыя и позументныя издѣлія и самостоятельно сбывающихъ ихъ на рынкѣ, почти не существуетъ. Мы находимъ либо капиталистовъ—предпринимателей, на которыхъ работаютъ другія лица у себя на дому, либо мастеровъ, которые находятся въ зависимости отъ этихъ скупщиковъ. Къ кустарямъ относятся переселившіеся въ Базель иностранцы—рабочіе въ числѣ 21 человѣка съ ихъ помощниками, изъ коихъ почти всѣ производятъ по заказу предпринимателя, а также мѣстные жители и другія лица. Среди 43 мастеровъ и 143 человѣкъ вообще, работающихъ въ шелковой промышленности, оказывается всего 10—12 ремесленниковъ, которые не работаютъ на другихъ лицъ и сами не заказываютъ никому товаровъ. Скупщики преимущественно занимаются коммерческими операціями, являясь либо розничными торговцами, либо посредниками между ними и

---

[1]) Ajano. Venetianische Seidenindustrie im Mittelalter. p. 26. Schulte. p. 137.
[2]) Sieveking. Genueser Seidenindustrie im XV—XVI Jahrh. p. 128.

мастерами [1]). Въ Цюрихѣ итальянцу Занино было разрѣшено производить бархатъ на 7 станкахъ; другимъ же итальянцамъ, переселившимся туда, дозволялось работать лишь на двухъ станкахъ. „Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, однако,—говорится въ постановленіи цюрихскаго магистрата 1568 года—производство бархата должно оставаться свободнымъ промысломъ, такъ что каждому, полноправный ли онъ или неполноправный гражданинъ города, мѣстный ли житель или иностранецъ, предоставляется скупать издѣлія у мастеровъ и заказывать имъ выдѣлку бархата“ [2]).

Съ начала XVII вѣка главнымъ центромъ шелковой, золотошвейной, бархатной промышленности становится Ліонъ. При сравнительно гораздо большемъ потребленіи шелка и бархата въ XVII и XVIII ст., чѣмъ въ настоящее время [3]), экспортъ въ другія страны долженъ былъ играть крайне важную роль въ ліонской промышленности. Поэтому рядомъ со скупщиками, пріобрѣтавшими издѣлія мастеровъ, работавшихъ на дому, существовали и крупныя комиссіонныя фирмы, которыя закупали у скупщиковъ товаръ оптомъ и распространяли его по всей Европѣ. Эти комиссіонныя операціи производились, какъ и слѣдовало ожидать, съ самаго начала купцами. Непосредственные же заказы мастерамъ и пріобрѣтеніе у нихъ матерій исходило отъ скупщиковъ, которые вплоть до XVII вѣка состояли главнымъ образомъ, повидимому, изъ лицъ, вышедшихъ изъ среды мастеровъ и попрежнему входившихъ въ составъ цеха. Лишь впослѣдствіи, когда и купцы были допущены въ цехъ мастеровъ, они захватили шелковую промышленность въ свои руки [4]).

Съ конца XVII вѣка и въ другихъ странахъ дѣлались попытки основать шелковую промышленность, которыя, однако, далеко не повсюду увѣнчались успѣхомъ. Въ Ни-

---

[1]). Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum XVII Jahrh. Cap. IX, p. 454 и сл.

[2]) Geering. p. 465—467. См. также Bürkli-Meyer. Geschichte der Züricher Seidenindustrie. Zürich. 1884.

[3]) Т. е. имѣя въ виду значительно меньшее потребленіе другихъ издѣлій промышленности въ тѣ времена.

[4]) Godart. L'ouvrier en soie, pass., а также Schmoller, preussische Seidenindustrie p. 549.

дерландахъ шелковая промышленность, перенесенная туда гугенотами, производилась, повидимому, преимущественно въ формѣ централизованныхъ мануфактуръ [1]). Но въ Пруссіи преобладало производство на дому. Въ Крефельдѣ шелковая промышленность была основана въ 1668 году переселившимся туда голландскимъ менонитомъ фонъ-деръ-Лейеномъ; послѣдній былъ купцомъ и торговалъ полотномъ, нюрнбергскими товарами, а также шелкомъ-сырцомъ, который онъ отдавалъ въ окраску въ Кельнѣ. Впослѣдствіи онъ сталъ раздавать въ Крефельдѣ шелкъ, а также отдавать внаймы ткацкіе станки для выдѣлки шелковыхъ тканей [2]). Въ Берлинѣ скупщики вышли изъ среды розничныхъ торговцевъ; послѣдніе поставляли шелкъ и стояли во главѣ всего производства. Самостоятельныхъ мастеровъ почти не существовало; почти всѣ они были наемными рабочими скупщиковъ, причемъ имѣли цеховую организацію [3]).

Вообще, какъ видно изъ всего изложеннаго, цеховая организація сохранилась и въ XVI—XVIII ст., и не только тамъ, гдѣ цехи существовали въ средніе вѣка, они не были уничтожены, но были введены и въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя зарождались вновь, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ раньше не существовало. Но сохранилась лишь форма, содержаніе же измѣнилось кореннымъ образомъ. Цехъ состоялъ уже не изъ самостоятельныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, а либо изъ мастеровъ-рабочихъ и мастеровъ-предпринимателей, либо только изъ первыхъ, тогда какъ вторые составляли особый цехъ, торговую компанію или иную корпорацію или, наконецъ, вовсе не имѣли корпоративнаго устройства. Конечно, мясники и булочники, сапожники и скорняки, плотники и каменьщики оставались попрежнему ремесленниками [4]), но зато важнѣйшія отрасли промышленности — обработка волокнистыхъ веществъ и металловъ, приняли кустарную форму производства, дру-

[1]) Pringsheim. Wirtschaftliche Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im XVII—XVIII Jahrh. Leipzig. 1890, p. 31 и сл.

[2]) Thun. Industrie am Niederrhein. B. I. Abschn. 2. Die linksrheinische Seiden-und Sammtindustrie. p. 86–88.

[3]) Schmoller. Die preussische Seidenindustrie im XVIII Jahrh. p. 547 и сл. Hintze. Schmoller's Jahrbuch. B. XVII.

[4]) См. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. p. 562—563

гіе менѣе важные промыслы имѣли смѣшанный характеръ, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ они производились, и отъ степени развитія раздѣленія труда [1]). Такимъ образомъ, ремесло перестало быть господствующей формой производства. Если неправильно мнѣніе, высказываемое иногда въ послѣднее время, что кустарная промышленность была значительно развита уже въ средніе вѣка, то еще менѣе можно согласиться съ болѣе старой теоріей, которая не проводитъ различія между ремесломъ и кустарной промышленностью, и придавая главное значеніе цеховой организаціи, называетъ и мастеровъ XVII—XVIII ст. ремесленниками. Чѣмъ основательнѣе и глубже изучается исторія промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ и странахъ, тѣмъ болѣе выясняется несостоятельность этого взгляда. „Хотя въ составъ цеховъ входили лишь привилегированные мастера — говоритъ Левассеръ по поводу французской промышленности XVIII вѣка,—но многіе изъ нихъ находились въ такомъ положеніи, которое нисколько не отличалось отъ соціальнаго положенія рабочаго-кустаря“ [2]). Жерменъ Мартенъ указываетъ на широкое распространеніе мелкихъ мастеровъ (въ особенности въ селахъ), работающихъ на скупщиковъ, во Франціи временъ Людовика XIV и XV, преимущественно въ области суконной, льняной, шелковой промышленности и въ кружевномъ промыслѣ [3]). Hauser утверждаетъ это и по отношенію къ французской промышленности XVI вѣка. „Во всѣхъ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ—говоритъ онъ—когда существовало два рода корпорацій, организація скупщиковъ и одинъ или нѣсколько цеховъ рабочихъ, заключались коллективные

---

[1]) Въ Шварцвальдѣ, напр., производство издѣлій изъ камня (гранита, агата, кристалла) и изъ стекла имѣло—первое уже въ XVI, второе въ XVIII ст.—характеръ кустарной промышленности, причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ классъ скупщиковъ образовался изъ мастеровъ, производившихъ окончательную отдѣлку издѣлій (гравировальщиковъ). Gothein, p. 555 и сл. 812 и сл.

[2]) Levasseur. T. II. p. 761. См. также d'Avenel. T. III p. 461 и Jaurès. La Constituante. (Histoire socialiste T. I.) p. 75.

[3]) Germain Martin. La grande industrie en France sous le régne de Louis. XIV. Paris. 1900. p. 232–243. 127–28, а также La grande industrie sous le règne de Louis XV. Paris. 1898. p. 17—18.

договоры между предпринимателями, съ одной стороны, и рабочими, съ другой стороны“ [1]). „Въ XV и XVI вѣкѣ, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ — читаемъ у Лампрехта въ его исторіи экономическаго и соціальнаго развитія Германіи— купцы большихъ городовъ вызываютъ къ жизни новыя отрасли кустарной промышленности, пользуясь тѣми зачатками, которые существовали въ селахъ уже въ предыдущія столѣтія среднихъ вѣковъ“ [2]). Шерстяная промышленность въ Нидерландахъ и въ Англіи представляла собою въ XVI—XVII ст. развитую форму кустарнаго производства; такой же характеръ имѣла въ Англіи шелковая и льняная промышленность, производство шапокъ, чулочный промыселъ и производство металлическихъ издѣлій въ XVII—XVIII ст. (замочный, слесарный, ножевой и гвоздарный промыселъ), отчасти также кожевенный промыселъ [3]) [4]). Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ мы вправѣ утверждать, что въ XVI—XVII ст. и уже во всякомъ случаѣ въ XVII—XVIII ст. не ремесло, а кустарная промышленность составляла господствующую форму производства.

V.

Съ возникновеніемъ кустарной промышленности рабочій классъ значительно расширился. Въ средневѣковомъ ремеслѣ классъ несамостоятельныхъ рабочихъ состоялъ почти исключительно изъ цеховыхъ подмастерьевъ. Въ XVI—

---

[1]) Hauser. Les ouvriers du temps passé. p. 66.

[2]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. (Wirtschaftsleben.—Soziale Entwicklung). Freiburg im Breisgau. 1903, p. 295, 297.

[3]) Lohmann. p. 10. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст. Москва. 1898, стр. 52—54. Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Спб. 1897. стр. 33. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881. p. 550—563.

[4]) Въ Швейцаріи—какъ указываетъ Шулеръ (Die schweizerische Hausindustrie. Zeitschrift für schweizerische Statistik. Jahrg. 1904)—не только въ крупныхъ отрасляхъ промышленности вродѣ цюрихской шелковой индустріи или сантъ-галленскаго льняного промысла, но и въ болѣе мелкихъ производствахъ, какъ напр. въ гларнскомъ промыслѣ аспидныхъ досокъ, грифелей и другихъ издѣлій изъ шифера, весьма рано совершился переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности; уже въ половинѣ XVII вѣка существовали особые предприниматели, экспортировавшіе сотни ящиковъ съ издѣліями изъ шифера въ Голландію и Англію.

XVIII ст. и прежніе самостоятельные мастера заняли такое же зависимое положеніе, какъ подмастерьи: они всѣ вмѣстѣ работали на скупщика. Что же касается прежнихъ несамостоятельныхъ рабочихъ—цеховыхъ подмастерьевъ и учениковъ, то съ возрастаніемъ населенія количество ихъ увеличилось. Парижскіе мастера имѣли въ концѣ XVI вѣка по 6 подмастерьевъ и болѣе, другіе старались брать поменьше подмастерьевъ, замѣняя послѣднихъ учениками, которыхъ работало въ мастерской 6—8, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже 16 человѣкъ [1]). Въ Пуату въ XVIII вѣкѣ на мастера въ текстильной промышленности приходилось въ среднемъ 7—8 подмастерьевъ, считая въ томъ числѣ прядильщицъ и чесальщицъ [2]). Статутомъ брюссельскихъ портныхъ максимальное количество подмастерьевъ, которое вправѣ держать мастеръ, опредѣлено въ 10 человѣкъ, для сапожниковъ статутомъ 1671 г.—въ 9 человѣкъ (въ томъ числѣ одинъ ученикъ), тогда какъ въ дѣйствительности число ихъ достигало двадцати [3]). Въ Голландіи въ XVII ст. количество подмастерьевъ доходило до 6—8 человѣкъ [4]). Столь же значительно было число подмастерьевъ и учениковъ въ Базелѣ, причемъ бо́льшая часть состояла изъ учениковъ [5]). Въ англійской шерстяной промышленности мастеръ имѣлъ отъ 2 до 7 подмастерьевъ. [6]).

Развивавшаяся съ XV вѣка кустарная промышленность нуждалась однако въ гораздо болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, чѣмъ то, которое входило въ составъ цеховъ. Хотя съ расширеніемъ рынка цехи потеряли свою монополію при сбытѣ товаровъ, хотя цеховые ремесленники и превратились въ зависимыхъ отъ скупщиковъ мастеровъ, но до тѣхъ поръ, пока все рабочее населеніе состояло изъ ограниченнаго количества лицъ, входившихъ въ составъ цеха, зависимость эта не могла быть значительна, ибо конкурренція среди рабочихъ была доведена до минимума. Лишь съ тѣхъ

[1]) Hauser. p. 34. 36.
[2]) Boissonade. II. p. 140.
[3]) Des Marez. p. 222.
[4]) Pringsheim. p. 29.
[5]) Geering. p. 500 и сл.
[6]) Lohmann. p. 1.

поръ, какъ въ XV—XVII ст. стали появляться новые элементы, работающіе по заказу скупщика, но не принадлежащіе къ цеху, цеховая организація потеряла свою силу, скупщики же пріобрѣли значительное количество новыхъ рабочихъ, давшее имъ возможность не только расширить производство, но и создать сильную конкурренцію среди рабочаго населенія и лишить цехи ихъ прежняго значенія.

Такимъ новымъ элементомъ явились прежде всего городскіе привилегированные мастера (Freimeister, Hoffbefreite, ouvriers suivant la cour, maîtres de lettres), число которыхъ и въ Пруссіи, и въ Австріи, и во Франціи достигаетъ уже въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ значительныхъ размѣровъ. Какъ указываетъ д'Авенель, во Франціи „исключенія“ по своей численности превышали „общее правило“ [1]), а въ Вѣнѣ въ 1734 г. изъ 7809 мастеровъ всего 2640 или третья часть были цеховыми [2]). [3]) Для развитія кустарной промыш-

---

[1]) d'Avenel. T. III. p. 456.

[2]) Max Adler. Gewerbepolitik in Oesterreich. p. 82—3.

[3]) Въ Любекѣ первые нецеховые мастера встрѣчаются въ 1519 году и съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается. (Wehrmann. p. 66) Въ Бременѣ первый сапожникъ, стоящій внѣ сапожнаго цеха, допущенъ городскимъ совѣтомъ въ 1600 году. (Böhmert. p. 90). Курфюрстъ Августъ Саксонскій въ 1576 г. заставляетъ цехъ, изготовляющій полотно, согласиться на то, чтобы одинъ мастеръ, не входящій въ составъ цеха, также занимался этимъ ремесломъ (Falke. Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirtsch. Beziehung. p. 346). Въ Штетинѣ городской совѣтъ съ половины XVI вѣка разрѣшаетъ мясникамъ и пекарямъ заниматься своимъ промысломъ въ качествѣ Freimeister'овъ и еще шире пользуется этимъ правомъ герцогъ, который съ начала XVI вѣка допускаетъ нецеховыхъ мастеровъ ко всевозможнымъ промысламъ и при томъ въ возрастающемъ количествѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были прежними слугами герцога, но бо́льшая часть состояла изъ мастеровъ или подмастерьевъ, переселившихся изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ и не принятыхъ въ цехи. Одни изъ нихъ пріобрѣтали привилегіи заниматься производствомъ товаровъ пожизненно, другіе даже съ правомъ передачи по наслѣдству сыну или зятю, наконецъ, третьи лишь на опредѣленное количество лѣтъ. При этомъ однако помогать имъ въ производствѣ могли только жена и дѣти; нерѣдко для нихъ былъ установленъ и особый максимумъ производства. Въ началѣ XVII вѣка мастера, получившіе отъ герцога привилегію на производство, называются придворными мастерами, придворными шорниками, стекольщиками, портными; они

ленности имѣютъ, впрочемъ, значеніе не столько эти мѣстные жители, пріобрѣвшіе привилегіи на занятіе промысломъ, сколько иностранцы, переселяющіеся въ XVII—XVIII ст. изъ

живутъ на тѣхъ улицахъ и частяхъ города, которыя подлежатъ суду герцога. Несмотря на то, что привилегированные мастера допускаются лишь съ начала XVI вѣка, уже въ 1548 году изъ нихъ образуется особый цехъ мясниковъ (Schlächter und Garbrater), а въ 1615 году привилегированные пекари (въ числѣ 13 мастеровъ и одной вдовы) организуются въ самостоятельный цехъ. (Blümcke p. 119—20). Во Франціи мы встрѣчаемъ ихъ прежде всего въ видѣ мастеровъ, купившихъ привилегію короля (lettre de maîtrise). Начиная со второй половины XV вѣка, короли по поводу особо торжественныхъ случаевъ, какъ напр. восшествіе на престолъ, рожденіе наслѣдника и т. под., выдаютъ за извѣстную плату патенты на занятіе тѣмъ или другимъ промысломъ, причемъ лицо, пріобрѣвшее такой патентъ, освобождается отъ вступительнаго взноса, пробной работы и т. д. Появившись первоначально въ небольшомъ количествѣ, число патентовъ съ теченіемъ времени возрастаетъ все болѣе и болѣе. Они выпускаются при всякомъ удобномъ случаѣ и всѣ принцы и принцессы получаютъ право выдавать ихъ при своемъ вступленіи въ бракъ, при рожденіи ихъ дѣтей, при пріобрѣтеніи ими какого-либо новаго титула. Въ XVI вѣкѣ опредѣляется по одному мастеру при каждомъ ремеслѣ и въ каждомъ городѣ, позднѣе по два, а при Людовикѣ XV выпускается даже по 8 патентовъ. Съ теченіемъ времени количество патентовъ до того увеличилось, что короли вынуждены были запретить цехамъ принимать въ свой составъ мастеровъ, пока патенты не раскуплены, а при выпускѣ новыхъ патентовъ приходилось уничтожать не разошедшіеся старые. Изъ этого можно убѣдиться, насколько значительна была конкурренція, причиняемая цехамъ этимъ путемъ. Цехи всячески протестовали противъ нея, преслѣдовали привилегированныхъ мастеровъ и старались посредствомъ вымогательства денегъ сократить ихъ число, когда же все это не помогало, они сами скупали всѣ патенты. Въ 1657 г. выпускъ патентовъ былъ временно прекращенъ и всѣ прежніе патенты были уничтожены, съ тѣмъ, чтобы каждый цехъ уплатилъ значительную сумму. Но въ виду того, что многіе изъ нихъ отказались, патенты спустя три года были вновь возстановлены и снова выпускались, когда являлся удобный для этого поводъ. Эти королевскіе мастера просуществовали вплоть до уничтоженіи цеховъ. Не меньшую конкурренцію цехамъ составляли придворные мастера (ouvriers suivant la cour), среди которыхъ лишь нѣкоторые дѣйствительно работали на короля и его семейство, большинство же являлись привилегированными мастерами, которые за уплату извѣстной суммы производили продукты для рынка, не будучи подчинены цеху. Людовикъ XI имѣлъ трехъ мастеровъ каждаго промысла, королева и дѣти короля также имѣли каждый своихъ придворныхъ мастеровъ.

различныхъ странъ и также получающіе привилегіи, которыя даютъ имъ право продолжать тѣ мастерства, которыми они занимались на родинѣ. Въ то время, какъ первые были большею частью самостоятельными ремесленниками [1]), французы (гугеноты), нидерландцы, итальянцы, переселяющіеся въ Пруссію, Австрію, Швейцарію, Англію и другія страны, становились либо скупщиками-предпринимателями и фабрикантами, либо фабричными рабочими и кустарями. Число кустарей среди нихъ было очень значительно. Какъ мы видѣли выше, въ базельской шелковой промышленности рабочіе-кустари состояли преимущественно изъ гугенотовъ и итальянцевъ и такой же контингентъ рабочихъ имѣли и другія отрасли базельской кустарной промышленности [2]). Въ Пруссіи гугеноты, какъ извѣстно, создали совершенно новую промышленность, отчасти въ формѣ централизованныхъ мануфактуръ, отчасти въ видѣ кустарнаго производства. Въ производствѣ шерстяныхъ матерій, въ чулочномъ и перчаточномъ промыслахъ, гдѣ кустарная промышленность была особенно широко распространена, рабочими-кустарями являлись переселенцы изъ Франціи,

---

При Людовики XII ихъ было 93 человѣка, при Франциске I1—60, Генрихъ IV въ 1606 г. удвоилъ ихъ число, Людовикъ XIII прибавилъ еще 40 и Людовикъ XIV также 40; въ 1712 г. ихъ насчитывалось 377 человѣкъ. Наконецъ, въ Парижѣ существовали т. наз. lieux privilégiés, гдѣ проживали мастера, не входившіе въ составъ цеховъ и не подлежавшіе цеховому надзору, но тѣмъ не менѣе пользовавшіеся правомъ не только производить товары, но даже принимать къ себѣ учениковъ, которые затѣмъ безпрепятственно становились мастерами. (Levasseur. T. I. p. 545—546. 623. T. II. 128—130. 160. 240. 405—407. 456. Martin-Saint-Léon. p. 222. 242. 321. 421—422. Boissonade. T. II. 417—418. Hauser. p. 135—136. d'Avenel. T. III. p. 451—456). Въ Вѣнѣ находимъ слѣдующія категоріи привилегированныхъ мастеровъ: Hofbefreite, kaiserliche Livreebediente, Universitätshandwerker, Dekretisten, „Unter der Tag-und Nachtwache stehend", „Arsenalisten", „Piquenirer." Все это были самостоятельные ремесленники. (Max Adler. p. 67—85. См. также Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien. Leipzig. 1886. p. 13).

[1]) Факты показываютъ, такимъ образомъ (ср. предыдущее прим.), что и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ сохранилось ремесло, цеховымъ мастерамъ приходилось выдерживать сильную конкурренцію со стороны нецеховыхъ элементовъ.

[2]) Geering. l. c.

Пфальца и другихъ мѣстностей [1]). Въ Австріи мы находимъ итальянцевъ и голландцевъ, работающихъ, какъ на мануфактурахъ, такъ и въ кустарной промышленности [2]), во французской чулочной, кружевной, зеркальной, суконной, шелковой промышленности — нидерландскихъ и итальянскихъ рабочихъ [3]). Наконецъ, развитіе англійской шерстяной промышленности находится въ тѣсной связи съ многократными переселеніями мастеровъ-скупщиковъ изъ Фландріи и Брабанта [4]).

Къ этимъ привилегированнымъ мѣстнымъ и иностраннымъ мастерамъ присоединялись далѣе и лица, самовольно принявшіяся за производство различныхъ промышленныхъ издѣлій, не имѣя на то никакого права. И цехамъ съ теченіемъ времени все труднѣе и труднѣе становилось бороться съ нарушителями ихъ привилегій, ибо и власти и скупщики стояли на сторонѣ новыхъ нецеховыхъ мастеровъ. Въ Нюрнбергѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка находимъ запрещенія раздавать работу лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху: мастеръ можетъ давать заказы только другому мастеру, входящему въ составъ цеха, но ни въ какомъ случаѣ не нецеховому [5]). Наоборотъ, въ Страсбургѣ уже въ 1655 году было постановлено, что лица, занимающіяся выдѣлкой шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ чулокъ, не должны непремѣнно быть цеховыми мастерами, а могутъ стоять и внѣ какого бы то ни было цеха [6]). Въ саксонской хлопчатобумажной промышленности рабочіе состояли изъ нецеховыхъ мастеровъ и женщинъ и лишь впослѣдствіи, въ XVIII вѣкѣ къ нимъ присоединились и цеховые рабочіе [7]). Точно такъ же и во Франціи мы находимъ рядомъ съ привилеги-

[1]) Schmoller. Jahrbuch. XI, p. 805 и сл.

[2]) Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich. Wien-Leipzig. 1903. p. 42 и сл. 56 и сл. Beer. Studien. I. p. 6 и сл.

[3]) Levasseur. T. II, p. 236 и сл. См. особ. Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 60—79 и его же La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. p. 164—195.

[4]) Lohmann. p. 85 и Эшли, стр. 510 и сл. Dechesne. Industrie de la laine. p. 45—50. Cunningham. Growth of English Industry. II, p. 178 и сл. См. также мою ст. Die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise. Schmoller's Jahrbuch. 1906. B. XXX, p. 58 и сл.

[5]) Schoenlank. p. 46—48.

[6]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 313. Urk. 183.

[7]) Bein. II, p. 49.

рованными, придворными и т. п. мастерами и непривилегированныхъ нецеховыхъ мастеровъ. Количество послѣднихъ уже въ XVI вѣкѣ сильно возрастаетъ и, несмотря на всѣ жалобы цеховъ, эта конкурренція усиливается [1]) [2]).

Новымъ элементомъ въ кустарной промышленности являются также женщины-работницы [3]). „Для развитія кустарной формы производства—говоритъ Стида—имѣло немалое значеніе то обстоятельство, что женщины стали за-

[1]) Hauser. p. 117.

[2]) Въ печатномъ промыслѣ (во Франціи) существовали съ XVII ст. рядомъ съ цеховыми рабочими (подмастерьи; мастерами—maître—назывались владѣльцы типографій) и нецеховые рабочіе (alloués), причемъ постановленіемъ 1713 г. типографамъ было предоставлено нанимать сколько угодно нецеховыхъ рабочихъ, а декретъ 1724 г. даже обязалъ ихъ нанимать нецеховыхъ съ цѣлью борьбы съ чрезмѣрной требовательностью цеховыхъ рабочихъ и ради пониженія заработной платы. Дѣйствительно, количество alloués вскорѣ значительно возросло, причемъ возрастъ ихъ впослѣдствіи понизился съ 20 лѣтъ (въ среднемъ) до 13—15, и подмастерьи жаловались на то, что и цеховые ученики, и эти нецеховые рабочіе создаютъ имъ сильную конкурренцію. (Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. T. I. p. 242—253. 296).

[3]) Женщины по общему правилу въ цехи не принимались ни въ средніе вѣка, ни впослѣдствіи. „Женщины не должны были заниматься ремесломъ, за исключеніемъ жены и дочери мастера“ (Кенингэмъ, т. I, стр. 299), причемъ и послѣднія лишь помогали мастеру, но не занимались производствомъ самостоятельно и не являлись полноправными членами цеха. Забота цеховъ о вдовахъ и дочеряхъ цеховыхъ мастеровъ выражалась въ томъ, что лица, вступившія съ ними въ бракъ, становились мастерами или, во всякомъ случаѣ, пользовались значительными привилегіями, облегчавшими вступленіе ихъ въ цехъ (см. выше, стр. 358—64) Кромѣ того, вдова мастера могла продолжать промыселъ до тѣхъ поръ, пока подросталъ ея сынъ, на это время завѣдываніе производствомъ поручалось подмастерью, но сама она ни до того, ни позже не могла руководить изготовленіемъ товаровъ. (См. объ этомъ статуты у Вермана, Бодемана, Рюдигера, Краузе и др.) Если же мы находимъ въ средніе вѣка женщинъ, занимающихся производствомъ, то это почти всегда работницы, изготовляющія предметы по заказу купца—при ихъ помощи возникаетъ кустарная форма производства. (См. напр. Des Marez, p. 110 и сл. Doren, p. 278. и др. Espinas. Zeitschr. p. 63—69. Hauser. p. 148—150). Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются и цехи, принимающіе въ свою среду женщинъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ или цехи, состоящіе исключительно изъ женщинъ. (См. Hauser и Fagniez.)

ниматься промыслами. Женщины обыкновенно не могли вступать въ члены цеха, но онѣ все-таки могли производить промышленныя издѣлія, получая работу на домъ, и такимъ образомъ, возникъ обычай имѣть работниковъ внѣ собственной мастерской [1]). Въ XV вѣкѣ уже въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ (въ итальянскихъ городахъ еще раньше) встрѣчаются женщины, въ особенности въ шерстяномъ, льняномъ, перчаточномъ промыслѣ, которыя берутъ на домъ работу [2]). Вмѣстѣ съ женщинами работали и дѣти въ кустарной промышленности, и эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда въ кустарномъ производствѣ XVII—XVIII ст. едва ли не превышала по своимъ размѣрамъ ту эксплоатацію, которую мы находимъ въ первой половинѣ XIX вѣка, въ первую эпоху развитія фабричной промышленности. Англія, Франція, Германія, Нидерланды конкуррируютъ другъ съ другомъ въ примѣненіи женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ отрасляхъ текстильной промышленности [3]).

Наконецъ, къ цеховымъ мастерамъ, иностранцамъ, женщинамъ, дѣтямъ присоединяются и солдаты (Страсбургъ, Берлинъ, Австрія) [4]), бродяги и всевозможные сомнительные элементы, которые готовы работать за какую угодно плату, лишь бы не умереть съ голоду.

Однако, наиболѣе важную роль въ кустарной промышленности играетъ не городское, а сельское населеніе, среди котораго опять-таки преобладаютъ женщины; кустарная промышленность во многихъ случаяхъ возникла въ селахъ изъ работы для домашнихъ потребностей, а оттуда уже перешла въ города. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она впервые появилась въ городахъ, она распространяется впослѣдствіи и въ окрестныхъ селахъ; и въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ кустарная промышленность получила значительное развитіе, сельскіе жители составляли главный контингентъ рабочихъ. Льняная промышленность Констанца, Аугсбурга и Равенсбурга и хлопчатобумажная промышлен-

[1]) Stieda Hausindustrie, p. 120—121.

[2]) Stieda. Hausindustrie p. 122 — 4. Doren. Florentiner Wollengewerbe. p. 278. См. Jaurès. La Constituante. p. 75—6.

[3]) См. объ этомъ томъ второй „Эволюціи прибыли“.

[4]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 549. Umrisse und Untersuchungen. p. 556. Kleingewerbe. p. 450. Beer, Studien. p. 61, 115. Max Adler. p. 68—69.

ность Ульма, которыя еще въ концѣ среднихъ вѣковъ приняли форму кустарнаго производства, покоились главнымъ образомъ на работѣ жителей окрестныхъ селъ, привозившихъ свои издѣлія въ городъ для осмотра и штемпелеванія и сбывавшихъ ихъ городскимъ купцамъ [1]). Подобнымъ же образомъ и во Флоренціи, Венеціи, Комо въ средніе вѣка часть работы, въ особенности пряденье сукна, производилась въ селахъ [2]).

Въ періодъ развитія кустарной промышленности, въ XVI—XVIII ст. едва ли не наиболѣе важную роль въ промышленности играло шерстяное производство въ Англіи. Та борьба, которая повсюду происходила между городскими цехами и сельскими кустарями, особенно ярко отражается въ англійскомъ законодательствѣ относительно шерстяной промышленности; шагъ за шагомъ сельская промышленность отвоевываетъ себѣ все большее и большее поле дѣятельности, и въ концѣ концовъ она достигаетъ равноправія съ городской промышленностью. Во второй половинѣ XV, а еще болѣе въ XVI вѣкѣ въ Англіи распространяется въ селахъ не только пряденье, но и ткачество шерсти, а затѣмъ и другія операціи по производству сукна, причемъ это производство является подсобнымъ промысломъ сельскихъ жителей, которымъ они занимаются рядомъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Владѣя обыкновенно коттеджомъ и клочкомъ земли, эти кустари удовлетворялись гораздо болѣе низкой платой, чѣмъ городскіе жители, и представляли собою опасныхъ конкуррентовъ для послѣднихъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка появляется рядъ законовъ, которыми запрещается производство сукна въ селахъ. Однако, уже законъ 1555 года допускаетъ изготовленіе его въ селахъ со слѣдующими ограниченіями: во 1-хъ, ни одинъ сельскій ткачъ шерстяныхъ матерій не долженъ держать у себя болѣе двухъ станковъ или извлекать какую бы то ни было выгоду болѣе чѣмъ отъ двухъ станковъ; во 2-хъ, сельскій ткачъ не можетъ держать болѣе двухъ учениковъ; въ 3-хъ, ни одинъ суконщикъ-предприниматель

[1]) Schulte. p. 115—119, 128. Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. p. 147 и сл. Gothein. I, p. 522 и сл.

[2]) Schulte. p. 581 и сл. Doren. p. 248 и сл.

(clothier), живущій внѣ сити или мѣстечка или рыночнаго города, не можетъ имѣть въ своемъ домѣ болѣе одного станка, а равно не вправѣ отдавать въ наемъ станки или дома, гдѣ эти станки поставлены, и наконецъ, въ 4-хъ, лицамъ, которыя до сихъ поръ не занимались этимъ дѣломъ, запрещается „выдѣлывать или ткать или заставлять другихъ выдѣлывать или ткать шерстяныя сукна“ внѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сукно производилось за послѣднія десять лѣтъ. Что касается первыхъ трехъ пунктовъ, то они хотя и ставятъ сельское ткачество въ худшее положеніе, сравнительно съ городскимъ, но все-таки не настолько стѣснительны, чтобы могли мѣшать его дальнѣйшему развитію. Четвертый же пунктъ лишь на первый взглядъ кажется крайне неудобнымъ для сельской промышленности; въ дѣйствительности онъ однако нисколько не препятствовалъ заниматься суконнымъ промысломъ въ селахъ ни тѣмъ лицамъ, которыя до сихъ поръ имъ занимались, ибо имъ разрѣшается селиться повсюду, ни тѣмъ, которыя вновь берутся за этотъ промыселъ. Для послѣднихъ установлено лишь одно ограниченіе, чтобы они не селились тамъ, гдѣ эта промышленность возникла лишь недавно, гдѣ она существуетъ менѣе десяти лѣтъ; всѣ же остальныя лица могутъ заниматься суконнымъ промысломъ и въ этихъ мѣстностяхъ. Горзадо опаснѣе для сельской кустарной промышленности былъ бы законъ, изданный два года спустя, если бы онъ былъ осуществленъ на практикѣ. Именно, законъ 1557 года вовсе запрещалъ сельскую промышленность и допускалъ исключеніе лишь въ пользу тѣхъ лицъ, которыя уже ранѣе, до изданія этого закона, занимались суконнымъ промысломъ; дальнѣйшее развитіе сельскаго ткачества становилось такимъ образомъ невозможнымъ. Однако, уже годъ спустя было сдѣлано исключеніе для графствъ Эссекса и Серрей, а въ 1576 году и для графствъ Сомерсета, Уильтса, Глочестера и нѣкоторыхъ другихъ, такъ что въ результатѣ занятіе суконнымъ промысломъ въ селахъ было допущено во всей южной и средней Англіи и во всякомъ случаѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ уже успѣлъ распространиться и пріобрѣсти извѣстное значеніе. Въ теченіе XVII вѣка уже не дѣлалось никакихъ попытокъ къ ограниченію сельской кустарной промышлености, а къ концу этого вѣка, въ

1694 году былъ даже изданъ законъ, который отмѣнялъ установленный въ XVI вѣкѣ для сельскихъ ткачей ограниченія числа учениковъ, такъ что законодательство стало даже поощрять распространеніе суконной промышленности въ селахъ [1]).

Внѣ городовъ, въ селахъ развивались и другія отрасли англійской кустарной промышленности. Таково производство чулокъ и шапокъ, которое одновременно съ суконной промышленностью приняло форму домашней промышленности и стало развиваться въ сельскихъ округахъ [2]). Таково и производство металлическихъ издѣлій. Въ Вестъ-Бромвичѣ, главномъ центрѣ производства металлическихъ товаровъ, рабочіе занимались земледѣліемъ въ качествѣ подспорнаго промысла. Шеффильдскіе ножевщики, жившіе въ окрестностяхъ города, имѣли свои участки земли и занимались сельскимъ хозяйствомъ [3]).

Во Франціи лишь въ 1762 году была допущена полная свобода производства промышленныхъ издѣлій въ селахъ; разрѣшалось производство издѣлій изъ льна, конопли, шерсти, хлопка, шелка, а также выдѣлка чулокъ и шапокъ. Однако, эдиктъ 1762 г. призналъ только то, что уже ранѣе совершилось на практикѣ. Всѣ упоминаемыя въ эдиктѣ отрасли производства существовали въ селахъ уже въ началѣ XVIII вѣка; мало того, и въ XVII вѣкѣ, когда при Кольберѣ вводились централизованныя мануфактурныя заведенія, кустарная промышленность въ селахъ была явленіемъ очень распространеннымъ. Такъ, кружева и чулки производились сельскими жителями и сбывались скупщикамъ или скупщицамъ. Подобнымъ же образомъ и сельское ткачество было довольно развито, причемъ сельскіе ткачи, „составляя нѣчто среднее между крупными мануфактуристами и городскими ремесленниками, все-таки болѣе приближались по своему положенію къ послѣдней категоріи: они работали по-

[1]) Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce. I. p. 518 и сл. Эшли. ч. II, гл. 3. Dechesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre. Paris. 1900. p. 26 и сл. 54 и сл. Lohmann, Кар. II. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siécle. Paris. 1906. p. 26 и сл. 40 и сл.

[2]) Lohmann. l. c. p. 10.

[3]) Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма, стр. 33.

штучно, вмѣстѣ съ семействомъ и однимъ-двумя учениками, а нерѣдко и безъ нихъ, одновременно занимаясь и сельскимъ хозяйствомъ. Большинство изъ нихъ работало на другихъ, т.-е. скупщиковъ, нѣкоторые же сами являлись скупщиками, закупая издѣлія у своихъ сосѣдей, причемъ однако продолжали попрежнему и производство товаровъ. Точно такъ же и привилегированныя мануфактуры не только занимались изготовленіемъ товаровъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ, въ мастерскихъ, но обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ давали заказы сельскимъ жителямъ на домъ. Количество послѣднихъ часто значительно превышало число рабочихъ, занятыхъ въ зданіи мануфактуры [1]). Какъ указываетъ Жерменъ Мартенъ, мелкіе мастера-кустари были (во времена Кольбера) въ сельскихъ мѣстностяхъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ городахъ, ихъ можно было найти даже въ наиболѣе дикихъ краяхъ Бретани и Жеводана. „Въ Лангедокѣ повсюду, гдѣ имѣется вода, жители разводятъ луга и пріобрѣтаютъ овецъ; женщины и дѣти прядутъ шерсть, которую мужчины ткутъ, а затѣмъ сбываютъ на ближайшемъ рынкѣ. Въ нижней Пикардіи ткачи одновременно съ этимъ обрабатываютъ и землю, почему производство холста продолжается не болѣе 8—9 мѣсяцевъ въ году“ [2]). Еще болѣе увеличилось количество сельскихъ кустарей въ XVIII вѣкѣ: какъ въ Англіи, такъ и здѣсь оно являлось для скупщиковъ прекраснымъ средствомъ для пониженія платы, ибо сельскіе жители довольствовались гораздо меньшей платой, чѣмъ горожане, для которыхъ промыселъ составлялъ единственный источникъ заработка. Въ окрестностяхъ города Легль насчитывалось не менѣе 25 мѣстностей, гдѣ было распространено производство булавокъ и другихъ металлическихъ издѣлій. Это были все мелкіе промышленники, владѣвшіе обыкновенно домомъ, работавшіе вмѣстѣ съ семьей и довольствовавшіеся очень незначительной поштучной платой [3]). Въ Пуату ткачество было разбросано по всей провинціи по селамъ, деревнямъ, мѣстечкамъ, фер-

[1]) Levasseur. T. II, p. 246—57, 394 и сл. 584 и сл., 684 и сл.

[2]) Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 17. La grande industrie sous Louis XV. p. 233—235

[3]) Levasseur. T. II. p. 763—74.

мамъ и мызамъ. Лишь въ нѣсколькихъ городахъ существовали централизованныя мануфактуры, но и въ этихъ случаяхъ жители окрестныхъ селъ работали на городскихъ предпринимателей. Въ большинствѣ случаевъ они занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и сельскимъ хозяйствомъ [1]). Хлопчатобумажное производство Эльзаса также приняло форму сельской кустарной промышленности. И пряденье, и ткачество соединялось съ земледѣліемъ и производилось въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время. При помощи посредниковъ—нѣмцевъ и швейцарцевъ предприниматель раздавалъ матеріалъ сельскимъ жителямъ и платилъ имъ за работу поштучно. Такъ какъ пряденье льна и пеньки и ранѣе производилось въ селахъ Эльзаса, то хлопчатобумажная промышленность привилась здѣсь очень скоро [2]). Въ концѣ XVIII вѣка во Франціи мастера и купцы составляли въ Лаонне (75 селъ) 26,7 проц. населенія, въ Шатильонѣ въ Бургундіи (112 селъ) 23,7 проц. и въ Тулузенѣ (146 селъ) 19,4 проц. Въ Лаоне изъ 1434 мастеровъ и торговцевъ $^1/_{10}$ имѣла болѣе 30 дес. (arpents) земли, 691—отъ 1—10 дес. и 379 чел. владѣли однимъ только домомъ, но земли не имѣли; это были обыкновенно очень мелкіе земледѣльцы, поскольку они занимались земледѣліемъ, и во всякомъ случаѣ очень мелкіе промышленники, работавшіе либо по заказу городскаго скупщика, либо на мѣстныхъ жителей [3]).

И въ Пруссіи сельскіе промыслы не сразу добились признанія ихъ правительствомъ. Хотя и здѣсь, какъ и въ Англіи, въ періодъ переполненія городскихъ ремеслъ, въ XVI и особенно въ XVII ст. городскіе ремесленники стали въ большомъ количествѣ уходить въ деревню, но государство придерживалось прежняго принципа, на основаніи котораго въ округѣ города на разстояніи нѣсколькихъ миль не дозволялось селиться ремесленникамъ. Впрочемъ, нѣкоторыя ремесла и въ ограниченномъ числѣ могли и здѣсь селиться и, кромѣ того, исключенія допускались въ пользу тѣхъ ремесленниковъ, которые жили тамъ уже въ теченіе

---

[1]) Boissonade. T. II. p. 141.

[2]) Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter. Strassburg. 1887, p. 27—30.

[3]) Levasseur. T. II, p. 771.

нѣсколькихъ лѣтъ: въ 1550 году признается право портныхъ, плотниковъ, колесниковъ и ткачей жить по селамъ, „гдѣ такъ повелось издавна“. Послѣднее было подтверждено Фридрихомъ-Вильгельмомъ, причемъ однако было запрещено на будущее время увеличивать установленное число ткачей, кузнецовъ и портныхъ по селамъ. Сельскіе жители могли ткать только холстъ и полушерстяную одноцвѣтную матерію невысокаго качества; вслѣдствіе жалобъ городскихъ цеховъ и это право старались всячески ограничить. И статутъ 1718 года еще сильно стѣснялъ развитіе кустарной промышленности въ селахъ, допуская лишь извѣстное количество мастеровъ въ каждомъ селѣ. „Но на практикѣ оказалось,—говоритъ Молчановскій—что воспрещеніе ткачамъ и прядильщикамъ жить по селамъ вредитъ самимъ городскимъ мануфактурамъ, для которыхъ недостаетъ пряжи, почему уже въ 1729 году рѣшено было допустить въ селахъ неограниченное число этихъ ремесленниковъ (кустарей), исключая, впрочемъ, тѣхъ, которые раньше жили въ городахъ, такъ какъ переселеніе изъ города въ село ни въ какомъ случаѣ не допускалось“. А въ 1787 году къ этому было прибавлено, что всѣ ремесленники, поселившіеся въ селахъ до этого времени, хотя и противозаконно, могутъ пожизненно продолжать свою профессію [1]).

Такимъ образомъ, прусское правительство вынуждено было примириться съ развивающейся въ селахъ промышленностью и не въ состояніи было провести свои запреты со всей строгостью. Въ концѣ XVIII вѣка въ Помераніи и Бранденбургѣ сельское ткачество льняныхъ издѣлій было столь же распространено какъ и городское, въ Магдебургѣ число сельскихъ ткачей было втрое больше числа городскихъ, а въ Минденѣ-Равенсбургѣ оно было даже въ шесть разъ больше. Однако и ранѣе, уже съ конца XVII вѣка правительство вынуждено было дѣлать послабленія иностраннымъ предпринимателямъ, на которыхъ и здѣсь, какъ и во Франціи, въ большомъ количествѣ работали сельскіе жители [2]).

---

[1]) Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи въ XVIII ст., стр. 54—87.

[2]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. B. XI, p. 808. 826.

Но особенно рѣзко нарушался господствующій принципъ въ Силезіи; льняная промышленность Силезіи, которая въ XVII—XVIII ст. имѣла большое значеніе, сбывая свои произведенія во всѣ европейскія страны, возникла въ селахъ, разбросанныхъ среди Исполинскихъ горъ, и развивалась исключительно въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ городахъ жили только скупщики и сюда сельскіе ткачи привозили свои издѣлія. Во многихъ случаяхъ выдѣлка полотна являлась лишь побочнымъ занятіемъ, которымъ жители занимались только въ зимнее время; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли было мало, крестьяне занимались ткацкимъ промысломъ въ теченіе всего года [1]).

Лампрехтъ указываетъ на то, что въ Германіи вообще кустарная промышленность распространялась преимущественно въ мало-плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата была низка и сельское населеніе имѣло въ теченіе продолжительной зимы много свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій времени. Здѣсь-то скупщики старались вызвать къ жизни промыслы, для которыхъ достаточно было этого свободнаго времени и которые все-таки доставляли бы скупщикамъ большую прибыль. Вслѣдствіе этого, силезскія (Исполинскія) горы, Рудныя горы, Франкенвальдъ, Тюрингервальдъ, вестфальскія горы съ ихъ неплодородными возвышенностями и суровымъ климатомъ стали центрами новой кустарной промышленности. Какъ и въ Шварцвальдѣ, во франконской и швабской Юрѣ, такъ и въ этихъ мѣстностяхъ возникъ вязальный, ткацкій и кружевный промыселъ, производство издѣлій изъ дерева, металла и камня, и эти отрасли промышленности и до сихъ поръ являются характерными для этихъ мѣстностей [2]).

Если мы обратимся къ центрамъ баденской, вюртембергской и саксонской текстильной промышленности — Пфорцгейму, Кальву и Фогтланду, то увидимъ, что и здѣсь основнымъ элементомъ рабочаго населенія были сельскіе жители. Развитіе пфорцгеймской промышленности начинается съ XVI вѣка, со времени возникновенія кустар-

[1]) Zimmermann. p. 5 и сл., 60 и слѣд.

[2]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. p. 295—6.

ной формы производства, съ тѣхъ поръ, какъ пфорцгеймскіе жители стали давать заказы ткачамъ окружныхъ селъ и сбывать ихъ издѣлія въ другіе города и страны [1]). Подобный же характеръ имѣла съ самаго начала текстильная промышленность Кальва. Кустари, выдѣлывавшіе ткани для компаніи, были разбросаны на сравнительно значительномъ пространствѣ по небольшимъ городамъ и селамъ. Почти третья часть ихъ состояла изъ сельскихъ жителей. Въ XVII вѣкѣ половина кустарей владѣла земельными участками, въ городахъ—около 30 проц., въ селахъ—свыше 80 проц.; въ XVIII вѣкѣ земельные участки имѣло 72 проц. кустарей. Эти участки были большею частью незначительны, хотя въ селахъ они были болѣе крупны, чѣмъ въ городахъ, и сельскіе кустари находились благодаря этому, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ городскіе [2]). Въ саксонскомъ Фогтландѣ пряденье хлопка всегда производилось въ селахъ и въ 1715 году оно было формально разрѣшено подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пряжа доставлялась въ г. Плауенъ и сбывалась мѣстнымъ купцамъ. Этотъ же статутъ запрещалъ однако сельское ткачество. Но въ дѣйствительности и ткачество производилось въ селахъ, такъ что въ 1764 году правительство вынуждено было объявить и этотъ промыселъ свободнымъ: всѣмъ и каждому, мужчинамъ и женщинамъ, горожанамъ и крестьянамъ, членамъ цеха и нецеховымъ мастерамъ, разрѣшалось заниматься этимъ промысломъ. Фогтландъ, т.-е. часть Саксоніи, прилежащая въ Богеміи, Баваріи и Тюрингіи, стала въ XV—XVI ст. промышленной страной; мѣстности, гдѣ жители занимались исключительно земледѣліемъ, встрѣчались крайне рѣдко; села носили такой же промышленный характеръ, какъ и города, разница между ними сглаживалась все болѣе и болѣе [3]).

И въ Швейцаріи вся текстильная промышленность имѣла сельскій характеръ. Въ кантонахъ Цюрихѣ, Аппенцелѣ,

---

[1]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I, p. 552—7, 715—22.

[2]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Jena. 1897, p 257 и слѣд.

[3]) Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. T. II. Die Textil-Industrie. Leipzig. 1884, p. 2—6, 47 и сл. 62—3, 72, 77. Ср. T. I. Die Musikinstrumenten-Industrie.

Санктъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Тургау — повсюду была распространена въ селахъ текстильная промышленность. Издѣлія сбывались въ немногихъ городахъ—въ Цюрихѣ, Альтштетенѣ, Лихтенштейнѣ, въ особенности же въ Санктъ-Галленѣ, который являлся главнымъ рынкомъ сначала для полотна, а впослѣдствіи для бумажныхъ матерій. Хлопчатобумажныя издѣлія производились первоначально въ самомъ городѣ, но затѣмъ городская промышленность стала вытѣсняться сельской: кантоны Санктъ-Галленъ и Аппенцель выдѣлывали пряжу, къ которой впослѣдствіи присоединился и ткацкій промыселъ; все это сбывалось въ г. Санктъ-Галленѣ. Въ XVII же вѣкѣ была занесена итальянцами въ Санктъ-Галленъ и шелковая промышленность; она вскорѣ распространилась среди сельскаго населенія кантона, а оттуда перешла и къ Фирвальштедтскому озеру [1]). Базельская шелковая, бархатная и позументная промышленность была также занесена гугенотами и итальянцами и, какъ мы видѣли выше, большая часть ткачей состояла изъ иностранцевъ. Уже это вызвало сильную конкурренцію для мѣстныхъ мастеровъ; послѣдняя еще усилилась, когда новая промышленность, стѣсняемая въ городѣ цеховыми статутами, опредѣлявшими максимумъ производства для каждаго скупщика, стала распространяться въ селахъ. „Всячески стѣсняемая цехами—говоритъ Геерингъ—городская промышленность все болѣе и болѣе выселялась въ сельскій полукантонъ (Landschaft Basel), гдѣ было меньше надзора со стороны цеховъ, гдѣ и жизнь была дешевле, ибо сельское хозяйство также доставляло извѣстный доходъ, потребности же были меньше, чѣмъ въ городѣ и расходы могли быть сокращены“ [2]). Цехи старались устранить грозящую имъ опасность, но всѣ ихъ усилія были тщетны, сельская промышленность быстро развивалась. „Такъ какъ въ селахъ жизнь была дешевле,—продолжаетъ тотъ же Геерингъ—то заработная плата могла стоять на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ плата городскихъ цеховыхъ рабочихъ. Это обстоятельство являлось превосходнымъ оружіемъ для скупщиковъ въ ихъ борьбѣ съ городскими цеховыми мастерами: скуп-

[1]) G. Wartmann. Industrie und Handel des Kantons St. Gallen auf Ende 1866. In geschichtlicher Darstellung. St.-Gallen. 1875, p. 91—3, 150—2, 637.

[2]) Geering. p. 593.

щики имѣли всегда возможность понижать плату послѣднимъ, а если они на это не соглашались, то лишать ихъ вовсе работы“ [1]) [2]).

Такимъ образомъ, рабочее населеніе въ области промышленности въ XVI—XVIII ст. значительно возросло, уве-

---

[1]) Geering. p. 599—607.

[2]) Между нашей кустарной промышленностью, съ одной стороны, и кустарной промышленностью Западной Европы, съ другой стороны, проводятъ обыкновенно рѣзкое различіе. Первая возникла непосредственно изъ работы для собственныхъ потребностей, возникла и развивалась въ селахъ, а не въ городахъ. Вторая, наоборотъ, образовалась изъ городского цехового ремесла и распространялась среди сельскаго, а не городского населенія. Для русскаго крестьянина она составляетъ подспорный промыселъ, которымъ онъ занимается рядомъ съ земледѣліемъ, для европейскаго городскаго мастера она была всегда единственнымъ занятіемъ. Въ виду этого, кустарную промышленность Западной Европы обыкновенно называютъ у насъ домашней промышленностью, а не кустарной, ибо отличительнымъ признакомъ послѣдней является сельскій характеръ, характеръ подобнаго промысла. Какъ можно усмотрѣть изъ только что приведенныхъ фактовъ, тотъ признакъ, который выставляютъ въ качествѣ наиболѣе характернаго для Россіи, мы находимъ и въ кустарной промышленности Запада, и нѣтъ основанія придумывать для нея особое названіе, которое способно лишь вводить въ заблужденіе, ибо домашнюю промышленность нерѣдко смѣшиваютъ съ производствомъ предметовъ на дому для надобностей собственнаго хозяйства. Подобно русской промышленности, и кустарная промышленность Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, по крайней мѣрѣ, въ эпоху своего расцвѣта, въ XV—XVIII ст., имѣла сельскій характеръ и являлась побочнымъ занятіемъ для крестьянъ; лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе было мало развито, она была главнымъ и даже исключительнымъ занятіемъ сельскихъ жителей, какъ, впрочемъ, и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Сравнительно съ сельской промышленностью, городская отступаетъ и въ Западной Европѣ на второй планъ, лишь въ XIX вѣкѣ она заняла болѣе важное мѣсто. Однако, не только въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но и въ первоначальномъ возникновеніи кустарная промышленность Запада имѣетъ много общихъ чертъ съ нашей, ибо, какъ мы видѣли выше (стр. 516), зачатки ея, относящіеся еще къ средневѣковому періоду, находятся въ селахъ, а не въ городахъ; да и въ послѣдующія столѣтія, она, подобно русской кустарной промышленности, возникаетъ сначала въ селахъ, и лишь впослѣдствіи къ ней присоединяется новый незнакомый Россіи элементъ—цеховое ремесло въ городахъ, которое также принимаетъ кустарную форму производства.

личилось предложеніе труда и усилилась конкурренція среди рабочихъ. Между тѣмъ спросъ на промышленныя издѣлія возрасталъ не столь быстро и вслѣдствіе этого предложеніе рабочихъ рукъ превышало спросъ на нихъ. Образовалась значительная резервная армія рабочихъ. Въ томъ же Базелѣ въ концѣ XVII вѣка раздавались жалобы на отсутствіе работы. „Купцы сами виноваты въ томъ—говорили мастера—что насъ такое множество; а между тѣмъ они же даютъ намъ мало работы и еще меньшую плату. Прежде мы едва успѣвали производить требуемое ими количество товаровъ, а теперь они не обращаютъ на насъ никакого вниманія и заставляютъ насъ умирать съ голоду, вслѣдствіе безработицы [1]). Кустари, работавшіе на торговую компанію г. Кальва, и при благопріятныхъ условіяхъ рынка имѣли мало работы, а еще менѣе въ періоды застоя, которые повторялись довольно часто. При этомъ наименѣе благопріятными для кустарей мѣсяцами являлись не лѣтніе, когда они находили заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а, наоборотъ, зимніе мѣсяцы, декабрь и январь, когда сбытъ компаніи сокращался и она боялась покупать много товара на складъ [2]).

Въ англійской шерстяной промышленности періоды безработицы были обычнымъ явленіемъ: кустари работали въ теченіе года шесть, максимумъ девять мѣсяцевъ [3]). Уже въ 20-хъ и въ 60-хъ годахъ XVI вѣка происходили волненія изъ-за отсутствія работы. Но особенно сильны они были въ XVII вѣкѣ; кризисъ, который начался въ 1629 г., продолжался въ теченіе цѣлаго десятилѣтія; вызывающее настроеніе голоднаго рабочаго населенія заставило мировыхъ судей потребовать у скупщиковъ, чтобы они обязательно продолжали производство. Но послѣдніе, вслѣдствіе отсутствія сбыта, не въ состояніи были доставлять работу мастерамъ. [4])

---

[1]) Geering. p. 622—623.

[2]) Troeltsch. p. 95—97. 113—117. 202—206.

[3]) Mantoux. p. 50—51.

[4]) Lohmann. p. 17 и сл. Ломанъ (стр. 37) справедливо обращаетъ вниманіе на то, что эти факты (которые, къ сожалѣнію, обыкновенно упускаются изъ виду) свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ

Въ теченіе столѣтія 1689—1791 гг. въ ліонской шелковой промышленности насчитывается 18 кризисовъ, причемъ многіе изъ нихъ продолжаются по нѣскольку лѣтъ, такъ что на каждые пять лѣтъ приходится свыше одного года застоя въ производствѣ. Кризисы охватываютъ и сосѣднія Ліону мѣстности, принимая нерѣдко весьма опасный характеръ; многія тысячи безработныхъ бродятъ голодные по городу, сотни станковъ стоятъ пустыми. Въ 1621 г. изъ 1,698 станковъ не работало 350, т. е. пятая часть, въ 1739 г. также пятая часть (1,771 изъ 8,331), а въ 1788 г. уже свыше одной трети всѣхъ станковъ (5,442 изъ 14,777) стояли пустыми. [1]) Въ Парижѣ въ 1645 г. насчитывалось 76 типографій со 183 печатными станками, изъ коихъ однако не болѣе 80 станковъ находились постоянно въ работѣ; спустя сорокъ лѣтъ число печатныхъ станковъ возросло до 200, но работала всего четвертая часть. Въ Труа въ 1701 г. изъ 25 печатныхъ станковъ болѣе 10 не имѣли никакой работы. Въ одномъ изъ мемуаровъ, относящихся къ 1755 г., указывается на то, что изъ 700—800 парижскихъ рабочихъ печатнаго дѣла (подмастерьевъ—ихъ оффиціальное названіе) половина въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году не находитъ никакой работы. [2]) Въ Марсели въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы число рабочихъ (въ 1771 г.) сократилось съ 200 до 16, въ шляпочномъ промыслѣ оно упало (въ 1789 г.) съ 1,200 до 500, причемъ изъ послѣднихъ 150 человѣкъ не имѣли работы. [3]) Вобанъ утверждаетъ что ткачи, вслѣдствіе періодовъ безработицы, работаютъ въ среднемъ не болѣе 180 дней въ году. [4])

VI

Съ самаго возникновенія кустарной промышленности скупщики старались подчинить кустарей своей власти. Когда въ 1424 году 4 купца заключили договоръ съ лю-

XVI—XVII ст. всякое колебаніе рынка пагубно отражалось на положеніи низшихъ и среднихъ классовъ населенія на протяженіи многихъ графствъ Соединеннаго Королевства.

[1]) Godart. p. 26. 41—50. 206—246.

[2]) Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. T. I. L'imprimerie sous l'ancien régime. Paris. 1905. p. 279. 297. 455.

[3]) Levasseur. T. II. p. 778.

[4]) Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 317.

бекскимъ янтарнымъ цехомъ, который состоялъ изъ 12 мастеровъ, эти послѣдніе обязались поставлять имъ весь товаръ, который будетъ изготовленъ ими въ ближайшіе два года. Если бы у нихъ оказались сверхъ этого продукты, то они должны быть сбыты на мѣстномъ рынкѣ, но не могутъ быть вывезены въ другіе города, ни въ Венецію или Нюрнбергъ, ни во Франкфуртъ или Кельнъ. Аугсбургскій купецъ Оттъ Руландъ даетъ заказы мастерамъ янтарнаго цеха въ Вѣнѣ и Зальцбургѣ въ 1449—1453 гг. Онъ какъ бы беретъ ихъ къ себѣ на службу на извѣстное время, и требуетъ, чтобы всѣ изготовляемые ими въ теченіе этого времени товары поступали къ нему; онъ даетъ имъ задатокъ впередъ и ремесленники обязуются не работать ни на кого другого кромѣ него, словомъ онъ всячески старается привести ихъ въ зависимость отъ себя [1]).

Еще сильнѣе ограниченія, установленныя для мастеровъ въ итальянскихъ городахъ въ XV вѣкѣ. Здѣсь они имѣютъ не временный характеръ, какъ въ Германіи, а постоянный, ибо въ Италіи ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность, тогда какъ въ ганзейскихъ городахъ въ XV вѣкѣ еще не было постоянной организаціи скупщиковъ; подобные заказы являлись еще исключеніемъ. Въ Венеціи существовало постановленіе, по которому купецъ не могъ быть одновременно и ткачемъ, а ткачъ не могъ заниматься торговлей. Въ 1422 году оно было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ткачамъ шелковыхъ матерій, которые самостоятельно сбываютъ свои продукты, запрещалось работать на скупщиковъ или частныхъ лицъ; они не могли также держать учениковъ и подмастерьевъ, а должны были работать одни или при содѣйствіи членовъ семьи; кромѣ того, они обязаны были вступить въ цехъ въ качествѣ купцовъ. Иначе говоря, статутъ 1422 года различаетъ уже не купцовъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ, а скупщиковъ и кустарей: производить товары и сбывать ихъ самостоятельно, не имѣя права ни держать учениковъ и подмастерьевъ, ни работать по заказу частныхъ лицъ было для мастеровъ совершенно невозможно, воспользоваться этимъ постановле-

[1]) Stieda. Deutsche Hausindustrie. p. 117, 119.

ніемъ могли только скупщики, которые дѣйствительно занимались однимъ только сбытомъ; мастера же, работавшіе на скупщиковъ, лишались по этому статуту права сбыта своихъ издѣлій помимо скупщиковъ [1]). Подобное же постановленіе было издано въ Генуѣ въ 1432 году. Въ этомъ году былъ учрежденъ цехъ скупщиковъ шелковыхъ издѣлій. Статутомъ этого цеха устанавливалось, что впредь мастерамъ дозволяется работать лишь на скупщиковъ. Указывалось на утайку матеріала со стороны мастеровъ; путемъ запрещенія работы для другихъ лицъ это злоупотребленіе будетъ устранено. Вслѣдствіе этого, и здѣсь ткачи, производившіе ранѣе издѣлія изъ собственнаго шелка или полученнаго отъ частныхъ лицъ, лишались, какъ самостоятельнаго сбыта товаровъ, такъ и работы по заказу потребителя, т.-е. всецѣло отдавались въ руки скупщиковъ [2]). Пизанскій статутъ 1305 г. запрещаетъ рабочимъ въ области шерстяной промышленности исполнять заказы кого бы то ни было кромѣ мастеровъ, съ которыми они вошли въ соглашеніе и отъ которыхъ получили задатки [3]).

Точно также во флорентинской шерстяной промышленности уже въ XIV вѣкѣ было запрещено кустарямъ, въ особенности ткачамъ, которые составляли важнѣйшую часть рабочихъ, работать для кого бы то ни было помимо лицъ, входящихъ въ составъ цеха скупщиковъ; ткачи не могутъ ни работать на собственный счетъ, ни обрабатывать матеріалъ, полученный отъ другихъ лицъ, не принадлежащихъ къ цеху. Не только матеріалъ мастеръ получалъ отъ скупщика, но нерѣдко и инструменты, именно ткацкій станокъ; онъ обязывался отработать за полученный станокъ, а до тѣхъ поръ—никому не продавать и не отдавать его на прокатъ, и по требованію скупщика, который остается собственникомъ станка, возвратить его во всякое время. Результатомъ этого являлось то, что въ случаѣ какихъ-либо недо-

---

[1]) Broglio d'Ajano. Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters. p. 49.

[2]) Sieveking. Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrhundert. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. B. XXI. 1897. p. 106. 110—111.

[3]) Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. III. стр. 129.

разумѣній между скупщикомъ и кустаремъ, если послѣдній, напр., отказывался работать за установленную скупщикомъ плату, онъ лишался необходимаго ему орудія производства, которое просто отнималось у него скупщикомъ, а слѣдовательно лишался и возможности продолжать производство. Не лучше было положеніе кустаря и въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ ткацкимъ станкомъ, но вынужденъ былъ заложить или продать его скупщику, чтобы получить сразу какую-либо сумму на собственное пропитаніе; и въ этомъ случаѣ скупщикъ могъ въ любое время потребовать у него станокъ и оставить его безъ работы. Вслѣдствіе этого—говоритъ Доренъ—„имѣя собственное хозяйство и работая у себя на дому, ткачъ все-таки является рабочимъ вполнѣ зависимымъ отъ того или другого капиталиста; юридически онъ вправѣ продать свою рабочую силу любому скупщику, но фактически онъ потерялъ свою свободу“ [1]) [2]).

Въ 1667 году въ ліонской шелковой промышленности торговцы шелковыми издѣліями были приняты въ составъ ткацкаго цеха и этимъ добились равноправія съ мастерами, производившими шелковыя матеріи, бархатъ, парчу и т. п. Однако, этимъ скупщики не удовлетворились. Въ тотъ же статутъ 1667 года были внесены постановленія, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьевъ и совершенно отдавались во власть мастеровъ-скупщиковъ. „Регламентомъ 1667 года—говоритъ Годаръ—мастера, работающіе на скупщика, приравнивались къ подмастерьямъ: какъ и послѣдніе, они лишались права отказываться

[1]) Doren. Die Florentiner Tuchindustrie vom vierzehnten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart. 1901. p. 260. 264—270.

[2]) Изъ опубликованныхъ Эспинасомъ (Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgesch. B. II. p. 88—90.) документовъ, относящихся къ промышленной дѣятельности суконщика г. Дуэ (во Фландріи) Jehan Boine Broke (начала XIV вѣка) можно усмотрѣть, что работавшіе на него мастера находились въ полной зависимости отъ него не только вслѣдствіе полученной впередъ платы, но и по той причинѣ, что они вынуждены были жить въ принадлежащихъ ему домахъ—они всегда были у него въ долгу за квартиру и онъ имѣлъ возможность въ любое время не только лишить ихъ работы, но и выселить изъ своего дома.

отъ работы на скупщика, не предупредивъ его объ этомъ мѣсяцомъ раньше, не окончивъ начатой работы и не возвративъ полученнаго задатка. Послѣднее могъ сдѣлать за мастера, въ случаѣ его несостоятельности, новый скупщикъ, который ему давалъ заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который бы согласился на это, и мастеръ-кустарь рисковалъ остаться въ теченіе продолжительнаго времени безъ работы; выбирая изъ двухъ золъ меньшее, онъ продолжалъ работать на того же скупщика даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Тотъ же статутъ содержалъ слѣдующее постановленіе: мастеръ, который даетъ работу другому мастеру, подвергается штрафу въ 60 ливровъ, если онъ не удостовѣрился въ томъ, остался ли этимъ мастеромъ доволенъ тотъ, на котораго онъ раньше работалъ. „Такимъ образомъ—жаловались мастера—стоитъ только, чтобы мастеръ-производитель не понравился скупщику, на котораго онъ работаетъ, и онъ лишается работы на продолжительное время; мастеръ никогда не можетъ разсчитывать получить заработокъ, если онъ не умѣетъ покорностью и низкопоклонничествомъ добиться милости у своего хозяина“. Уже въ 1667 году, слѣдовательно, мастера находились во власти скупщиковъ. Мастеру оставался одинъ только исходъ—сбывать товары на собственный счетъ въ томъ случаѣ, когда онъ не сумѣлъ поладить со скупщикомъ и не получилъ отъ него соотвѣтствующаго свидѣтельства; когда онъ былъ въ долгу у скупщика, онъ конечно не имѣлъ и этого выхода. Но и правомъ производства на собственный счетъ мастеръ-производитель обладалъ не долго: мастера-скупщики всячески старались лишить его этого права. Въ 1707 году мастера были раздѣлены на два класса: на лицъ, работающихъ за собственный счетъ или заказывающихъ работу другимъ, и лицъ, работающихъ исключительно на другихъ и не пользующихся правомъ самостоятельнаго сбыта товаровъ. Для того, чтобы войти въ число первыхъ, надо было уплатить сначала двѣнадцать, а четыре года спустя уже триста ливровъ,—сумму огромную для того времени; малосостоятельные мастера-производители совершенно не въ состояніи были добыть такую массу денегъ. А статутъ 1712 года различаетъ уже три категоріи, именно: мастеровъ-скупщиковъ, которые сами не

вправѣ производить товаровъ, мастеровъ, работающихъ на собственный счетъ, и наконецъ, мастеровъ-кустарей. Первыхъ насчитывалось 200 человѣкъ; количество самостоятельныхъ мастеровъ—говорится въ статутѣ—колеблется изо-дня въ день, ибо какъ только наступаютъ какія-либо невыгодныя для нихъ обстоятельства, они сейчасъ же становятся кустарями. Послѣднихъ, наконецъ, 3—4 тысячи, такъ что на каждаго скупщика приходится около 15—20 человѣкъ, нѣкоторые же изъ нихъ даютъ заказы цѣлой сотнѣ рабочихъ. Какъ мы видимъ, скупщикамъ удалось, и сократить конкурренцію въ своей средѣ, и подчинить себѣ мастеровъ-ткачей, которые первоначально были равноправны и даже пользовались извѣстными преимуществами предъ ними. Въ статутѣ 1744 года встрѣчаются тѣ же три категоріи членовъ цеха, но для первой категоріи—для скупщиковъ, вступительный взносъ увеличенъ съ 300 до 800 ливр., а для второй—для самостоятельныхъ мастеровъ, онъ установленъ въ 200 ливр.; при этомъ послѣдніе не могутъ имѣть болѣе двухъ ткацкихъ станковъ. Это были новыя ограниченія для мастеровъ, которыя еще болѣе усилили монополію скупщиковъ: 800 ливровъ была такая крупная сумма, которая преграждала доступъ въ среду скупщиковъ, а взносъ въ размѣрѣ 200 ливр. лишалъ кустарей возможности перейти въ категорію самостоятельныхъ мастеровъ; впрочемъ, невозможность держать болѣе двухъ станковъ была столь невыгодна (кустари имѣли обыкновенно 4 станка), что отнимала всякую охоту стать самостоятельнымъ мастеромъ. Что касается остальныхъ мѣръ закрѣпощенія кустарей, то лишь право не отпускать рабочаго до возвращенія полученнаго задатка или уплаты его новымъ хозяиномъ кустаря, было нѣсколько ограничено. Задатокъ, который могъ получать мастеръ, былъ ограниченъ сначала 300, а затѣмъ 500 ливр., и кромѣ того скупщикъ могъ удержать за долги не болѣе $^1/_8$ заработной платы. Аттестаты же, выдаваемые скупщиками, несмотря на протестъ рабочихъ, сохранились и впослѣдствіи. Съ 1702 года существовало еще одно постановленіе въ угоду предпринимателямъ и въ ущербъ рабочимъ: мастеръ не можетъ одновременно работать на двухъ скупщиковъ безъ письменно выраженнаго согласія того скупщика, отъ котораго онъ получилъ раньше заказъ, причемъ не указано, что должно произойти въ слу-

чаѣ отказа выдать такое разрѣшеніе. Въ 1744 году это постановленіе подтверждается вновь [1]).

Въ Ліонѣ скупщики достигаютъ того, что кустари лишаются возможности самостоятельно сбывать свои издѣлія на рынкѣ. Борьбы изъ за права кустарей сбывать произведенныя ими ткани другимъ скупщикамъ, не входящимъ въ составъ цеха, мы въ Ліонѣ не замѣчаемъ. Да ея и не могло быть, ибо съ начала XVII вѣка былъ провозглашенъ принципъ, по которому торговать шелковыми тканями могли только лица, принадлежащія къ цеху ткачей. Поэтому-то купцы и были приняты въ составъ цеха въ 1667 году. Иное дѣло въ Германіи. Здѣсь мы находимъ обыкновенно не одну корпорацію, а двѣ: скупщики не только фактически, но и формально вполнѣ отдѣлились отъ рабочихъ. Поэтому здѣсь для достиженія монопольнаго положенія, для возможности надлежащей эксплоатаціи кустарей-рабочихъ, имъ необходимо было не только стѣснить доступъ въ свою среду и воспрепятствовать кустарямъ самостоятельно сбывать произведенные ими продукты, но и заставить ихъ сбывать свои издѣлія исключительно данной корпораціи скупщиковъ, а не какимъ-либо инымъ организаціямъ скупщиковъ или отдѣльнымъ купцамъ помимо данной корпораціи.

Въ Германіи скупщики дѣйствительно добиваются этого права вездѣ и и повсюду. Постановленіе относительно запрещенія сбыта товаровъ, помимо корпораціи скупщиковъ, мы встрѣчаемъ въ игрушечномъ производствѣ Мейнингена, гдѣ купцы составляютъ организацію, состоящую изъ 26 поименно указанныхъ фирмъ Зоннеберга и 4 фирмъ, находящихся въ окрестныхъ селахъ, и гдѣ они обладаютъ исключительной монополіей сбыта всѣхъ произведенныхъ кустарями издѣлій; они руководствуются принципомъ свободной конкурренціи для рабочихъ и принципомъ монополіи для купцовъ [2]). Мы встрѣчаемъ его и въ чулочномъ производствѣ Апольды и Эрлангена (Баварія): мастеръ можетъ войти въ составъ корпораціи скупщиковъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ состояніи давать заказы на 12 станковъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ сбывать собственныя издѣ-

[1]) Godart. L'ouvrier en soie. T. I. p. 89—92. 180—184. 187—190.
[2]) Sax. Hausindustrie in Thüringen. B. I. p. 12—15.

лія лишь обладая такимъ имуществомъ, которое давало бы ему возможность держать на складѣ между одной ярмаркой и другой 20—40 дюжинъ чулокъ [1]). Если же мастеръ не удовлетворяетъ ни тому, ни другому условію (что было наиболѣе частымъ явленіемъ, ибо для выполненія этихъ условій требовался значительный капиталъ), то онъ можетъ работать на скупщиковъ и притомъ исключительно для мѣстной корпораціи ихъ. Мы встрѣчаемъ это постановленіе далѣе въ Моравіи, гдѣ основанная въ 1592 году компанія суконщиковъ не допускаетъ продажи произведенныхъ кустарями издѣлій другимъ лицамъ [2]); въ Эльзасѣ, гдѣ нѣсколько купцовъ обладаютъ привилегіей исключительнаго сбыта ситцевыхъ или полуситцевыхъ матерій, изготовляемыхъ въ Маркирхѣ и Зиренцѣ и на всемъ пространствѣ между Страсбургомъ и горами, отдѣляющими Франшконте отъ Эльзаса [3]); наконецъ, въ Саксоніи и Вюртембергѣ.

Въ 1764 году въ саксонскомъ Фогтландѣ установлена, съ одной стороны, обязанность скупщиковъ принимать весь произведенный кустарями продуктъ (въ другихъ мѣстахъ этого постановленія, какъ мы увидимъ ниже, не существовало), а съ другой стороны—обязанность прядильщиковъ и ткачей сбывать всѣ свои произведенія корпораціи скупщиковъ: они не могутъ ни продавать ихъ другимъ скупщикамъ, ни самостоятельно торговать ими. Корпорація мѣстныхъ скупщиковъ обладала, слѣдовательно, монополіей въ области сбыта бумажныхъ издѣлій, а для того, чтобы въ составъ этой корпораціи не могли войти ни кустари, ни посторонніе купцы, было установлено (еще въ 1618 году), что только жители г. Плауена могутъ торговать бумажными издѣліями, а въ статутѣ 1663 года прибавлено, что въ корпорацію скупщиковъ принимаются (какъ и въ чулочномъ производствѣ Эрлангена и Апольды) только тѣ лица, которыя въ состояніи держать, въ случаѣ необходимости, извѣстное количество товаровъ у себя на складѣ и доставлять на лейпцигскую ярмарку для продажи не менѣе 600 штукъ товара. Въ 1715 году это послѣднее

---

[1]) Schanz. Industrie und Kolonisation in Franken. B. II. p. 188. 272.

[2]) Werner. Urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft. Leipzig. 1861. p. 64 и сл.

[3]) Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie, p. 26—27.

требованіе было замѣнено другимъ: для вступленія въ корпорацію купцовъ необходимо обладать имуществомъ въ размѣрѣ 100 гульденовъ, впослѣдствіи (съ 50-хъ годовъ) въ размѣрѣ 500—600 талеровъ, а съ 1764 года уплатить кромѣ того и вступительный взносъ въ 50 талеровъ [1]).

Купцамъ г. Кальва (Вюртембергъ) уже въ концѣ XVI вѣка удалось вытѣснить иностранныхъ предпринимателей и занять преобладающее положеніе въ этой мѣстности. Преимущество среди нихъ принадлежало тѣмъ, которые одновременно съ торговлей занимались и красильнымъ промысломъ, ибо, какъ мы видѣли выше, изъ красильщиковъ вышли первые скупщики. Но при установленіи заработной платы кустарей красильщики вступили въ соглашеніе съ прочими купцами для устраненія конкурренціи на рынкѣ труда. Вскорѣ, именно въ началѣ XVII вѣка, имъ удалось добиться и другой выгоды, лишить мастеровъ права заниматься красильнымъ промысломъ. Такъ какъ на ярмарки доставлялись только крашеныя матеріи, то мастера очевидно находились отнынѣ въ зависимости отъ скупщиковъ-красильщиковъ, которымъ вынуждены были сбывать всѣ свои издѣлія: сами они не имѣли болѣе возможности торговать своими издѣліями. Такимъ образомъ, уже въ первой половинѣ XVII вѣка власть скупщиковъ надъ кустарями была значительна, но еще болѣе она усилилась начиная съ 1650 года, когда была основана корпорація скупщиковъ, которая представляла собою полное товарищество, хотя и называлась до 1665 года красильнымъ цехомъ. Съ этихъ поръ монопольное положеніе корпораціи скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Прежде всего она пріобрѣла исключительное право торговли всѣми тѣми сортами матеріи, которыя являлись наиболѣе ходячими на рынкѣ; другимъ купцамъ Вюртемберга и мастерамъ была запрещена торговля этими издѣліями. Далѣе, кустари, производившіе матерію, были лишены права входить въ сношенія съ красильщиками, не принадлежащими къ компаніи скупщиковъ г. Кальва, имъ было запрещено сбывать свои издѣлія другимъ купцамъ, проживающимъ въ этой мѣстности; наконецъ, ихъ право сбыта собственныхъ произведеній всячески сокращалось, пока оно

[1]) Bein. B. II. Textilindustrie. p. 41—48. 62. 74—79.

не было совершенно уничтожено въ 1658 году. Кустари были обязаны предлагать всѣ свои издѣлія компаніи и лишь тѣ, которыя она отказалась принять, они могли продавать поштучно или аршинами внутри страны или заграницу. Съ 1705 года компанія пріобрѣла право накладывать штемпель на непринятыя ею товары и только этими штемпелеванными матеріями могли торговать мастера. „Вслѣдствіе этого,—говоритъ Трельтшъ—ткачи, жившіе на большомъ разстояніи отъ г. Кальва, были вынуждены нести туда товаръ даже въ томъ случаѣ, если они были увѣрены, что онъ не будетъ принятъ компаніей. При отвратительномъ состояніи дорогъ это влекло за собой потерю по крайней мѣрѣ цѣлаго дня, къ которой въ случаѣ отказа присоединялась еще потеря времени до окончательнаго сбыта товара; многіе на обратномъ пути пропивали вырученныя тяжелымъ трудомъ деньги; наконецъ, необходимость этой процедуры вынуждала нерѣдко кустаря довольствоваться меньшей платой, лишь бы избѣжать болѣе значительныхъ неудобствъ. Далѣе, штемпель, наложенный на непринятый компаніей товаръ, разсматривался повсюду какъ позорное клеймо. Съ ѣдкой ироніей ткачи называли этотъ штемпель „voulez-vous“, указывая этимъ на его значеніе. Штемпелеванный кусокъ матеріи терялъ часть своей стоимости. Наконецъ, очень существеннымъ обстоятельствомъ являлось то, что ткачамъ дозволялось лишь продавать свои издѣлія на мѣстѣ, но запрещалось пересылать ихъ въ другія мѣста. Это запрещеніе лишало ихъ возможности использовать надлежащимъ образомъ право сбыта собственныхъ издѣлій“. Подобнымъ же образомъ компанія стѣсняла и сбытъ пряжи. Прядильщицамъ, жившимъ въ округѣ г. Кальва (Moderationsbezirk) запрещалось сбывать свою пряжу мастерамъ черезъ границу; онѣ должны были продавать ее ткачамъ, работавшимъ для компаніи, и только въ случаѣ отсутствія спроса со стороны послѣднихъ могли, съ разрѣшенія администраціи, доставлять пряжу другимъ лицамъ. Въ своемъ округѣ компанія не допускала никакого другого предпріятія, которое производило бы шерстяныя издѣлія. Она желала сохранить за собой полную монополію въ Moderationsbezirk'ѣ (20 кв. миль) и устанавливать условія труда, не считаясь съ какой бы то ни было конкурренціей. И этого она вполнѣ достигла. Кустари-ра-

бочіе находились въ полной фактической и юридической зависимости отъ компаніи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они набирались смѣлости открыто возставать противъ дѣйствій компаніи; часто все ограничивалось пассивнымъ противодѣйствіемъ. Большая же часть населенія до того свыклась со своимъ положеніемъ, до того привыкла къ своей участи и до того лишена была энергіи, что вовсе и не думала о протестѣ и сносила терпѣливо свое ярмо, не помышляя даже о возможности улучшенія своей судьбы [1]).

Въ такомъ же положеніи находились кустари и въ другой не менѣе важной отрасли промышленности—производствѣ металлическихъ издѣлій. Такъ, въ ножевомъ производствѣ Золингена весь XVIII вѣкъ наполненъ борьбою изъ-за заработной платы. Мастера постоянно жалуются на купцовъ. Мастеръ долженъ былъ „смотрѣть купцу въ глаза, плясать подъ его дудку“; въ противномъ случаѣ купецъ лишалъ его куска хлѣба и записывалъ на „черную доску“. Если кустарь требовалъ въ судебномъ порядкѣ причитающейся ему платы, то купецъ сообщалъ объ этомъ другимъ купцамъ и убѣждалъ ихъ не давать этому мастеру работы. Да и жалобы кустарей были безцѣльны: купцы захватили въ свои руки должности фогтовъ и ратмановъ, заправляли ремеслами и чинили судъ и расправу [2]). Въ желѣзодѣлательномъ производствѣ Зигена (Вестфалія) съ конца XVI вѣка право торговли желѣзными товарами принадлежало исключительно купцамъ, вышедшимъ изъ среды мастеровъ, занимавшихся конечными процессами производства (рейдтмейстеровъ). Борьба между ними и кузнецами-рабочими продолжалась еще цѣлое столѣтіе и соглашеніемъ 1621 года послѣднимъ временно удалось добиться лучшихъ условій труда и заработной платы; но всѣ ихъ усилія оказались въ результатѣ безполезными: спустя нѣсколько лѣтъ соглашеніе потеряло свое значеніе и съ конца XVII вѣка монопольное положеніе скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Кустари являлись совершенно зависимыми отъ нихъ рабочими [3]).

---

[1]) Troeltsch. p. 19—20. 27—28. 49. 55—56. 74—75. 83. 89—95. 125—133.

[2]) Thun. B. II. p. 35—41.

[3]) Stein. Die Zunft der Hammerschmiede und der Massenbläser zu Siegen von 1516—1830. Frankfurt. a. M. 1896. p. 64—71. 85. 92. 95. 99. 106.

Такимъ образомъ, капиталисты-предприниматели повсюду сумѣли создать себѣ монопольное положеніе по отношенію къ кустарямъ-рабочимъ. Они раздѣлили страну на районы и въ каждомъ районѣ господствовала опредѣленная корпорація скупщиковъ, отъ которой зависѣло все мѣстное населеніе. Конкурренція устранялась прежде всего тѣмъ, что всѣ произведенія поступали въ руки корпораціи скупщиковъ и не могли сбываться помимо нея, далѣе тѣмъ, что не допускалось соединеніе торговли и промысла въ однихъ рукахъ, и, наконецъ, тѣмъ, что вступленіе въ корпорацію скупщиковъ ставилось въ зависимость отъ обладанія значительнымъ для того времени капиталомъ.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ, обусловливавшихъ очерченный нами образъ дѣйствій скупщиковъ, являлось положеніе рынка сбыта, паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, вслѣдствіе появленія конкурренціи на рынкѣ. Мы видѣли выше, какъ сильно понизились цѣны на фабрикаты сравнительно съ цѣнами на сырье и уменьшилась та часть цѣны, изъ которой покрывалась заработная плата и прибыль, мы видѣли, что скупщики потеряли ту часть прибыли, которую въ средніе вѣка уплачивалъ потребитель, и цѣна стала совпадать съ трудовой цѣнностью товара [1]). Но скупщики не желали допустить пониженія прибыли и то, что они потеряли на потребителѣ, старались наверстать на рабочемъ. „Въ кустарной промышленности — говоритъ Швидландъ—торговцу приходится бороться съ конкурренціей на рынкѣ сбыта, и онъ сокращаетъ плату производителя товаровъ для того, чтобы посредствомъ пониженія цѣны продуктовъ расширить свои обороты. Кустарю же, производящему товары, тѣмъ труднѣе бороться съ стремленіемъ купца къ уменьшенію издержекъ производства, чѣмъ болѣе сильна конкурренція среди купцовъ при сбытѣ промышленныхъ издѣлій [2]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда купцы данной мѣстности выступали на рынкѣ въ качествѣ организованнаго цѣлаго, что бывало да-

---

[1]) Ср. Ниже, гл. девятую, V.

[2]) Schwiedland. Die Entstehung der Hausindustrie mit Rücksicht auf Oesterreich. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1892. B. I. p. 158.

леко не всегда [1]), имъ трудно было удержать условленную заранѣе цѣну, ибо кромѣ нихъ на рынокъ являлись купцы изъ другихъ мѣстъ, такъ что невозможно было избѣжать конкурренціи. Такой рынокъ напр., какъ лейпцигская ярмарка посѣщался купцами, пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ Европы [2]). А коль скоро часть купцовъ начинала сбивать цѣну, вся организація распадалась, ибо отдѣльные члены ея уже не считали возможнымъ держаться условленной цѣны, понижая цѣну все болѣе и болѣе. И это паденіе цѣнъ отражалось на кустаряхъ-рабочихъ [3]).

VII

При сильной конкурренціи среди рабочихъ, съ одной стороны, при монопольномъ положеніи предпринимателей, съ другой стороны, заработная плата въ промышленности XVI — XVIII ст. не могла быть высока. Однако, заработная плата опредѣлялась не однимъ взаимоотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, не одной силой предпринимателей и рабочихъ на рынкѣ труда. Большое вліяніе на высоту заработной платы имѣло и государство,

---

[1]) Въ чулочномъ производствѣ Эрлангена напр., скупщики сильнѣйшимъ образомъ конкуррировали другъ съ другомъ и сбивали цѣну на товары, а затѣмъ вознаграждали себя за низкую цѣну на заработной платѣ, уплачиваемой кустарямъ. (Schanz. Industrie und Kolonisation. B. I. p. 72 и сл. 107 и сл.) Точно также конкурренція среди купцовъ, сбывавшихъ золингенскіе ножи, преимущественно въ Голландіи (въ XVII—XVIII ст.), привела къ всеобщему паденію цѣнъ на ножевой товаръ; скупщики же старались наверстать свою прибыль на качествѣ товара (давая рабочимъ худшій матеріалъ) и на заработной платѣ. (Thun. B. II. p. 28—29.)

[2]) См. Hasse. Geschichte der Leipziger Messen. (Preisschriften der Jablonowsky'schen Gesellschaft).

[3]) Въ хлопчатобумажной промышленности саксонскаго Фогтланда было постановлено, что каждый торговецъ вправѣ возить на ярмарку не болѣе извѣстнаго количества товаровъ и обязанъ придерживаться опредѣленной цѣны. Однако, оно не соблюдалось не только тогда, когда число купцовъ было значительно, но и впослѣдствіи, когда доступъ въ купеческую корпорацію былъ сильно стѣсненъ. Позже скупщики г. Плауена стали сообща устанавливать минимумъ цѣны сбываемыхъ товаровъ передъ каждой лейпцигской ярмаркой, предоставляя, однако, каждому продавать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ. Но

устанавливавшее ее прямо или косвенно, либо непосредственно опредѣляя высоту ея, либо утверждая соглашенія относительно платы, происходившія между предпринимателями и рабочими. Пуфендорфъ (De officio hominis et civis), писавшій во второй половинѣ XVII вѣка, справедливо указываетъ на то, что только въ естественномъ состояніи, гдѣ господствуетъ полная свобода дѣйствій, цѣна и заработная плата опредѣляются исключительно договоромъ, заключаемымъ сторонами, тогда какъ въ (современномъ ему) государствѣ моментами, вліяющими на высоту цѣны и заработной платы, являются также законы и административныя распоряженія правительства.

Какую же цѣль преслѣдовало государство, вмѣшиваясь въ установленіе заработной платы? На это намъ даетъ отвѣтъ экономическая литература XVII и XVIII ст. Грегори Кингъ (Natural and Political Observations), сочиненія котораго относятся ко второй половинѣ XVII вѣка, раздѣляетъ все населеніе на двѣ категоріи: первая увеличиваетъ богатство страны, вторая уменьшаетъ его. Къ первой группѣ относятся дворяне и чиновники, землевладѣльцы, арендаторы, промышленники и купцы; ко второй группѣ—рабочіе и пауперы, матросы, солдаты и бродяги (лица безъ опредѣленныхъ занятій). Рабочіе поставлены рядомъ съ пауперами (сидѣльцами работныхъ домовъ) и почти что приравнены къ нимъ. Они не увеличиваютъ богатствъ страны, а уменьшаютъ ихъ, „ѣдятъ хлѣбъ работодателя“. Другіе пи-

---

и это постановленіе выполнялось недолго, вскорѣ пониженіе цѣнъ снова началось. Каждый купецъ старался предупредить остальныхъ, каждый городъ старался побить другіе города и на минимальную цѣну никто не обращалъ болѣе вниманія. Поэтому цѣна на полосатый муслинъ значительно понизилась, въ то самое время, какъ цѣна сырья возрасла на 20 проц. Многіе скупщики прямо заявляли, что они отказываются придерживаться установленнаго минимума, ибо они исходили изъ новаго принципа—продавать товары дешево, но зато въ большомъ количествѣ. (Ср. выше, стр. 521 прим.). Но вслѣдствіе этого, имъ приходилось, понижать плату кустарямъ, такъ что въ результатѣ все таки страдали рабочіе. Попытка другихъ членовъ купеческой корпораціи заставить всѣхъ скупщиковъ подчиниться установленному минимуму, посредствомъ утвержденія его правительствомъ въ качествѣ обязательной цѣны, также не увѣнчалась успѣхомъ. (Beiп. B. II. p. 58. 78—79. 84—86).

сатели періода, предшествующаго Адаму Смиту, хотя и не придерживаются столь крайнихъ воззрѣній, но все-таки и ихъ отношеніе къ рабочему классу не можетъ быть названо доброжелательнымъ. Они настаиваютъ не на низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ ради пониженія заработной платы, какъ это нерѣдко утверждаютъ, а наоборотъ, на высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, ибо послѣднія заставляютъ людей больше работать для собственнаго пропитанія, слѣдовательно, усиливаютъ предложеніе труда и этимъ вызываютъ уменьшеніе заработной платы. Такъ, Вильямъ Петти (Political Arithmetic. 1631.) находитъ, что удлиненіе рабочаго дня, сокращеніе промежутковъ для отдыха во время работы, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и вообще затрудненіе добыванія средствъ пропитанія для населенія необходимо въ цѣляхъ экономическаго прогресса страны. Вильямъ Темпль (Essay on the Trade of Ireland. 1673.) указываетъ на желательность введенія налога на хлѣбъ въ Ирландіи: при дешевизнѣ средствъ пропитанія промышленность не можетъ процвѣтать, ибо благодаря этой дешевизнѣ предложеніе труда уменьшается, а, слѣдовательно, возрастаетъ заработная плата, что очевидно невыгодно для промышленности. Оба они, и Петти и Темпль, ссылаются на голландскихъ писателей, въ особенности на Жана де-Витта, настаивающаго на необходимости пониженія заработной платы государствомъ. Точно также и Джонъ Гаугтонъ (Improvement of Husbandry and Trade. 1683.) является сторонникомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ онѣ вызываютъ пониженіе заработной платы и дѣлаютъ рабочихъ покорными слугами предпринимателей. Анонимный авторъ сочиненія „Considerations on Taxes“ 1765 года высказывается за повышеніе цѣнъ на пищевые продукты мѣрами правительства и притомъ настолько, чтобы шестидневная работа доставляла рабочему не болѣе того, что безусловно необходимо для поддержанія жизни. Далѣе, онъ требуетъ установленія максимальной заработной платы, выше которой никто не вправѣ платить, и минимальнаго рабочаго дня въ 14 часовъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сокращенъ. Наконецъ, и Артуръ Юнгъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ настаиваетъ на необходимости установленія правительствомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и низкой заработной платы въ интересахъ развитія англійской тор-

говли и промышленности [1]). Писатели противоположнаго направленія относящіеся дружелюбно къ рабочимъ, какъ напр., Чайльдъ, Вандерлинтъ, Постлеуайтъ, Фостеръ, высказываются противъ искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ и пониженія заработной платы мѣрами правительства, такъ какъ надежда на болѣе высокую плату является лучшимъ стимуломъ къ труду, и чѣмъ больше надежды на увеличеніе заработка и на улучшеніе матеріальныхъ условій, тѣмъ больше прилежаніе рабочаго, тѣмъ охотнѣе онъ трудится. Однако, какъ указываетъ Шульце-Геверницъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, первое направленіе, враждебное рабочимъ, было преобладающимъ вплоть до Адама Смита, и писатели второго направленія ограничивались обыкновенно общими разсужденіями, приводя гораздо меньше фактическаго матеріала въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, чѣмъ ихъ противники [2]).

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ, почему Адамъ Смитъ задаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать улучшеніе въ условіяхъ жизни рабочаго класса благополучіемъ или несчастіемъ для страны, почему онъ находитъ нужнымъ доказывать, что улучшеніе положенія рабочихъ выгодно для страны. Не можетъ быть признано—говоритъ онъ—процвѣтающимъ и счастливымъ то общество, большая часть котораго находится въ бѣдности и нищетѣ. Кромѣ того, самая справедливость требуетъ, чтобы тѣ, которые кормятъ, одѣваютъ и доставляютъ жилище всему обществу, получали такую часть произведеній своего собственнаго труда, которая достаточна для доставленія имъ удовлетворительной пищи, одежды и жилища“ [3]). Эти слова Адама Смита показались странными уже Бланки въ 30-хъ годахъ XIX вѣка,

---

[1]) Другіе указываютъ на то, что пониженіе заработной платы въ шерстяной промышленности было бы счастьемъ и благодѣяніемъ для страны и не составляло бы несправедливости по отношенію къ бѣднымъ (рабочимъ), оно было бы прекраснымъ средствомъ для развитія англійской торговли и для повышенія рентъ. (I. Smith. Memoirs of wool. II. 308). Ср. Mantoux. p. 48—49.

[2]) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb. Leipzig. 1892. Einleitung.

[3]) Adam Smith. Wealth of Nations. B. I. Ch. VIII. Англ. изд. Маккеллоха 1863. p. 36. (Рус. пер. Бибикова. Спб. 1866. Т. I, стр. 220).

который сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе къ нимъ. „Почтенный докторъ Смитъ считаетъ себя почти обязаннымъ доказывать, что благосостояніе рабочихъ классовъ не составляетъ особеннаго зла. Наступитъ время, когда всѣ усилія правительства будутъ направлены преимущественно къ доставленію благосостоянія этимъ классамъ". Еще болѣе приводятъ въ удивленіе слова Адама Смита современнаго читателя: съ какой стати Адаму Смиту понадобилось останавливаться на подобномъ вопросѣ, не возбуждающемъ въ настоящее время никакого сомнѣнія? Онъ даже склоненъ поставить это въ вину автору, который очевидно допускалъ, что по этому вопросу могутъ существовать два мнѣнія. Но если имѣть въ виду, что въ эпоху Адама Смита этотъ вопрссъ дѣйствительно являлся очень спорнымъ и рѣшался обыкновенно въ неблагопріятномъ для рабочаго населенія смыслѣ, тогда станетъ понятнымъ, что Адаму Смиту пришлось употребить все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить своихъ многочисленныхъ противниковъ и заставить ихъ отказаться отъ ложнаго взгляда.

Практика вполнѣ соотвѣтствовала господствовавшей теоріи. Закономъ Елисаветы 1563 года предписывалось мировымъ судьямъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и магистратамъ (шерифамъ, белифамъ) въ городахъ ежегодно спустя шесть недѣль послѣ пасхи устанавливать и ограничивать (declaration and limitation) заработную плату прислуги, рабочихъ и ремесленниковъ, причемъ мировымъ судьямъ предоставлялось опредѣлять плату, какъ тѣхъ рабочихъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ и учениковъ, плата которыхъ установлена прежними статутами или законами, такъ и тѣхъ, плата которыхъ ранѣе не опредѣлялась. § 11 того же закона грозилъ 10 днями тюремнаго заключенія и 5 ф. ст. штрафа всякому предпринимателю, дающему выше установленной мировыми судьями платы, и 21 днемъ заключенія рабочему, берущему больше установленной платы. Наоборотъ, предлагать и получать ниже опредѣленной судьями платы никому не возбранялось, по крайней мѣрѣ, наказанія за это никакого не полагалось. И дѣйствительно, заработная плата опредѣляемая мировыми судьями, признавалась максимальной; въ ихъ опредѣленіяхъ говорится: рабочій или мастеръ долженъ получать не бо-

лѣе, чѣмъ столько-то [1]). Дѣйствительная плата была, по вычисленіямъ Роджерса, всегда выше той, которая устанавливалась мировыми судьями, хотя точно опредѣлить разницу между той и другой очень трудно: Роджерсъ вычисляетъ среднюю заработную плату для всей Англіи, плата же установленная мировыми судьями, извѣстна лишь для того или другого графства. Однако, уже изъ такого сопоставленія, сдѣланнаго Роджерсомъ, видно, что дѣйствительная плата была во всякомъ случаѣ нѣсколько выше предписанной мировыми судьями [2]). Повидимому, это именно имѣлъ въ виду Адамъ Смитъ, говоря, что „всегда, когда законъ старался установить заработную плату рабочаго, онъ желалъ скорѣе понизить ее, чѣмъ повысить..., однако не достигалъ своей цѣли, и ему никогда не удавалось понизить плату рабочихъ до установленнаго имъ уровня, потому что онъ не въ силахъ былъ воспрепятствовать имъ получать бо́льшую плату, благодаря конкурренціи, господствующей среди лицъ, нанимающихъ рабочихъ“ [3]). Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что рабочіе не высказывали никакого сожалѣнія по поводу того, что обычай установленія заработной платы вышелъ изъ употребленія въ XVIII вѣкѣ, и даже были довольны происшедшей перемѣной. Поскольку же они еще въ послѣдней четверти XVIII вѣка требовали опредѣленія платы мировыми судьями, это объяснялось—какъ указываетъ Цвидинекъ—тѣмъ, что „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъ установленная плата сохранилась безъ измѣненій въ теченіе многихъ десятилѣтій, впродолженіе 70 и болѣе лѣтъ, и вслѣдствіе сильнѣйшаго вздорожанія хлѣба, начиная съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка, рабочій уже не въ состояніи былъ существовать при этой платѣ“ [4]) [5]). А между тѣмъ предприниматель опирался при

[1]) Cunningham. T. II, p. 359—360.

[2]) Rogers. History of Agriculture and Prices. T. V. p. 825 и сл.

[3]) Ad. Smith. B. I. Ch. X. P. 2. p. 65.

[4]) Zwiedineck-Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie. p. 74—75.

[5]) Въ первой половинѣ XVIII вѣка—какъ указываетъ Кэннингэмъ—нормировка заработной платы мировыми судьями происходитъ еще довольно часто, хотя во многихъ случаяхъ они ограничиваются подтвержденіемъ прежнихъ постановленій, не измѣняя платы, несмотря на вздорожаніе пищевыхъ продуктовъ. Cunningham. Growth of English Industry. T. II, p. 359 и сл.

заключеніи рабочаго договора на плату, установленную мировымъ судьей, и поэтому рабочій имѣлъ всѣ основанія настаивать на томъ, чтобы эта плата была измѣнена.

Законъ 1563 года, повидимому, не распространялся на рабочихъ суконной промышленности, по крайней мѣрѣ, не примѣнялся къ нимъ, ибо въ 1597 году было разъяснено, въ предупрежденіе недоразумѣній, что мировые судьи должны устанавливать заработную плату и для рабочихъ въ этой отрасли производства. Въ законѣ 1603 года къ этому было прибавлено: если суконщикъ-предприниматель (clothier) даетъ ткачамъ, прядильщикамъ и другимъ рабочимъ и работницамъ плату ниже установленной, то онъ подвергается штрафу въ 10 шиллинговъ. Такимъ образомъ, рабочіе въ суконной промышленности были поставлены въ исключительно благопріятное положеніе; для нихъ максимальная плата являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и минимальной [1]).

Въ этомъ же законѣ мы находимъ однако еще одно любопытное постановленіе, изъ котораго видно, какое значеніе могла имѣть для рабочихъ даже минимальная плата, нормированная мировыми судьями. Законъ 1603 года запрещаетъ скупщику, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и мировымъ судьей, принимать участіе въ установленіи заработной платы для ткачей, валяльщиковъ, прядильщиковъ и другихъ мастеровъ, работающихъ въ суконной промышлен-

---

[1]) Въ соотвѣтствующемъ законодательномъ актѣ для Шотландіи 1617 года мировымъ судьямъ поручается заботиться о томъ, чтобы плата не была ни выше ни ниже установленной. (Cunningham. II, p. 43 прим. 1). Наоборотъ, въ статутѣ для Новой Англіи 1633 года запрещалось давать лишь болѣе высокую плату, именно болѣе 14 пенс. и болѣе 2 шилл., смотря потому, получалъ ли рабочій пищу отъ предпринимателя или нѣтъ; причемъ въ слѣдующемъ году было прибавлено, что наказывается лишь тотъ, кто требовалъ слишкомъ много, но не тотъ, кто уплатилъ. (Cunningham. II, p. 107, прим. 1 и Caroll D. Wright. Industrial Evolution. Chap. IX). Въ Англіи максимальная плата устанавливалась и впослѣдствіи. Такъ, законъ 1768 года запрещаетъ подъ страхомъ высокой пени всякому мастеру-портному въ Лондонѣ и его окрестностяхъ платить своимъ рабочимъ а послѣднимъ брать болѣе 2 шилл. 7 пенс. въ день, за исключеніемъ случаевъ общественнаго траура. (Adam Smith. Ch. X. P. 2. p. 65, русск. пер., стр. 313).

ности [1]). Однако, какъ указываетъ Фредерикъ Эденъ, писавшій въ концѣ XVIII вѣка, это постановленіе не соблюдалось. „Важнымъ недостаткомъ статута Елисаветы — говоритъ онъ—является то, что, расширивъ власть судей и поручивъ имъ нормировку платы для рабочихъ и работницъ въ различныхъ отрасляхъ производства, онъ значительно усилилъ власть предпринимателей (master-manufacturers) надъ рабочими. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ эти лица, благодаря своему богатству, имѣютъ возможность пріобрѣсти званіе мирового судьи, рабочіе несомнѣнно находятся въ полной зависимости отъ своихъ работодателей“ [2]). Въ законахъ, начиная съ 1708 года, постоянно указывается и на то, что только тѣ мировые судьи могутъ рѣшать споры между предпринимателями и рабочими, которые не принадлежатъ къ числу скупщиковъ и не заинтересованы какимъ-либо инымъ образомъ въ суконной промышленности. Изъ того, что это постановленіе повторяется многократно, видно, что и оно не исполнялось, что и здѣсь, какъ и при установленіи заработной платы, скупщики были судьями въ собственномъ дѣлѣ [3]). Какъ указываетъ Ломанъ, мировые судьи въ Англіи хотя и назначались центральнымъ правительствомъ, но изъ лицъ, живущихъ въ той же мѣстности, причемъ въ XVI—XVIII ст., когда торговцы шерстью и суконщики заняли важное соціальное положеніе, мировые судьи назначались въ большомъ количествѣ изъ числа скупщиковъ-предпринимателей [4]). Поэтому-то плата, устанавливаемая ими, была обыкновенно ниже той, которая уплачивалась въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше. Поэтому и положеніе рабочихъ въ суконной промышленности было еще менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе ихъ въ другихъ отрасляхъ производства, хотя для первыхъ устанавливаемая плата и

[1]) Lohmann. p. 28—30. 38—45. 59—64.

[2]) Eden. State of the Poor. 1797. T. I, p. 142. (Цит. Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. I, p. 439).

[3]) Нѣчто подобное происходило въ Англіи и въ началѣ XIX вѣка, когда вводилось фабричное законодательство. Мировые судьи, которые разрѣшали споры между фабрикантами и рабочими, состояли во многихъ случаяхъ изъ фабрикантовъ, хотя законъ требовалъ, чтобы фабриканты въ такихъ случаяхъ устраняли себя отъ рѣшенія дѣла.

[4]) Lohmann. p. 61 и сл.

являлась минимальной: для рабочихъ въ суконной промышленности плату опредѣляли ихъ же хозяева-скупщики, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ рабочихъ плата нормировалась все-таки предпринимателями другихъ отраслей производства.

Во Франціи также во многихъ случаяхъ государство (либо центральное правительство, либо мѣстныя власти) устанавливаетъ высоту заработной платы, причемъ и здѣсь опредѣляется максимумъ платы. Такъ, въ 1687 г. постановлено, что плата для строительныхъ рабочихъ въ Парижѣ должна устанавливаться ежегодно, и запрещается требовать болѣе высокой платы подъ страхомъ тюремнаго заключенія или штрафа [1]). Въ XVI вѣкѣ плата парижскихъ наборщиковъ опредѣляется государствомъ, и также является максимальной; плата ліонскихъ наборщиковъ нормируется сенешаломъ [2]). Въ другихъ случаяхъ государство не столько имѣло въ виду интересы предпринимателей, сколько старалось предотвратить колебанія въ заработной платѣ. Примѣръ послѣдняго рода мы находимъ въ шелковой промышленности г. Тулузы. Въ статутѣ XVI вѣка, устанавливавшемъ плату, указывается на то, что цѣлью этого мѣропріятія является предупредить пониженіе заработной платы мастеровъ при сокращеніи сбыта бархатныхъ матерій и повышеніе ея при бойкомъ ходѣ промышленности: въ послѣднемъ случаѣ рабочіе могутъ столь сильно повысить плату, что скупщики вынуждены будутъ увеличить цѣну фабриката; вотъ это-то повышеніе цѣны государство и желаетъ предотвратить. [3]). Въ XVIII вѣкѣ „цеховые статуты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ устанавливали плату— говоритъ Левассеръ,—но заработная плата и притомъ максимальная плата, часто опредѣлялась ордонансами короля или муниципалитетовъ; подобныя мѣры въ тѣ времена никому не казались ненормальными. Какъ лица, получавшія плату выше установленнаго уровня, такъ и тѣ, которыя уплачивали или обѣщали ее, подвергались штрафамъ, доходившимъ въ послѣднемъ случаѣ до нѣсколькихъ тысячъ лив-

[1]) Hauser. p. 93.
[2]) Hauser. p. 99. Mellottée. T. I. p. 307—308.
[3]) Hauser. p. 96.

ровъ [1]). Что такого рода постановленія дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ воззрѣніямъ, видно напр., изъ того, что интендантъ Лангедока Баленвильe въ 1786 году выражаетъ свое удовольствіе по поводу распространенія промышленности въ селахъ, такъ какъ благодаря соединенію промысловъ съ земледѣліемъ заработная плата держится на низкомъ уровнѣ. А Биго де-Сентъ-Кроа въ своемъ сочиненіи: „Mémoire sur les corporations", признаетъ необходимымъ ограниченіе заработной платы и цѣны продуктовъ: все что можетъ быть сбережено,—говоритъ онъ—составляетъ выигрышъ для всякаго человѣка (потребителя), а также для предпринимателя [2]).

Еще любопытнѣе мысли, высказываемыя прусскимъ фабричнымъ директоромъ и членомъ королевской мануфактурной коммиссіи Майе, изложенныя имъ въ „Mémoire sur les manufactures de Lyon" въ 1786 году. Силу ліонской промышленности и основную причину того, что ліонскія издѣлія продаются по дешевой цѣнѣ, онъ усматриваетъ „въ низкой заработной платѣ, а это послѣднее обстоятельство вызывается слѣдующими двумя причинами: трудолюбіемъ и умѣренностью ліонскаго рабочаго". Для того, чтобы мануфактуры процвѣтали,—говоритъ Майе—необходимо, чтобы рабочій всегда имѣлъ лишь ровно столько, сколько ему нужно на пропитаніе и одежду, но никогда не болѣе этого. Слишкомъ хорошее матеріальное положеніе усыпляетъ дѣятельность, развиваетъ бездѣліе и другіе связанные съ нимъ пороки. Чѣмъ лучше благосостояніе рабочаго, тѣмъ труднѣе его заставить работать и тѣмъ большую онъ требуетъ плату. А разъ повысившись, заработная плата продолжаетъ и впослѣдствіи возрастать. Это потокъ, который уничтожаетъ всѣ находящіяся на его пути преграды. Поэтому для фабрикантовъ крайне важно держать рабочихъ въ такомъ положеніи, чтобы они постоянно нуждались въ работѣ. Они никогда не должны забывать того, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себѣ, но и потому, что при низкой платѣ рабочій болѣе

[1]) Levasseur. T. II, p. 831.

[2]) Levasseur. T. II, p. 403. 835. См. также. Jaurés. La constituante. p. 77. 135. Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XV. p. 281.

трудолюбивъ, болѣе скроменъ, болѣе покоренъ [1]). Мы находимъ здѣсь много общаго съ тѣмъ, что высказывалось англійскими писателями этой эпохи. И тутъ, и тамъ указывается на то, что заработная плата должна находиться на такомъ уровнѣ, при которомъ рабочій имѣетъ возможность удовлетворять лишь самыя необходимыя потребности, такъ какъ иначе власть предпринимателя надъ нимъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ дорожаютъ и производимые имъ товары, слѣдовательно, затрудняется конкурренція на рынкѣ.

Подобныхъ же взглядовъ придерживались и въ Австріи. По поводу установленія государствомъ платы для прядильщиковъ, Марія-Терезія писала слѣдующее. „Я вполнѣ одобряю прекрасное намѣреніе торговаго совѣта понизить заработную плату на нѣкоторыхъ мануфактурахъ для того, чтобы этимъ путемъ удешевить товары; хотя въ Вѣнѣ въ настоящее время трудно будетъ провести эту мѣру, въ виду усиливающейся дороговизны средствъ продовольствія, въ особенности послѣ того, какъ рабочіе получали въ теченіе продолжительнаго времени высокую плату“ [2]). Президентъ торговаго совѣта, осматривавшій въ 1762 году иголочную мануфактуру въ Надельбургѣ, находилъ, что плохой сбытъ ея издѣлій вызывается ихъ дороговизной, которая въ свою очередь является послѣдствіемъ „дорогой платы“, ибо рабочіе въ теченіе нѣсколькихъ дней зарабатываютъ столько, что они въ состояніи совсѣмъ не работать остальные дни [3]).

Наконецъ, и въ Пруссіи „въ правящихъ кругахъ развилось убѣжденіе, что удешевленіе производства и расширеніе рынка сбыта можетъ быть достигнуто преимущественно путемъ пониженія рабочей платы“. Въ лучшую пору своего существованія—говоритъ Молчановскій—цехи имѣли въ виду обезпечить мастерамъ приличный заработокъ не давая платѣ (или вѣрнѣе цѣнѣ продукта) упасть ниже опредѣленнаго уровня. Фридрихъ II, наоборотъ, употребляетъ

---

[1]) Цит. у Godart. L'ouvrier en soie, p. 266—267.

[2]) Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. T. I, p. 38.

[3]) Ibid., p. 107—108.

всѣ мѣры къ тому, чтобы понизить заработную плату въ производствахъ, предназначенныхъ для иностраннаго сбыта и, такимъ образомъ, завладѣть заграничными рынками [1]).

Что касается другихъ странъ, то во многихъ случаяхъ мы не находимъ никакого прямого вмѣшательства государства въ установленіе заработной платы: въ Базелѣ, въ Эльзасѣ, въ Саксоніи оно ограничивается запрещеніемъ скупщикамъ, подъ страхомъ наказанія, давать болѣе обычной платы и этимъ путемъ переманивать къ себѣ болѣе искусныхъ рабочихъ. Тамъ же, гдѣ государство принимало участіе въ установленіи платы, какъ напр., въ Вюртембергѣ, оно едва ли стояло на сторонѣ рабочихъ. Въ 1621 году скупщикамъ г. Кальва было запрещено самостоятельно, безъ участія властей, опредѣлять плату кустарей. Съ этихъ поръ одностороннее опредѣленіе платы скупщиками замѣнилось соглашеніемъ между обѣими сторонами при участіи администраціи. Мѣстные чиновники руководили совѣщаніемъ и установленная такимъ путемъ плата утверждалась мѣстной властью. Этотъ способъ практиковался до начала XVIII в., когда администрація перестала участвовать въ установленіи платы; послѣдняя являлась результатомъ соглашенія между скупщиками и рабочими, которое происходило два раза въ годъ, причемъ цѣна продуктовъ потребленія совершенно не принималась во вниманіе. Для прядильщицъ же съ конца XVI вѣка опредѣлялась статутами максимальная плата, хотя вслѣдствіе большого спроса на пряжу платилось обыкновенно нѣсколько больше установленнаго размѣра. Сомнительно, однако, чтобы участіе администраціи въ установленіи платы могло доставлять существенную выгоду рабочему населенію. Надо имѣть въ виду, что кальвская компанія торговли шерстяными издѣліями основана была при содѣйствіи и поощреніи со стороны государства и послѣднее всегда держалось того мнѣнія, что процвѣтаніе компаніи должно стоять на первомъ планѣ, и что оно во всякомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ охрана интересовъ рабочихъ. Считая компанію „ein konsiderables Kleinod des Landes“, правительство мало заботилось о ея рабочихъ и нарушеніямъ принятыхъ на себя компаніей обязательствъ

[1]) Молчановскій стр. 151—164.

по отношенію къ рабочимъ придавало мало значенія. Къ этому присоединялись еще другія невыгодныя для рабочихъ обстоятельства. Правительство находилось въ нѣкоторой зависимости отъ компаніи, дѣлая у нея займы на значительныя для того времени суммы: въ 1731—1732 гг. долгъ правительства компаніи равнялся 16.500 гульд., долгъ герцога Карла въ 1762 г. 20.000 гульд. Далѣе, мѣстныя власти находились въ очень близкихъ, отчасти даже родственныхъ отношеніяхъ къ членамъ компаніи и стояли всецѣло на сторонѣ послѣдней; поступавшія къ нимъ жалобы отъ рабочихъ были совершенно напрасны, ибо чиновники получали ежегодно „подарки“ отъ компаніи въ вознагражденіе „за свои труды“. Высшая же администрація отчасти была сама заинтересована въ прибыляхъ компаніи, принимая въ ней участіе своими капиталами, отчасти находилась на жалованіи у компаніи. При этихъ условіяхъ понятно, что предприниматели являлись полновластными хозяевами и эксплоатація рабочаго населенія при содѣйствіи властей должна была принять грандіозныя мѣры [1]).

Мы видѣли выше, что положеніе рабочихъ на рынкѣ труда было крайне неблагопріятно; подъ вліяніемъ мѣропріятій государства оно становилось еще болѣе невыгоднымъ, въ особенности поскольку устанавливалась максимальная заработная плата. Заработная плата опредѣляется борьбой между предпринимателями и рабочими на рынкѣ труда. Но такая борьба происходитъ всегда въ извѣстныхъ предѣлахъ: максимальная граница заработной платы опредѣляется тѣмъ минимумомъ прибыли, который долженъ оставаться предпринимателю для того, чтобы онъ имѣлъ интересъ вести предпріятіе; минимальная граница опредѣляется тѣмъ минимумомъ средствъ, который необходимъ для существованія рабочаго и его семьи. Заработная плата всегда находится между этими двумя предѣлами, если имѣть въ виду, конечно, продолжительные періоды, ибо въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій она можетъ выходить за эти предѣлы. Вслѣдствіе установленія максимальной платы государствомъ, одна изъ границъ заработной платы, именно высшая граница искусственно понижалась, тогда какъ другая, ми-

[1]) Troeltsch. p. 31. 69. 75. 84—89. 122—126. 143. 443—446.

нимальная граница не измѣнялась. Государство обыкновенно не понижало существующей платы, а превращало въ максимальную плату ту, которая господствовала въ данное время, и затѣмъ уже сохраняло ее въ теченіе многихъ десятилѣтій, не давая ей повыситься, между тѣмъ какъ все остальное, всѣ товары возрастали въ цѣнѣ. Установленіе максимальной платы приводило, слѣдовательно, къ тому, что въ то время, какъ цѣнность денегъ въ XVI—XVII ст. сильно упала и всѣ товары значительно вздорожали, заработная плата не измѣнилась или вѣрнѣе, хотя номинальная плата и нѣсколько возросла (ибо какъ мы видѣли, дѣйствительная плата обыкновенно нѣсколько превышала установленную), но далеко не повысилась въ томъ размѣрѣ, какъ это должно было бы произойти въ виду паденія цѣнности денегъ; слѣдовательно, реальная плата, выражающая покупную способность рабочихъ, значительно понизилась.

VIII.

Дѣйствительно, въ XVI—XVIII ст. реальная заработная плата сильно упала. По исчисленіямъ Вибе, въ XVI и XVII ст. денежная плата въ Эльзасѣ и во Франціи возросла на 30—40 проц., между тѣмъ какъ цѣны товаровъ повысились въ среднемъ на 100 проц., въ Англіи денежная плата увеличилась на 100 проц., а уровень цѣнъ—на 150 проц. Къ сожалѣнію, данныя, сообщаемыя Вибе, относятся преимущественно къ поденщикамъ и рабочимъ въ строительныхъ промыслахъ но, какъ онъ указываетъ, подобныя же измѣненія произошли и въ заработной платѣ промышленныхъ рабочихъ [1]). Вибе устанавливаетъ бюджетъ рабочихъ для различныхъ періодовъ, принимая въ вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ потребляемыхъ ими продуктовъ, и на основаніи этого выводитъ, слѣдующія цифры. Принимая реальную плату 1467—1500 гг. за 100, получаемъ слѣдующую плату строительныхъ рабочихъ въ Мюнстерѣ: въ 1501—1520 гг. 80, въ 1521—1550 гг. 87, въ 1551—1560 гг. 78; плата поденныхъ рабочихъ въ тѣ же періоды равняется 111, 78 и 92. Въ Эльзасѣ средняя заработная плата (взявъ 1451—1500 гг. за 100) составляетъ въ 1501—1525 гг. 106, въ 1526—1550 гг. 81, въ 1551—1575 гг.

[1]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII. Jahrh., p. 240.

55, въ 1576—1600 гг. 52, въ 1601—1650 гг. 40, въ 1651—1700 гг. 45; въ Англіи она равняется въ среднемъ: въ 1501—1520 гг. 88, 1521—1550 гг. 70, въ 1551—1570 гг, 57, въ 1571—1602 гг. 47, въ 1603—1652 гг. 40 и въ 1654—1702 гг. 47. „Такимъ образомъ,—прибавляетъ онъ—реальная плата начала понижаться уже въ началѣ XVI вѣка и это уменьшеніе достигло къ срединѣ столѣтія значительныхъ размѣровъ. Но лишь во второй половинѣ XVI вѣка сокращеніе покупательной способности рабочихъ стало опаснымъ. Въ теченіе XVII вѣка денежная плата значительно повысилась, но этимъ лишь предотвращалось дальнѣйшее паденіе реальной платы, Къ концу XVII вѣка послѣдняя составляла не болѣе половины той реальной платы, которую рабочіе получали въ концѣ среднихъ вѣковъ“ [1]).

Роджерсъ беретъ за исходную точку реальную плату англійскихъ рабочихъ въ 1495 году и сравниваетъ съ ней плату слѣдующихъ столѣтій. Оказывается, что то количество хлѣба, которое нужно было ремесленнику для прокормленія своей семьи въ теченіе года, онъ пріобрѣталъ въ 1495 году на плату, получаемую имъ въ теченіе десяти недѣль, такъ что весь заработокъ остальныхъ 42 недѣль могъ затрачиваться на удовлетвореніе другихъ потребностей. Между тѣмъ то же количество хлѣба ремесленникъ вырабатывалъ въ 1533 году въ 14—15 недѣль, въ 1564 году въ 20 недѣль, въ 1593 году въ 40 недѣль, въ 1610 и въ 1653 году въ 43 недѣли, въ 1684 году въ 48 недѣль, а въ 1725 году всего его заработка не хватало на пріобрѣтеніе одного только необходимаго ему количества хлѣба. Во второй четверти XVIII вѣка реальная плата значительно повысилась, ибо и денежная плата возросла, и цѣны на хлѣбъ понизились одновременно, однако съ 60-хъ годовъ хлѣбныя цѣны стали снова повышаться сильнѣйшимъ образомъ и, несмотря на увеличеніе денежной платы, къ концу XVIII вѣка реальная плата настолько понизилась, что рабочіе не въ состояніи были существовать безъ поддержки со стороны органовъ призрѣнія бѣдныхъ [2]).

Пониженіе реальной платы, вслѣдствіе недостаточнаго воз-

---

[1]) Wiebe. p. 177—179.

[2]) Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Chap. XIV.

растанія денежной, происходитъ и въ Вюртембергѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка годовая заработная плата кустарей въ шерстяной промышленности соотвѣтствуетъ 25 (въ 1663 г.) и даже 33 шефел. полбы (въ 1674 г.); между тѣмъ въ первой половинѣ XVIII вѣка она равняется всего 20 (въ 1727 г.) и даже 17—19 шеф. (въ 1754 г.). Въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка реальная плата значительно повышается, доходя до 26 и даже 35 шеф., но уже въ 1774 г. падаетъ на 14—20 шеф., т.-е. до уровня 30—50-хъ годовъ, а въ 90-хъ годахъ она составляетъ всего 10 и даже 6 шеф. [1]).

Денежная плата французскаго (промышленнаго) рабочаго (на современныя деньги) составляетъ по д'Авенелю: въ средневѣковый періодъ—900 фр., въ началѣ XVI вѣка—1230 фр., въ 1576—1625 гг.—750 фр., въ 1626—1675 гг.—562—580 фр., въ 1676—1700 гг.—516 фр.; она нѣсколько повышается въ теченіи второй четверти XVIII вѣка и падаетъ снова въ третьей четверти до 576 фр. [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и покупная способность денегъ. Принимая современную покупную силу денегъ за единицу, д'Авенель получаетъ для средневѣковаго періода (до 1450 г.)3—$4^1/_2$, а для второй половины XV вѣка—6, но затѣмъ идетъ непрерывное паденіе покупной силы денегъ: въ теченіе XVI вѣка она составляетъ по четвертямъ вѣка 5, 4, 3 и $2^1/_2$ и въ XVII ст.—3, $2^1/_2$ 2, $2^1/_3$, немного выше покупная способность денегъ въ первую половину XVIII вѣка ($2^3/_4$ и 3), во второй же половинѣ она снова падаетъ до низшаго уровня (который занимала въ 1651—1700 гг.)—$2^1/_3$ и 2 [3]).

Такимъ образомъ, и размѣры денежной платы сильно понизились, и покупная способность ея упала, реальная плата слѣд. сократилась вдвойнѣ. Въ то время, какъ вторая половина XV вѣка во Франціи—какъ и въ Англіи—является періодомъ особенно благопріятнымъ для рабочаго населенія, въ XVI вѣкѣ, въ особенности во второй половинѣ его, въ большей части XVII ст. и во второй половинѣ XVIII ст. условія жизни рабочаго были весьма печальны. Д'Авенель приводитъ различныя данныя относительно денежной по-

---

[1]) Troeltsch, p. 240—242.
[2]) d'Avenel. T. III. p. 173—174.
[3]) d'Avenel. T. I. p. 27—32.

штучной платы (выраженной въ современныхъ деньгахъ), которыя особенно интересны, такъ какъ въ кустарной промышленности заработная плата имѣла именно поштучный характеръ. Въ то время какъ денежная плата за пряжу килограмма пеньки, льна или пакли въ концѣ XV и вначалѣ XVI вѣка равнялась 2 фр. 35 —4 фр. 20, она сто лѣтъ спустя не превышала 1 фр. 25—2 фр. 10; въ концѣ царствованія Людовика XIV за пряжу пакли уплачивалось 1 фр. 10, за пряденье льна $1^1/_2$ фр., и тотъ же уровень плата сохранила вплоть до конца XVIII вѣка. Въ производствѣ тканей изъ этихъ матеріаловъ плата (за метръ простого холста) понижается съ 70 сант. во второй половинѣ XV вѣка до 60 сант. въ началѣ XVI вѣка, 40 сант. во второй четверти его и 30 сант. въ третьей четверти; затѣмъ она вновь возрастаетъ на 40 сант. въ концѣ XVI ст. и на 50 сант. въ теченіе XVII вѣка, не достигая все же уровня начала XVI вѣка, а въ концѣ XVIII вѣка снова падаетъ до 30—40 сант. За изготовленіе холста болѣе высокаго качества ткачъ получалъ за метръ въ XV вѣкѣ 1—1,05 фр., въ половинѣ XVI ст. 90 сант., въ концѣ этого вѣка 75 сант., а въ 1790 г. не болѣе 60 сант. Только прядильщикъ шерсти оплачивался лучше: въ 1449 г. плата (за килограммъ шерсти) составляла 90 сант., въ 1492 г. 1 фр. 80 сант., въ первой четверти XVI вѣка 1 фр. 20 с., въ 1567 г. 1 фр. 60 с., въ 1675 г. 2 фр. и столько же въ XVIII вѣкѣ. Это—прибавляетъ д'Авенель—одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ заработная плата возросла въ XVII—XVIII ст. [1]). Однако, если имѣть въ виду сильное паденіе покупной силы денегъ, то окажется, что и здѣсь реальная плата въ лучшемъ случаѣ сохранила свой прежній размѣръ.

Заработная плата еще и потому должна была понизиться въ XVI—XVIII ст., что трудъ составлялъ источникъ прибыли не только для скупщика-предпринимателя, но и для его помощниковъ-факторовъ, которые нерѣдко являлись посредниками между нимъ и его многочисленными и разбросанными на значительномъ пространствѣ рабочими. Эти факторы распредѣляли матеріалъ и заказы между кустарями, а изготовленныя послѣдними издѣлія доставляли предпринимателю. При этомъ въ ихъ пользу перепадала значитель-

[1]) d'Avenel. T. III. p. 167—170.

ная часть продукта, ибо они „немилосердно эксплоатировали кустарей, вычитывая изъ заранѣе условленной платы по 10—20, по 40 и даже по 80 проц.“. Въ Плауенѣ въ началѣ XVII вѣка ихъ прибыль равнялась 6 грошен. съ каждыхъ 10 гульденовъ, кромѣ особой платы, получаемой отъ предпринимателя, которая также была значительна [1]). Эти люди—говоритъ Шмоллеръ—всегда пользуются большою властью надъ населеніемъ, эксплоатація рабочихъ факторами-посредниками явленіе далеко не рѣдкое; населеніе вынуждено подкупать ихъ подарками, яйцами, курами, чтобы имѣть работу и чтобы получать доброкачественный матеріалъ“ [2]).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что условленная плата, какъ она ни была низка, все-таки превышала обыкновенно дѣйствительную плату, ибо плата выдавалась нерѣдко въ формѣ товаровъ, въ которыхъ кустари вовсе не нуждались и которые они вынуждены были сбывать торговцамъ, теряя на этомъ болѣе или менѣе значительную сумму. „Англійскій скупщикъ конца XV вѣка—говоритъ Охенковскій,—уплачивающій мастеру товарами и притомъ, какъ видно изъ закона 1464 года, товарами совершенно ненужными послѣднему, представляется намъ мелкимъ торгашемъ, который извлекаетъ свою прибыль не изъ выгодныхъ условій рынка, а при помощи операцій сомнительнаго свойства. Еще въ недавнее время расплата товарами была сильно распространена, но въ разсматриваемый періодъ этотъ способъ расплаты, какъ и обманы при раздачѣ матеріала, имѣли гораздо большее значеніе“ [3]). Любопытно, что запрещеніе расплаты товарами повторяется въ Англіи въ 1511 году, но спустя три года оно теряетъ свою силу, ибо законъ 1511 года былъ изданъ лишь на три года, когда же онъ былъ возобновленъ въ 1514 году, объ этомъ запрещеніи уже не было ни слова. Оно снова появилось лишь двѣсти лѣтъ спустя, въ 1701 году, такъ что въ періодъ наибольшаго развитія кустарной промышленности

---

[1]) Bein, B. II. p. 40—41.

[2]) Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch. XIV, p. 1065.

[3]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters. p. 125.

расплата товарами нисколько не возбранялась [1]). Въ нюрнбергскомъ статутѣ, относящемся къ срединѣ XVI вѣка, говорится, что купцы должны платить мастерамъ чистой монетой, а не товарами вродѣ вина, телѣгъ, хромыхъ лошадей, испорченныхъ денегъ или иныхъ предметовъ, которые засчитываются въ плату выше ихъ дѣйствительной стоимости. Купцы не вправѣ также задерживать плату въ теченіе продолжительнаго времени или вычитать проценты изъ заработной платы, а обязаны уплачивать ее по четвертямъ года или самое позднее по полугодіямъ (!), чтобы мастера въ состояніи были пріобрѣтать все необходимое имъ для жизни [2]). Въ ножевомъ производствѣ Рулы всѣ мастера въ одинъ голосъ жаловались на эксплоатацію скупщиковъ, которые плотятъ имъ не деньгами, а сталью и желѣзомъ и другими матеріалами, а также съѣстными припасами, засчитывая ихъ по высокимъ цѣнамъ; правительство пробовало было бороться съ этими злоупотребленіями, но всѣ мѣры оказались безуспѣшными: благодаря монопольному положенію скупщиковъ, запрещенія оставались мертвой буквой [3]). Точно также въ Золингенѣ и въ Эрлангенѣ расплата товарами практиковалась въ широкихъ размѣрахъ [4]). Кальвская компанія въ XVII вѣкѣ заставляла ткачей брать вмѣсто денегъ сало (для натиранія шерсти) и въ особенности крашенныя матеріи низкихъ сортовъ. Въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ она такимъ путемъ сбыла матерій на сумму свыше 30 тысячъ гульденовъ, что составляетъ 10 проц. уплаченной за это время заработной платы. Ткачи вынуждены были сбывать эти матеріи съ убыткомъ для себя трактирщикамъ и пекарямъ, которые въ свою очередь продавали ихъ другимъ лицамъ и въ концѣ концовъ компанія пріобрѣтала ихъ вновь съ барышемъ. Расплата этими товарами производилась лишь въ теченіе одного періода, зато расплата шерстью практиковалась вплоть до половины XVIII вѣка, причемъ тѣмъ мастерамъ, которые отказыва-

[1]) Lohmann. p. 35—39.

[2]) Stockbauer. Nürnbergisches Handwerksrecht des XVI Jahrhunderts. Nürnberg. 1879. p. 56.

[3]) Eman. Sax. Hausindustrie in. Thüringen. II. p. 13—15.

[4]) Thun. II. p. 39—40. Schanz. Industrie und Kolonisation in Franken. B. I, p. 72 и сл.

лись принимать шерсть, дѣлался вычетъ изъ установленной платы. Правительство разрѣшало скупщикамъ выручать прибыль въ размѣрѣ одного, а впослѣдствіи и двухъ крейцеровъ съ каждаго фунта сбываемой такимъ путемъ шерсти. Въ дѣйствительности, однако, компанія извлекала гораздо большую прибыль: 4—5 крейцеровъ на фунтѣ шерсти. Расплата съ мастерами производилась въ XVII вѣкѣ компаніей лишь послѣ того, какъ товары были проданы на рынкѣ; если же мастера требовали плату до этого срока, то компанія дѣлала изъ нея вычетъ. Въ XVIII вѣкѣ половина заработной платы выдавалась сейчасъ же, т.-е. при пріемѣ товаровъ, другая половина—впослѣдствіи [1]).

Въ результатѣ скупщики—предприниматели извлекали большую прибыль изъ труда кустарей, между тѣмъ какъ положеніе послѣднихъ было весьма тяжелое. „Несправедливое отношеніе предпринимателей къ рабочимъ—говоритъ Ломанъ—было, хотя и не единственной, но несомнѣнно главной причиной того, что нужда и отчаяніе вызвали среди рабочихъ англійской шерстяной промышленности рѣшительное противодѣйствіе, которое угрожало опасностью не только предпринимателямъ, но и общественному спокойствію, чѣмъ только и можно оправдать тѣ жестокія мѣры, къ которымъ прибѣгало государство по отношенію къ рабочимъ. Законы, изданные государствомъ, направлены во-1-хъ противъ подлоговъ и обмановъ, производимыхъ рабочими по отношенію къ имуществу скупщиковъ въ видѣ полученныхъ для обработки матеріаловъ и полуфабрикатовъ; далѣе, противъ организацій рабочихъ, возникшихъ съ цѣлью достиженія болѣе выгодныхъ условій труда и заработной платы и для осуществленія изданныхъ въ интересахъ рабочихъ, но не примѣняемыхъ на практикѣ, законовъ, и наконецъ, въ 3-хъ, противъ насильственныхъ дѣйствій и преступленій, къ которымъ прибѣгали рабочіе, когда всѣ остальныя мѣры оказывались безуспѣшными“ [2]).

„Рабочіе флорентинской промышленности—говоритъ Доренъ—были лишены всякихъ законныхъ средствъ къ улучшенію своего матеріальнаго и соціальнаго положенія. А по-

---

[1]) Troeltsch. p. 45. 99—100. 123—125.

[2]) Lohmann. p. 40.

ложеніе это было въ общемъ очень печальное. Лишь высшій слой рабочаго населенія пользовался нѣкоторымъ благосостояніемъ. Огромное большинство жило изо-дня въ день и въ любое время могло очутиться на улицѣ съ протянутой рукой. Избытокъ въ рабочихъ рукахъ, вызываемый постояннымъ притокомъ населенія изъ селъ въ города, а также переселеніемъ ткачей изъ Германіи и Нидерландовъ, приводилъ къ тому, что плата никогда не могла подняться выше Existenzminimum'a, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда крупныя соціальныя катастрофы, вродѣ черной смерти, производили переворотъ во всѣхъ условіяхъ жизни". Единственнымъ способомъ борьбы при такихъ условіяхъ—указываетъ онъ далѣе—могло быть лишь грубое насиліе, возстаніе, которое должно было сломить силу капитала. Уже каждый отдѣльный предприниматель былъ экономически гораздо сильнѣе отдѣльнаго рабочаго, „когда же рабочему приходилось бороться съ цѣлой организаціей предпринимателей, когда жалобы рабочихъ разсматривались судомъ, состоящимъ изъ предпринимателей, и малѣйшая попытка съ ихъ стороны, направленная къ улучшенію своего положенія, наказывалась продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, тогда борьба становилась слишкомъ неравной и лишь сила, заключающаяся въ массахъ, физическая сила могла хотя бы временно измѣнить условія жизни рабочаго населенія. Такая временная перемѣна произошла во Флоренціи въ 1378 году, послѣ возстанія Чіомпи, которое, подобно возстанію 1345 года, было вызвано чисто-экономическими причинами: борьбою промышленнаго пролетаріата изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ [1]). Каково было положеніе генуэзскихъ рабочихъ въ шелковой промышленности, можно усмотрѣть изъ того обстоятельства, что въ 1447 году 30 ткачей (вѣроятно половина всѣхъ ткачей) было освобождено, вслѣдствіе бѣдности, отъ уплаты податей. Между тѣмъ, вкладъ цеха скупщиковъ (въ этой отрасли производства) въ банкѣ св. Георгія, независимо отъ имущества отдѣльныхъ членовъ, равнялся въ 1460 году 2.253 фунтамъ, въ 1478 г. 3.171 ф., въ 1482 г. 4.818 ф. и въ 1488 г. 5.718 ф. [2]).

---

[1]) Doren, p. 238—241. 462—465.

[2]) Sieveking, p. 171. 121.

Не лучше, чѣмъ въ Англіи и итальянскихъ городахъ, было матеріальное положеніе рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и Франціи. „Съ глубокой завистью и злобой—говоритъ Нюблингъ—смотрѣло большинство ткачей, какъ ульмскіе скупщики обогащались все болѣе и болѣе, какъ возрастала земельная собственность, какъ увеличивалось количество замковъ и усадебъ, которыя они пріобрѣтали на доходы отъ сбыта хлопчатобумажныхъ издѣлій, доходы, полученные безъ большого труда, въ то время какъ они, ткачи, проводили всю свою жизнь за станкомъ, несли на себѣ всѣ тягости производства и сбыта и все-таки въ концѣ года должны были благодарить Бога, если имъ удавалось прокормить себя и свою семью“ [1]). Въ силезской полотняной промышленности прибыль скупщиковъ была повидимому достаточно велика, ибо многіе изъ нихъ разбогатѣли на сбытѣ полотна. Въ эпоху завоеванія Силезіи Фридрихомъ Великимъ въ четырехъ городахъ: Гиршбергѣ, Шмидебергѣ, Ландесгутѣ и Грейфенбергѣ насчитывалось 110 очень состоятельныхъ купцовъ, торговавшихъ полотномъ и пряжей. Въ то же время заработокъ ткачей и прядильщиковъ не превышалъ того минимума, который необходимъ для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ началѣ XVIII вѣка ткачъ зарабатывалъ едва 5 грош. въ день, а прядильщикъ всего нѣсколько пфенниговъ и едва ли ихъ заработокъ былъ больше въ предыдущія столѣтія [2]).

Въ Вюртембергѣ во второй половинѣ XVIII вѣка минимальные расходы семьи, состоящей изъ мужа и жены, равнялись 115—120 гульд. въ годъ, расходы семьи изъ пяти членовъ (въ томъ числѣ трое дѣтей моложе 14 лѣтъ) составляли 190—200 гульденовъ. Между тѣмъ, годовой заработокъ ткача не привышалъ 75, 60 и даже 50 гульд.; остальные члены семьи зарабатывали максимумъ 20—25 гульд., такъ что въ общемъ доходъ составлялъ не болѣе 100 гульд. И даже если его увеличить, то и тогда останется значительное разстояніе между тѣмъ что заработано, и тѣмъ, что нужно было для семьи. „Какъ же покрывался этотъ огромный дефицитъ?—спрашиваетъ Трельтшъ. Во 1-хъ, посредствомъ

[1]) Nübling, Ulms Baumwollweberei. p. 147.
[2]) Zimmermann, p. 56—60, 63.

дальнѣйшаго сокращенія расходовъ, именно расходовъ на одежду и пропитаніе: во 2-хъ, путемъ частной и общественной благотворительности, и наконецъ, въ 3-хъ нищенствомъ. Можно себѣ представить, каково было соотношеніе между доходами и расходами въ годы дороговизны, когда расходы увеличивались, заработокъ же не возрасталъ!“ [1]). Насколько скупщики - предприниматели виновны были въ томъ, что ихъ рабочіе голодали, мы поймемъ только тогда, когда прочтемъ сообщенія современниковъ (хотя и нѣсколько преувеличенныя), что уже въ началѣ XVII вѣка многіе купцы успѣли въ теченіе 10—18 лѣтъ заработать по 20, 30, 50 и даже по 100 тысячъ гульденовъ. Были такіе, которые въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣли капиталъ въ 100 тысячъ. Мы точно знаемъ, что капиталъ одного изъ участниковъ Кальвской компаніи почти удвоился въ теченіи 7 лѣтъ, хотя едва ли всѣ дивиденды и проценты капитализировались. „Подводя итоги изслѣдованію о капиталѣ и прибыли компаніи, — читаемъ у Трельтша—мы прежде всего приходимъ къ тому выводу, что прибыль была значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ думали. Нашъ взглядъ на отношеніе скупщиковъ къ кустарямъ долженъ измѣниться подъ вліяніемъ этихъ цифръ и не къ выгодѣ компаніи. Въ цифрахъ ясно выражается причина тѣхъ явленій, которыя путешественники XVIII вѣка могли наблюдать лишь съ внѣшней стороны въ видѣ описываемаго ими богатства и роскоши въ г. Кальвѣ. Классъ предпринимателей совершенно измѣнился въ теченіе столѣтія; онъ получилъ совсѣмъ новый соціальный обликъ. Въ началѣ XVIII вѣка капиталъ въ 5 тысячъ гульденовъ былъ рѣдкостью, послѣ тридцатилѣтней войны капиталъ каждаго умиравшаго или выходившаго изъ состава компаніи участника составлялъ не менѣе 22 тысячъ гульд., въ большинствѣ случаевъ даже болѣе 30 тысячъ, хотя компанія уже не въ состояніи была пользоваться всѣми сбереженіями. Для того, чтобы понимать, насколько блестяще было положеніе компаніи, необходимо также имѣть въ виду, что доходы участниковъ ея не ограничивались прибылью“; къ послѣдней присоединялись проценты на вклады, плата за различныя

[1]) Troeltsch, p. 235—37.

операціи коммерческаго характера и т. п. Доходъ каждаго участника равнялся въ среднемъ 2—2½ тысячамъ гульд., не считая его дохода отъ другихъ операцій, отъ земельныхъ участковъ и т. п. А 2½ тысячи составляли для того времени сумму прямо таки огромную. Учитель гимназіи въ Штутгартѣ получалъ 390 гульд. въ годъ, вюртембергскій пасторъ—отъ 260 до 520 гульд., кромѣ доходовъ въ натурѣ, важные чиновники – отъ 1—1½ тысячъ гульд.; 3 тысячи гульд. считалось министерскимъ жалованьемъ. „Понятно, почему предприниматели смотрѣли сверху внизъ на все чиновничество“ [1]).

Подобную же параллель между положеніемъ рабочихъ и положеніемъ предпринимателей мы можемъ провести по отношенію къ ліонской шелковой промышленности. Съ одной стороны, намъ извѣстно, что среди очень богатыхъ купцовъ г. Ліона въ 1677 году насчитывалось 17 купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, но лишь 15 суконщиковъ и 14 торговцевъ пряностями и бакалейными товарами; среди другихъ корпорацій очень богатыхъ членовъ было еще меньше. Въ 1789 году скупщики сами заявляютъ, что ихъ четыреста человѣкъ и что они владѣютъ движимой и недвижимой собственностью въ 60 милліоновъ. Съ другой стороны, изъ различныхъ бюджетовъ рабочихъ, составленныхъ въ концѣ XVIII вѣка, видно, что разница между ихъ доходами и расходами была очень значительна: дефицитъ составлялъ 506, 356, 249 ливр. и даже по самому умѣренному вычисленію 53 ливра, причемъ расходы въ случаѣ болѣзни, сокращеніе доходовъ, вслѣдствіе часто повторявшихся періодовъ безработицы, не приняты во вниманіе. Эти дефициты, по словамъ Годара, свидѣтельствуютъ о выносливости рабочихъ, объ ихъ умѣніи покоряться своей участи; „благодаря ихъ экономіи, простотѣ образа жизни и нравовъ, они существовали, въ то время какъ самыя умѣренныя вычисленія указывали на то, что они должны были умереть съ голоду. Аббатъ Бертолонъ, котораго нельзя упрекнуть во враждебномъ отношеніи къ скупщикамъ, писалъ въ 1787 году, что трудъ рабочихъ въ шелковой промышленности крайне изнурителенъ, что они работаютъ по 18 часовъ въ

[1]) Troeltsch, p. 39, 151—153.

день и не доживаютъ до преклонныхъ лѣтъ; они живутъ въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ воздуха и наполненныхъ міазмами, ѣдятъ не для того, чтобы жить, а чтобы не умереть съ голоду. „Кто-то сказалъ—заключаетъ онъ—что такихъ мануфактуръ, какъ въ Ліонѣ, нигдѣ невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ѣли и не спали, какъ въ Ліонѣ“ [1]).

Буассонадъ указываетъ на то печальное положеніе, въ которомъ находилось промышленное населеніе въ Пуату. Въ такомъ промышленномъ центрѣ, какъ Сенъ-Маиксъ, насчитывалась въ 1740 г. сотня скупщиковъ, которые имѣли капиталъ въ 30 тысячъ и мѣнѣе; все же остальное населеніе, занятое производствомъ тканей—чесальщики, прядильщики и ткачи всякаго возраста находились въ состояніи близкомъ къ полной нищетѣ. [2]) Левассеръ въ свою очередь указываетъ на то, что французскіе рабочіе XVIII вѣка терпѣливо переносили свои страданія, цѣлыя поколѣнія прозябали и умирали, не имѣя надежды на лучшее будущее, даже не помышляя о немъ; и эти страданія остались бы скрытыми отъ глазъ потомства, если бы историки не подняли завѣсы и не нарисовали яркой картины жизни народа въ прошлыя столѣтія [3]).

Дѣйствительность, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ государства и представителей науки [4]). Современные нѣмецкіе историки—экономисты выставляютъ по-

---

[1]) Godart, p. 20—26, 92, 389, 405—418.

[2]) Boissonade. T. II, p. 169—170.

[3]) Levasseur, II, p. 849.

[4]) На такой же точкѣ зрѣнія стояли и представители религіи. Кальвинъ утверждалъ, что „народъ“ т. е. рабочіе и ремесленники только до тѣхъ поръ, пока они остаются въ бѣдности, послушны Богу. А пуритане учили, что религіозность рабочаго заключается не во внѣшнемъ исповѣданіи вѣры, а въ добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей. „Интересы Бога и интересы предпринимателя—прибавляетъ къ этому Максъ Веберъ—здѣсь весьма близко соприкасались... Религіозный аскетизмъ доставлялъ предпринимателю трезвыхъ, добросовѣстныхъ и очень трудолюбивыхъ рабочихъ, раздѣло... Капитализмъ же въ первую эпоху своего развитія нуждался въ рабочихъ, которые давали бы себя эксплоатировать не за страхъ, а за совѣсть“. (Max Weber. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissenschaft. 1905. p. 105—107).

лицейское государство XVII—XVIII ст. въ видѣ довольно безпристрастнаго судьи, имѣющаго въ виду нужды и выгоды промышленности, какъ они ихъ понимали, и не обнаруживающаго особаго пристрастія ни къ предпринимателямъ ни къ рабочимъ, между тѣмъ какъ приводимыя ими же весьма многочисленныя фактическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что государство отождествляло интересы промышленности съ интересами предпринимателей [1]). Едва ли не наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія является Шмоллеръ, утверждающій, что цѣль статутовъ, изданныхъ въ области кустарной промышленности XVII—XVIII ст., состояла въ устраненіи соціальныхъ несправедливостей: они должны были защищать кустарей отъ произвола предпринимателей. Шмоллеръ называетъ эти статуты чѣмъ то среднимъ между старымъ цеховымъ правомъ и современнымъ фабричнымъ законодательствомъ [2]). Намъ нѣтъ надобности доказывать, насколько невѣрно это воззрѣніе. Многочисленные факты, приведенные нами выше изъ различныхъ мѣстностей и отраслей промышленности, начиная отъ постановленій, запрещающихъ кустарямъ работать на собственный счетъ и сбывать свои издѣлія помимо корпораціи скупщиковъ, и кончая непосредственнымъ установленіемъ максимальной платы — сами говорятъ за себя. Регламенты кустарной промышленности XVI—XVIII ст. составляютъ полную противоположность фабричному законодательству XIX вѣка: фабричные законы изданы въ интересахъ рабочаго населенія, кустарные регламенты направлены противъ кустарей. Разница между кустарными регламентами и цеховыми уставами въ этомъ отношеніи конечно есть: цеховые уставы преслѣдуютъ выгоды мастеровъ, являющихся самостоятельными ремесленниками и наравнѣ

[1]) Сторонники государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь въ цѣляхъ защиты болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ не могутъ допустить что государство (да еще прусское государство!) въ прежнія столѣтія поступало какъ разъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что это государство они себѣ всегда предоставляютъ въ видѣ современнаго прусскаго государства, а не прусскаго государства того времени.

[2]) Schmoller. Die Hausindustrie und ihre älteren Ordnungen und Reglements. Jahrbuch. 1887.

со своими подмастерьями занимающимися производствомъ товаровъ, тогда какъ регламенты XVII—XVIII ст. охраняютъ интересы купцовъ („буржуазіи“, „капиталистовъ“), ничего общаго съ производствомъ и съ классомъ рабочихъ неимѣющихъ.

Но иначе это и быть не могло: въ средневѣковыхъ городахъ власть находилась въ рукахъ самостоятельныхъ цеховыхъ мастеровъ, въ послѣдующія столѣтія носителями ея являлись купцы-предприниматели, вышедшіе, какъ мы видѣли выше [1]), главнымъ образомъ изъ среды тѣхъ же цеховыхъ ремесленниковъ. Одно является лишь необходимымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ другого. Марксъ вполнѣ правильно характеризуетъ „историческое возникновеніе капиталистическаго производства“ въ XV — XVIII ст. „При своемъ появленіи на сцену—говоритъ онъ—буржуазія нуждается въ государственной власти и дѣйствительно пользуется ею для „регулированія“ заработной платы, т. е. для того, чтобы втиснуть ее въ предѣлы, соотвѣтствующіе желаніямъ наживы, [2]) для удлиненія рабочаго дня и, наконецъ, для того, чтобы удержать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это существенный моментъ т. наз. первоначальнаго накопленія“ [3]) [4]).

Однако, Марксъ выставляетъ это содѣйствіе государства предпринимателю въ борьбѣ его съ рабочимъ какъ нѣчто совершенно новое, впервые появившееся въ XV—XVI ст. съ возникновеніемъ „капитала“. Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что и въ предыдущій періодъ городъ стоялъ

---

[1]) См. стр. 525 и сл.

[2]) О продолжительности рабочаго дня въ различныя эпохи см. во второмъ томѣ „Эволюціи прибыли“.

[3]) Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. p. 768. Подр. о Марксѣ см. во второмъ томѣ.

[4]) „Установленіе пормальнаго рабочаго дня—говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ (p. 269)—есть результатъ многовѣковой борьбы между капиталистомъ и рабочимъ. Но въ исторіи этой борьбы обнаруживаются два противоположныхъ теченія. Стоитъ сравнить напр. англійское фабричное законодательство настоящаго времени съ англійскими рабочими статутами начиная съ XIV ст. вплоть до половины XVIII. Въ то время, какъ современное фабричное законодательство принудительно сокращаетъ рабочій день, эти статуты стремятся къ принудительному удлиненію его“.

всегда на сторонѣ цеховыхъ мастеровъ, а не подмастерьевъ-рабочихъ, находившихся въ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ. Таможенный протекціонизмъ XVI—XVIII ст. не есть что-либо новое, противоположное предшествующему періоду, а лишь продолженіе протекціонной политики среднихъ вѣковъ, съ той только разницей, что покровительство оказывается не мѣстнымъ городскимъ промысламъ, а всей промышленности государства. Точно также покровительство, оказываемое государствомъ XVI—XVIII ст. торговымъ компаніямъ и ассоціаціямъ скупщиковъ, замѣняетъ собою лишь покровительство среднѣвѣковаго города мѣстнымъ купеческимъ гильдіямъ и цеховымъ ремесленникамъ. Цеховые мастера, а не ихъ подмастерьи являются выразителями городскаго ремесла, купцы („мануфактуристы"), а не ихъ рабочіе разсматриваются какъ носители идеи національной торговли и промышленности въ эпоху меркантилизма.

---

[2]) Законъ Елизаветы 1562 года, установившій рабочій день въ 14—15 часовъ, опредѣлялъ повидимому лишь *минимальную* продолжительность рабочаго дня, ибо изданъ былъ законъ по требованію хозяевъ и въ ихъ интересахъ и въ немъ былъ указанъ лишь максимумъ продолжительности перерывовъ во время работы (перерывы разрѣшаются, но не должны превышать въ совокупности $2^1/_2$ часа въ сутки), минимумъ же не опредѣленъ. (Lohmann, p. 27). Въ двухъ другихъ англійскихъ законахъ, изданныхъ въ 1721 и 1767 гг. и установленныхъ для лондонскихъ портныхъ, рабочій день опредѣленъ въ 13—14 час. (съ перерывомъ въ 1 часъ), за что полагается поденная плата въ 1 шилл. 8 пенс. (по закону 1721 г.) и въ 2 шилл. $7^1/_2$ пенс. (по закону 1767 г.). Если подмастерье соглашается дольше работать, то онъ получаетъ добавочное вознагражденіе. И здѣсь, слѣдовательно, установленъ максимумъ платы и минимальный рабочій день. (Held, p. 434-35). Подобный же характеръ имѣетъ постановленіе сукностриговъ г. Мюнстера въ началѣ XVII вѣка (1607 г.). Рабочій день опредѣляется въ 14 час., причемъ это относится лишь къ тому времени, за которое уплачивается плата по времени (и не допускается поштучная плата), ибо далѣе въ статутѣ говорится: „если бы мастеру понадобилась спѣшная работа, онъ можетъ заставить подмастерьевъ за приличную плату работать и до утренняго колокола, раздающагося въ 5 час. утра, равно какъ и послѣ вечерняго звона въ 6 час. веч.". (Krumbholz. Die Gewerbe der Stadt Münster bis zum Jahre 1651. Leipzig. 1898, p. 86, 457). Въ Австріи рабочій день строительныхъ рабочихъ (въ XVII ст.), долженъ быть не менѣе 15 час. отъ апрѣля до сентября и отъ восхода до заката солнца въ остальное время; при этомъ опредѣлена и максимальная плата. (Max Adler, p. 97). Во Франціи мы находимъ въ XVI—XVIII ст. рабочій день въ 14, 15 и 16 часовъ, (Levasseur. T. II, p. 117. 795—96. Hauser, p. 79. 83—84. Boissonade. T. II, p. 74—75). Въ ліонской шелковой промышленности рабочій день равняется 18 час. и болѣе, причемъ перерывъ не долженъ продолжаться болѣе $^1/_4$ часа каждый разъ. (Godart, p. 136. 267), а рабочій день типографскихъ наборщиковъ составляетъ въ XVI ст. 18—19 час. въ сутки: онъ начинается въ 2 часа утра и оканчивается лишь въ 8—9 час. вечера. (Hauser, p. 80).

Отдѣлъ IV.

Централизованныя мануфактуры, ихъ возникновеніе, характеръ и значеніе.—Ученіе Адама Смита.

I.

Рядомъ съ кустарной формой производства мы встрѣчаемъ въ XVII—XVIII ст. и мануфактурную: болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ соединяется въ опредѣленномъ зданіи подъ надзоромъ предпринимателя. Таково современное понятіе мануфактуры, установившееся, по крайней мѣрѣ, со времени Маркса [1]). Но совершенно иное значеніе имѣло слово „мануфактура“ въ XVII—XVIII ст. Писатели того времени подразумѣвали подъ мануфактурой не извѣстную форму предпріятія, извѣстный способъ производства, а промышленность вообще, независимо отъ той или другой формы производства: суконная мануфактура означало суконная промышленность, причемъ она могла имѣть и ремесленный и кустарный характеръ.

Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Бехеръ въ 1668 г., совѣтуя развивать шелковыя, шерстяныя и полотняныя мануфактуры въ странѣ, и Шредеръ, ставя въ 1686 г. вопросъ, о какихъ мануфактурахъ долженъ особенно заботиться государь, и Герничкъ, находя что купцы ничего не смыслятъ въ мануфактурахъ, причемъ мануфактуристовъ онъ отождествляетъ со скупщиками. Лаффема указываетъ на недостатки въ производствѣ французскихъ мануфактуръ — и здѣсь мануфактура обозначаетъ ничто иное, какъ промыш-

[1]) См. Marx. B. I. 2. Aufl. p. 345 и сл. Thun. Ind. am Niederrhein. B. II, p. 242. Schmoller. B. I, p. 433. Sombart. Kapitalismus. B. I, p. 38 и сл. А. Корсакъ. (О формахъ промышл. 1861. Стр. 5) опредѣляетъ мануфактуру какъ „обширную мастерскую, которая соединяетъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное число работниковъ; работа ихъ, раздѣленная и соразмѣренная съ различными степенями ловкости, силы и искусства, только облегчается небольшими машинами и орудіями“. Многіе экономисты (Bücher. Gewerbe. Handwört. der Staatswiss. 2. Aufl. B. IV. Schoenberg. Handbuch. 4. Aufl. II, 1, p. 488. Held. p. 671) не проводятъ различія между фабрикой и мануфактурой.

ленность. Такой же смыслъ имѣетъ и въ Англіи слово manufacture, обозначая всякаго рода промышленность, начиная отъ ремесленной и вплоть до фабричной—еще Юръ называетъ свою книгу о фабричномъ производствѣ „философіей мануфактуръ“.

Между мануфактурой и фабрикой не проводится никакого различія: Мозеръ и Бергіусъ прямо указываютъ на то, что оба выраженія синонимы. Фабрикантомъ называется всякій промышленникъ—не только скупщикъ-предприниматель, но и самостоятельный ремесленникъ, и кустарь, работающій на скупщика. По терминологіи Юсти, фабрики или мануфактуры бываютъ трехъ родовъ: первая категорія составляетъ, какъ то, что мы называемъ кустарной промышленностью, такъ и то, что понимается подъ централизованной мануфактурой, вторая категорія—тоже, но при коллективной формѣ предпріятія (компанія), въ третью категорію мануфактуръ или фабрикъ выдѣлено ремесло. Такое пониманіе мануфактуры и фабрики являлось въ то время господствующимъ. Ліонская шелковая промышленность, которая производилась исключительно кустарнымъ способомъ, была извѣстна по всей Европѣ подъ названіемъ „la grande fabrique“. Quamdiu regnabit luxus, tamdiu fabrica subsistet—подписано подъ однимъ изъ рисунковъ, относящихся къ ліонской шелковой промышленности. Процвѣтаніе фабрики требуетъ чтобы ремесленники сбывали свои издѣлія исключительно компаніи купцовъ, послѣдніе же принимали у нихъ товары по справедливой цѣнѣ и не притѣсняли ихъ — читаемъ въ статутахъ, относящихся къ саксонской хлопчатобумажной промышленности, гдѣ кустари производили товари на скупщиковъ. Если же дѣлается различіе между мануфактурой и фабрикой, то опять таки не въ смыслѣ разныхъ формъ производства, а лишь въ качествѣ различныхъ отраслей промышленности: фабриками называются тѣ промыслы, гдѣ работа происходитъ при помощи огня и молота, т. е. металлургическая промышленность, тогда какъ мануфактурой обозначается производство шерстяныхъ, льняныхъ, хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ издѣлій, т. е. текстильная промышленность [1]). Такое различіе проводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Юсти. Зонненфельсъ же (1771 г.) указываетъ на то, что „пуритане“ (англичане?) говорятъ „о мануфактурѣ“.

фактурахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда молотъ и огонь не примѣняются въ производствѣ, напр., суконная мануфактура, ситцевая мануфактура; когда же необходимы эти приспособленія, то они употребляютъ слово „фабрика“: стальная фабрика, латунная фабрика. Однако — прибавляетъ онъ — языкъ почти совсѣмъ уничтожилъ это различіе; понятіе фабрики получило болѣе широкій смыслъ, мы говоримъ ежедневно о суконной фабрикѣ, ситцевой фабрикѣ“. Лишь въ видѣ исключенія Лампрехтъ въ 1797 г. (и еще раньше, въ XVII ст., авторъ „Entdeckte Goldgrube in der Accise“) опредѣляетъ въ качествѣ характерной черты фабрики зданіе (обширное зданіе, мастерскую), въ которомъ соединены рабочіе. Такой смыслъ „фабрика“ должна была постепенно получить, такъ какъ металлургическая промышленность которая обозначалась этимъ терминомъ, производилась, вслѣдствіе техническихъ условій (примѣненіе „огня и молота“), раньше чѣмъ какая-либо иная въ централизованныхъ мастерскихъ [2]).

Между тѣмъ, въ дѣйствительности фабрикъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, до конца XIX вѣка (въ Англіи до 80-хъ годовъ XVIII вѣка) вовсе не существовало. Для фабрики недостаточно одной централизаціи производства въ общей мастерской и подъ руководствомъ предпринимателя; это составляетъ особенность мануфактуры. Нужно нѣчто большее: пользованіе машинами и двигателями, примѣненіе раціональныхъ химическихъ процессовъ производства. Мануфактура всего этого не знаетъ; способъ производства ручной, ни машины, ни сложные аппараты не употребляются. Въ этомъ отношеніи нельзя провести различія между мануфактурной и кустарной промышленностью. Разница заключается лишь въ томъ, что

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ у насъ и до сихъ поръ употребляются слова: мануфактурная промышленность, мануфактурные товары, мануфактурный магазинъ, обозначая обработку волокнистыхъ веществъ, издѣлія этой промышленности, лавку, гдѣ они продаются.

[2]) Ср. Sombart. Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für soziale Gesetzgebung. B. XVI. p. 353—58. Stieda. Fabrik. Handw. der Staatswiss. B. IV.

рабочіе не разбросаны по домамъ и не работаютъ каждый у себя по своему разумѣнію, а соединены вмѣстѣ въ одномъ и томъ же зданіи, подъ надзоромъ однихъ и тѣхъ же лицъ, которыя руководятъ не только коммерческой, но и технической стороной дѣла; а результатомъ этихъ двухъ моментовъ является уже однообразная техника производства, возможность болѣе или менѣе широкаго раздѣленія труда между рабочими. Между кустарной мастерской и мануфактурой съ внѣшней стороны много сходства: и здѣсь и тамъ нерѣдко 6—10 человѣкъ рабочихъ, не болѣе, производятъ совмѣстно подъ надзоромъ одного лица, съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ они называются подмастерьями, во второмъ—рабочими. Но всматриваясь глубже, мы находимъ и болѣе существенныя различія: кустарная мастерская производитъ обыкновенно лишь нѣкоторые процессы производства, лишь отдѣльныя части продукта, почему здѣсь раздѣленіе труда крайне ограничено, тогда какъ мануфактура, по крайней мѣрѣ, въ ея развитомъ видѣ, соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ операцій, совмѣщая въ себѣ въ качествѣ отдѣленій нѣсколько кустарныхъ мастерскихъ различной спеціальности. Но еще важнѣе другая черта мануфактуры. Во главѣ ея стоитъ не мастеръ, производящій на скупщика и вполнѣ зависящій отъ него, а самостоятельный предприниматель-капиталистъ, тотъ самый скупщикъ, который теперь превратился въ промышленнаго предпринимателя, принявъ на себя завѣдываніе процессомъ производства.

Первыя мануфактуры и возникли такимъ образомъ, что въ страну переселялся предприниматель съ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, они селились вмѣстѣ въ особомъ отведенномъ имъ зданіи, которое являлось вначалѣ и жилымъ помѣщеніемъ, и соединенными усиліями приступали къ производству товаровъ. Совмѣстнымъ жительствомъ мастеровъ различныхъ спеціальностей и обусловливалось главнымъ образомъ возникновеніе мануфактуры, а не кустарной формы производства. Мы разсмотрѣли выше цѣлый рядъ новыхъ категорій рабочаго населенія, вновь появившихся въ производствѣ промышленныхъ издѣлій въ XVI—XVIII ст. и тѣмъ нарушившихъ монополію цеховъ: это были сельскіе жители, женщины и дѣти, привилегированные го-

родскіе ремесленники и кустари и, наконецъ, иностранные мастера. Всѣ эти элементы являлись конкуррентами цеховымъ мастерамъ и естественно возбуждали ненависть и вражду со стороны послѣднихъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на лицъ, нарушавшихъ ихъ исконныя права и привилегіи, не дѣлая различія между мастерами, получившими привилегію и придворными ремесленниками, съ одной стороны, и тѣми, которые не пріобрѣли никакого права на занятіе промысломъ, съ другой стороны. И тѣ и другіе получали позорную кличку: „Pfuscher, Störer, Bönhase, Chambrelan“ и т. п. Нападенія цеховыхъ мастеровъ на привилегированныхъ ремесленниковъ, сопровождавшіяся насиліями и уничтоженіемъ инструментовъ и производимыхъ товаровъ, составляютъ въ XVI—XVIII ст. явленіе далеко не рѣдкое. Въ такихъ случаяхъ единственнымъ исходомъ являлось предоставленіе мастерамъ, не входившимъ въ составъ цеха, опредѣленнаго зданія, гдѣ они имѣли бы возможность укрыться отъ взоровъ цеха и спокойно заниматься своимъ промысломъ; для того, чтобы ихъ вполнѣ защитить отъ насилій, зданіе носило королевскій или герцогскій гербъ и называлось королевской или княжеской мануфактурой, т. е. промышленнымъ заведеніемъ, по терминологіи того времени, независимо отъ формы предпріятія. Однако, постепенно оно обращалось дѣйствительно въ мануфактуру въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово въ настоящее время. Разрозненные мастера, благодаря совмѣстному жительству, приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ; продуктъ, который ранѣе переходилъ отъ кустаря, совершавшаго первые процессы производства, къ скупщику или посреднику-фактору, а затѣмъ уже передавался другому кустарю для продолженія производства, теперь шелъ непосредственно изъ рукъ въ руки, отъ одного мастера къ слѣдующему. Въ другихъ случаяхъ, когда производство не составляло одного непрерывнаго процесса, а продуктъ составлялся изъ различныхъ частей, изготовленныхъ мастерами различныхъ спеціальностей, теперь при совмѣстномъ жительствѣ ихъ всѣ эти части собирались тутъ же мастеромъ, дававшимъ продукту окончательную отдѣлку. Не менѣе важны, наконецъ, и тѣ мануфактуры, которыя возникли благодаря тому, что мастера одной и той же спеціальности селились вмѣстѣ и распре-

дѣляли между собою различныя функціи при производствѣ товара.

Какъ бы то ни было, но вражда со стороны цеховыхъ мастеровъ являлась, повидимому, главной причиной возникновенія первыхъ мануфактуръ. XVI—XVII ст. періодъ широкаго переселенія промышленныхъ элементовъ населенія. Итальянцы переселяются въ Швейцарію, Францію и Австрію, голландцы — во Францію и Англію, гугеноты — въ Пруссію, прирейнскія страны, Швейцарію, Австрію, Нидерланды. Правительства тѣхъ странъ, гдѣ они появляются, не только не ставятъ имъ никакихъ препятствій, но, наоборотъ, сами вызываютъ новыхъ переселенцевъ, оказываютъ имъ всякія льготы, стараются дать имъ возможность свободно заниматься своими промыслами. Да это и понятно: вѣдь всѣ эти купцы и мастера приносили съ собою новую, болѣе усовершенствованную технику производства, болѣе утонченный вкусъ, они вызывали новыя потребности въ странѣ и создавали средства для ихъ удовлетворенія; ихъ издѣлія были изящнѣе, прочнѣе туземныхъ. Все это должно было дать сильный толчокъ промышленности, усилить денежное обращеніе въ странѣ, какъ говорили въ тѣ времена, при томъ условіи, конечно, если новымъ переселенцамъ давалась возможность проявить свои способности, свое искусство во всей его полнотѣ. Между тѣмъ со стороны цеховыхъ мастеровъ они кромѣ непріязни, ничего встрѣтить не могли; если вражда послѣднихъ по отношенію къ привилегированнымъ мастерамъ вообще была очень велика, то можно себѣ представить, какъ они относились къ иностранцамъ, которые вѣдь вообще не допускались въ цехи, не могли заниматься промыслами. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы вводили совершенно новыя отрасли промышленности, напр. производство табаку, зеркалъ, мыла. Но онѣ были исключеніями. Обыкновенно иностранные купцы и мастера либо производили извѣстныя уже раньше издѣлія, но только лучшаго качества, какъ напр. въ области производства шляпъ, дубленія кожъ, въ хлопчатобумажной и полотняной промышленности, либо хотя и выдѣлывали новые продукты, но изъ матеріаловъ, уже ранѣе извѣстныхъ, какъ напр., въ области шерстяной промышленности, такъ что приходили и здѣсь въ столкновеніе съ привилегіями

цеховъ. Во Франціи и до переселенія венеціанцевъ производились болѣе грубыя сорта кружевъ, а въ Пруссіи эмигранты выдѣлывали изъ шерсти чулки, ковры, перчатки, платье; саржа, коломянка, крепъ, камлотъ и цѣлый рядъ другихъ тканей составляли лишь новыя сорта издѣлій, изготовлявшіяся изъ той же шерсти, изъ того же льна [1]). Ясно, что для того, чтобы привилегіи, полученныя иностранцами не оставались мертвой буквой, чтобы они дѣйствительно имѣли возможность развивать промышленность страны, правительство должно было защитить ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій цеховыхъ мастеровъ, дать имъ помѣщенія, гдѣ они могли бы поселиться и работать. И дѣйствительно, во всѣхъ странахъ иностранные промышленники вмѣстѣ съ денежными ссудами получаютъ и зданія для устройства мастерскихъ, въ которыхъ они вмѣстѣ съ тѣмъ и живутъ. Обыкновенно на этихъ зданіяхъ красуется государственный гербъ, т. е. зданіе привилегированное, пользуется иммунитетомъ.

Возникновеніе первыхъ мануфактуръ во Франціи подтверждаетъ выставленное нами предположеніе. Въ началѣ XVII вѣка была сооружена луврская галлерея, которая должна была служить убѣжищемъ для лицъ, не входившихъ въ составъ цеховъ. „Мы велѣли устроить зданіе такимъ образомъ,—говорится съ королевскомъ указѣ 1607 года—чтобы въ немъ могли удобно поселиться лучшіе ремесленники и мастера, и могли бы заниматься,какъ живописью, ваяньемъ, выдѣлкой золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, производствомъ часовъ, шлифованіемъ драгоцѣнныхъ камней, такъ и различными другими искусствами, работая какъ для нашего двора, такъ и для нашихъ подданныхъ". Изъ указа слѣдующаго года мы узнаемъ, что въ Луврѣ жили также мастера, производившіе холодное оружіе, столярныя издѣлія, духи, трубы для фонтановъ, физическіе инструменты, ковры и восточныя издѣлія и т. п. Тѣмъ самымъ, что они жили въ Луврѣ, всѣ они освобождались отъ надзора цеховъ, находились подъ покровительствомъ короля. Никто не могъ имъ препятствовать работать на публику и брать къ себѣ учениковъ и, несмотря на всѣ протесты цеховъ, они преспокойно производили и

[1]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. B. XI. p. 809. 822.

сбывали свои товары. Цеховые мастера вынуждены были ограничиться заявленіемъ, что ни одинъ порядочный мастеръ не станетъ работать въ Луврѣ, на что никто, конечно, не обращалъ вниманія [1]). Изъ собранія отдѣльныхъ, независимо другъ отъ друга, работающихъ мастеровъ луврская галлерея постепенно превратилась въ обширную, основанную на раздѣленіи (расчлененіи) труда мануфактуру, производившую всевозможные предметы роскоши. Полстолѣтія спустя послѣ основанія Лувра, количество мастеровъ, живших въ немъ, значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе талантливые и умѣлые выдѣлились изъ среды прочихъ и стали во главѣ производства, доставляя остальнымъ модели для работы, направляя и руководя ихъ дѣятельностью. Образовались мастерскія ковровыя, оружейныя, ювелирныя, мебельныя. Одной изъ мастерскихъ завѣдовалъ Андре-Шарль Буль, эбенистъ, рѣзчикъ по металлу и позолотчикъ. Въ его мастерской стояло восемнадцать станковъ для производства издѣлій изъ чернаго дерева, два столярныхъ станка; тамъ же работали пильщики, бронзовщики и мастера, собиравшіе отдѣльныя части и дававшіе имъ окончательную отдѣлку. Вмѣстѣ съ Булемъ за ходомъ работъ надзирали его четыре сына. Такимъ образомъ, одна его мастерская представляла собою цѣлую мануфактуру, которая изготовляла всевозможную мебель изъ дерева и бронзы, какъ напр. корпуса для часовъ, столы, бюро изъ мозаики, съ мѣдными инкрустаціями на черепахѣ, изъ цвѣтного дерева, книжные шкафы съ зеркальными стеклами, люстры, преспанье, коммоды съ бронзовыми украшеніями и т. п. [2]).

Подобнымъ же образомъ возникла и другая не менѣе извѣстная мануфактура, также производившая предметы

---

[1]) Непріязненное отношеніе къ иностранцамъ — говоритъ д'Авенель — было обычнымъ въ прежніе вѣка и стремленіе къ недопущенію иностранныхъ рабочихъ не возникло въ наше время. Однако существеннымъ палліативомъ въ этомъ отношеніи являлась луврская галлерея, гдѣ могли заниматься промыслами лица любой національности. Публика, гулявшая по этой галлереѣ, длиною въ 700 футовъ, встрѣчала много итальянцевъ и фламандцевъ на порогѣ ихъ мастерскихъ. На вывѣскахъ были изображены имена голландскихъ гранильщиковъ и фабрикантовъ турецкихъ ковровъ (d' Avenel. Histoire de la propriété, etc. T. III. p. 455).

[2]) Levasseur T. II. p. 176—77. 309—10.

роскоши—мануфактура Гобеленовъ. Ковровое производство существовало во Франціи и до XVII вѣка, но лишь въ зачаточномъ состояніи и большая часть продуктовъ привозилась изъ Нидерландовъ. Лишь Генрихъ IV рѣшилъ перенести фламандское ковровое производство на французскую почву, и съ этой цѣлью въ 1599 году запретилъ ввозъ ковровъ, изготовленныхъ за границей, и одновременно съ этимъ далъ двумъ фламандцамъ привилегію выдѣлки ковровыхъ издѣлій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, а рабочихъ ихъ, также фламандцевъ, освободилъ отъ всякихъ податей. Появленіе конкуррентовъ въ лицѣ иностранныхъ предпринимателей и рабочихъ вызвало сильное возбужденіе среди парижскихъ мастеровъ, занимавшихся ковровымъ промысломъ, которые стали протестовать противъ допущенія иностранцевъ. Однако, протестъ не имѣлъ успѣха: фламандцы были приняты подъ покровительство короля и получили отъ него по 100 тысячъ фр., причемъ обязались производить работу на 80 станкахъ, изъ коихъ 60 должно было находиться въ Парижѣ. Они жили первоначально въ различныхъ частяхъ города, но затѣмъ имъ было предоставлено зданіе, принадлежавшее фамиліи Гобеленовъ. Ихъ мастерскія и положили основаніе королевской гобеленовой мануфактурѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка Гобелены представляли собою большую мануфактуру, во главѣ которой стоялъ художникъ Лебренъ и при которой состояло нѣсколько живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ и т. д. Какъ и въ Луврѣ, здѣсь производились всевозможные предметы роскоши, комнатнаго убранства, ковры, люстры, вазы, издѣлія изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, изъ краснаго дерева, черепахи и мозаики. Мануфактура насчитывала 250 рабочихъ, которые распредѣлялись на нѣсколько отдѣленій, причемъ, какъ лица, руководившія производствомъ, такъ и рабочіе были почти исключительно иностранцы-фламандцы, голландцы и итальянцы. [1]).

Гобеленовая мануфактура находилась въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсель, а до перехода туда фламандскіе выходцы жили въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ; въ Сентъ-Антуанъ была устроена и первая зеркальная мануфактура, въ пред-

[1]) Levasseur. T. II. p. 171—72. 175. 242—44. 307—308.

мѣстьѣ Сенъ-Жерменъ—ковровыя мануфактуры. Вообще въ предмѣстьяхъ Парижа возникъ въ теченіе XVII вѣка цѣлый рядъ мануфактуръ кожевенныхъ, слесарныхъ, перчаточныхъ; онѣ соединяли въ себѣ производство нѣсколькихъ сортовъ издѣлій, которые по цеховымъ статутамъ принадлежали различнымъ цехамъ, и имѣли нерѣдко свыше 15 человѣкъ рабочихъ, что въ тѣ времена и въ этихъ отрасляхъ производства составляло значительное количество. Предмѣстья (Lieux privilegiés) съ давнихъ поръ пользовались особыми привилегіями (остатки феодальнаго строя) и не подчинялись надзору городскихъ цеховъ, въ силу этого они являлись убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, кто скрывался отъ цеховыхъ властей и желалъ свободно заниматься промысломъ. Соединеніе мастеровъ разныхъ спеціальностей въ этихъ кварталахъ создало здѣсь рядъ мануфактуръ, основанныхъ на болѣе или менѣе значительномъ раздѣленіи труда [1]). Одной изъ первыхъ мануфактуръ была и Савоннери. Дюпонъ и Лурде поселились въ 1627 году въ странноприимномъ домѣ, учрежденномъ въ 1615 году Маріей Медичи, и образовали мануфактуру для производства ковровъ и восточныхъ издѣлій изъ золота, серебра, шелка и шерсти [2]).

Первая австрійская мануфактура — „Manufacturhaus auf dem Tabor“ (въ Вѣнѣ) была основана въ 1676 году, согласно проекту Бехера. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій—лабораторіи для производства алхимическихъ опытовъ, мастерской для выдѣлки маіолики, аптеки, мастерской для производства шелковыхъ издѣлій на трехъ ленточныхъ станкахъ и другой для изготовленія шерстяныхъ тканей, заведенія для выдѣлки венеціанскаго стекла и для плавки золота и серебра. Въ такомъ видѣ мануфактура—относились къ ней весьма враждебно—просуществовала впрочемъ не долго и неизвѣстно даже, были ли вообще открыты и пущены въ ходъ всѣ ея отдѣленія. Въ 1683 г. зданіе сгорѣло и рѣшено было построить новое. Бехера замѣнилъ Шредеръ. Шредеръ усматривалъ главную цѣль мануфактуры въ томъ, чтобы она смягчала злоупотребленія, связанныя

[1]) Levasseur. T. II. p. 242. 259. 739.
[2]) Ibid. T. II. p. 190. 244.

съ цеховымъ строемъ. Мануфактура должна была явиться убѣжищемъ для всѣхъ ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, кто бы эти ремесленники ни были. Онъ находилъ, что для этого мануфактура вовсе не нуждается въ особой привилегіи; достаточно того, чтобы мастерамъ, работающимъ тамъ, предоставлялось право брать къ себѣ учениковъ и обучать ихъ безпрепятственно; выучившись ремеслу, они, независимо отъ числа лѣтъ ученія, пріобрѣтаютъ званіе мастера и освобождаются отъ обязанности странствованія. Но для того, чтобы поселившіеся въ мануфактурѣ мастера могли безпрепятственно работать, мануфактура должна носить названіе „das hoffbefreite Haus“, подобно тому, какъ привилегированные мастера называются „hoffbefreit“, и подлежать юрисдикціи гофмаршала, ибо въ противномъ случаѣ городъ и цехи будутъ ставить ей всякія препятствія и некому будетъ защитить ее. Такимъ образомъ, Шредеръ, собственно говоря, никакой мануфактуры и не имѣлъ въ виду, а просто, подобно Генриху IV во Франціи, желалъ создать убѣжище для мастеровъ, преслѣдуемыхъ цехами. Однако, зданіе, повидимому, не было выстроено вновь и мануфактура прекратила свое существованіе [1]) [2]).

Есть основанія предполагать, что подобнымъ же образомъ возникли мануфактуры и въ другихъ странахъ, что и тамъ желали создать лишь мануфактуры въ томъ смыслѣ, какъ это слово употреблялось въ XVII—XVIII ст., т. е. промышленныя заведенія вообще, новыя отрасли производства, и лишь въ силу необходимости, вслѣдствіе препятствій создаваемыхъ цеховымъ строемъ, мастерамъ, въ особенности иностранцамъ, приходилось предоставлять особыя зданія, принадлежащія правительству и находящіяся подъ его за-

---

[1]) Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien. Leipzig. 1886. p. 35—37. 39—40. 48. 70. 86—87. См. также Max Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich. p. 36 и сл. Hallwich. Anfänge der Gross-Industrie in Oesterreich. Wien. 1898. p. 30—31.

[2]) И впослѣдствіи цехи весьма враждебно относились къ мануфактурамъ. Въ патентѣ 1713 г. на устройство зеркальной фабрики запрещается обижать рабочихъ ея, или высылать ихъ, къ какой бы они ни принадлежали національности. Городъ Линцъ не дозволяетъ даже жителямъ сдавать квартиры рабочимъ тамошней мануфактуры. (Adler. p. 87).

щитой, гдѣ и образовывались постепенно централизованныя мануфактуры. Въ Нидерландахъ до конца XVII вѣка мануфактурныя предпріятія появлялись лишь въ видѣ исключенія, поскольку же они возникали, они относились—что особенно любопытно — къ новымъ отраслямъ производства, возникли въ области зеркальной и шелковой промышленности, и притомъ устраивались исключительно иностранцами—испанцами, итальянцами, англичанами, которые стояли совершенно внѣ цеховъ, пользуясь особыми привилегіями производства. Господствующей же являлась кустарная промышленность, имѣвшая цеховую организацію. Но послѣ отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году и еще за нѣсколько лѣтъ до этого, въ Нидерланды стали переселяться тысячи французскихъ эмигрантовъ; все это были купцы, ремесленники, рабочіе, приносившіе съ собою коммерческія способности, утонченный вкусъ и значительные капиталы. Между тѣмъ мѣста для нихъ въ цеховой организаціи не было: для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, нужно было пріобрѣсти право гражданства, произвести пробную работу и уплатить вступительный взносъ. Кромѣ того, и вступивъ въ цехъ, мастеръ не могъ имѣть свыше опредѣленнаго количества помощниковъ и инструментовъ, такъ что для его дѣятельности ставились тѣсныя рамки. Между тѣмъ города желали воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что могли дать иностранцы въ смыслѣ развитія промышленности, введенія новыхъ отраслей производства. Нужно было, слѣдовательно, освободить ихъ отъ всякихъ ограниченій. И это было сдѣлано: появились мануфактуры, гдѣ они могли совершенно свободно заниматься производствомъ шелковыхъ, полушелковыхъ и бархатныхъ издѣлій, шляпъ и кожанаго товара, не обращая вниманія ни на какія постановленія цеховъ: мануфактура защищала ихъ отъ всякихъ притязаній со стороны цеховъ [1]).

И въ Пруссіи иностранцы, выходцы изъ Франціи Пфальца, Лотарингіи, переселявшіеся съ конца XVII вѣка купцы и мастера, сталкивались съ цеховымъ режимомъ, который мѣшалъ имъ заниматься промыслами. Однако, какъ мы видѣли выше, привилегіи на занятіе ремесломъ лицамъ,

[1]) Pringsheim. p. 31—34.

не принадлежащимъ къ цеху, выдавались въ это время въ большомъ количествѣ и выходцы надѣлялись званіемъ мастера, какъ бы уже въ силу одного своего появленія въ странѣ, а по отношенію къ новымъ отраслямъ производства, которыя вводились впервые въ странѣ было признано, что онѣ суть промыслы нецеховые, хотя совершенно новыхъ производствъ, которыя бы совсѣмъ не конкуррировали съ цеховыми промыслами, почти не было. Поэтому вражда мѣстныхъ жителей къ иностранцамъ была велика, да и не удивительно, разъ дѣло доходило до того, что въ силу привилегій послѣднихъ прямо ограничивались права прусскихъ мастеровъ. Иностраннымъ предпринимателямъ оказывалось всевозможное содѣйствіе: они освобождались отъ податей, получали ссуды, имъ предоставлялись зданія для устройства мануфактуръ. Многіе изъ нихъ не заводили, однако, никакихъ мануфактуръ, а пользовались лишь своимъ привилегированнымъ положеніемъ и скупали товары у кустарей или набивъ карманъ казенными субсидіями, бросали потомъ начатое дѣло. Въ другихъ случаяхъ впрочемъ, иностранные предприниматели добросовѣстно устраивали мануфактуры въ казенныхъ зданіяхъ и въ этихъ случаяхъ мануфактурная форма производства имѣла для нихъ большое значеніе. Цеховые статуты не играли для нихъ никакой роли, ибо у себя на мануфактурѣ они были полновластными господами. Они обладали правомъ jurisdictionis domesticae надъ своими рабочими, правомъ лишать ихъ работы по своему усмотрѣнію, будутъ ли то цеховые или нецеховые рабочіе, короче говоря, могли дѣлать все, что имъ угодно было, не обращая вниманія на цеховыя власти и постановленія [1]).

II.

Еще ярче выражено случайное, вызванное совмѣстнымъ мѣстожительствомъ производителей, возникновеніе второй категоріи централизованныхъ мануфактуръ, тѣхъ, которыя устраивались въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ и т. п. заведеніяхъ. Въ XVII—XVIII ст. въ этихъ

[1]) Schmoller. Jahrbuch. B. XI. p. 806, 808, 810. Молчановскій, стр. 156 и слѣд.

заведеніяхъ повсемѣстно учреждались мастерскія. Сироты и подкидыши часто также работали въ этихъ мастерскихъ, причемъ воспитательные дома были нерѣдко соединены съ исправительными заведеніями и домами для умалишенныхъ. Такъ, извѣстный сиротскій пріютъ въ Пфорцгеймѣ, въ которомъ дѣти занимались пряденьемъ, былъ соединенъ съ домомъ для умалишенныхъ и исправительной тюрьмой. Это было заведеніе для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, безумныхъ, воспитательный пріютъ и смирительный домъ одновременно [1]). Въ Регенсбургѣ часть сиротскаго пріюта была отдана подъ исправительную тюрьму, сидѣльцы послѣдней занимались мужчины—пиленьемъ бразильскаго дерева, женщины—пряденьемъ. Въ Брауншвейгѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ работный домъ, исправительное заведеніе, сиротскій пріютъ были соединены вмѣстѣ. Такое же соединенное заведеніе существовало въ Лейпцигѣ: et improbis coercendis et quos deseruit sanae mentis usura custodiendis—гласила характерная надпись надъ воротами. [2])

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ были устроены мастерскія. Въ исправительномъ домѣ въ Брейзахѣ сидѣльцы занимались пряденьемъ пеньки и льна [3]), въ Магдебургѣ они трепали, чесали и пряли шерсть [4]), въ Берлинѣ сидѣльцы работнаго дома (нищіе, бродяги, женщины, лечившіяся въ Charité, нищія дѣти) должны былъ прясть шерсть; въ 1775 году ихъ насчитывалось 192 мужчинъ, 300 женщинъ, 42 мальчика и 71 дѣвочка [5]). Амстердамскій мужской исправительный пріютъ даже прямо назывался „Rasphuis“, женскій—„Spinhuis“ (netoria domus): въ первомъ производилось пиленье красильнаго дерева, во второмъ—пряденье. Въ Любекѣ и Гамбургѣ спеціальныя тюрьмы для воровъ—рецидивистовъ и проститутокъ также назывались прядильными домами. И въ томъ и въ другомъ городѣ существовалъ кромѣ того соединенный работный домъ, гдѣ производились преимуще-

[1]) Gothein. p. 699.

[2]) Hippel. Beiträge zur Geschichte der Freiheitsstrafe. Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft. B. XVIII. 1898. p. 420—421.

[3]) Gothein. p. 756.

[4]) Schmoller. Jahrbuch. XI. p. 819.

[5]) Wiedfeldt. Statistische Studien zur Entwicklungsgeschichte der Berliner Industrie. 1896. p. 64.

ственно текстильныя издѣлія [1]). Мальчики и женщины въ данцигскомъ заведеніи обязаны были прясть, наматывать и чесать бомбазинъ [2]).

Подобнымъ же образомъ и въ Австріи въ XVIII вѣкѣ были повсюду въ работныхъ домахъ устроены мастерскія для изготовленія текстильныхъ издѣлій; въ Силезіи, Каринтіи, Моравіи были учреждены прядильни; кромѣ того арестанты, бродяги, нищенствующія дѣти обучались прядѣнью, ткачеству, вышиванію и всѣ они обязаны были работать [3]). При Кольберѣ, какъ и ранѣе, въ началѣ XVII вѣка, сидѣльцы исправительныхъ домовъ и дѣти въ сиротскихъ пріютахъ во Франціи занимались вязаньемъ чулокъ и прядѣньемъ. Всѣхъ работоспособныхъ нищихъ сажали въ дома призрѣнія и заставляли работать [4]). Въ XVIII вѣкѣ находимъ цѣлый рядъ домовъ призрѣнія, въ которыхъ устроены различныя мануфактуры: въ однихъ—чулочно-вязальныя (Парижъ, Седанъ, Мецъ, Валенсіенъ, Марсель) въ другихъ—суконныя (Парижъ, Бове, Ліонъ, Дижонъ), въ Ле-Пюи—для производства одѣялъ, которыя экспортировались въ Америку. Въ Валенсіенѣ дѣти въ сиротскомъ пріютѣ выдѣлывали кружева, въ люневильскомъ сиротскомъ домѣ они занимались ткачествомъ. Цеховые мастера во многихъ мѣстахъ сильно возмущались этой конкурренціей и пробовали протестовать, но безуспѣшно [5]). „Работоспособнымъ нищимъ—гласитъ англійскій законъ 1601 года—должна быть доставлена работа и, слѣдовательно, необходимо пріобрѣсти для домовъ призрѣнія запасы льна, пеньки, шерсти, нитокъ, желѣза и другихъ матеріаловъ [6]).

Цѣлью устройства смирительныхъ и работныхъ домовъ являлось преимущественно заставить бродягъ зани-

---

[1]) Hippel. p. 440. 443. 622—630. 637. 640.

[2]) Hippel. l. c.

[3]) Beer. Oesterreichische Volkswirtschaft unter Maria Theresia. I. p. 62

[4]) Levasseur. T. II. p. 256. Reitzenstein. Die Armengesetzgebung Frankreichsin den Grundzügen ihrer historischen Entwicklung. Schmoller's Jahrbuch. B. V. 1881. p. 561. 567.

[5]) Germain Martin. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. p. 286 и сл.

[6]) Aschrott. Armenwesen und Armengesetzgebung in England. Handwört. der Staatswiss. B. II.

маться полезнымъ трудомъ. Въ Амстердамѣ при учрежденіи исправительнаго дома для женщинъ руководствовались слѣдующими соображеніями. Въ 1596 году городской совѣтъ, по предложенію лицъ, завѣдывавшихъ призрѣніемъ бѣдныхъ, и шеффеновъ, обсуждалъ вопросъ, относительно подходящаго мѣста для прядильни, гдѣ молодыя дѣвушки и другія липа, пріучающіяся къ нищенству и бездѣлію, занимались бы пряденьемъ шерсти и могли бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Такъ какъ нѣсколько скупщиковъ шерстяныхъ издѣлій предложили выгодныя условія (очевидно для закупки производимой исправительнымъ домомъ пряжи), то совѣтъ призналъ учрежденіе такого заведенія „очень добрымъ и христіанскимъ дѣломъ“ и предложилъ бургомистру осуществить этотъ проектъ. Въ слѣдующемъ году и было устроено заведеніе въ стѣнахъ прежняго женскаго монастыря [1]). Въ 1686 г. Великій Курфюрстъ издалъ эдиктъ относительно устройства „*исправительныхъ*, прядильныхъ и *мануфактурныхъ* заведеній“, куда должны помѣщаться, если нужно, силой, всѣ безработные и ихъ дѣти. Какъ видно изъ введенія къ эдикту, онъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ, съ одной стороны, содѣйствовать развитію суконной промышленности, а съ другой стороны, пріучить лѣнивыхъ къ труду [2]). Населеніе англійскихъ работныхъ домовъ также состояло изъ всевозможныхъ бродячихъ элементовъ, какъ то: рабочихъ, не находившихъ работы или отказывавшихся исполнять ее по установленной мировымъ судьей платѣ, нищенствующихъ студентовъ, лицъ, не имѣвшихъ ни земли, ни денегъ, ни дозволеннаго занятія, нищенствующихъ моряковъ, разсказывавшихъ о томъ, что ихъ судно потерпѣло крушеніе, но не имѣвшихъ соотвѣтствующаго удостовѣренія, далѣе шулеровъ, фокусниковъ, гадальщиковъ, вожаковъ медвѣдей и т. п. [3]).

Сидѣльцы работныхъ и исправительныхъ домовъ состояли, такимъ образомъ, преимущественно изъ лицъ, не находившихъ себѣ работы въ области ремесла или кус-

---

[1]) Hippel. p. 443.

[2]) Rosenfeld. Die staatliche Fürsorge für die entlassenen Strafgefangenen in Preussen. T. I. (1700–1835). Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. B. XXV. 1905. p. 154.

[3]) Hippel. p. 427.

тарной промышленности, или не желавшихъ приложить свой трудъ въ этихъ областяхъ производства. На мануфактуры, устроенныя иностранцами, они не желали идти; стоило большого труда заставить населеніе (въ особенности сельское) посѣщать вновь учрежденныя предпріятія; въ работѣ на мануфактурахъ оно усматривало занятіе низменнаго свойства, по сравненію съ цеховыми промыслами [1]). Но тоже самое населеніе, которое отказывалось отъ работы (или не находило ея), не трудно было принудить къ этому, хватая безработныхъ какъ бродягъ и сажая ихъ въ устроенные для этого дома-мануфактуры. Въ 1721 было рѣшено устроить по близости отъ Граца суконную мануфактуру (она называется „фабрикой"). Въ составленномъ мѣстной коммерческой палатой проектѣ указывалось на то, что сотни людей голодаютъ и проводятъ время въ бездѣльи, становясь въ тягость населенію. Съ этой цѣлью необходимо учредить „суконную фабрику, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть работнымъ домомъ". Нищихъ способныхъ къ работѣ—говорится въ этомъ проектѣ—имѣется великое множество, въ качествѣ директора найденъ человѣкъ, хорошо знакомый съ производствомъ сукна и обладающій извѣстнымъ капиталомъ, который въ состояніи найти и необходимыхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Для начала слѣдуетъ производить не болѣе 1000 штукъ солдатскаго сукна въ годъ, ибо неизвѣстно, какъ организуется сбытъ, и съ этой цѣлью понадобится около 150—200 рабочихъ. Нужно, слѣдовательно, „переловить и арестовать" такое количество нищихъ, бродящихъ по улицамъ г. Граца. Этимъ путемъ не только будутъ добыты рабочія силы для мануфактуры, но и очищенъ городъ отъ нищихъ, ибо отъ страха всѣ остальные разбѣгутся изъ города и жители обязаны будутъ мануфактурѣ благодарностью или точнѣе обязаны будутъ за это доставить необходимый для веденія мануфактуры капиталъ, внося въ пользу мануфактуры то, что они раньше тратили въ качествѣ подаянія нищимъ [2]). Бехеръ находитъ полезнымъ не только ловить нищенствующихъ для устройства мануфактуръ и для освобожденія

[1]) См. ниже, стр. 628.

[2]) Franz Mayer. Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich. p. 64—66.

страны отъ нищихъ, но даже привлекать нищихъ изъ другихъ странъ, въ цѣляхъ развитія промышленности. Очевидно на первомъ планѣ у него стоятъ не мѣры общественнаго призрѣнія, а учрежденіе мануфактуръ и съ этой цѣлью онъ признаетъ нужнымъ ловить нищихъ и сажать ихъ въ работные дома-мануфактуры [1]).

Дѣйствительно, — какъ указываетъ Максъ Адлеръ — рабочій персоналъ мануфактуръ состоялъ преимущественно изъ несвободныхъ элементовъ, которые потеряли гражданскую правоспособность или не успѣли еще пріобрѣсти ее, рабочими являлись преступники, бродяги, нищіе и сироты.[2]) Адлеръ въ данномъ случаѣ вполнѣ отождествляетъ работные и исправительные дома съ промышленными предпріятіями и поступаетъ вполнѣ правильно. По отношенію къ разсматриваемой эпохѣ XVII—XVIII ст. необходимо совершенно отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительную работу въ тюрьмахъ и признать исправительныя заведенія особой и притомъ важной категоріей мануфактуръ, рядомъ съ двумя другими группами ихъ — мануфактурами, устроенными иностранцами и работавшими преимущественно при помощи иноземныхъ рабочихъ, и немногочисленными мануфактурами, возникшими органически, главнымъ образомъ изъ кустарныхъ предпріятій.

Первыя мануфактуры—говоритъ Геерингъ—были учреждены въ сиротскихъ и исправительныхъ домахъ. Такъ это было и въ Базелѣ. Еще въ 1581 г. Стефано Пеллизари проектировалъ устройство мануфактуры, на которой могли бы найти себѣ пропитаніе преимущественно бѣдныя дѣти, но вслѣдствіе противодѣйствія со стороны цеховъ, которые усматривали въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, онъ не добился разрѣшенія. 80 лѣтъ спустя, его проектъ былъ осуществленъ самимъ городомъ, который не обратилъ вниманія на цеховыя привилегіи. Въ 1665—1669 гг. городской совѣтъ учредилъ „исправительный и сиротскій домъ“, сидѣльцы

---

[1]) Becher. Politische Discurs. p. 244. Max Adler, p. 35. Hallwich. Anfänge der Grossindustrie in Oesterreich, p. 30.

[2]) Max Adler, p. 90. Лампрехтъ (Lrg.—B. II, 1. p. 220) также обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе нѣмецкихъ (централизованныхъ) мануфактуръ состояли первоначально изъ бродячаго населенія.

котораго занимались текстильнымъ производствомъ. Сначала была устроена позументная мастерская, а затѣмъ мастерская для изготовленія „разнаго простого, сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна по дешевой цѣнѣ, подъ руководствомъ чесальщика и ткача шерстяныхъ матерій Іогана Шнейдера". Цехи были безсильны устранить такую конкурренцію. Въ 1713 г. они заявили протестъ противъ устроенной въ сиротскомъ пріютѣ мануфактуры („фабрики"), но получили слѣдующій отвѣтъ: „когда государство предпринимаетъ что-либо ad pias causas, то, цехи могли бы держать языкъ за зубами". [1]).

Такимъ образомъ, учрежденіе мануфактуръ, пользовавшихся принудительнымъ трудомъ, вызывалось не только трудностью заставить населеніе добровольно идти на мануфактуры, но и необходимостью выдерживать сильную борьбу съ цехами, въ случаѣ учрежденія мануфактуръ частными лицами и при помощи свободныхъ рабочихъ. И то и другое затрудненіе устранялось, когда та же мануфактура носила фирму „рабочаго дома". Въ этомъ случаѣ она, наоборотъ, могла еще пользоваться исключительными привилегіями. Въ Бременѣ борьба ткацкаго цеха съ работнымъ домомъ, гдѣ производились текстильныя издѣлія, была столь же безплодна, какъ и въ Базелѣ. Въ Амстердамскомъ исправительномъ заведеніи для мужчинъ производился плюшъ, атласъ и шерстяныя издѣлія. Кромѣ того сидѣльцы занимались распиливаніемъ всевозможныхъ сортовъ красильнаго дерева, какъ то: бразильскаго, кампешеваго, сандалеваго, бѣлаго и краснаго и т. п. дерева, привозимаго изъ тропическихъ странъ и употребляемаго, какъ для крашенія, такъ и въ медикаменты. При этомъ уже въ 1599 году распиливаніе красильнаго дерева было объявлено городомъ монополіей исправительнаго дома, а въ 1602 году, въ виду того, что нѣкій Петръ Янтцъ устроилъ по близости отъ города вѣтреную мельницу для пиленья дерева, эта привилегія была распространена на всю Голландію и Западную Фрисландію. Для того, чтобы привилегія не нарушалась, было постановлено въ 1660 году, что никто не вправѣ зака-

---

[1]) Geering. p. 608—609. Ср. во Франціи выше, стр. 612.

зывать распилку дерева въ другихъ мѣстностяхъ или привозить оттуда распиленное дерево. Исправительный домъ получалъ заказы отъ купцовъ, которые доставляли ему матеріалъ; здѣсь онъ обрабатывался, распиливался, разрѣзывался или размалывался за опредѣленную поштучную плату. Во главѣ всей мануфактуры стояли два ткача, завѣдывавшіе мастерскими по обработкѣ шерсти и шелка, и одинъ мастеръ, руководившій пиленьемъ дерева. [1])

И въ другихъ исправительныхъ, работныхъ и сиротскихъ домахъ находимъ обыкновенно правильно организованныя предпріятія, раздѣляющіяся на нѣсколько мастерскихъ, во главѣ съ мастерами-спеціалистами въ данной отрасли производства, съ извѣстнымъ раздѣленіемъ труда. Такъ напр., въ Гамбургѣ (и въ Любекѣ), гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сидѣльцы заведенія состояли преимущественно изъ нищихъ и бродягъ, была устроена, и прядильная, и ткацкая мастерскія, и тамъ же происходило и расчесыванье шерсти; кромѣ того, здѣсь изготовлялись фитили для артиллерійскихъ орудій, а съ 1689 г. и холстъ для парусовъ [2]). Курфюрстъ Бранденбургскій Іоахимъ II велѣлъ даже выписать изъ Гамбурга и изъ Голландіи мастеровъ, которые бы руководили производствомъ, устраиваемымъ имъ (въ 1608 г.) въ исправительномъ домѣ для работоспособныхъ взрослыхъ и дѣтей, занимающихся нищенствомъ [3]) Кольберъ—говоритъ Де-Силлель—желалъ, чтобы дома призрѣнія для нищихъ были настоящими мануфактурами и пользовались всѣми привилегіями, предоставленными послѣднимъ. Онъ не ограничивался дарованьемъ всѣмъ открываемымъ заведеніямъ права устраивать мануфактуры, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ указывалъ, какой характеръ онѣ должны имѣть; такъ, въ Труа Кольберъ велѣлъ учредить въ домѣ призрѣнія такую же чулковязальную мануфактуру, какія

---

[1]) Hippel. p. 444. 458—460. Въ области наиболѣе важной—прядильно-ткацкой (особенно шерстяной и льняной) промышленности это были почти единственныя централизованныя мануфактуры; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (гдѣ примѣняется свободный трудъ) мы находимъ въ этихъ производствахъ почти исключительно кустарную форму промышленности. (Ср. ниже стр. 626 и сл.).

[2]) Hippel. p. 637.

[3]) Ibid, p. 436—37.

устраивались иноземными предпринимателями подъ названіемъ королевскихъ мануфактуръ. [1]).

Характеру промышленнаго предпріятія вполнѣ соотвѣтствовало и то, что мануфактуры съ принудительнымъ трудомъ отдавались на откупъ предпринимателямъ, и что лица, находившіяся тамъ, получали за свой трудъ извѣстную плату. Въ Баденѣ въ XVIII вѣкѣ всѣ исправительные и работные дома были арендованы предпринимателями. [2]). Въ Пфорцгеймѣ предприниматель платилъ сидѣльцамъ исправительнаго и сиротскаго дома, который онъ взялъ въ аренду, около 10 гульд. ежегодной платы [3]). Устроенное въ 1687 г. въ г. Шпандау исправительное заведеніе было сдано на откупъ двумъ торговцамъ шелковыми издѣліями, Мюллеру и Копишу, но производство шелка оказалось невыгоднымъ, почему въ 1693 г. заведеніе было передано суконщику Крахту; послѣдній не ограничивался пряденьемъ, но устроили также и ткацкое отдѣленіе и изготовленныя сидѣльцами шерстяныя издѣлія сбывалъ по выгодной цѣнѣ [4]). Берлинскій домъ призрѣнія для слабыхъ здоровьемъ нищихъ, въ которомъ производилось пряденье, находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ купцовъ и доставлялъ имъ хорошій доходъ [5]).

Указывая на то, что въ голландскихъ исправительныхъ домахъ сидѣльцы (преимущественно бродяги) еженедѣльно получали большую часть выработанной ими платы, которая измѣнялась въ зависимости отъ характера труда, меньшая же часть выдавалась при выходѣ, Гиппель находитъ, что мы въ данномъ случаѣ уже въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ весьма ясное пониманіе того значенія, которое имѣетъ плата за трудъ въ качествѣ стимула къ труду и какъ мѣра, дающая людямъ возможность начать честную жизнь по выходѣ изъ тюрьмы [6]). Но объясняя подобнымъ образомъ причину полученія заработной платы несвободными рабочими этихъ

[1]) Des Cilleuls. Histoire et régime de la grande Industrie en France aux XVII et XVIII. siècles. Paris. 1898. p. 25. 289—290.

[2]) Gothein, p. 715. 721. 756. 762.

[3]) Ibid, p. 707.

[4]) Rosenfeld. Zeitschr. für Strafrechtswiss. XXV. p. 154.

[5]) Ibid. p. 164.

[6]) Hippel, p. 461.

мануфактуръ, Гиппель становится на точку зрѣнія современнаго тюрьмовѣда и совершенно забываетъ о томъ, что люди XVII и XVIII вѣка, устраивавшіе эти заведенія, не имѣли никакого понятія о современныхъ пенитенціарныхъ теоріяхъ (ибо теорія вознагражденія тюремныхъ арестантовъ возникла въ самое послѣднее время) и совершенно не могли преслѣдовать тѣхъ цѣлей, которыя ему самому кажутся столь правильными. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ тѣ времена смотрѣли на этихъ лицъ не какъ на преступниковъ, какими они въ большинствѣ случаевъ вовсе и не были, а лишь какъ на бродягъ и нищихъ, которыхъ необходимо заставить работать, что въ этихъ заведеніяхъ устраивались цѣлыя правильно организованныя мануфактуры (въ отличіе отъ тѣхъ работъ, которыя нынѣ исполняются въ тюрьмахъ), для которыхъ, какъ мы видѣли выше, нерѣдко спеціально набиралось бродячее и нищенствующее населеніе и выписывались иностранные мастера-спеціалисты [1]). Иначе онъ понялъ бы, что заработная плата, получаемая этими несвободными рабочими, вызывалась вовсе не пенитенціарными соображеніями, а тѣмъ обстоятельствомъ что, въ нихъ видѣли рабочихъ мануфактуръ, которые за свой, хотя и подневольный трудъ получаютъ такое же вознагражденіе, какъ и всѣ прочіе. Правда, эта плата въ большинствѣ случаевъ была крайне мизерна, но это являлось уже результатомъ эксплоатаціонныхъ намѣреній предпринимателей, арендовавшихъ то или другое заведеніе, или лицъ, поставленныхъ во главѣ его, которыя, конечно, старались извлечь возможно большую прибыль изъ рабочихъ находившихся всецѣло въ ихъ власти, и имѣли полную возможность сокращать при всякомъ удобномъ случаѣ и безъ того незначительную плату. Такъ, въ исправительномъ,

[1]) При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и рабочіе на свободныхъ мануфактурахъ вовсе не имѣли полной свободы, а наоборотъ находились въ состояніи весьма близкомъ къ крѣпостному. Таково было положеніе ихъ на австрійскихъ мануфактурахъ, учрежденныхъ помѣщиками, работа на которыхъ составляла повинность для крестьянъ, таковы были условія труда на извѣстной весьма обширной французской мануфактурѣ Van Robais, гдѣ всѣ рабочіе (даже тѣ, которые въ данное время не имѣли работы) были прикрѣплены къ мануфактурѣ. Широкой властью надъ рабочими

прядильномъ или работномъ домѣ въ Нюрнбергѣ, гдѣ находились бродяги, нищіе, проститутки, дѣти-сироты, всѣ эти лица занимались пряденьемъ, а также шлифованьемъ стеколъ, причемъ всѣхъ, даже беременныхъ женщинъ, стариковъ, больныхъ и умалишенныхъ безпощадно заставляли шлифовать стекла, весь же доходъ поступалъ въ пользу завѣдующаго заведеніемъ, который усматривалъ въ этомъ вознагражденіе за ту жалкую пищу, которую онъ давалъ имъ [1] [2]). Но и въ этомъ случаѣ свое нежеланіе платить рабочимъ извѣстное вознагражденіе онъ основывалъ не на томъ, что рѣчь идетъ о преступныхъ элементахъ, которымъ не полагается платы за работу, являющуюся для нихъ наказаніемъ, а ссылался на то, что ихъ трудъ недостаточно производителенъ, чтобы рядомъ съ натуральной платой. выдаваемой ими въ видѣ пропитанія (и одежды), имъ можно было давать еще и денежное вознагражденіе [3]).

III.

Къ этимъ двумъ категоріямъ мануфактуръ присоединяется еще третья: мануфактуры, возникшія генетически изъ другихъ болѣе раннихъ формъ производства. По Марксу

пользовались и прусскіе промышленники. (См. Max Adler, p. 90. Levasseur. II. p. 803 и выше стр. 610).

[1]) Hermann Knapp. Das alte nürnberger Kriminalrecht. Berlin. 1896. p. 73—75.

[2]) Впрочемъ, мы находимъ и мануфактуры со свободнымъ трудомъ, гдѣ рабочимъ не полагается никакой денежной платы. Плату получаютъ только управляющій и старшіе мастера, выписанные изъза границы. (См. Max Adler. p. 90).

[3]) Любопытно, что въ данномъ случаѣ цехъ, выдѣлывавшій очки не только не жаловался на конкурренцію исправительнаго дома, а наоборотъ желалъ (въ 1754 г.), чтобы и преступники, находившіеся въ другомъ спеціальномъ заведеніи („Loch"), а также нищіе изъ домовъ призрѣнія были переселены въ „Zucht- und Spinnhaus" и занимались бы также шлифовкой стеколъ, иначе конкурренція Фюрта побьетъ производство очковъ Нюрнберга. Это объясняется повидимому тѣмъ, что нюрнбергскій цехъ, производившій очки, занимался изготовленіемъ оправъ для очковъ и состлавеніемъ послѣднихъ и нуждался въ шлифованныхъ стеклахъ, почему и заботился о распространеніи этой отрасли производства въ работныхъ и исправительныхъ домахъ (Ср. Morgenstern. Die Fürther Metallschlägerei. Tübingen. 1890).

мануфактуры возникаютъ двоякимъ путемъ. Въ однихъ случаяхъ рабочіе, принадлежащіе къ различнымъ самостоятельнымъ ремесламъ, соединяются подъ одной кровлей, подъ командой одного и того же капиталиста. Карета ранѣе являлась продуктомъ труда цѣлаго ряда мастеровъ: каретниковъ, сѣдельниковъ, портныхъ, слесарей, портупейщиковъ, токарей, позументщиковъ, стекольщиковъ, маляровъ, лакировщиковъ, позолотчиковъ и т. п.; мануфактура, изготовляющая кареты, соединяетъ всѣхъ этихъ ремесленниковъ въ одномъ зданіи и согласуетъ работу каждаго изъ нихъ съ работой, производимой всѣми другими. Каждый изъ этихъ рабочихъ перестаетъ уже заниматься своимъ ремесломъ во всемъ его цѣломъ, а ограничивается тѣми немногими операціями изъ области своего ремесла, въ которыхъ нуждается мануфактура и которыя уже становятся его исключительною спеціальностью. По мнѣнію Маркса, и цѣлый рядъ другихъ мануфактуръ, суконныхъ, шелковыхъ и т. п. возникъ изъ подобной комбинаціи самостоятельныхъ ремесленниковъ. Рядомъ съ мануфактурами, образующимися путемъ такой комбинаціи различныхъ промысловъ, возникаютъ мануфактуры и инымъ путемъ—посредствомъ комбинаціи мастеровъ, принадлежащихъ къ одной и той же отрасли производства. Ремесленники, изготовляющіе одинъ и тотъ же продуктъ, напр. бумагу, булавки, типографскій шрифтъ, объединяются въ одной и той же мастерской, гдѣ каждый ремесленникъ при содѣйствіи одного-двухъ подмастерьевъ, изготовляетъ весь предметъ отъ начала до конца, производя всѣ необходимыя для этого операціи, одну за другой. Постепенно однако и самый характеръ труда измѣняется: устанавливается раздѣленіе труда. Вмѣсто того, чтобы различныя операціи производились однимъ и тѣмъ же ремесленникомъ, одна за другой, онѣ отдѣляются другъ отъ друга и выполняются одновременно, каждая изъ нихъ производится опредѣленнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, индивидуальный продуктъ самостоятельнаго ремесленника превращается въ соціальный продуктъ цѣлаго ряда рабочихъ, изъ коихъ каждый выполняетъ только одну опредѣленную операцію [1]).

---

[1]) Marx. I. 2. Aufl. p. 345—348. Ср. также выше, стр. 602. 605.

Теорія возникновенія мануфактуръ, установленная Марксомъ, является и до сихъ поръ, при полномъ почти отсутствіи спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ характеристикѣ этой формы производства и ея отличительныхъ особенностей--едва-ли не единственной, выясняющей вопросъ о томъ, какъ образовалась форма производства, именуемая централизованной мануфактурой. Однако, Марксъ недостаточно разграничиваетъ ремесло и кустарную промышленность, и во многихъ случаяхъ говоритъ о самостоятельныхъ ремесленникахъ, превращаемыхъ въ мануфактурныхъ рабочихъ, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности рѣчь можетъ идти лишь о зависимыхъ кустаряхъ. Цитируя по поводу ліонской шелковой промышленности Бланки, который различалъ лишь ремесло и мануфактуру, но не имѣлъ понятія о существованіи третьей формы производства — кустарной промышленности, Марксъ вѣритъ ему на слово, что мастера, не будучи соединены въ одномъ зданіи и подъ начальствомъ одного фабриканта, были, слѣдовательно, независимыми ремесленниками, тогда какъ мы въ настоящее время прекрасно знаемъ, что въ XVII и XVIII ст. и даже ранѣе, они всѣ уже были кустарями, работающими на скупщика [1]). Точно также неправильно указаніе Маркса на то, что суконная мануфактура и цѣлый рядъ прочихъ мануфактуръ возникли подобнымъ же образомъ, какъ каретная—путемъ комбинаціи различныхъ самостоятельныхъ ремесленниковъ. Какъ мы видѣли выше, въ текстильной промышленности вообще и въ шерстяной въ частности [2]), далѣе въ производствѣ металлическихъ издѣлій (между прочимъ и булавокъ [3]), о которыхъ упоминаетъ Марксъ), въ кожевенномъ промыслѣ и др., предметъ, изготовляемый ранѣе цѣликомъ однимъ и тѣмъ же цеховымъ мастеромъ, уже съ конца среднихъ вѣковъ былъ разбитъ на части, изъ коихъ каждая стала спеціальностью опредѣленной группы кустарей, объединяемыхъ однимъ и тѣмъ же скупщикомъ—предпринимателемъ.

---

[1]) См. Godart. L'ouvrier en soie. T. I. passim. См. также выше, стр. 534 и сл.

[2]) См. выше, стр. 517 и сл. 525 и сл. 539 и сл.

[3]) См. стр. 528—29.

Конечно, мануфактуры второй категоріи, основанныя на простой кооперації, и соединяющія мастеровъ того же промысла, могли образоваться непосредственно изъ ремесла. Въ этихъ случаяхъ, какъ указываетъ Марксъ, раздѣленіе (расчлененіе) труда между рабочими вовсе не входитъ первоначально въ планъ предпринимателя, оно создается впослѣдствіи обстоятельствами чисто внѣшняго характера, напр., необходимостью произвести въ теченіе извѣстнаго времени болѣе значительное количество продуктовъ. Такъ возникли дѣйствительно тѣ мануфактуры, которыя мы отнесли къ первой (нашей) группѣ—мануфактуры въ новыхъ отрасляхъ производства, созданныхъ иностранцами: примѣръ мануфактуры, производящей издѣлія изъ бумажной массы, или типографіи въ данномъ случаѣ правиленъ. Цѣлый рядъ мануфактуръ являлись первоначально, какъ мы видѣли выше, лишь соединеніемъ мастеровъ, изъ коихъ каждый работалъ самостоятельно (съ подмастерьями), соединеніемъ, вызваннымъ необходимостью жить вмѣстѣ въ особомъ привилегированномъ мѣстѣ и помѣщеніи [1]). Въ иныхъ случаяхъ, какъ напр. въ набивномъ или типографскомъ производствѣ, къ этому присоединялась и необходимость пользоваться одними и тѣми же инструментами. Но для прочихъ, въ особенности уже ранѣе существовавшихъ отраслей производства, это объясненіе не примѣнимо. Если продуктъ изготовлялся цѣлымъ рядомъ независимыхъ ремесленниковъ, то что могло побудить ни съ того, ни съ сего капиталиста объединить этихъ мастеровъ и образовать мануфактуру. Иное дѣло, если этотъ капиталистъ былъ уже ранѣе скупщикомъ и направлялъ продукты отъ одного мастера къ другому; тогда становится понятнымъ, что желаніе сберечь на расходахъ, связанныхъ съ раздачей матеріала и передачей продукта, въ частности на платѣ посредникамъ-факторамъ, а также избѣгнуть кражи матеріала кустарями и, наконецъ, усилить надзоръ надъ производствомъ, могло побудить скупщика объединить разрозненныхъ рабочихъ подъ одной крышей и взять все производство въ свое непосредственное управленіе. Такимъ образомъ, предполагая образованіе мануфактуръ изъ самостоятельнаго ремесла, а не изъ кустарной промыш-

[1]) Ср. выше, стр. 601—08.

ленности, мы не въ состояніи объяснить возникновеніе всѣхъ тѣхъ мануфактуръ, которыя не появились вновь въ новыхъ отрасляхъ производства, а образовались генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства въ существовавшихъ издавна и наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности [1]).

Трельтшъ даетъ ясное представленіе о томъ, какъ возникли мануфактуры въ вюртембергской текстильной промышленности. „Тѣ моменты, въ которыхъ современная экономическая наука усматриваетъ причину возникновенія

---

[1]) Раздѣленіе труда въ этихъ отрасляхъ промышленности было весьма значительно и раньше, и при переходѣ къ мануфактурѣ сдѣланы лишь дальнѣйшіе успѣхи въ томъ же направленіи. Между раздѣленіемъ производства и расчлененіемъ труда, по терминологіи Бюхера (Produktionsteilung u. Arbeitszerlegung), нѣтъ существенной разницы: въ первомъ случаѣ объектомъ раздѣленія труда является цѣлый процессъ производства (напр. изготовленіе сукна, которое раздѣляется между прядильщикомъ, ткачемъ, красильщикомъ и т. д.) во второмъ — лишь часть его (напр. окраска сукна распредѣляется на нѣсколько отдѣловъ), такъ что за раздѣленіемъ извѣстнаго процесса производства на нѣсколько частей слѣдуетъ дальнѣйшее расчлененіе каждой части. Бюхеръ указываетъ на то обстоятельство, что въ первомъ случаѣ мѣняется владѣлецъ продукта, тогда какъ при расчлененіи труда продуктъ, переходя изъ рукъ въ руки, всетаки остается собственностью того же лица (которому принадлежитъ мануфактура). Однако, онъ признаетъ, что и въ первомъ случаѣ „во главѣ всего процесса стоитъ капиталистъ (скупщикъ), который направляетъ продуктъ отъ одного мастера къ другому для дальнѣйшей обработки. (Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 282. 308). Послѣдній является обыкновенно фактическимъ владѣльцемъ продукта, а нерѣдко и юридическимъ: онъ передаетъ каждый разъ мастеру лишь принадлежащій ему матеріалъ для исполненія того или другого процесса производства. Остается лишь одно различіе: при раздѣленіи производства на самостоятельные процессы образуются новыя хозяйства, новыя предпріятія, новые промыслы, между тѣмъ какъ при расчлененіи даннаго процесса на отдѣльныя части внутри мануфактуры появляются лишь рабочіе новыхъ спеціальностей. Но существеннаго значенія это различіе имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о перемѣнахъ, происходящихъ въ соціальномъ положеніи рабочихъ. Фактъ тотъ, что раздѣленіе процесса производства вызываетъ превращеніе самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ кустарей, между тѣмъ какъ переходъ послѣднихъ на мануфактуру не влечетъ за собой значительной перемѣны въ отношеніи ихъ зависимости отъ предпринимателя.

мануфактуръ [1]) (т. е. крупныхъ централизованныхъ предпріятій) — говоритъ онъ — именно: стремленіе къ введенію техническихъ улучшеній, установленіе внимательнаго и постояннаго надзора за производствомъ и борьба съ растратой и утайкой цѣнныхъ матеріаловъ—все это побудило и кальвскую компанію, старавшуюся производить товары лучшаго качества и болѣе цѣнные, переходить, начиная съ половины XVIII вѣка, постепенно къ новому способу производства. Зачатки относятся приблизительно къ 1765 году. Однако, первоначально компанія вовсе не имѣла въ виду концентрацію ткацкаго и прядильнаго производства, а выбирала изъ среды прядильщицъ и ткачей извѣстное количество лицъ, которыя получали на домъ лучшія сорта шерсти и пряжи и обрабатывали ихъ подъ надзоромъ членовъ компаніи и на основаніи извѣстныхъ установленныхъ правилъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, компанія поняла, что этой мѣры (а равно другой принятой въ томъ же направленіи: былъ назначенъ спеціальный техникъ, завѣдывавшій пряденьемъ и не входившій въ составъ компаніи) недостаточно: улучшеніе процесса производства оказывалось выгоднымъ лишь при изготовленіи тканей высшихъ сортовъ въ болѣе значительномъ количествѣ и въ случаѣ концентраціи производства этихъ товаровъ. Былъ нанятъ швейцарецъ по имени Чуди, который устроилъ сушильную мельницу, приводимую въ движеніе лошадиной силой. Далѣе, компанія пріобрѣла въ Страсбургѣ прессовальную машину съ цилиндрическимъ валикомъ за 1210 гульд. Одновременно особое зданіе, гдѣ находилась первоначально сахаро-рафинадная мануфактура (заводъ), было отведено для чистки и чесанія шерсти. Наконецъ, и тканье узорчатыхъ матерій компанія стала производить на станкахъ, установленныхъ въ ея собственныхъ помѣщеніяхъ. Подготовительныя операціи производились на мануфактурѣ: въ 1787 г. компанія имѣла 35 чесальщиковъ и 6 сортировщиковъ; далѣе, шерсть отдавалась попрежнему для выдѣлки пряжи на домъ и затѣмъ въ видѣ пряжи вновь возвращалась на мануфактуру для сортированья, сушенья, бѣленья, валянья, а также крашенья. Основа изгото-

[1]) У Трельтша повсюду „фабрика“ (какъ въ источникахъ?) вмѣсто „мануфактура“.

влялась въ отдѣльной мастерской, такъ что тканье (утка) являлось единственной операціей, производимой ткачемъ, всѣ остальныя работы не касались его. Ткацкихъ станковъ было впрочемъ на мануфактурѣ немного: въ 1774 г. 4, въ 1787 г. 9, въ 1790 г. и въ слѣдующіе годы (компанія существовала до 1797 г.) не болѣе 6—8. Однако, на каждомъ изъ этихъ станковъ производилось вдвое большее количество фабриката, чѣмъ при работѣ на дому, такъ какъ на мануфактурѣ ткачъ имѣлъ постоянно работу и не долженъ былъ производить подготовительныхъ операцій съ пряжей, отнимавшихъ у него прежде много времени [1]).

Т. наз. ситцевая „фабрика“ въ Зульцѣ на Некарѣ являлась также первоначально торговымъ предпріятіемъ, сбывавшимъ хлопчатобумажныя матеріи, частью въ сыромъ, частью въ обработанномъ видѣ. Однако, въ виду неудачныхъ коньюнктуръ, компанія стала постепенно сокращать прядильное и ткацкое производство и обращать свое вниманіе на конечныя стадіи производства, на апретурный и красильный промыселъ. По мѣрѣ того, какъ совершалась эта перемѣна въ производствѣ, происходила концентрація рабочихъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ компаніи и устанавливалось раздѣленіе (расчлененіе) труда на мануфактурѣ. Въ 1760 г. на зульцскую компанію работало на дому 112 ткачей и 556 прядильщицъ, но всего 26 рабочихъ на мануфактурѣ, въ 1764 г. первыхъ насчитывалось 225 ткачей и 1292 прядильщицы, вторыхъ—130; наконецъ, въ 1777 году на мануфактурѣ, принадлежавшей компаніи, насчитывалось 162 человѣка. Среди послѣднихъ было 34 малолѣтнихъ, 32 подростка отъ 13—17 лѣтъ и 96 взрослыхъ рабочихъ, среди рабочихъ преобладали женщины (20 дѣвочекъ, 16 подростковъ, 53 женщины старше 17 лѣтъ, итого 89) [2]). Раздѣленіе труда на мануфактурѣ было значительно развито: рабочіе раздѣлялись на цѣлый рядъ группъ, изъ коихъ каждая производила лишь немногія опредѣленныя операціи, какъ то: набивку, накладываніе красокъ на прессъ, раскрашиваніе тканей, бѣленье, лощенье, отливанье моделей, гравированье и т. п. При этомъ и здѣсь, какъ и у кальв-

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie. p. 167—272.

[2]) О трудѣ женщинъ и дѣтей на мануфактурахъ см. томъ второй.

ской компаніи, мануфактурные рабочіе были въ матеріальномъ отношеніи поставлены несравненно лучше, чѣмъ кустари, работавшіе для тѣхъ же компаній. „Нѣтъ сомнѣнія—заключаетъ Трельтшъ,—что въ Зульцѣ мы имѣемъ благотворные результаты концентрированнаго и хорошо управляемаго предпріятія, которое на каждое мѣсто ставило наиболѣе подходящія силы, стараясь ихъ вполнѣ использовать и оплачивая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащимъ образомъ [1]).

Разсмотрѣнныя нами предпріятія являлись едва ли не единственными во всей текстильной промышленности Вюртемберга мануфактурами, возникшими генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства. Общераспространенной формой въ XVII—XVIII ст. была вообще кустарная промышленность, если же попадались мануфактуры, то онѣ либо были устроены въ исправительныхъ заведеніяхъ и сиротскихъ пріютахъ, либо учреждались иностранцами во вновь вводимыхъ послѣдними отрасляхъ индустріи. Это положеніе вполнѣ подтверждается тѣми данными, которыя приводитъ Готейнъ относительно Бадена. Подробно излагая развитіе различныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда и прилежащихъ къ нему областяхъ въ XVII—XVIII ст., онъ повсюду констатируетъ существованіе кустарнаго производства, факторовъ и рабочихъ, производящихъ на дому, несмотря на громкія названія „фабрикъ“ и „мануфактуръ“. Исключеніями являются лишь два-три предпріятія, какъ напр. ситце-набивныя мануфактуры въ Леррахѣ (Баденъ) и Ландсгутѣ (Баварія), учрежденныя въ обоихъ случаяхъ швейцарцами [2]), и мануфактура (съ 60 рабочими), изготовлявшая желѣзныя издѣлія, инструменты, оружіе, занесенная изъ Англіи и устроенная по образцу англійскихъ [3]). Кромѣ того мануфактуры возникли въ сиротскихъ пріютахъ и исправительныхъ заведеніяхъ Пфорцгейма, Брейзаха, Гюфингена; какъ мы видѣли выше, всѣ они были сданы на откупъ частнымъ предпринимателямъ, причемъ въ одномъ только Пфорцгеймѣ,

[1]) Troeltsch, p. 229—233.

[2]) Gothein, p. 729. 749. См. Geering. Die Entwicklung des Zeugdrucks im Abendland seit dem XVII Jahrh. Viert. für Social-u. Wirtschaftsgesch. 1903. p. 397 сл.

[3]) Gothein. p. 701. 715. 756. 762.

да и то лишь въ связи съ смирительнымъ и сиротскимъ домомъ, возникла ткацкая мануфактура, гдѣ обрабатывалась произведенная въ исправительномъ заведеніи пряжа [1]).

Свободные рабочіе крайне неохотно шли на мануфактуры: не только въ Пфорцгеймѣ ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не вступилъ на вновь учрежденную мануфактуру [2]), но и въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ, въ Австріи, Франціи [3]), предпринимателямъ стоило огромнаго труда получить хотя бы небольшое количество рабочихъ для мануфактуръ, даже и тѣхъ, которыя—это были рѣдкіе случаи—были учреждены внѣ всякой связи съ исправительными заведеніями; мануфактурный рабочій стоялъ, по народному воззрѣнію, на низшей ступени соціальной лѣстницы, несравненно ниже не только цехового мастера, но и деревенскаго кустаря: „большія фабрики“, т. е. централизованныя мануфактуры, называли „могилой нравственности, приводящей къ полной гибели послѣдней и ко всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ этимъ“ [4]). Это являлось несомнѣнно послѣдствіемъ того, что бо́льшая часть мануфактуръ учреждалась въ исправительныхъ домахъ и т. под. заведеніяхъ или, во всякомъ случаѣ, находилась съ тѣсной связи съ ними.

И въ Англіи мы находимъ весьма немного мануфактуръ третьей категоріи. Въ Норвичѣ, Фромѣ, Таунтонѣ, Девайзѣ, Стоутбриджѣ и другихъ центрахъ текстильной индустріи—говоритъ Гобсонъ—Дефоэ нашелъ ткацкую промышленность весьма сконцентрированной и богатыхъ предпринимателей, владѣющихъ значительнымъ числомъ станковъ. Часть этой работы они раздавали ткачамъ, работавшимъ у себя на дому, а другая часть уже исполнялась въ большихъ казармахъ, составлявшихъ собственность предпринимателя. Эти крупныя организованныя предпріятія, полу-фабричныя (мануфактурныя) полу - домашнія, встрѣчались въ центрахъ текстильной индустріи западной Англіи, вплоть до конца XVIII столѣтія. Предприниматель (master clothier)—цитируетъ

---

[1]) Ibid, p. 701 сл. 715 сл.

[2]) Ibid, p. 702.

[3]) Max Adler, p. 36 и сл, Levasseur. II. p. 247 и сл. Boissonade. T. II. p. 437 сл. Ср. Mantoux, p. 426. 428.

[4]) Gothein, p. 733.

Гобсонъ—закупаетъ шерсть у импортера, если шерсть заграничная, или прямо въ овчарняхъ, если она домашняя, затѣмъ, при обработкѣ шерсти, онъ обращается къ различнаго рода рабочимъ, такъ какъ каждый процессъ выполняется особымъ классомъ послѣднихъ; одни рабочіе производятъ у себя на дому, другіе у хозяина, но ни одинъ изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ своей спеціальности. Каждый классъ рабочихъ пріобрѣтаетъ большую ловкость при постоянномъ исполненіи какой-либо одной операціи, результатомъ которой является несомнѣнно общепризнанное совершенство сукна, изготовляемаго въ западной Англіи. И въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира купецъ (скупщикъ) снабжалъ ткачей пряжей и основой, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ этой формы производства постепенно образовались небольшія мануфактуры, гдѣ наемные рабочіе работали на хозяйскихъ станкахъ, и это совершалось еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Нѣсколько позже, но задолго еще до приложенія пара, Артуръ Юнгъ находитъ мануфактуру въ Дарлингтонѣ, гдѣ работаютъ свыше 50 станковъ, мануфактуру въ Бойтонѣ съ 150 рабочими и шелковую мануфактуру въ Шеффильдѣ со 152 рабочими... Усовершенствованные пути сообщенія—заключаетъ Гобсонъ—начали расширять рынокъ, увеличеніе предпріятій дѣлало выгоднымъ введеніе раздѣленія труда и вызвало потребность въ болѣе строгомъ надзорѣ, чѣмъ это возможно было, когда рабочіе были разсѣяны въ своихъ избахъ по деревнямъ. [1]) Какъ указываетъ Манту, и во второй половинѣ XVIII вѣка въ текстильной промышленности Англіи лишь въ видѣ исключенія возникаютъ централизованныя мануфактуры. Появляются отдѣльные суконщики, которые соединяютъ нѣсколько станковъ въ своихъ домахъ, не три—четыре, какъ это дѣлали мастера—кустари, а десять или двѣнадцать. Но и въ этихъ случаяхъ они продолжаютъ одновременно раздавать работу и внѣ дома: у одного суконщика 11 ткачей работаютъ въ его помѣщеніи, 10 у себя на дому, на другого работаетъ 27 станковъ, изъ коихъ всего 13 въ помѣщеніи суконщика [2]). Въ значительномъ

[1]) Гобсонъ, стр. 39—40. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII. siècle. p. 44. 195—196.

[2]) Mantoux, p. 44—46.

количествѣ централизованныя мастерскія стали возникать лишь тогда, когда начали вводиться машины, но тогда это уже были не мануфактуры, а фабрики. [1]).

IV.

По сравненію съ домашней или кустарной промышленностью, централизованная мануфактура, какъ форма предпріятія, представляла существенныя выгоды для предпринимателя. Устранялись прежде всего двѣ невыгодныя стороны домашней промышленности: необходимость пользоваться услугами факторовъ-посредниковъ при раздачѣ матеріала кустарямъ и при полученіи его обратно въ обработанномъ видѣ и утайка матеріала и другія обманныя операціи, совершаемыя ткачами. Въ 1750 году—разсказываетъ Готейнъ—сборщикъ таможенныхъ пошлинъ въ верхнемъ Брейсгау Киліанъ сталъ скупщикомъ хлопчатобумажной пряжи и тканей въ различныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда.

---

[1]) Относительно французскихъ мануфактуръ см. особ. Germain Martin (La grande industrie sous le règne de Louis XIV, plus particulièrement de 1660 à 1715. Paris. 1898. La grande industrie sous le règne de Louis XV. Paris. 1900.) и Des Cilleuls (Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII. et au XVIII. siècles. Paris. 1898). Къ сожалѣнію, по вопросу о возникновеніи мануфактуръ изъ болѣе раннихъ формъ производства и о самомъ процессѣ перехода къ мануфактурамъ у нихъ имѣется весьма мало данныхъ, да и вообще не проводится достаточно строгаго различія между кустарной промышленностью и централизованными мануфактурами. Весьма любопытныя свѣдѣнія о бельгійскихъ мануфактурахъ находимъ у Жюлена (Armand Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII. siècle. Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. T. LXIII. Bruxelles. 1903—1904). Жюленъ сообщаетъ подробныя и точныя данныя о каждомъ предпріятіи. Изъ его изслѣдованія (онъ разработалъ результаты анкеты 1764 г. о бельгійскихъ мануфактурахъ) видно, что и въ Бельгіи текстильная промышленность въ XVIII ст. имѣла преимущественно кустарную форму производства: пряжа производилась почти исключительно на дому и точно такъ же огромное большинство ткачей работало на дому по заказу скупщика. Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются въ этой отрасли промышленности централизованныя мануфактуры. Въ половинѣ XVIII вѣка насчитывалось не болѣе 10—12 мануфактуръ, обрабатывавшихъ волокнистыя вещества, причемъ и эти мануфактуры одновременно съ производствомъ въ мастерскихъ раздавали работу на домъ

Во многихъ мѣстахъ прядильный промыселъ совершенно не прививался и всѣ усилія его оказывались тщетными, ибо все дѣло портили факторы: они расплачивались съ кустарями не деньгами, полученными у Киліана, а кружевами, лентами и другими товарами, засчитывая ихъ по повышенной цѣнѣ. Вслѣдствіе этого, населеніе отказывалось работать. Въ другихъ мѣстахъ прядильщики работали по заказу Киліана, несмотря на то, что его факторы прямо грабили ихъ, но и для Киліана это было убыточно: его конкурренты старались привлечь факторовъ на свою сторону и послѣдніе во многихъ случаяхъ служили двумъ предпринимателямъ одновременно: полученную шерсть они обмѣнивали на худшую и обманывали ихъ обоихъ. Первоначально 100 гульденовъ въ годъ, получаемыхъ факторомъ, считались вполнѣ достаточной платой, но впослѣдствіи установился обычай уплачивать фактору кромѣ того по 3 крейцера за каждый фунтъ хлопка, который они раздавали кустарямъ. Однако, и этимъ они не удовлетворялись: Киліанъ вынужденъ былъ выдавать имъ значительныя безпроцентныя ссуды, чтобы удержать ихъ въ своей власти.

За эксплоатацію населенія предпринимателемъ и посредниками населеніе платило такой же монетой—обманами. Въ

кустарямъ: шерстяная мануфактура въ Мехельнѣ имѣла 175 рабочихъ, но кромѣ того 259 работало для нея на дому; на камлотовой мануфактурѣ въ Турне работало 62 человѣка, пряжа же для нея производилась сельскими кустарями-женщинами, въ количествѣ 800; для ткацкой мануфактуры въ Брюггѣ съ 80 рабочими и для полотняной мануфактуры въ Турне съ 277 рабочими пряжу изготовляли кустари—въ первомъ случаѣ 66, во второмъ около 535 человѣкъ, а мануфактура одѣялъ въ Мехельнѣ, имѣя 80 рабочихъ, раздавала работу на домъ вдвое большему числу кустарей. Такое соединеніе мануфактуръ съ кустарной промышленностью можно разсматривать какъ переходную форму къ централизаціи производства въ мануфактурахъ. Значительное количество централизованныхъ мануфактуръ мы находимъ лишь въ желѣзодѣлательной и стекольной индустріи, причемъ, однако, эти мануфактуры весьма невелики; по крайней мѣрѣ, если судить по числу рабочихъ: численность рабочихъ обыкновенно не превышаетъ 15—30, лишь въ видѣ исключенія она достигаетъ 40—45. Изъ крупныхъ мануфактуръ встрѣчаются, помимо приведенныхъ ткацкихъ, фарфоровая мануфактура съ 200 рабочихъ, табачная со 151 рабочимъ и лѣсопильня со 102 рабочими (Julin, p. 32—39. 63—66. 72—81).

кражѣ хлопка и утайкѣ полученнаго матеріала рабочіе вскорѣ могли соперничать съ факторами. Послѣ исповѣди предприниматели нерѣдко получали тайкомъ значительное количество хлопка, похищеннаго у нихъ. Это являлось хоть нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ утайки матеріала. Въ фальсификаціи же пряжи прядильщицы — какъ бы на основаніи молчаливаго соглашенія — не усматривали ничего дурного и эту фальсификацію онѣ производили съ рѣдкимъ искусствомъ. Онѣ незамѣтно замѣняли двѣ трети тонкой пряжи толстой пряжей, смачивали пряжу надъ кипящей водой и сверху вновь осушали ее. Имъ удавалось вложить около двухъ-трехъ лотовъ песку на каждый фунтъ пряжи, и Киліанъ жаловался на то, что у него на складѣ лежатъ товары цѣнностью въ 30 тысячъ гульд., такъ какъ онъ не въ состояніи доставлять покупателямъ товаръ надлежащаго качества, безъ поддѣлокъ. И ткачество—говорилъ онъ—неудовлетворительно, несмотря на массу потраченныхъ денегъ, ибо ткачи употребляютъ такіе же пріемы, какъ прядильщицы. Дѣйствительно, еще семь лѣтъ спустя, констанцкіе купцы, въ отвѣтъ на правительственную рекомендацію товаровъ Киліана, указывали на то, что они не находятъ сбыта ни на ярмаркахъ, ни даже въ разносной торговлѣ [1]).

Подобныя же явленія мы можемъ встрѣтить повсемѣстно въ кустарной промышленности. Въ Ахенѣ существовалъ особый сортъ матерій, произведенныхъ изъ краденой шерсти: подъ предлогомъ, что они скупаютъ розданную ими же шерсть, различные скупщики открыто торговали этими товарами, доставляемыми имъ кустарями [2]). Въ Крефельдѣ утайка полученнаго шелка не только не считалась чѣмъ-либо дурнымъ, но наоборотъ, въ этомъ видѣли особый подвигъ. Хотя въ 1735 году было издано постановленіе, согласно которому рабочіе, признанные виновными въ кражѣ, наказывались заключеніемъ въ крѣпости, причемъ родители отвѣчали за дѣтей, а лица, скупавшія матеріалъ, признавались скупщиками краденаго, тѣмъ не менѣе хищенія и впослѣдствіи принимали обширные размѣры; когда они открывались, то обнаруживались цѣлыя шайки, занимавшіяся

---

[1]) Gothein. p. 745—49.
[2]) Thun. I. p. 17.

этимъ промысломъ [1]). Въ Англіи—говоритъ Кэннингемъ—постоянныя жалобы скупщиковъ на утайку матеріала рабочими обратили на себя вниманіе общества; это явленіе считалось большимъ бѣдствіемъ, неразрывно связаннымъ съ производствомъ промышленныхъ издѣлій на дому. Такъ какъ предприниматели и факторы совершенно не имѣли возможности наблюдать за кустарями, то въ 1727 году мировымъ судьямъ Уильтшира, Глочестершира и Сомерсетшира было предоставлено право назначать особыхъ инспекторовъ, которые наблюдали бы за производствомъ въ области шерстяной промышленности, гдѣ это зло было особенно распространено; въ 1765 году эта мѣра была примѣнена и въ Іоркширѣ [2]). Одновременно съ этимъ наказанія за утайку матеріала усиливались: начиная съ 1701 года за это полагались каторжныя работы (hard labour). Изъ закона 1726 года можно усмотрѣть, что эти хищенія породили особый промыселъ „endgadherer'овъ". Послѣдніе скупали у кустарей обрѣзки пряжи и тканей, пріобрѣтая и незаконно утаенные рабочими „остатки", почему законъ и воспретилъ вовсе этотъ промыселъ. Единственной мѣрой, дѣйствительно достигающей цѣли, являлось установленіе надзора надъ рабочими и рѣшено было даже пожертвовать господствовавшимъ въ Англіи уже много вѣковъ правомъ всякаго хозяина не допускать постороннихъ лицъ въ свое жилище ради того, чтобы дать предпринимателямъ возможность надзора за производствомъ вообще и за тѣми рабочими въ особенности, которыхъ они подозрѣвали въ утайкѣ матеріала. Съ этой цѣлью скупщикамъ предоставлялось посѣщать жилища рабочихъ, причемъ рабочій, оказывавшій противодѣйствіе, подвергался штрафу въ размѣрѣ 20 ф. стерл. [3]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что англичане уже тогда понимали, что переходъ отъ раздачи работы на домъ къ производству въ централизованныхъ заведеніяхъ, гдѣ установленъ постоянный надзоръ за рабочими, является единственнымъ способомъ прекращенія злоупотребленій со стороны рабочихъ. Но этимъ достигалась и другая не

[1]) Thun. I. p. 95.

[2]) Cunningham. Growth of English Industry and Commerce in modern times. p. 357—358.

[3]) Lohmann, p. 41—42.

менѣе важная цѣль: надзоръ за процессомъ производства даетъ возможность введенія улучшенныхъ пріемовъ обработки матеріала. Конечно, для этого необходимы были надсмотрщики, которые бы слѣдили за работой и стояли во главѣ мастерскихъ. Но нѣсколько надсмотрщиковъ замѣняли собой цѣлый штатъ факторовъ-посредниковъ, который упразднялся при переходѣ отъ кустарнаго способа производства къ мануфактурѣ. А на небольшихъ мануфактурахъ, какія по преимуществу только и возникали, даже и этого не требовалось: весь надзоръ и все руководительство сосредоточивалось въ рукахъ предпринимателя. Наиболѣе существенная выгода заключалась, однако, въ раздѣленіи (расчлененіи) труда, въ томъ, что предприниматель, покупая рабочую силу и уплачивая за нее попрежнему соотвѣтственно той цѣнности, которую создавалъ каждый рабочій въ отдѣльности, пользовался тѣмъ, что производилъ этотъ рабочій въ качествѣ составной части цѣлаго механизма. Онъ присваивалъ себѣ плоды той ловкости и того умѣнія, которое пріобрѣталъ рабочій при расчлененіи процесса производства на мануфактурѣ, плоды той увеличенной интенсивности труда, которая являлась результатомъ кооперації рабочихъ [1]).

Недаромъ Адамъ Смитъ, отличавшійся столь рѣдкой наблюдательностью, поставилъ во главѣ своего сочиненія вопросъ о раздѣленіи труда, усматривая въ послѣднемъ единственный факторъ, увеличивающій производительность труда [2]). Оно имѣло въ XVIII вѣкѣ огромное общественное значеніе. Сочиненіе Адама Смита предшествуетъ эпохѣ великихъ изобрѣтеній, оно появилось до наступленія эры машиннаго производства — этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду [3]). По его словамъ, со времени Эдуарда IV въ текстильной промышленности появилось всего три крупныхъ усовершенствованія: замѣна веретена самопрялкой (spinning

[1]) Ср. Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. p. 342. 373.

[2]) См. напр. Wealth of Nations. p. 29. Въ дальнѣйшемъ Адамъ Смитъ цитируется повсюду по изданію Макъ-Келлоха 1863 г. (New Edition.)

[3]) Эйзенгартъ (Geschichte der Nationaloekonomik. Jena. 1901. p. 41—42), Морицъ Мейеръ (Die neuere Nationaloekonomie in ihren Hauptrichtungen. 4. Aufl. Minden. 1885. p. 9) и др. ошибочно относятъ Адама Смита къ эпохѣ промышленнаго переворота и введенія машинъ въ Англіи.

wheel), примѣненіе аппаратовъ, облегчающихъ надлежащую подготовку основы и утка (winding) и введеніе суконвалокъ (fulling mill) для уплотненія сукна вмѣсто того, чтобы мять сукно въ водѣ [1]). Въ этомъ перечнѣ — прибавляетъ Тойнби—Смитъ забылъ однако упомянуть объ автоматически движущемся челнѣ, изобрѣтенномъ въ 1738 году Кэемъ; но на слѣдующей страницѣ онъ же указываетъ, цитируя Бэна, на то, что въ Ланкаширѣ—центрѣ текстильной индустріи—самодѣйствующій челнокъ былъ введенъ въ употребленіе лишь въ 1760 г. [2]),—слѣдовательно, въ эпоху Смита это изобрѣтеніе еще никакого значенія имѣть не могло, а Смитъ останавливается лишь на тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя дѣйствительно играли въ его время роль въ производствѣ, увеличивая производительность труда. Онъ упоминаетъ и о томъ мальчикѣ [3]) (Гемфрей Поттеръ), который въ 1713 г. соединилъ веревками движущіяся части паровой машины, такъ что клапанъ открывался и закрывался автоматически безъ его помощи [4]). Однако это была еще водоподъемная машина Ньюкомена, которая и въ горномъ дѣлѣ (не говоря уже объ индустріи) никакого переворота не произвела [5])—паровой машины Уатта Смитъ еще не зналъ—и поэтому онъ не придавалъ этому изобрѣтенію значенія. Имѣя это въ виду, мы поймемъ, почему Смитъ такъ мало обращалъ вниманія на машины, приписывая въ тоже время столь важную роль раздѣленію труда, какъ фактору, увеличивающему производительность труда. Онъ указываетъ на существованіе разнообразныхъ формъ раздѣленія труда, [6]) но съ особенной любовью останавливается на одномъ видѣ его—на раздѣленіи (расчлененіи—Arbeitszerlegung, по терми-

---

[1]) Smith. p. 114.

[2]) Тойнби, стр. 48—49.

[3]) Манту (p. 323) находитъ этотъ разсказъ легендарнымъ, происходящимъ отъ игры словъ: boy (мальчикъ) и buoy (указатель уровня воды въ паровой машинѣ).

[4]) Smith p. 5, см. Matschoss. Geschichte des Dampfmaschine, p. 48.

[5]) См. томъ второй, „Эволюціи прибыли".

[6]) У него мы находимъ кромѣ Arbeitszerlegung, также Produktionsteilung, Berufsspaltung и Berufsbildung, по терминологіи Бюхера, но Бюхеръ послѣдней не замѣчаетъ (см. Smith p. 3. Bücher. Entst. p. 281 и сл.). Arbeitsverschiebung у него не могло быть, за отсутствіемъ развитой индустріи, примѣняющей машины.

нологіи Бюхера) труда на мануфактурѣ. Въ видѣ примѣра онъ беретъ булавочную мануфактуру: все булавочное производство раздѣляется приблизительно на 18 операцій, которыя на нѣкоторыхъ мануфактурахъ исполняются такимъ же числомъ рабочихъ, на другихъ же одинъ и тотъ же рабочій выполняетъ двѣ или три операціи. Смитъ видѣлъ самъ небольшую мануфактуру, гдѣ было всего десять рабочихъ, такъ что раздѣленіе труда не могло быть проведено вполнѣ, мануфактуру, плохо оборудованную, — и тѣмъ не менѣе при усердной работѣ изготовлялось болѣе 48 тыс. булавокъ въ день, такъ что на долю каждаго рабочаго приходилось 4.800 штукъ. Между тѣмъ, если бы каждый работалъ отдѣльно отъ прочихъ и производилъ всѣ необходимыя операціи, то ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, а многіе быть можетъ не сдѣлали бы ни одной булавки въ теченіе цѣлаго дня. Это огромное возрастаніе производительности труда вызывается, по мнѣнію Смита, тремя моментами: увеличеніемъ ловкости рабочаго, вслѣдствіе постояннаго упражненія въ одной и той же операціи; далѣе, сбереженіемъ во времени, которое теряется при переходѣ отъ одной работы къ другой — „частая перемѣна занятій дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ и неспособнымъ къ напряженному и серьозному труду даже при производствѣ наиболѣе спѣшныхъ работъ“; наконецъ, возможностью примѣненія болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ спеціальнымъ операціямъ, на которыя расчленяется работа [1]).

Булавочную мануфактуру Ад. Смитъ приводитъ въ видѣ примѣра по той причинѣ, что „едва ли въ какой-либо другой отрасли производства раздѣленіе труда и качество необходимыхъ инструментовъ можетъ быть доведено до той степени совершенства, какъ въ промыслахъ обработки неблагородныхъ металловъ; въ производствѣ же сукна раздѣленіе труда находится въ настоящее время въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было сто лѣтъ тому назадъ и употребляемые въ этомъ промыслѣ инструменты почти не измѣнились“ [2]). Принципъ раздѣленія труда — говоритъ

[1]) Smith, p. 3—5.
[2]) Smith. p. 112.

Эмануель Германъ—„сталъ примѣняться (въ XVIII вѣкѣ) въ мастерскихъ по выдѣлкѣ стекляныхъ и металлическихъ издѣлій. [1]) Адамъ Смитъ не случайно выбралъ булавочную мануфактуру въ качествѣ примѣра расчлененнаго, свойственнаго мануфактурѣ способа производства. Эта мануфактура относится къ области производства издѣлій изъ металла, какъ и иголочныя мануфактуры, мануфактуры, производящія часы (о часовомъ промыслѣ Смитъ также упоминаетъ), оружіе и т. п., гдѣ повсюду было введено подобное же раздѣленіе труда. Принципъ раздѣленія труда—продолжаетъ Германъ—есть несомнѣнно принципъ экономическій, однако расчлененный трудъ измѣняетъ свой характеръ. Работа производится при помощи спеціальныхъ инструментовъ, вспомогательныхъ приборовъ, моделей, образцовыхъ мѣръ (въ XVIII вѣкѣ?) и другихъ приспособленій для точнаго воспроизведенія однихъ и тѣхъ же производительныхъ процессовъ; вслѣдствіе этого, она составляетъ переходную ступень къ работѣ на машинахъ, которыя появились въ совершенно иныхъ отрасляхъ промышленности: онѣ возникли въ горномъ дѣлѣ и развитіе ихъ относится къ сферѣ текстильной индустріи“ [4]).

[1]) Въ Шеффильдѣ и Бирмингамѣ дѣйствительно насчитывалось въ половинѣ XVIII вѣка нѣсколько централизованныхъ мануфактуръ, изготовлявшихъ металлическія издѣлія. Такъ, Джозефъ Гальтонъ владѣлъ въ 1765 г. шестью мастерскими (въ Шеффильдѣ), гдѣ изготовлялись всевозможные желѣзные и мѣдные товары. Матью Больтонъ—впослѣдствіи компаньонъ Уатта—имѣлъ также въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Бирмингамѣ мануфактуру, производившую самые разнообразные предметы изъ желѣза, мѣди, серебра, черепахи, въ томъ числѣ бронзовые орнаменты, цѣпочки для часовъ и т. п. Въ Бирмингамѣ находилась и мануфактура Джона Тайлора, спеціальностью которой являлось изготовленіе застежекъ для башмаковъ и полированныхъ металлическихъ табакерокъ (Mantoux. p. 280). Что касается раздѣленія труда въ стекольномъ производствѣ (упоминаемомъ также Германомъ), то въ эту эпоху оно и здѣсь несомнѣнно достигло значительныхъ размѣровъ. По крайней мѣрѣ, въ Бельгіи въ половинѣ XVIII вѣка находимъ среди мануфактуръ по производству бутылокъ и мануфактуръ, выдѣлывающихъ оконныя стекла, рядомъ съ предпріятіями, гдѣ имѣется всего четыре-пять различныхъ категорій рабочихъ, и такія, гдѣ число спеціальностей доходитъ до пятнадцати, какъ напр. на бутылочной мануфактурѣ въ Брюгге или на хрустальной мануфактурѣ въ Намюръ. (Julin. Mémoires de l'académie etc. p. 51. 57—58).

Результатомъ введенія раздѣленія труда явилось „значительное пониженіе цѣнъ на издѣлія слесарнаго и ножеваго промысла, а равно на различныя мелкія металлическія вещи, извѣстныя подъ именемъ бирмингамскихъ и шеффильдскихъ издѣлій“, а также на часовые механизмы. Въ суконномъ производствѣ раздѣленіе труда и стоящее въ связи съ нимъ употребленіе болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ хотя и не сдѣлало значительныхъ успѣховъ за сто лѣтъ, однако и въ томъ и въ другомъ отношеніи могли произойти различныя улучшенія, послѣдствіемъ которыхъ было нѣкоторое пониженіе цѣнъ сукна. Но если сравнимъ цѣну сукна въ настоящее время съ той цѣной, которая существовала въ болѣе отдаленную эпоху, напр. въ концѣ XV вѣка, когда раздѣленіе труда было весьма несовершенно, а употребляемые инструменты были болѣе низкаго качества, то разница въ цѣнѣ окажется болѣе ощутительной и болѣе несомнѣнной“ [1]).

Вызывая значительное возрастаніе производительности работы, раздѣленіе труда имѣетъ послѣдствіемъ всеобщее благосостояніе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ классы населенія вплоть до самыхъ низшихъ. „У каждаго рабочаго получается излишекъ за покрытіемъ его необходимыхъ потребностей, который онъ можетъ употребить по своему усмотрѣнію; а такъ какъ прочіе рабочіе находятся въ такомъ же положеніи, то рабочій имѣетъ возможность обмѣнять значительную часть изготовленныхъ имъ предметовъ на предметы, произведенные другими лицами“... Выгода отъ этого для рабочаго несомнѣнно велика: „имущество крестьянина состоитъ изъ весьма простыхъ и обыкновенныхъ предметовъ, если сравнить его съ роскошью обстановки какого-либо богача; тѣмъ не менѣе между домашней утварью европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и бережливаго крестьянина разстояніе будетъ, быть можетъ, меньше, чѣмъ между обстановкой крестьянина и обстановкой какого-нибудь африканскаго царька, царствующаго надъ десятью тысячами нагихъ дикарей и произвольно распоряжающагося ихъ жизнью и свободой“ [2]). Таковъ результатъ раздѣленія труда.

---

[1]) Smith. p. 113.

[2]) Smith. p. 5—6.

Адамъ Смитъ признаетъ, такимъ образомъ, что и при современныхъ ему соціальныхъ условіяхъ, когда далеко не весь продуктъ поступаетъ въ пользу рабочаго, послѣдній извлекаетъ значительныя матеріальныя выгоды изъ примѣненія принципа раздѣленія труда въ производствѣ. Однако, въ болѣе раннія эпохи, предшествовавшія обращенію земель въ частную собственность и накопленію капиталовъ, весь продуктъ принадлежалъ рабочему и послѣднему не приходилось дѣлиться ни съ землевладѣльцемъ, ни съ промышленнымъ предпринимателемъ, такъ что „если бы это состояніе сохранилось, то заработная плата съ каждымъ возрастаніемъ производительности труда, вызываемымъ раздѣленіемъ труда, увеличивалось бы соотвѣтствующимъ образомъ. Но это состояніе прекратилось задолго до того, какъ совершились важнѣйшіе успѣхи въ смыслѣ увеличенія производительности труда", т. е. задолго до возникновенія мануфактуръ и введенія расчлененія труда въ мануфактурныхъ заведеніяхъ, почему Смитъ и признаетъ безполезнымъ долѣе останавливаться на вопросѣ о вліяніи возрастанія производительности труда на заработную плату при условіи полученія рабочимъ всего продукта его труда. Когда же земля обратилась въ частную собственность и накоплены капиталы, то изъ продукта труда земледѣльца вычитается рента въ пользу замлевладѣльца и прибыль, присваиваемая фермеромъ. „Подобные же вычеты въ пользу капитала, производятся изъ продукта почти всякаго иного труда. Во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ бо́льшая часть рабочихъ нуждается въ хозяинѣ, который доставлялъ бы рабочему матеріалъ и средства существованія, необходимыя ему до окончанія работы. Хозяинъ удерживаетъ часть продукта или часть той цѣнности, которую рабочій присоединяетъ къ обрабатываемому имъ матеріалу, и эта часть составляетъ прибыль съ капитала[1]). Такимъ образомъ, плодами раздѣленія труда, выражающимися въ увеличеніи производительности его, по крайней мѣрѣ частью пользуется капиталистъ, снабжающій рабочаго матеріаломъ и средствами существованія во время производства.

Изъ этого ясно, въ чемъ Адамъ Смитъ усматриваетъ

[1]) Smith. p. 30.

источникъ прибыли: раздѣленіе труда, вызывая возрастаніе производительности, при самостоятельности рабочаго имѣло бы послѣдствіемъ соотвѣтствующее возрастаніе заработной платы или дохода рабочаго — теперь же этотъ плюсъ вполнѣ или отчасти поступаетъ въ пользу капиталиста. „Въ текстильной индустріи XVIII вѣка — говоритъ Беатриса Веббъ (Поттеръ) — капиталистъ доставлялъ производителю сырой матеріалъ, получалъ отъ него готовый продуктъ и сбывалъ послѣдній на отдаленныхъ рынкахъ. Въ другихъ отрасляхъ промышленности онъ соединялъ рабочихъ въ одной мастерской, снабжалъ ихъ инструментами и поручалъ каждому рабочему или ученику опредѣленную часть работы, для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ пріобрѣсти наибольшую скорость и ловкость въ работѣ. Въ виду того, что капиталистъ платилъ рабочему ту же плату, какую послѣдній получалъ раньше, работая отдѣльно, но въ то же время пользовался всѣмъ тѣмъ, что производили всѣ эти рабочіе въ совокупности (въ качествѣ организованнаго цѣлаго), вполнѣ ясно, что онъ извлекалъ чистую прибыль въ видѣ того избытка, который производили рабочіе при существованіи раздѣленія труда, благодаря употребленію болѣе совершенныхъ инструментовъ и благодаря пріобрѣтаемой ими скорости и ловкости въ производствѣ“ [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что раздѣленіе труда или точнѣе расчлененіе процесса производства на мануфактурѣ, являлось по Адаму Смиту тѣмъ источникомъ, изъ котораго получалась прибыль съ капитала.

V.

Трудъ составляетъ у Смита тотъ единственный факторъ, которымъ производятся предметы. „Годовой трудъ представляетъ собою главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы для удовлетворенія, какъ насущныхъ потребностей, такъ и удобствъ жизни; всѣ эти предметы либо производятся непосредственно его трудомъ, либо вымѣниваются у другихъ народовъ въ обмѣнъ на отдаваемые

[1]) Webb (Potter), The cooperative movement in Great-Britain, нѣм. изд. Brentano. Leipzig. 1893. p. 7—8.

продукты народнаго труда“ [1]). Вслѣдствіе этого, трудъ является и единственнымъ источникомъ цѣнности, изъ котораго покрываются всѣ виды дохода, какъ заработная плата, такъ и прибыль и рента. Цѣнность, присоединяемая рабочимъ къ сырому матеріалу, раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна покрываетъ заработную плату рабочаго, а другая служитъ прибылью для предпринимателя на его капиталъ, употребленный на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ и на выдачу рабочему заработной платы“ [2]). По той же причинѣ „трудъ есть единственное всеобщее и единственно—точное мѣрило цѣнности, единственное средство для сравненія цѣнности различныхъ товаровъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ“ [3]). „Одинаковыя количества труда во всѣ времена и повсюду представляли одинаковую цѣнность для рабочаго, ибо при обыкновенномъ состояніи его здоровья, силы и трудоспособности, при средней степени умѣнія и ловкости, онъ жервуетъ всегда тѣмъ же досугомъ, свободой и благополучіемъ... Такимъ образомъ, трудъ, никогда не измѣняясь въ своей цѣнности, составляетъ единственное конечное дѣйствительное мѣрило, которымъ всегда и повсюду можно оцѣнивать и сравнивать цѣнности различныхъ предметовъ. Трудъ выражаетъ собою дѣйствительную, деньги же—нарицательную цѣну ихъ“ [4]) [5]).

Трудъ есть, слѣдовательно, не только единственный источникъ цѣнности, но и мѣрило цѣнности: предметы обмѣниваются по количеству воплощенаго въ нихъ труда. Утвержденіе Смита, что предметы обнаруживаютъ тенденцію обмѣниваться въ зависимости отъ затраченнаго въ производствѣ ихъ рабочаго времени уже въ первобытныя времена, противорѣчитъ даннымъ этнографіи [6]), свѣдѣнія о которой были въ эпоху Смита

---

[1]) Adam Smith. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. By J. R. M'Culloch. New Edition. Edinburgh. 1863, p. 1.

[2]) Smith, p. 22. [3]) Smith, p. 16. [4]) Ibid, p. 15.

[5]) Такого же взгляда на трудъ придерживается Гетчисонъ, говоря, что дневная работа (копаніе или распашка земли) была для человѣка столь же тяжела тысячу лѣтъ назадъ, какъ и въ настоящее время, хотя онъ и не получалъ такого же количества серебра за эту работу, и точно также мѣра пшеницы или фунтъ мяса такъ же хорошо пропитывали человѣка прежде, какъ и теперь. Поэтому онъ находитъ, что цѣнность труда, хлѣба и скота, въ виду ихъ равной полезности, во всѣ времена почти одинакова, поскольку улучшенія въ распашкѣ земли или разведеніи пастбищъ не вызываютъ увеличенія количества этихъ предметовъ.

[6]) Индѣецъ—разсказываетъ Шомбургкъ—работаетъ лишь тогда когда чувствуетъ охоту, но въ этомъ случаѣ онъ проводитъ многіе,

еще очень скудны, но зато оно вполнѣ правильно по отношенію къ XVIII вѣку и предыдущимъ XVI—XVII ст. Физическій трудъ въ эту эпоху, какъ и въ средніе вѣка, составлялъ единственный источникъ цѣнности: умственный трудъ, воплощенный въ употребляемыхъ машинахъ, еще отсутствовалъ, инструменты, примѣняемые въ производствѣ, играли еще столь незначительную роль, что ихъ можно было совершенно оставить безъ вниманія, производство покоилось почти всецѣло на трудѣ рабочаго, находилось въ зависимости отъ обнаруживаемой имъ ловкости, расторопности и умѣнія. Вводимое на мануфактурахъ раздѣленіе труда, увеличивая производительность труда рабочаго, ибо возрастала его ловкость и напряженность его работы имѣло въ этомъ отношеніи очень важное значеніе. Несмотря однако, на то, что и въ средніе вѣка трудъ составлялъ единственный источникъ цѣнности, онъ не являлся въ тѣ времена мѣриломъ ея: при монопольномъ положеніи производителей затраченное послѣдними количество труда при изготовленіи того или другого предмета не было и не могло быть тѣмъ моментомъ, который управлялъ обмѣномъ товаровъ на рынкѣ. Каждый производитель (или, точнѣе, группа производителей) въ зависимости отъ своей силы на рынкѣ сбыта устанавливалъ болѣе или менѣе высокую цѣну, и плюсъ, прибавляемый имъ, по сравненію съ затраченной въ производствѣ энергіей, не стоялъ въ связи съ количествомъ послѣдней, а обусловливался, какъ мы видѣли, лишь тѣмъ, насколько исключительно и насколько крѣпко было его монопольное положеніе. Въ послѣдующія столѣтія эти условія—какъ мы установили выше—измѣнились: монополія при сбытѣ товаровъ устранялась все болѣе и болѣе, замѣняясь свободной конкуренціей, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ данной страны. Въ резуль-

---

мѣсяцы надъ изготовленіемъ какого-нибудь лука; время не имѣетъ для него никакой цѣнности, и онъ охотно дастъ за пилу, за ножъ продуктъ многихъ часовъ труда. (Зиберъ. Очерки первобытн. экономич. культ. 1883. Стр. 158). У народовъ, стоящихъ на первобытной ступени культуры—говоритъ Бюхеръ (Wirtschaft der Naturvölker, p. 30)—мальчикъ требуетъ за свой трудъ такое же вознагражденіе, какое получаетъ взрослый; человѣкъ, проработавшій всего одинъ часъ, разсчитываетъ на ту же плату, какая дается тому, кто трудился цѣлый день. Спрэй указываетъ на то, что дикари Новой Гвинеи за нѣсколько кусковъ заржавленнаго желѣза или за нитку бусъ отдаютъ массу поясовъ, ожерелій и серегъ, результатъ продолжительнаго и тяжелаго труда. (Зиберъ, ук. соч. стр. 372). См. также Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, стр. 73. 81 и сл. 86 и др. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи, стр. 90 и сл. 98 и сл.

татѣ та прибыль, которую ранѣе, уплачивалъ потребитель, исчезла, исчезъ, слѣдовательно, тотъ плюсъ, который прибавлялся въ средніе вѣка къ цѣнности товаровъ, поскольку послѣдняя выражалась въ затраченномъ трудѣ. Вслѣдствіе этого, трудъ сталъ не только источникомъ, но и мѣриломъ цѣнности: предметы обмѣнивались на рынкѣ не въ зависимости отъ силы того или другого монопольнаго производителя, а болѣе или менѣе приближались къ той нормѣ, которая соотвѣтствовала воплощенному въ нихъ количеству труда.

Цѣнность товара попрежнему дѣлилась на двѣ части: на заработную плату рабочаго и на прибыль предпринимателя, которая получалась однако не цеховымъ мастеромъ отъ подмастерьевъ, а капиталистомъ-предпринимателемъ изъ труда кустарей или соединенныхъ на мануфактурѣ рабочихъ. При такихъ условіяхъ рыночная цѣна (въ составѣ заработной платы, прибыли, а также ренты) и трудовая цѣнность — если не считать рыночныхъ колебаній цѣны—должны приближаться другъ къ другу. Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что Смитъ, съ одной стороны, усматриваетъ въ трудѣ единственное основаніе цѣнности, а съ другой стороны, находитъ, что цѣна опредѣляется издержками производства. „При такихъ условіяхъ (т. е. при существованіи земельной собственности и капитала) весь продуктъ труда не поступаетъ уже цѣликомъ въ пользу рабочаго. Въ большинствѣ случаевъ послѣдній вынужденъ раздѣлить его съ владѣльцемъ капитала, который нанялъ рабочаго. Количество труда, совмѣстно затраченнаго рабочими на пріобрѣтеніе или производство предмета, не является уже единственнымъ моментомъ, опредѣляющимъ то количество труда, которое эти же рабочіе могутъ сообща купить, заказать или получить въ обмѣнъ. Очевидно, что нѣкоторое добавочное количество труда должно составить прибыль съ капитала, оплачивающаго трудъ и доставляющаго рабочему матеріалъ“ [1]). Смитъ разсматриваетъ здѣсь цѣну и процессъ обмѣна съ точки зрѣнія рабочаго, изготовляющаго продукты, и поэтому указываетъ на то, что рабочій вынужденъ часть продукта, часть трудовой цѣнности уступить предпринимателю, вслѣдствіе чего онъ уже не можетъ получить въ обмѣнъ такое же количество труда, какое онъ самъ

[1]) Smith. p. 23.

потратилъ въ производствѣ; разъ его заработная плата меньше, чѣмъ цѣнность произведеннаго имъ продукта, то онъ въ состояніи купить за нее количество труда, равняющееся лишь части того труда, который онъ самъ употребилъ при изготовленіи товара. Иначе это представляется съ точки зрѣнія потребителя. „Когда готовый (произведенный) продуктъ обмѣненъ на деньги, на трудъ или на другой товаръ, то вырученное должно покрыть не только цѣпность матеріаловъ и заработную плату рабочаго, но, кромѣ того доставить также предпринимателю прибыль на употребленный имъ въ предпріятіи капиталъ“ [1]). Для потребителя прибыль представляется излишкомъ, который онъ вынужденъ уплачивать сверхъ расходовъ, съ коими было сопряжено производство. Наконецъ, съ точки зрѣнія распредѣленія доходовъ въ народномъ хозяйствѣ, „подобно тому, какъ цѣна или мѣновая цѣнность каждаго товара, взятаго отдѣльно, приводится къ той или другой изъ этихъ составныхъ частей (т. е. къ заработной платѣ, прибыли, рентѣ), или ко всѣмъ тремъ, такъ и цѣна всѣхъ товаровъ, составляющихъ сумму всего годового производства страны, взятаго во всей его совокупности, неизбѣжно распадается на эти три составныя части и распредѣляется между различными жителями страны, въ видѣ ли заработной платы или въ качествѣ прибыли на ихъ капиталы, или въ видѣ поземельнаго дохода съ ихъ земель. Общее количество всего того, что производитъ своимъ трудомъ каждое общество, или, что тоже, общая цѣна всего этого количества, распредѣляется между различными членами общества. Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальные источника, какъ всякаго дохода, такъ и всякой мѣновой цѣнности“ [2]).

Тотъ камень преткновенія, который стоялъ на пути у Маркса въ видѣ равенства прибылей, дѣлающаго невозможнымъ приближеніе цѣны къ трудовой цѣнности, еще отсутствовалъ въ эпоху Адама Смита. Конкурренція при сбытѣ товаровъ хотя и не давала возможности предпринимателю получать отъ потребителя что-либо сверхъ трудовой цѣнности товара, но въ то же время и не была еще настолько

---

[1]) Smith. p. 24.
[2]) Ibid. p. 22.

сильна, чтобы она могла заставить его довольствоваться такой же прибылью, какую извлекаетъ и всякій другой предприниматель, и отдать потребителю излишекъ сверхъ средней обычной прибыли. Для уничтоженія прибыли, возникающей при обмѣнѣ товаровъ на рынкѣ, было вполнѣ достаточно совершившейся перемѣны, установленія болѣе или менѣе значительной свободы обмѣна внутри страны, а равно появленія фактической, по крайней мѣрѣ, частичной конкурренціи иноземныхъ товаровъ[1]): все это вмѣстѣ взятое способно было низвести цѣну до уровня трудовой цѣнности; такой именно характеръ имѣла пертурбація въ цѣнахъ, совершившаяся въ разсматриваемую эпоху, въ особенности въ XVI—XVII ст. [2]). Но для установленія общаго уровня, къ которому бы стремилась прибыль въ различныхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства, этого было еще слишкомъ мало. Средній уровень прибыли можетъ появиться лишь при вполнѣ свободной конкурренціи, при свободѣ передвиженія и избранія занятій; до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя отрасли производства отдѣлены другъ отъ друга различными перегородками, пока существуютъ привилегіи и концессіи, предприниматель очевидно не въ состояніи направлять свои капиталы каждый разъ въ ту именно отрасль производства, гдѣ прибыль въ данное время наиболѣе высока, онъ не можетъ свободно покидать ту или другую мѣстность или тотъ или другой промыселъ и выбирать любой по своему усмотрѣнію. При такихъ условіяхъ, слѣдовательно, значительныя отклоненія прибылей другъ отъ друга неминуемы, образованіе общаго уровня прибыли въ зависимости отъ величины затраченнаго капитала немыслимо. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка не только фактически прибыль нисколько не сообразовалась съ величиной употребляемаго капитала, но и устанавливаемыя таксы исходили изъ того принципа, что цѣны должны соотвѣтствовать расходамъ производителя, прибыль же должна вычисляться независимо отъ величины капитала [3]), такимъ образомъ, чтобы она давала достаточный доходъ для покрытія нуждъ реме-

---

[1]) См. выше, стр. 493 и сл. 505 и сл.

[2]) См. выше, стр. 508—512. 569—570.

[3]) См. выше, стр. 233 и сл. 380—81. 385. 387.

сленника или торговца, — такъ же точно и въ XVI—XVII и даже въ XVIII ст. еще мало руководствовались тѣмъ, насколько величина прибыли соотвѣтствуетъ размѣрамъ капитала, а если кто-либо и говорилъ объ этомъ, то преимущественно въ томъ смыслѣ, что при уничтоженіи существующихъ преградъ и регламентаціи, величина прибыли будетъ и должна сообразоваться съ цѣнностью капитала. Но это были лишь пожеланія, которыя мы можемъ найти и у Смита, дѣйствительность была совершенно иная.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что тотъ важнѣйшій моментъ, который вызывалъ бы рѣзкое различіе въ уровнѣ прибыли въ настоящее время въ случаѣ, если бы физическій трудъ являлся единственнымъ источникомъ и мѣриломъ цѣнности товаровъ [1]),—именно различіе въ составѣ капитала въ разныхъ отрасляхъ производства, въ разсматриваемую эпоху не могъ имѣть существеннаго значенія: до появленія машинъ не затрачивалось значительныхъ суммъ на орудія производства, болѣе крупныя отклоненія вызывались лишь различіемъ въ цѣнности сырыхъ матеріаловъ. Поэтому, разъ величина прибыли находилась въ тѣсной связи съ количествомъ нанимаемыхъ рабочихъ, выражаясь въ томъ избыткѣ сверхъ заработной платы, который они производили, она тѣмъ самымъ соотвѣтствовала болѣе или менѣе и размѣрамъ затраченнаго въ производствѣ капитала. Но зато тѣ же условія экономической и соціальной жизни предыдущихъ столѣтій приводили къ тому, что въ ту эпоху существовали обстоятельства, вызывавшія различіе въ прибыли, выручаемой на капиталъ одинаковой величины. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣли рѣзкія различія въ заработной платѣ, въ зависимости отъ мѣстности и отрасли производства. Объ общемъ уровнѣ заработной платы по отношенію къ XVI—XVIII ст. можно говорить еще менѣе, чѣмъ объ общемъ уровнѣ прибыли. Зависимость рабочаго отъ предпринимателя была—какъ мы видѣли выше—повсюду очень сильна, но все-таки она была далеко не одинакова въ различныхъ отрасляхъ производства, не одинакова была поэтому и эксплоатація рабочаго капиталистомъ. Регламентація про-

[1]) См. томъ второй.

мышленности и стѣсненія при переходѣ не только отъ одного промысла къ другому, но и отъ одной компаніи скупщиковъ или мануфактуры къ другой, были и въ XVIII вѣкѣ еще крайне значительны, вслѣдствіе чего и уровень прибыли (въ процентахъ съ капитала), которую извлекалъ предприниматель изъ рабочаго, обнаруживалъ огромныя различія.

VI.

Адамъ Смитъ рисуетъ картину того разнообразія, какъ въ уровнѣ заработной платы, такъ и въ величинѣ прибыли, выражаемой въ процентахъ съ затраченнаго капитала, какое господствовало въ его время. Разсмотрѣвъ причины неравномѣрности заработной платы и прибыли, „вытекающей изъ самой природы промысловъ“, онъ подробно останавливается на той „неравномѣрности, которая вытекаетъ изъ правительственнаго вмѣшательства, повсюду стѣсняющаго естественный порядокъ вещей и имѣющаго несравненно большее значеніе, чѣмъ тѣ различія, которыя вызываются характеромъ производства“ [1]). Правительственное вмѣшательство вліяетъ на установленіе различій въ уровнѣ заработной платы и прибыли троякимъ путемъ: во первыхъ, вслѣдствіе стѣсненія конкурренціи въ нѣкоторыхъ промыслахъ допущеніемъ меньшаго числа лицъ по сравненію съ тѣмъ, которое обратилось бы къ этимъ занятіямъ при отсутствіи такого стѣсненія; во-вторыхъ, увеличеніемъ въ другихъ промыслахъ числа конкуррентовъ свыше того, какое бы получилось при естественномъ ходѣ вещей, и въ-третьихъ, стѣсненіемъ перехода труда и капитала, какъ отъ одного промысла къ другому, такъ и изъ одной мѣстности въ другую [2]).

Что касается въ частности послѣдняго обстоятельства, то „нерѣдко бываетъ, что въ то самое время, какъ рабочіе въ одномъ промыслѣ получаютъ высокую плату, рабочіе другого промысла чуть ли не умираютъ съ голоду. Одинъ промыселъ развивается и вслѣдствіе этого, постоянно предъявляетъ спросъ на рабочія руки; другой падаетъ

[1]) Smith. p. 54.
[2]) Ibid.

и испытываетъ постоянный избытокъ въ рабочихъ силахъ. Оба промысла могутъ находиться въ одномъ и томъ же городѣ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, — и все таки они не въ состояніи оказать другъ другу ни малѣйшей помощи. Препятствіемъ является въ одномъ случаѣ законодательство объ ученичествѣ, въ другомъ случаѣ — это же законодательство и, кромѣ того, исключительныя цеховыя привилегіи. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ производство до того сходно, что рабочіе могли бы безъ всякаго затрудненія переходить отъ одного къ другому, если бы этому не препятствовали нелѣпые законы. Искусство напр., ткать гладкія полотна и искусство ткать шелковыя матеріи почти совершенно одинаковы. Нѣсколько отличается отъ нихъ ткачество гладкихъ шерстяныхъ матерій, но и въ этомъ случаѣ различіе до того незначительно, что ткачъ, выдѣлывающій полотно или шелковыя матеріи, способенъ въ нѣсколько дней выучиться изготовленію шерстяныхъ тканей. Если бы какая-либо изъ этихъ трехъ важныхъ отраслей производства стала сокращаться, то рабочіе очевидно могли бы обратиться къ одному изъ двухъ другихъ промысловъ, продолжающихъ развиваться, и въ такомъ случаѣ заработная плата не могла бы ни чрезмѣрно увеличиться въ промыслѣ, находящемся въ благопріятныхъ условіяхъ, ни упасть очень низко въ промыслѣ, клонящемся къ упадку. Въ настоящее время — продолжаетъ Адамъ Смитъ—въ Англіи спеціальное постановленіе открыло всѣмъ желающимъ доступъ въ полотняное производство, но такъ какъ послѣднее еще мало распространено въ большей части страны, то оно въ случаѣ надобности, не можетъ оказать значительной помощи рабочимъ прочихъ находящихся въ упадкѣ ткацкихъ промысловъ; вслѣдствіе этого, повсюду, гдѣ законодательство объ обученіи находится въ полной силѣ, рабочимъ остается одинъ выходъ—поступить на общественное содержаніе въ приходы или становиться простыми поденщиками; такъ какъ по своимъ привычкамъ они къ послѣднему занятію способны менѣе, чѣмъ къ какому-либо иному, имѣющему хоть какое-нибудь отношеніе къ ихъ промыслу, то они большею частью поступаютъ на содержаніе приходовъ“ [1]).

[1]) Smith. p. 62.

„Стѣсненія къ свободному переходу рабочихъ, создаваемыя существованіемъ цеховъ—говоритъ далѣе Смитъ—имѣются во всѣхъ европейскихъ странахъ; но стѣсненія, вытекающія изъ законодательства о бѣдныхъ, сколько мнѣ извѣстно, свойственны одной только Англіи. Они состоятъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми для бѣднаго человѣка связано пріобрѣтеніе осѣдлости или даже полученіе разрѣшенія заниматься своимъ промысломъ гдѣ бы то ни было, внѣ своего прихода. Цеховыя постановленія стѣсняютъ свободный переходъ только ремесленниковъ или промышленныхъ рабочихъ (на мануфактурахъ), стѣсненія въ передвиженіи связываютъ по рукамъ даже простого поденщика". [1]) Поэтому „мы никогда не встрѣтимъ въ другихъ странахъ тѣхъ рѣзкихъ и непонятныхъ различій въ уровнѣ заработной платы, какія существуютъ нерѣдко въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ бѣдному рабочему нерѣдко значительно труднѣе преодолѣть искусственныя преграды, отдѣляющія приходъ, чѣмъ естественныя препятствія въ видѣ моря или горнаго хребта, которыя въ другихъ странахъ часто составляютъ границу, отдѣляющую мѣстности съ различнымъ уровнемъ заработной платы. [2]).

Что касается различій въ уровнѣ прибыли, то „всѣ тѣ препятствія, которыя стѣсняютъ переходъ труда отъ одного промысла къ другому, стѣсняютъ равнымъ образомъ и обращеніе капиталовъ, такъ какъ количество послѣднихъ, помѣщенное въ какой-либо отрасли производства, находится въ зависимости отъ количества труда, которое можетъ быть къ ней примѣнено. Тѣмъ не менѣе цеховыя постановленія не настолько стѣсняютъ свободный переходъ капитала изъ одного мѣста въ другое, какъ перемѣщеніе труда. Богатому купцу легче испросить себѣ разрѣшеніе завести торговлю въ инкорпорированномъ городѣ, чѣмъ ремесленнику право работать въ немъ" [3]). Смитъ указываетъ на то, что „прибыль измѣняется не только изъ года въ годъ, но изо дня въ день и даже съ часу въ часъ" и что „выяснить размѣры средней прибыли во всѣхъ разнообразныхъ про-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. p. 65.
[3]) Ibid. p. 62.

мыслахъ какой-либо обширной страны было бы весьма трудно“ [1]). Далѣе онъ находитъ, что можно назвать лишь немного предпріятій которыя нельзя было бы устроить въ Шотландіи съ меньшимъ капиталомъ, чѣмъ въ Англіи. Поэтому обычный уровень прибыли долженъ быть въ Шотландіи нѣсколько выше [2]).

Прибыль, слѣдовательно, не сообразуется съ величиной затрачиваемаго капитала; важно абсолютное количество, а не величина ея, выраженная въ процентахъ на капиталъ. Это находится въ тѣсной связи съ указаніемъ Смита въ другомъ мѣстѣ на то, что „прибыль составляетъ весь доходъ продавца — источникъ его существованія. Подобно тому, какъ онъ выдаетъ заработную плату своимъ рабочимъ или содержитъ ихъ въ то время, пока изготовляется его товаръ и доставляется на рынокъ, точно такъ же онъ оплачиваетъ заранѣе и свое собственное содержаніе, обыкновенно соотвѣтственно размѣрамъ прибыли, которую онъ расчитываетъ выручить при сбытѣ своего товара. Лишить его этой прибыли означало бы, слѣдовательно, тѣмъ самымъ не вернуть ему того, во что, по справедливости, дѣйствительно обошелся ему товаръ [3]). Разъ Смитъ разматриваетъ прибыль какъ часть издержекъ производства, покрывающую потребности предпринимателя во время производства, то, очевидно, значеніе имѣютъ лишь абсолютные размѣры этой прибыли; хотя бы капиталъ былъ незначителенъ, прибыль въ суммѣ все-таки должна быть опредѣленныхъ размѣровъ, иначе она не доставитъ предпринимателю необходимыхъ средствъ существованія. Такой взглядъ—какъ мы увидимъ ниже—еще являлся господствующимъ въ XVIII вѣкѣ [4]).

„Поэтому хотя цѣна, доставляющая ему эту прибыль, — продолжаетъ Смитъ—не всегда является той наиболѣе низкой цѣной, за какую онъ можетъ уступить свой товаръ, но она несомнѣнно будетъ самою низкою, какая только возможна въ теченіе даннаго (продолжительнаго) періода,

---

[1]) Smith. p. 40.
[2]) Ibid. p. 41.
[3]) Ibid. p. 25.
[4]) См. ниже, теорію воздержанія.

если онъ, конечно, пользуется полной свободой и можетъ по своему усмотрѣнію переходить отъ одного занятія къ другому“ [1]). Здѣсь Смитъ исходитъ уже изъ совершенно иныхъ условій, чѣмъ раньше: онъ имѣетъ въ виду не современную ему экономическую жизнь, а тѣ идеальныя условія, когда существуетъ полная экономическая свобода, то лучшее будущее, къ которому онъ самъ стремится. Это же состояніе экономической свободы является его отправной точкой, когда Смитъ, указывая на различіе между заработной платой и прибылью, утверждаетъ, что прибыль не находится въ зависимости отъ количества и свойства того труда, который состоитъ въ надзорѣ и управленіи, а регулируется цѣнностью употребленнаго капитала, и приводитъ слѣдующій примѣръ. „Представимъ себѣ, что въ какой—либо мѣстности, въ которой обычная годовая прибыль съ капитала составляетъ десять процентовъ въ годъ, существуютъ два промышленныхъ заведенія, изъ коихъ въ каждомъ работаетъ по двадцати человѣкъ рабочихъ, получающихъ въ годъ по 15 фунтовъ, такъ что каждое расходуетъ 300 фунтовъ ежегодно на содержаніе рабочихъ. Предположимъ далѣе, что одно изъ нихъ обрабатываетъ грубые продукты на сумму въ 700 фунтовъ въ годъ, между тѣмъ какъ другое обрабатываетъ матеріалы лучшаго качества, стоющіе ежегодно 7000 фунтовъ; ежегодный капиталъ, употребляемый въ первомъ случаѣ, составляетъ только 1000 фунтовъ, во второмъ—7300 фунтовъ. Считая по десяти процентовъ, предприниматель въ первомъ случаѣ получитъ прибыль лишь въ 100 фунтовъ, между тѣмъ какъ прибыль второго составитъ 730 фунтовъ. Несмотря, однако, на это огромное различіе въ размѣрахъ прибыли, трудъ предпринимателя по надзору за производствомъ и по управленію предпріятіемъ можетъ оказаться и въ томъ и въ другомъ случаѣ вполнѣ или почти одинаковымъ“ [2]).

Этотъ примѣръ долженъ, собственно говоря, вызвать недоумѣніе. Если прибыль въ различныхъ отрасляхъ производства находится въ одинаковомъ процентномъ отношеніи къ затраченному капиталу, если ея вели-

---

[1]) Ibid.

[2]) Smith. p. 22.

чина зависитъ отъ размѣровъ послѣдняго, то ясно, что цѣна (т. е. издержки производства) не можетъ совпадать съ трудовою цѣнностью. Въ приведенномъ примѣрѣ очевидно, разъ заработная плата одинакова, одинакова и та часть цѣнности, которую оба предпринимателя извлекаютъ изъ своихъ рабочихъ, а между тѣмъ размѣры прибыли абсолютно весьма различны. Приводимый Смитомъ примѣръ и его утвержденіе, что прибыль регулируется исключительно цѣнностью употребляемаго капитала, такимъ образомъ, безусловно противорѣчатъ всему тому, что онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ о различіяхъ въ уровнѣ прибыли, вызываемыхъ правительственнымъ вмѣшательствомъ: цеховой системой, стѣсненіями перехода отъ одного промысла къ другому, изъ одной мѣстности въ другую и т. п. Однако, въ дѣйствительности противорѣчіе это лишь кажущееся. Тамъ Смитъ имѣлъ въ виду опредѣлить основныя черты современной ему экономической жизни, установить характеръ прибыли съ капитала и заработной платы при этихъ условіяхъ; здѣсь для него важно выяснить различіе между отдѣльными отраслями дохода, между заработной платой и прибылью. Легко смѣшать прибыль съ вознагражденіемъ за трудъ по надзору и управленію, исполняемый тѣмъ же предпринимателемъ, и тогда прибыль оказалась бы лишь инымъ видомъ той же заработной платы. Чтобы разсѣять это недоразумѣніе, Смитъ считаетъ необходимымъ разъяснить, въ чемъ заключается различіе между платой за этотъ трудъ по надзору и прибылью. Въ чемъ же разница? Не въ источникѣ, ибо источникъ во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же трудъ, а лишь въ тѣхъ моментахъ, которыми обусловливается величина дохода. Размѣры вознагражденія за трудъ по веденію предпріятія обусловливаются количествомъ затрачиваемаго труда, способностями даннаго лица и степенью довѣрія къ нему, что обнаруживается при порученіи завѣдыванія предпріятіемъ наемному управляющему [1]). Но что самое важное — на жалованье послѣдняго никогда не имѣетъ вліянія величина капитала, употребляемаго въ предпріятіи, которымъ онъ руководитъ. Наоборотъ, величина прибыли зависитъ

[1]) Smith. p. 22—23,

отъ размѣровъ капитала. Очевидно, въ данномъ случаѣ Смитъ старался лишь въ общихъ чертахъ разграничить обѣ отрасли дохода, доказать, что „прибыль съ капитала входитъ въ цѣну товара, какъ составная часть ея, вполнѣ независимая отъ заработной платы и существующая на совершенно иныхъ основаніяхъ“, и въ особенности предупредить господствовавшее въ его время смѣшеніе прибыли съ доходомъ предпринимателя за его распорядительный трудъ. Для этой цѣли указаніе на то, что размѣръ прибыли находится въ связи съ величиной капитала, было необходимо. Но въ общемъ оно конечно было недостаточно для того времени: Смитъ не указалъ на цѣлый рядъ другихъ моментовъ, которые дѣлали невозможнымъ существованіе общаго уровня прибыли при господствующихъ экономическихъ условіяхъ. Онъ взялъ не только равную въ процентномъ отношеніи къ капиталу прибыль для обоихъ предпріятій (въ различныхъ отрасляхъ производства), но и совершенно одинаковую заработную плату, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ самъ же — какъ мы видѣли выше—подчеркиваетъ рѣзкія различія въ заработной платѣ даже въ наиболѣе сходныхъ по своему характеру промыслахъ и въ мѣстностяхъ, расположенныхъ очень близко другъ отъ друга [1]).

Причина весьма ясна: Смитъ исходитъ въ данномъ случаѣ не изъ условій хозяйственной жизни XVIII вѣка, а изъ господства свободной конкурренціи, которое должно установиться съ устраненіемъ всѣхъ существующихъ преградъ. При этихъ условіяхъ, съ прекращеніемъ правительственнаго вмѣшательства, и прибыль, и заработная плата должны стремиться къ одному общему уровню (если не считать конечно обстоятельствъ, вытекающихъ изъ характера различныхъ промысловъ).

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою одинъ изъ тѣхъ немногихъ вымышленныхъ примѣровъ, которые въ видѣ исключенія встрѣчаются въ сочиненіи Смита, большею частью для выясненія тѣхъ результатовъ, которые получатся въ случаѣ введенія экономической свободы. Вообще же Смитъ обыкновенно беретъ свои примѣры изъ

[1]) См. стр. 647 и сл.

дѣйствительной жизни, именно тогда, когда онъ не строитъ гипотезъ относительно желательнаго будущаго, а дѣлаетъ выводы изъ наблюденій надъ современной ему экономической дѣйствительностью. Существованіе бокъ о бокъ двухъ различныхъ пріемовъ, выводовъ изъ двухъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга основныхъ посылокъ, придаетъ конечно нѣкоторую двойственность труду Смита, и приводитъ къ тому, что экономисты чуть ли не по каждому вопросу находятъ у него противорѣчія. „Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ Гасбахъ, — что Смитъ пользовался индуктивнымъ методомъ, что онъ старался удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя со времени Гетчисона, Юма, Монтескье, Стюарта предъявлялись къ наукѣ объ обществѣ и государствѣ. Тотъ, кто знаетъ, съ какой любовью онъ всегда описываетъ дѣйствительную жизнь вблизи и вдали, идетъ ли рѣчь о культурѣ риса въ Азіи и Америкѣ, о раскладкѣ налоговъ во Франціи, о шотландскомъ сельскомъ хозяйствѣ или о транспортѣ товаровъ между Эдинбургомъ и Лондономъ, кто помнитъ, какъ онъ повсюду покрываетъ скелетъ своей системы мясомъ историческихъ данныхъ, — для того одна мысль о томъ, что Смитъ пользовался исключительно абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, что онъ дѣлалъ выводы изъ произвольно принятой предпосылки, должна казаться безумной“[1]). „Смитъ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — поясняетъ выставленныя имъ положенія не посредствомъ вымышленныхъ примѣровъ, какъ это дѣлаетъ Рикардо, а статистическими и историческими данными. Такъ онъ поступаетъ и при изложеніи ученія о раздѣленіи труда, и при конструкціи теоріи денегъ, реальной и номинальной цѣны. То, что онъ говоритъ о заработной платѣ, онъ подтверждаетъ большимъ количествомъ статистическихъ свѣдѣній о заработной платѣ въ Сѣверной Америкѣ, Китаѣ, Англіи въ 17 и 18 ст. Подобный же формальный характеръ иллюстраціи къ выставленной теоріи имѣютъ изслѣдованія его о колебаніяхъ цѣнности серебра за четыре предшествующія столѣтія“ [2]). Всѣ приводимые факты только кажутся примѣрами, иллюстрирующими теоретическія

[1]) Hasbach. Untersuchungen über Adam Smith. Leipzig. 1891. p. 398.
[2]) Hasbach, p. 406—407.

положенія, въ дѣйствительности же—какъ признаетъ Гасбахъ—положенія Смита выведены индуктивнымъ путемъ изъ того фактическаго матеріала, который онъ излагаетъ. Найдя индуктивнымъ путемъ каузальную связь, онъ затѣмъ строитъ на основаніи индукціи дедукцію, дѣлаетъ дедуктивные выводы изъ полученныхъ посредствомъ индукціи положеній. „Онъ объясняетъ экономическую жизнь, исходя изъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ, установленныхъ имъ или его предшественниками путемъ наблюденія“ [1]).

Однако все это имѣетъ отношеніе лишь къ тѣмъ случаямъ, когда Смитъ анализируетъ хозяйственную жизнь прошлаго или настоящаго, что онъ и дѣлаетъ преимущественно, ибо „его интересуетъ окружающая его конкретная хозяйственная жизнь и эту жизнь онъ старается понять“ [2]). Но эти объясненія Гасбаха непримѣнимы къ тѣмъ частямъ системы Смита или точнѣе къ тѣмъ выставляемымъ имъ положеніямъ, гдѣ онъ исходитъ не изъ существующаго въ его эпоху хозяйственнаго строя, но изъ новой организаціи промышленности и торговли, которая должна установиться съ устраненіемъ государственной опеки, съ наступленіемъ полной свободы экономической дѣятельности. Тамъ, гдѣ Смитъ имѣетъ въ виду условія экономической свободы, старается разрѣшить „чисто абстрактную проблему: въ какія формы сложится игра человѣческихъ интересовъ, если предположить свободу этой игры“, онъ могъ пользоваться только дедуктивнымъ методомъ, исходя изъ свободнаго проявленія личнаго интереса каждаго. „Отдѣльныя частныя хозяйства являлись какъ бы атомами товарохозяйственнаго міра. Психическія силы, управляющія этими атомами, предполагались извѣстными. Важнѣйшей изъ этихъ силъ можно было считать личный интересъ. Надлежало установить путемъ чистаго умозрѣнія, каковы будутъ законы взаимодѣйствія и равновѣсія хозяйственнаго цѣлаго“ [3]). Въ этихъ случаяхъ, когда рѣчь шла о характеристикѣ экономической жизни будущаго, Смитъ не могъ пользоваться фактическими данными, дедукція изъ немногихъ основныхъ положеній являлась единственно-возможнымъ методомъ. Этимъ то двоякимъ методомъ,

---

[1]) Hasbach, p. 408.

[2]) Ibid, p. 405.

[3]) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. Изд. 2. Спб. 1905. Стр. 25.

примѣняемымъ Смитомъ въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь о настоящемъ или о будущемъ, объясняется двойственность всей его системы, которую экономисты обыкновенно упускаютъ изъ виду, обращая вниманіе лишь на одну изъ сторонъ. Отсюда и тѣ кажущіяся противорѣчія, которыя находятъ у него всѣ изслѣдователи отдѣльныхъ вопросовъ теоретической экономіи, заработной платы, цѣнности, ренты, капитала и т. под. И по вопросу о характерѣ прибыли онъ даетъ различныя указанія, въ зависимости отъ того, исходитъ ли онъ изъ данныхъ о хозяйственной жизни XVIII вѣка или рисуетъ картину экономическаго быта при господствѣ полной свободы самоопредѣленія: въ первомъ случаѣ размѣры прибыбыли у него не находятся въ зависимости отъ величины капитала, а опредѣляются потребностями капиталиста, нѣтъ и рѣчи объ одномъ общемъ уровнѣ прибыли; наоборотъ, величина ея разнообразна по мѣстности и промыслу, помимо различій, вызываемыхъ положительными и отрицательными свойствами занятія; во второмъ случаѣ—рѣчь идетъ о стремленіи прибыли повсюду къ одному уровню, опредѣляемому величиной капитала.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
28	7 снизу	разилчныя	различныя
—	прим. 2	гл. VIII	отд. III
29	прим. 1	гл. VIII и IX	отд. III и IV
39	6 снизу	[1])	[2])
		пропущено: прим. 1: Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. Leipzig. 1890. p. 147. 156.	
60	прим. 2	стр. 338—39	стр. 40—41
—	прим. 3	стр. 355	стр. 57
85	7 сверху	нѣчто вродѣ подходнаго налога (la taille)	la taille
92	1 снизу (въ прим.)	Schaub	Schaub. Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlautern Handel im Mittelalter. Freiburg. 1905.
95	прим. 1	стр.	стр. 101 и сл.
100	прим. 2	стр. 368. 370, 372	стр. 70—72. 74
—	прим. 3	стр. 384—88	стр. 80—84
115	прим. 2	гл. VIII	отд. III
118	4 снизу	сомнѣнія	сомнѣнія [3])
		сюда относится прим. 6	со стр. 121
133	прим. 1	стр. 505—508	стр. 139—142
138	8 сверху	проселочныхъ дорогъ	большихъ дорогъ
141	прим. 4	стр. 487 см. выше	Относительно контрабанды въ колоніальной торговлѣ см. Warburg. Die Muskatnuss. 1897. p. 129—130. Klerk de Reus. Geschichtl. Ueberbl. etc. der Entwickl. der niederl.—ostind. Kompagnie. 1894. p. 221. Зевортъ - Лучицкій. Ист. нов. времени. 1883. Стр. 185—88.
143	прим.	Wiebe, p. 128—130.	[4]) Wiebe, p. 128—130
151	прим. 1	стр. 316. 319	стр. 18. 21.
185	17 снизу	болѣе 30 дес. (arpents) земли, 691—отъ 1—10 дес.	болѣе 30 arpents земли, 691—отъ 1—10 arpents (arpent=почти половинѣ десятины).
203	прим. 1	гл. девятую, V	отд. IV, 5
230	прим. 1	стр. 525 и сл.	стр. 159 и сл.
—	прим. 2	*должно быть замѣнено*	прим. 2 на стр. 231

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
—	прим. 3	во второмъ томѣ	во второмъ томѣ моего сочиненія „Эволюція прибыли съ капитала“.
233		*сюда относится* прим. 1	со стр. 234
234	13 снизу	мастерскихъ [2])	мастерскихъ [1]) [2])
—	11 снизу	конца XIX вѣка	начала XIX вѣка
237	9 сверху	Австрію, Нидерланды.	Австрію, Нидерланды, Англію.
248	прим. 1	стр. 628	стр. 262
250	прим. 1	стр. 612	стр. 246
251	прим. 1	(въ концѣ) стр. 626	стр. 260
255	прим. 1	стр. 602. 605	стр. 236. 239
256	прим. 1	стр. 534 и сл.	стр. 168 и сл.
—	прим. 2	стр. 517 и сл. 525 и сл. 534 и сл.	стр. 151 и сл. 159 и сл. 168 и сл.
257	прим. 1	стр. 601—08	стр. 235—42
260	прим. 1	томъ второй	томъ второй моего сочиненія „Эволюція прибыли съ капитала“.
271	1 снизу	[4])	[2])
		пропущено прим. 2: Herrmann. Technische Fragen und Probleme der modernen Volkswirtschaft. 1891. p. 39.	
279	прим. 1	стр. 493 и сл. 505 и сл.	стр. 123 и сл. 139 и сл.
—	прим. 2	стр. 508—512. 569—570	стр. 142–46. 203—204.
—	прим. 3	стр. 233 и сл. 380—81. 385. 387.	стр. 76—77. 81. 83.
280	прим. 1	томъ второй	I. M. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. т. II.
284	7 снизу	взглядъ — какъ мы увидимъ ниже—еще	взглядъ еще
285	прим. 4	см. ниже теорію воздержанія.	См. напр. теорію воздержанія у Germain Garnier, а также Max Weber въ Archiv fur Sozialwiss. 1905. p. 98—102.
287	прим. 1	стр. 647 и сл.	стр. 281 и сл.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ